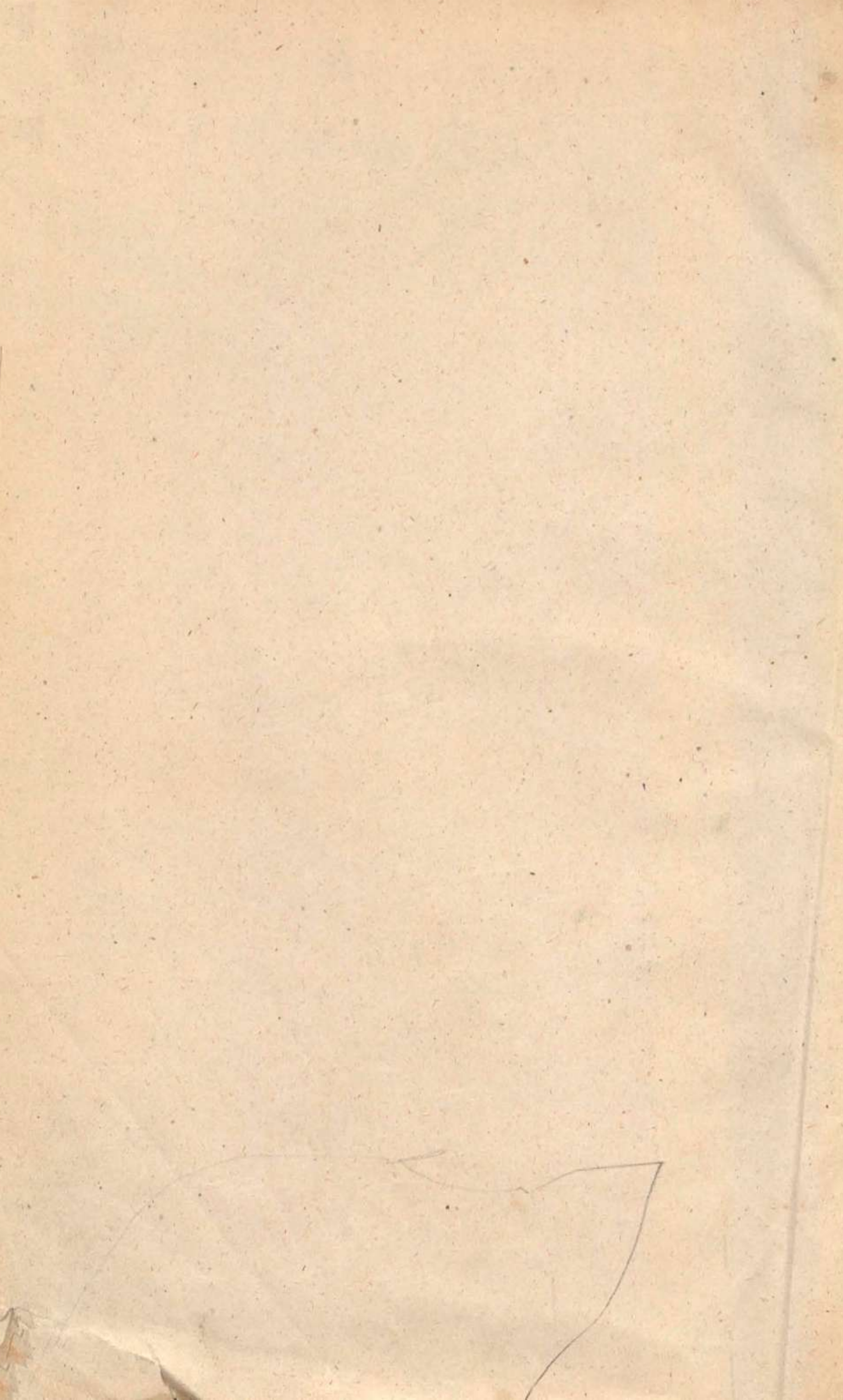

ПОЛОВОДЬЕ.

ПОЛОВОДЬЕ.

КАРТИНЫ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ

В. А. Инсарскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1875.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ДОЧЕРИ СВОЕЙ

СЕРАФИМѢ ВАСИЛЬЕВНѢ

ПОСВЯЩАЕТЪ

В. Инсарскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Покойный князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій постоянно укорялъ меня, что я не веду своихъ записокъ. По его мнѣнію, человѣкъ, который былъ въ такихъ личныхъ отношеніяхъ ко многимъ извѣстнымъ лицамъ и участвовалъ въ такихъ дѣлахъ, какъ я, обязанъ вести свои записки. Привыкнувъ уважать всѣ мнѣнія князя, я не находилъ никакихъ возраженій и противъ этого мнѣнія; но частью незнакомство съ дѣломъ, а частью служебныя занятія долго препятствовали мнѣ заняться составленіемъ, хотя съ грѣхомъ пополамъ, моихъ записокъ.

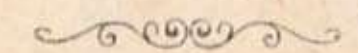
Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда, вслѣдъ за княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, я оставилъ Кавказъ, я изъ кипучей служебной дѣятельности съ разу опустился положительно въ море свободы и праздности. Какъ ни старался я восполнить это море посѣщеніями всевозможныхъ странъ, путешествіями по всевозможнымъ мѣстамъ, свободнаго времени все таки оставалось такъ много, что мнѣ самому стало совѣстно. «Вотъ теперь широкій просторъ для составленія моихъ записокъ» подумалъ я—и написалъ шесть большихъ томовъ. Одинъ экземпляръ этихъ томовъ положенъ мною въ Императорскую Публичную Библіотеку, съ опредѣленіемъ срока, когда они могутъ появиться въ свѣтъ, другой находится у меня и сопутствуетъ мнѣ во всѣхъ передвиженіяхъ, какія судьба и обстоятельства заставляютъ меня дѣлать.

Въ 1866 году, когда я былъ назначенъ московскимъ почтдиректоромъ, вмѣстѣ со мною переѣхали въ Москву и мои томы. Въ числѣ многихъ пріятныхъ отношеній и знакомствъ, мною тамъ пріобрѣтенныхъ, состоялось знакомство и съ ре-

дакторомъ Русскаго Архива, почтеннымъ Петромъ Ивановичемъ Бартеневымъ. Однажды, въ бытность у меня, взглянувъ на эти томы, онъ спросилъ: «что это такое?» «Мои записки» отвѣчалъ я. «Можно почитать?» спросилъ онъ и затѣмъ, ознакомившись съ записками, спросилъ: «можно напечатать нѣкоторые отрывки?» Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ было появленіе въ Русскомъ Архивѣ небольшихъ отрывковъ изъ моихъ записокъ. Въ 1872 году, когда я снова перешолъ въ Петербургъ, подобные отрывки изъ моихъ записокъ, вслѣдствіе желанія, выраженнаго издателемъ «Русской Старины» Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ, помѣщены и въ этомъ изданіи.

Само собою разумѣется, что всѣ эти отрывки никакого серьезнаго значенія въ нашей литературѣ имѣть не могли; но знакомые, а частью иногда и незнакомые, при случаѣ, благосклонно похваливали ихъ и большею частью заключали вопросомъ: «Когда же еще будетъ напечатанъ отрывокъ?» Я отвѣчалъ и отвѣчаю, что больше отрывковъ изъ моихъ записокъ печатать нельзя, ибо

ломаемъ все старое и постоянно отдаляемся отъ нашей старины, какъ путники, оставляющіе родной берегъ и погружающіеся въ міръ новыхъ явленій и новыхъ впечатлѣній.

ломаетъ все старое и постоянно отдаляется отъ нашей старины, какъ путникъ, оставившій родной берегъ и погружающійся въ міръ, и новыхъ явленій и новыхъ впечатлѣній.

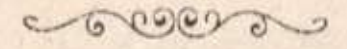
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава X.

Глава XI.

Глава XII.

Глава XIII.

ГЛАВА I.

Смѣлость теоретическихъ воззрѣній.—Русская лѣнь.—Настоянія внутренняго голоса.—Что за человѣкъ я самъ?—Мой дѣдъ англичанинъ Муръ.—Мой дядя, погибшій въ японской экспедиціи.

Не помню, гдѣ и когда—читалъ я измышленія нѣкоего ученаго господина, кажется нѣмца, и безъ сомнѣнія одного изъ свѣтилъ медицинскаго міра, объ ощущеніяхъ, которыя разстающійся съ жизнью человѣкъ испытываетъ въ часъ смертный. Такъ какъ этотъ роковой часъ долженъ неизбѣжно наступить для каждаго, то понятно, съ какимъ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ я за разсказами о томъ, что̀ я буду чувствовать, когда буду умирать. Интересъ этотъ удвоился, когда рѣчь зашла о томъ, что̀ испытываетъ человѣкъ утопающій, и непотому, чтобы я былъ убѣжденъ, что по предопредѣленію судебъ или, слѣдуя современной модѣ и модной болѣзни «меланхоліи,» разстанусь съ жизнью именно этимъ способомъ, но, совершенно напротивъ, потому, что я уже тонулъ, былъ мертвъ, вытащенъ изъ воды трупомъ и, слѣдовательно, практически и во всей полнотѣ испыталъ тѣ ощущенія, о которыхъ теоретически взялся проповѣдовать ученый мужъ.

Вообще, при всемъ благоговѣніи моемъ къ необъятно-

сти человѣческаго ума и человѣческихъ знаній, я помню, что удивленіе, какое вселилъ въ меня сей ученый мужъ, силою своихъ выводовъ и соображеній, немогло одолѣть какого-то невольнаго и, быть можетъ, неосновательнаго сомнѣнія: какимъ образомъ человѣкъ, совершенно здоровый и цѣлый, никогда и недумавшій тонуть, можетъ, хотя бы это былъ нѣмецъ, разсказывать ощущенія, испытываемыя человѣкомъ дѣйствительно утонувшимъ. Мнѣ казалось, въ простотѣ моей, что тутъ съ одной теоріей ничего неподѣлаешь, что для того, чтобы вѣрно передать эти ощущенія,—надо испытать ихъ, т. е. тонуть или, еще лучше, утонуть. А такъ какъ тѣ, которые испытали это, остались, если не всѣ, то большею частью, на томъ свѣтѣ и оттуда никакихъ свѣдѣній, ни письменныхъ, ни печатныхъ, не высылали, а тѣ спиритическія сношенія съ загробнымъ міромъ, которыми такъ усердно занимаются нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ, не приведены еще въ окончательный порядокъ, то и можно подумать, что повѣствованія тѣхъ людей, которые на томъ свѣтѣ не были, ощущеній окончательнаго потопленья не испытывали, могутъ быть вѣрны, но могутъ быть и совершенно невѣрны. Очень можетъ быть даже, что самая невозможность какой либо повѣрки этихъ ощущеній и даетъ смѣлость нѣкоторымъ господамъ пускаться въ праздныя разглагольствованія по этой части.

Тогда внутренній голосъ шепнулъ мнѣ: «ты вѣдь тонулъ самымъ классическимъ образомъ—такъ напиши, что ты чувствовалъ, когда тонулъ. Быть можетъ ты и воскресъ для того, чтобъ именно разсказать это....Пусть

нѣмецъ разсказываетъ теоретически, а ты повѣдай истины, добытыя практически....Это очень поможетъ уясненію такого важнаго вопроса и ты можешь принести даже своего рода пользу...»

Совѣтъ былъ хорошъ,. но крайне трудный для исполненія, какъ большею частью всѣ совѣты, которые мы даемъ и получаемъ. «Напиши!» Легко сказать! Не много найдется людей, которые болѣе моего исписали бы на своемъ вѣку бумаги. Вся моя жизнь прошла въ писаніи и писаніе единственно было моимъ главнымъ ремесломъ, которое доставляло мнѣ средства жизни и обезпечило закатъ ея отъ нужды и лишеній. Но, въ тоже время, могу по совѣсти сказать, что нѣтъ другого человѣка, который бы чувствовалъ болѣе отвращенья къ этому ремеслу, къ этому писанью, какъ я. Дайте мнѣ какую хотите трудную работу другого вида и сорта, я всегда предпочту ее писанью. Понятно, сколько надо было воли, энергіи и главное, нужды, которая по пословицѣ «скачетъ, пляшетъ и даже пѣсенки поетъ,» чтобъ, преодолѣвая это непостижимое отвращенье, писать и все писать. И странное дѣло! Какъ только нужда любезно раскланялась со мною и мы разстались съ нею—я положительно потерялъ даже возможность владѣть самымъ процесомъ писанія. Я разучился писать. Почеркъ мой, нѣкогда прекрасный, щегольской, «царскій» какъ чиновники называютъ, ибо такимъ только почеркомъ переписываются въ департаментахъ и канцеляріяхъ всеподданнѣйшіе доклады, измѣнился, исчезъ и обратился въ каракули, на которыя смотрѣть тошно. Въ то время, когда я этими каракулями съ трудомъ одолѣю страницу, какая

*

нибудь знаменитая Митрофанія составитъ и перепишетъ множество векселей, росписокъ, документовъ, да еще не своей рукой, а чужой, фальшивой, поддѣланной, что гораздо труднѣе.

А потомъ великороссійская лѣнь! Кто же можетъ бороться съ нею изъ нашихъ истыхъ россіянъ, какимъ я имѣю счастье и честь считать себя. Мнѣ кажется, что если бы всѣхъ насъ оградить отъ нужды, этого злѣйшаго нашего врага, который не даетъ намъ покоя, заставляетъ насъ писать и работать на всѣ лады, чтобъ было что̀ кушать,—всѣ россіяне были бы страшными лѣнтяями, ничего бы не дѣлали и считали бы главнѣйшимъ своимъ занятіемъ прогулки по Невскому (ибо въ каждомъ городѣ есть свой Невскій) катанье на рысакахъ (гдѣ нѣтъ рысаковъ!) и игривыя шалости съ кокотками (кокотокъ повсюду больше, чѣмъ рысаковъ).—Тоже было бы, если бы отнять отъ нашихъ глазъ понукающую насъ неустанно палку, въ видѣ ли желанія выслужиться передъ начальствомъ, въ видѣ ли желанія быстро обогатиться посредствомъ сооруженія какого нибудь гнилого банка и наѣзда въ карманы своихъ собратій, въ видѣ стремленія заполучить какую нибудь регалію, или наконецъ въ видѣ чего либо другого, въ томъ же не безукоризненномъ родѣ. Все это я говорю шутливо, но вовсе не шутя, говорю съ полнымъ сознаньемъ, по опыту. Беру самого себя. Меня считали дѣльнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ, но я не могу представить себѣ болѣе абсолютнаго лѣнтяя, чѣмъ я. Дѣйствительно, я могъ работать скоро и много потому, вопервыхъ, что считалъ это своею обязанностію, а

сознаніе и исполненіе своихъ обязанностей у меня всегда стояло на первомъ планѣ; потомъ, сознаюсь, во всѣхъ родахъ дѣятельности общественной и частной, меня всегда преслѣдовало неодолимое желанье отличиться, желаніе сдѣлать скорѣе, лучше, эфектнѣе, чѣмъ другой; потомъ, при всѣхъ работахъ, на мнѣ лежащихъ, я всегда испытывалъ какое то страдальческое чувство томленія, невыносимаго стѣсненія. Когда за мной стояла какая нибудь работа, я былъ самъ не свой, былъ почти боленъ, меня что то давило, стѣсняло. Всѣ удовольствія теряли для меня половину цѣны. Ожидающая меня, предстоящая мнѣ работа ко всему примѣшивалась и все отравляла. Мысль о ней, забота, какъ я расправлюсь съ ней, ни на минуту меня не оставляла. Я спать немогъ покойно и какъ это ни невѣроятно, въ сновидѣньяхъ возился съ нею. Понятно, какъ сильно я желалъ избавиться отъ такого мучительнаго положенія. Избавленіе, казалось, заключается въ томъ, чтобы совершить скорѣе ненавистную работу. Я забывалъ что за нею слѣдуютъ другія работы, болѣе ненавистныя. Отъ этого происходило, что чѣмъ болѣе работа одолѣвала меня, тѣмъ энергичнѣе, сильнѣе—я отдѣлывался отъ нея. Эта странная, мучительная, таинственная борьба—была извѣстна только мнѣ. Другіе видѣли только, что я скоро и хорошо работаю. Всматриваться въ психическія побужденія моей быстроты ни для кого не было ни повода, ни желанія. Одинъ только А. А. Краевскій вѣрно опредѣлилъ и явленье и его причину. «Это величайшее проявленіе лѣни, постоянно стремящейся освободиться отъ всякой работы», сказалъ онъ, когда, при какомъ то случаѣ,

зашла рѣчь о процесѣ моихъ работъ. И эта была совершенная правда. Я говорилъ уже много разъ, зная и себя и русскій народъ, что въ себѣ я сознаю типъ именно русскаго человѣка. Русскій человѣкъ—страшно лѣнивый и въ тоже время страшно способный и дѣятельный человѣкъ. Противорѣчіе, повидимому несомнѣнное, здѣсь уравнивается той палкой разныхъ размѣровъ, разныхъ объемовъ, разныхъ значеній, о которой я говорилъ выше. Предоставленный самому себѣ—это сто разъ Обломовъ. Побуждаемый или поощряемый извнѣ какъ нибудь и чѣмъ нибудь—онъ творитъ чудеса силы, ловкости, быстроты. Я, одинъ изъ русскихъ рабочихъ, сознаю вполнѣ эту истину. Посмотрите на другихъ русскихъ рабочихъ, на нашихъ мастеровъ, превосходящихъ всѣхъ другихъ мастеровъ, не подтверждаютъ ли они ту же истину? Русскій человѣкъ великій лѣнтяй и удивительный дѣлецъ. Необходимо только какое нибудь возбужденіе. Безъ него и онъ ничто. Безъ возбужденія, какого бы то нибыло, среди россіянъ неможетъ появиться ни одинъ изъ тѣхъ непостижимыхъ тружениковъ, которые поражаютъ насъ на западѣ. Унасъ, покрайней мѣрѣ еще на долго, невозможны такія личности, какъ французъ Тьеръ, напримѣръ, или англичанинъ Вальтер-Скоттъ—поставлявшіе сотни печатныхъ томовъ по собственному побужденью. Эти люди какъ будто ничего другого не дѣлаютъ, какъ только пишутъ и печатаютъ, тогда какъ ни начальство ихъ того не требуетъ, ни нужда ихъ къ тому не побуждаетъ. Нѣтъ, у насъ такъ нельзя. У насъ, если конченъ урокъ, исполнена задача, надо всенепремѣнно съѣздить на Мине-

ралы, если дѣло лѣтомъ, или къ Буфамъ, если дѣло зимой, однимъ словомъ смотря по сезону.—Только у русскихъ и могла создаться такая милая и такая мудрая пословица: «дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ.» Я не знаю, есть ли такая пословица у иностранцевъ, но знаю, что существующая тамъ поговорка: «время деньги» для русскаго человѣка, гдѣ бы онъ ни стоялъ, вверху, внизу, или въ срединѣ, совершенно неудобопонятна.

Есть еще камень преткновенія, который, въ слѣдствіе лѣни, такъ любитъ встрѣчать русскій человѣкъ на пути всякой предстоящей работы. «Напиши», говоритъ внутренній голосъ: «Помилуйте, говорю я, я всю жизнь писалъ предписанія, отношенія, дѣловыя соображенія, проекты... ка̀къ же тутъ...» «Вѣдь ты написалъ многотомныя и многословныя записки,» говоритъ внутренній голосъ. «Виноватъ, написалъ, говорю я, но написалъ потому, что они очень похожи на отношенія, предписанія и т. п.» «Но вѣдь отрывки изъ нихъ понравились публикѣ?»—«Если понравились, отвѣчаю я, то вѣроятно потому, что я ничего не сочинялъ, а писалъ просто, ка̀къ что было».—«И теперь пиши, ка̀къ что было, настаиваетъ внутренній голосъ. Это самое лучшее и нынче въ модѣ; ты знаешь, что твоя собственная жена не любитъ никакихъ сочиненій, и когда ей рекомендуютъ какую нибудь книгу, всегда спрашиваетъ: правда ли, то̀, что въ ней написано—и броситъ книгу, если тамъ все сочинено. Есть много такихъ...»—«Но въ моихъ запискахъ, возражаю я, все предметы важные, дѣловые и лица выведены большею частью тоже важныя,—генералы, князья, министры...—а здѣсь я долженъ коснуться

сферы маленькой, людей тоже маленькихъ, коснуться моего дѣтства, моихъ родителей, моей бѣдной провинціальной обстановки.»—«И касайся смѣло! говоритъ внутренній голосъ. Все это можетъ быть интересно, пиши только правду. Во первыхъ, всѣ сочиненія ничто иное, какъ поддѣлка подъ правду и тѣ считаются лучшими, которыя болѣе приближаются къ истинѣ. Потомъ, гдѣ ты видѣлъ такія записки, гдѣ бы авторъ прежде всего не вывелъ на сцену своихъ предковъ и всѣхъ своихъ родственниковъ, съ подробнымъ описаніемъ ихъ нравственныхъ качествъ и даже физическихъ достоинствъ? Гдѣ ты видѣлъ такія сочиненія, гдѣ авторъ не разсказалъ бы подробно, въ какомъ будуарѣ пребываетъ его героиня, на какомъ креслѣ сидитъ, въ какомъ экипажѣ разъѣзжаетъ и т. д. Мелочи и подробности составляютъ фонъ, по которому вышивается картина, а если онѣ хорошо и вѣрно изображены, то и сами стоятъ картины.—Жан-Жакъ Руссо, и тотъ набилъ свою знаменитую «исповѣдь» подобнымъ хламомъ, а между тѣмъ книга его пользуется неоспоримою знаменитостью. Если насъ прочтутъ съ тѣмъ же интересомъ, съ какимъ читались отрывки изъ твоихъ записокъ—съ насъ и этого довольно.»

Борьба между внутреннимъ голосомъ и моею великороссійскою лѣнью была продолжительна. Убѣжденья этого голоса стали наконецъ пріобрѣтать верхъ. На помощь ему явилась мысль, что быть можетъ я, въ самомъ дѣлѣ, долженъ разсказать происшествіе, замѣчательное въ моей жизни и знаменательное вообще въ жизни человѣческой. Вѣдь тонуть не то, что обѣдать

или въ карты играть. Никому небудетъ интересно, если вы скажете, что сегодня обѣдали у Дюссо, или выиграли въ ералашъ всѣ шесть роберовъ.—Но если вы скажете, что вчера тонули и были замертво вытащены изъ воды, каждый навѣрно попроситъ разсказать подробности. А коль скоро явилась мысль, что я долженъ сдѣлать что̀ нибудь,—ничто неможетъ противустоять тому, что̀ я созналъ своимъ долгомъ, ни даже великороссійская лѣнь, ни предстоящее мученье писать множество листовъ каракулями, ни даже опасеніе, наконецъ, что изъ моего разсказа можетъ выйти ничто иное какъ пустая болтовня.

Надобно сказать, что въ моихъ запискахъ, лежащихъ въ императорской публичной библіотекѣ, мои семейныя обстоятельства по возможности устранены. Изъ нихъ приведены только тѣ, которыя имѣли какую нибудь связь съ моею политическою, дѣловою, офиціальною жизнью. Тамъ, въ началѣ этихъ записокъ я предпослалъ нѣсколько строкъ, объясняющихъ, что за человѣкъ я самъ? Эти строки я считаю нелишнимъ привести здѣсь; въ нихъ сказано вотъ что:

«Я сынъ небогатаго дворянина Пензенской губерніи. Отецъ мой занималъ разныя, незначительныя должности въ мѣстной администраціи и слылъ человѣкомъ умнымъ и благороднымъ. Въ немъ былъ одинъ недостатокъ, истекавшій, впрочемъ изъ добраго начала. Тщеславный своимъ благородствомъ и прямотою, онъ не совсѣмъ искусно и умѣренно прилагалъ эти добрыя качества къ практической жизни и потому имѣлъ много непріятныхъ столкновеній. Упорный въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ

нетолько не скрывалъ ихъ, но считалъ какою то непремѣнною обязанностію высказывать ихъ всегда и всюду. Если какое нибудь изъ распоряженій своего начальства онъ находилъ неосновательнымъ, то прямо говорилъ и писалъ это; если подмѣчалъ гдѣ либо тѣнь неправды или недобросовѣстности, то считалъ своимъ долгомъ выводить это на чистую воду. Въ то время, когда онъ дѣйствовалъ, подобныхъ случаевъ, разумѣется, представлялось много, и весьма понятно, что отецъ мой кончилъ тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ кончить: неуспѣхами по службѣ и разстройствомъ отношеній въ той средѣ, въ которую былъ поставленъ и въ которой долженъ былъ жить. Съ образованіемъ въ 1838 году, новаго управленія государственными имуществами, онъ перенесъ туда свои достоинства и свои недостатки и занималъ должность окружного начальника. На этомъ поприщѣ, которое для многихъ представляло обильную жатву, онъ особенно желалъ показать примѣръ правды и добра. Разумѣется, подобно многимъ другимъ предпринимателямъ въ этомъ родѣ, онъ нетолько немогъ сломать стѣны заманчивыхъ обычаевъ и привычекъ, но самъ былъ подавленъ общимъ отпоромъ и, бросивъ службу, проводилъ остатокъ жизни въ небольшомъ своемъ имѣніи Саратовской губерніи, гдѣ и умеръ въ 1860 году.

«Наши отношенія съ нимъ безъ преувеличенія можно было назвать примѣрными. Онъ во мнѣ цѣнилъ осуществленіе надеждъ дорогихъ каждому отцу. Я ставилъ его высоко, какъ человѣка. Если мы и не сходились во взглядѣ на самую форму проявленья его порывовъ, то я никогда не терялъ сочувствія къ источнику, изъ котораго

они у него истекали. Я сильно и всѣми моими средствами, моральными и вещественными, поддерживалъ его, стараясь, если не разрушить, то ослабить то разочарованіе, то нравственное, такъ сказать, разслабленіе, которое одолѣвало его, въ послѣднее время, въ бездѣятельномъ и одинокомъ его существованіи. Однимъ слововомъ мы были истинными друзьями.

«Мать моя была урожденная Муръ. Здѣсь представляется вопросъ: какимъ образомъ на почвѣ Пензенской губерніи могли явиться какіе то Муры? Людей, болѣе чѣмъ моя простая семья тщеславныхъ и жаждущихъ родового значенія, могъ бы заинтересовать другой вопросъ: не отрасль ли это извѣстныхъ Муровъ Великобританіи? Но я долженъ откровенно сказать, что моя семья не была поставлена въ такое положеніе, гдѣ могла бы зародиться подобная претензія. Никому изъ членовъ моей семьи и въ голову не приходили подобные вопросы, а тѣмъ менѣе мысль объ изслѣдованіи ихъ. Между тѣмъ, если бы изслѣдованіе это было предпринято, оно повело бы, можетъ быть, къ результатамъ, нелишеннымъ значенья. Семейная хроника гласитъ, что отецъ моей матери былъ дѣйствительно англичанинъ, по какимъ то темнымъ и малоизвѣстнымъ обстоятельствамъ оставившій родину и поступившій въ русскую военную службу. Дослужившись до извѣстнаго чина, онъ былъ назначенъ городничимъ одного изъ уѣздныхъ городовъ Пензенской губерніи, гдѣ и кончилъ свое существованіе, оставивъ нѣсколько сыновей и дочерей, изъ которыхъ одна и была моею матерью. Всѣ они на лицахъ своихъ носили ясную печать не русскаго происхожденья.

«Двухъ моихъ дядей со стороны матери я очень хорошо зналъ. Одинъ изъ нихъ былъ нескончаемое число лѣтъ любимѣйшимъ исправникомъ Пензенской губерніи и кажется умеръ въ этой должности, сколько ни просилъ дворянъ снять съ него трудныя и хлопотливыя обязанности, связанныя съ этою должностью. Красивый, ловкій, любезный, онъ былъ общимъ любимцемъ. Изъ этой любви значительная доля приходилась ему за его молодечество. Въ то время, когда онъ дѣйствовалъ, физическая сила, ловкость, удаль были, особенно въ провинціи, въ большой цѣнѣ—и въ должности исправника были свойствами, не только не лишними, но даже весьма полезными. Изъ множества событій, къ тому времени относящихся, я очень живо помню (да и вся Пенза безъ сомнѣнія помнитъ) какъ мой дядя долженъ былъ одѣваться мужикомъ и лично проводить нѣсколько ночей въ лѣсахъ, чтобы собственноручно изловить изъ числа разбѣжавшихся крестьянъ какой нибудь деревни слѣдующаго съ нее рекрута; какъ онъ, тоже лично и собственноручно, поймалъ въ овчарныхъ сараяхъ какого то разбойника, наводившаго своими злодѣйствами страхъ на деревенскихъ жителей, которые не только не могли сами его задержать, но и не осмѣливались даже помогать полицейскимъ. Владѣя страшною физическою силою, дядя мой вполнѣ олицетворялъ идеалъ русскаго молодца и дѣйствительно совершалъ лично богатырскіе подвиги.

«Другой мой дядя былъ незначительнымъ помѣщикомъ Саратовской губерніи. Сколько помню, онъ отличался необычайною страстью къ лошадямъ, которыхъ покупалъ

и продавалъ цѣлыми табунами. Страсть эта именно и раззорила его состояніе.

«Третьяго изъ моихъ дядей я вовсе не зналъ, хотя судьба его замѣчательна. Съ раннихъ лѣтъ отданный въ морской кадетскій корпусъ, онъ впослѣдствіи участвовалъ въ извѣстной японской экспедиціи. Обстоятельства, неудачи и конецъ этой экспедиціи подробно изложены въ сочиненіи Головнина. Имя Мура выдвинуто тамъ весьма рельефно. По свидѣтельству этого сочиненія, Муръ, умный, образованный, красивый, во время плѣна у японцевъ, сталъ дѣйствовать отдѣльно отъ товарищей и какъ будто во вредъ имъ, потомъ сошелъ съ ума и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Хотя не совсѣмъ ясно и опредѣлительно, Головнинъ приходитъ однако къ такому выводу, что сумасшествіе и самоубійство Мура было какъ будто послѣдствіемъ раскаянія въ поступкахъ противъ товарищей. Выводъ совершенно ошибочный. Не сумасшествіе было слѣдствіемъ поступковъ Мура, а поступки его были слѣдствіемъ сумасшествія.

«Кто внимательно прослѣдитъ всѣ разсказы о Мурѣ, приведенные въ этомъ сочиненіи, тотъ не можетъ не согласиться съ этимъ. Я же утверждаю этотъ фактъ самымъ положительнымъ образомъ на томъ основаніи, что въ дѣтствѣ видѣлъ удивительное явленіе, какъ два родные брата его, мои дяди сходили съ ума и потомъ выздоравливали. И замѣчательно, что во время этого сумасшествія, они точно также, какъ и погибшій ихъ братъ, страдальчески взводили на себя какія то преступленія, обливаясь слезами, умоляли всѣхъ не приближаться къ нимъ, какъ къ прокаженнымъ и постоянно

искали случая къ самоубійству. Нѣтъ сомнѣнія, что и братъ ихъ, при лучшемъ надзорѣ, не только не погибъ бы, но и выздоровѣлъ, какъ они и, судя по его качествамъ, описаннымъ Головнинымъ, былъ бы полезнымъ членомъ общества.

«Обращаясь къ воспоминаніямъ моего дѣтства, я долженъ сказать, что воспитаніе мое не имѣло ни системы, ни полноты. Сначала меня учили разные богословы и философы изъ мѣстной семинаріи, какъ преподаватели самые дешевые. Этотъ экономическій способъ преподаванія былъ самый употребительный во всѣхъ семействахъ того разряда, къ которому принадлежало и мое. Степень успѣха этого домашняго образованія трудно опредѣлить, но результатомъ было то, что меня отдали въ мѣстную гимназію. Къ сожалѣнію и гимназическій курсъ былъ прерванъ, въ слѣдствіе честолюбивыхъ и не совсѣмъ вѣрно направленныхъ стремленій моего отца...

«Въ числѣ различныхъ отступленій отъ закона, существовавшихъ въ то время, было и такое, что мальчика, едва принявшагося за грамоту, старались уже зачислить на службу. Мой отецъ въ этомъ отношеніи, безспорно, былъ счастливѣе другихъ. Едва ли не въ одно время съ порученіемъ меня домашнимъ учителямъ, онъ успѣлъ опредѣлить меня въ мѣстный уѣздный судъ, когда мнѣ было только восемь лѣтъ. Такимъ образомъ ученье шло своимъ чередомъ, а служба своимъ. Въ 12-ть лѣтъ, когда едва ли я зналъ писать правильно, я былъ уже произведенъ въ офицеры. Весьма живо помню это замѣчательное событіе. Отецъ мой, подъ вліяніемъ тѣхъ же честолюби-

выхъ и невѣрно направленныхъ стремленій, соорудилъ мнѣ форменное платье и я, облеченный въ маленькій мундиръ съ маленькой шпаженкой, дивилъ своей фигурой граждань родного города. Затѣмъ, во время нахожденія моего въ мѣстной гимназіи, я уже, кажется, состоялъ въ чинѣ губернскаго секретаря и это обстоятельство значительно путало мысли сколько учебнаго начальства, столько и моего отца, который желалъ это быстрое преуспѣяніе мое въ гражданскихъ чинахъ употребить съ вящею пользою.

«Въ Пензенской губерніи въ то время были значительныя имѣнія сенатора Дубенскаго, который управлялъ департаментомъ государственныхъ имуществъ, входившимъ тогда въ составъ министерства финансовъ. Для обозрѣнія этихъ имѣній нерѣдко пріѣзжали въ Пензу сыновья Дубенскаго и другія довѣренныя отъ него лица. Лица эти, по дѣламъ Дубенскаго, имѣли отношенія къ моему отцу. На этихъ данныхъ отецъ мой основалъ планъ моей будущности. Осуществленіе этого плана онъ началъ съ того, что рѣшился просить старшаго изъ сыновей Дубенскаго, Порфирія, о содѣйствіи къ опредѣленію меня въ департаментъ. Старикъ Дубенскій изъявилъ свое согласіе, и мое отправленіе въ Петербургъ, когда мнѣ было только 17-ть лѣтъ, было рѣшено. Событіе это, какъ и предвѣщало родительское сердце, имѣло громадное вліяніе на всю мою жизнь.»

Всѣ дальнѣйшія событія, которыми съ этого момента, т. е. съ прибытія моего въ Петербургъ, сопровождалась моя дѣйствительная, уже сознательная жизнь, будутъ повѣданы міру въ большихъ, многотомныхъ и многослов-

ныхъ моихъ запискахъ, ожидающихъ, во первыхъ, когда самая жизнь, въ нихъ изображенная, прекратится, и во вторыхъ, когда наступитъ извѣстный срокъ, опредѣленный для ихъ появленія въ свѣтъ, срокъ, расчитанный такъ, что бы всѣ личности, въ нихъ выведенныя, не могли уже волноваться ни самолюбіемъ, задѣтымъ какою нибудь не совсѣмъ лестною правдою, ни другими какими бы то ни было страстями тлѣннаго міра сего.

Затѣмъ опускаюсь въ глубину дѣтскихъ воспоминаній.

ГЛАВА II.

Городъ Пенза.—Ея расположеніе.—Жилища моего семейства.—Подвиги моего отца по части садоводства.—Мое дѣтство.

Городъ Пенза—прелестный городъ. Въ долгой жизни своей я много видѣлъ русскихъ городовъ. Есть много городовъ больше, богаче, съ большими рѣками, пристанями, громадною торговлею, съ университетами. Есть города, которые имѣютъ характеръ центровъ, такъ сказать столицъ, для извѣстныхъ раіоновъ. Но по крайней мѣрѣ на мои глаза, нѣтъ города лучше моей бѣдной Пензы, дѣйствительно бѣдной, рѣшительно ничѣмъ не отличающейся и потому чрезвычайно малоизвѣстной. Во время заграничнаго путешествія моего, я старался во всѣхъ европейскихъ городахъ, и преимущественно итальянскихъ, покупать всегда какую нибудь вещь, которая бы напо-

минала потомъ извѣстный городъ. Въ Венеціи напр. я купилъ модель гондолы, въ Римѣ нѣсколько мозаичныхъ вещей, въ Неаполѣ кораллы въ разныхъ видахъ и формахъ, и т. д. Только въ Туринѣ, въ одномъ изъ блистательныхъ магазиновъ, на вопросъ: что̀ можно пріобрѣсти принадлежащаго собственно Турину, что, составляя исключительное его произведеніе, напоминало бы его потомъ въ далекой Россіи,—отвѣчали, что въ Туринѣ ничего такого нѣтъ. Меня поразила такая скромность. Слѣдовало бы, по принятымъ въ комерціи правиламъ, покрайней мѣрѣ въ петербургской комерціи, предложить какую нибудь дрянь и увѣрить, что это произведеніе чисто туринское, и что, кромѣ Турина, нигдѣ такого найти нельзя. Такъ точно, если бы вы спросили Пензу: что въ ней замѣчательнаго? Пенза, скромная, какъ провинціальная красавица, отвѣчала бы: «у меня нѣтъ ничего замѣчательнаго. Есть хорошее мѣстоположеніе, здоровый климатъ, зеленые сады и . . . . только».

Городъ Пенза расположенъ на горѣ и по склонамъ, идущимъ съ нее во всѣ стороны. Въ центрѣ города, на самомъ возвышенномъ пунктѣ, небольшая квадратная площадь. Посреди ея соборный храмъ, бѣлый и высокій. На той же площади, по одну сторону четвероугольника, стоятъ дома губернатора и архіерея, а по другую, противуположную, зданія присутственныхъ мѣстъ. Всѣ эти зданія имѣютъ общій и всѣмъ извѣстный казенный характеръ. Другія двѣ стороны этого четвероугольника ничѣмъ замѣчательнымъ незаняты. Отъ этого центра спускаются во всѣ стороны улицы города, прямыя и правильныя. Въ ту сторону, откуда шла столбовая мо-

сковская дорога, спускаются улицы: Троицкая, Московская, Дворянская, Лекарская. Въ другую, противуположную сторону, откуда шла почтовая дорога въ Саратовъ, тянутся улицы, почему то называемыя пѣшими. Само собою разумѣется, что всѣ эти улицы, идущія въ ту и другую сторону, перерѣзываются другими поперечными. По поперечной чрезъ четвероугольникъ линіи, въ одну сторону, за присутственными мѣстами, идетъ довольно крутой спускъ къ церкви Преображенья и лежащимъ за нею частямъ; въ другую, мимо домовъ губернаторскаго и архіерейскаго, идетъ дорога къ городской рощѣ, или саду, съ обдѣланными аллеями, гдѣ обыкновенно происходили воскресныя и вообще праздничныя, народныя гулянья; за этой рощей тянулась по склону горы, довольно крутому, такъ называемая «Засѣка», въ которой ловили нерѣдко воровъ и бродягъ.

Въ мое время только одна Московская улица щеголяла каменными и то немногими, домами преимущественно мѣстныхъ купцовъ, считавшихся богачами. Затѣмъ, за исключеніемъ еще нѣсколькихъ казенныхъ зданій, кое гдѣ разбросанныхъ,—дома ея были большею частію деревянные, самодѣльной архитектуры; домики въ три или пять оконъ, иные съ мезониномъ, господствовали. Чуть ли не при каждомъ домикѣ былъ свой садъ. Съ какой стороны ни въѣзжайте въ городъ, издали онъ казался погруженнымъ въ море сплошной зелени. . .

Чрезъ городъ протекала маленькая рѣчка Пенза. Тотчасъ за городомъ она впадала въ Суру, рѣку большую и даже судоходную. Рѣка Пенза имѣла довольно жалкій видъ и лѣтомъ пересыхала, за исключеньемъ нѣкото-

рыхъ мѣстъ. Я не помню даже, былъ ли чрезъ нее мостъ. Кажется былъ плохенькій гдѣ то, въ концѣ города. . . Но помню хорошо, что въ одномъ мѣстѣ, болѣе близкомъ къ центру города, лѣтомъ стояли постоянно такъ называемые «козлы», по которымъ и производилось, съ грѣхомъ по поламъ, сообщенье главныхъ городскихъ частей съ зарѣчною. Эта зарѣчная часть была, впрочемъ, весьма бѣдна и по своему пространству и, такъ сказать, по внутреннему своему содержанью. Тутъ ютились большею частью бѣдняки всѣхъ сортовъ: мѣщане, отставные солдаты, отставные приказные и т. п. Съ нагорной стороны города берега рѣки, мѣстами, были чрезвычайно высоки и круты. Помню особенно одно такое мѣсто въ концѣ Рождественской улицы. Въ теченіи всего лѣта здѣсь сваливали въ рѣку, или лучше сказать въ ея почти сухое ложе, безчисленные возы мусору, со всего города. Но въ половодье вода была такъ сильна, такъ высоко поднималась, что эта маленькая рѣченка, чуть замѣтная лѣтомъ, равнялась съ своими высокими и крутыми берегами и представляла бездонную пропасть, въ которую я и долженъ, въ дальнѣйшемъ разсказѣ, неминуемо низринуться. . . .

Изъ окрестностей Пензы въ моихъ воспоминаніяхъ весьма живо рисуются двѣ точки: роща Очкинская и роща Монастырская. Какое значенье онѣ имѣли въ отношеніи города, какія удовольствія доставляли мѣстнымъ жителямъ—разскажу потомъ.

Внутреннимъ городскимъ благоустройствомъ Пенза, сколько могу припомнить, не отличалась, вѣроятно по ограниченности городскихъ средствъ. На четвероуголь-

никѣ, о которомъ я говорилъ и около него, какъ въ части, самой представительной и аристократической, было нѣкоторое подобіе мостовой. Затѣмъ повсюду царствовала натура, какъ царствуетъ она въ нашихъ селахъ и деревняхъ, послѣдствіемъ чего было то, что весной и осенью почти повсюду стояла грязь невылазная, а лѣтомъ такая густая и черная пыль, что мгновенно окрашивала въ свой цвѣтъ все, что попадало подъ ея покровы.

Средства полиціи, должно быть, были тоже крайне ограничены. Заключенье это я основываю на томъ, что въ дѣтствѣ слышалъ частые разказы о битвахъ полицейскихъ командъ съ туземными чиновниками, или приказными, большею частью пьяницами и кулачными бойцами, о битвахъ, въ которыхъ полицейскіе почти всегда были побиваемы приказными.

При всѣхъ моихъ усиліяхъ я никакъ немогу вспомнить себя въ Пензѣ ранѣе того періода, когда мы, т. е. мой отецъ со всѣмъ своимъ семействомъ, жили въ наемной, чрезвычайно скромной, квартирѣ, въ домѣ какого то частнаго пристава на Рождественской улицѣ. Улица эта была одна изъ лучшихъ и пересѣкала Троицкую, Московскую, Дворянскую. На Рождественской улицѣ стояла церковь Рождества Богородицы. Изъ воспоминаній, относящихся къ жительству нашему на этомъ мѣстѣ, самое сильное, ясное и отчетливое касается моихъ педагогическихъ мученій, которымъ подвергали меня философы и богословы мѣстной семинаріи.

Долго ли жили мы въ этой улицѣ—припомнить не могу.

Затѣмъ мы очутились въ собственномъ домѣ, крошечномъ флигелѣ, на Троицкой улицѣ.

Нашъ домикъ стоялъ посрединѣ склона, по которому спускалась Троицкая улица, наискось отъ Дѣвичьяго монастыря. На той же улицѣ сосѣдями нашими были: съ правой стороны красивый священникъ Дѣвичьяго монастыря Рѣпинскій, родной братъ извѣстнаго Козьмы Григорьевича Рѣпинскаго и поразительно на него похожій; слѣва, какой то извощикъ.

Домъ этотъ, должно быть, былъ пріобрѣтенъ моимъ отцомъ чрезвычайно дешево. Заключаю это потому, что онъ былъ малъ и тѣсенъ въ крайней степени и неимѣлъ почти никакихъ подраздѣленій. Сколько помню, тамъ была одна комната, были сѣни, людская, она же и кухня. Вотъ и все. Были еще чуланчики, клѣтушки, куда разсовывали по ночамъ дѣтскую мелюзгу. Помню хорошо, что большая родительская кровать стояла въ этой главной и единственной комнатѣ, а когда нужно было сдѣлать изъ этой оригинальной спальни нѣчто въ родѣ гостиной или бальной залы, кровать убиралась съ необычайной возней, хлопотами и криками, преимущественно женскими. Случаи такого превращенія были однако весьма нерѣдки. . . .

Дешевизнѣ пріобрѣтенія этого дома содѣйствовало и то обстоятельство, что огородъ или садъ при домѣ, статья, совершенно необходимая въ туземномъ быту, осуществлялся въ видѣ топкаго и непроходимаго болота. Впослѣдствіи, послѣ превращенія его въ садъ, всѣ утверждали, что по этому болоту и «коза» не могла проходить.

Непостижимымъ образомъ влагаются въ насъ тѣ или другія наклонности, тѣ или другія страсти. Конечно, свойства родителей, обстановка, примѣры и т. п. тутъ имѣютъ большое значеніе; но часто мы видимъ, что человѣкъ заполоненъ такою страстью, происхожденіе которой ничѣмъ объяснить нельзя. Я зналъ военнаго полковника, вѣчно вышивающаго по канвѣ, зналъ образованнаго и достаточнаго помѣщика, который дѣлалъ экипажи. Экипажи выходили ужасные по безобразію и неудобствамъ и обходились второе дороже противу хорошихъ, а онъ все таки, не смотря ни на что, продолжалъ дѣлать экипажи. Моимъ отцомъ владѣла страсть къ садоводству. Казалось бы, бѣдному чиновнику, подавляемому своими обязанностями, не имѣющему ни клочка собственной земли, вѣроятно никогда не видавшему и пріемовъ садовой культуры, до садоводства ли? Но какъ только пріобрѣлъ онъ этотъ домишко, бывшее при немъ болото, по которому и коза не могла ходить, сдѣлалось предметомъ его попеченій и физическихъ трудовъ, обратило его въ яраго садовода. . . Я не могу вспомнить его въ лѣтнее время иначе, какъ вѣчно копающимся, разумѣется послѣ службы, въ саду, съ садовымъ ножомъ въ рукахъ, постоянно что то подрѣзывающимъ, подчищающимъ, пересаживающимъ. . . Думаю, впрочемъ, что добрыя и пріятельскія отношенія моего отца съ садовникомъ Макзигомъ имѣли здѣсь большое вліянье.

Я сказалъ, что отъ извѣстнаго четвероугольника, мимо домовъ, губернаторскаго и архіерейскаго, шла дорога къ городскому саду. Далѣе, лежало пензенское училище садоводства. Это—пространство въ нѣсколько десятинъ,

занятое всевозможными оранжереями, и частію заставленное зданіями для начальства и учениковъ. Служа въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, я писалъ, по своей должности, инструкціи казеннымъ садамъ и садовникамъ, а теперь не помню даже, когда эти казенные сады были учреждены. У насъ во всемъ такъ: сегодня пиши наставленіе ученымъ садовникамъ, завтра составляй соображенія о преобразованіи кавказской арміи или о возстановленіи христіанства на Кавказѣ. На то мы россіяне! Помню, однако, что казенные сады учреждены были для развитія нашего садоводства, точно такъ же какъ училища винодѣлія (Магарачское въ Крыму, Кизлярское на Кавказѣ) для развитія винодѣлія. Понятно, если у насъ учреждается что нибудь, то непремѣнно для развитія чего нибудь. . . Такъ точно учредилось и пензенское училище садоводства, которое разводило и продавало всевозможныя растенія и имѣло много учениковъ, отдаваемыхъ въ эту науку преимущественно помѣщиками. Кажется съ самаго учрежденія этого училища начальникомъ его былъ ученый садовникъ Макзигъ, разумѣется выписанный откуда-то. Я живо помню его: это былъ пріятный, краснолицый, здоровый нѣмецъ съ крючковатымъ носомъ, говорящій ломанымъ русскимъ языкомъ и кажется любимый всѣми. На училище асигновано было отъ казны 20.000 руб. ас., которыя и забиралъ въ извѣстные сроки Макзигъ. А какъ въ тѣ милыя времена нетолько получить что либо изъ казначейства, но даже и внести въ него не возможно было безъ участія таинственныхъ воздаяній, то здѣсь именно, на этой почвѣ, говоря садоводственно, по

всей вѣроятности, и завязались отношенія моего отца съ Макзигомъ, который, сколько и для меня, ребенка, было видно, помогалъ словомъ и дѣломъ превращенью клочка извѣстнаго болота въ садъ. Я видѣлъ нерѣдко возы съ какими то растеніями, присылаемыми Макзигомъ, видѣлъ, съ какимъ наслажденіемъ отецъ трудился надъ насажденіемъ этихъ растеній въ своемъ крошечномъ саду. . . Я былъ слишкомъ малъ, чтобъ серьезно слѣдить за ходомъ этого дѣла, а тѣмъ болѣе принимать въ немъ какое либо участіе. Результатъ, однако, вышелъ поразительный. Я живо помню, что въ саду, между прочимъ, выросъ маленькій прутикъ яблони, а на этомъ прутикѣ выросло одно только яблоко громадной величины. Много было хлопотъ, чтобъ поддерживать это громадное дѣтище на жидкой вѣткѣ его маленькой матери. Когда яблоко упало или было сорвано, чуть не вся Пенза приходила дивиться его размѣрамъ. Помню также огурцы какого то иностраннаго происхожденья и тоже громадной величины. Часто на гряду клали штофъ, въ отверстіе пропускался зародышъ огурца и чрезъ нѣкоторое время весь штофъ наполнялся громаднымъ огурцомъ, представляя занимательный фокусъ, а для многихъ даже любопытный вопросъ: какимъ образомъ этотъ огурецъ могъ залезть въ такое маленькое отверстіе?

Не помню когда и почему этотъ домикъ, въ которомъ прошла большая часть моего дѣтства, былъ проданъ. . . Всего вѣроятнѣе, что съ одной стороны увеличеніе семейства, а съ другой увеличеніе матеріальныхъ средствъ моего отца были главною тому причиною. Въ одно время съ продажею этого дома отецъ купилъ, на той же Тро-

ицкой улицѣ, только на другой сторонѣ, другой домъ, несравненно болѣе просторный, уже въ пять оконъ, въ которомъ дѣйствительно было нѣчто въ родѣ залы, гостиной и т. п. и гдѣ не было уже надобности, какъ въ прежнемъ домѣ, въ дни торжествъ, перетаскивать и переставлять громадную кровать. Садовымъ стремленіямъ моего отца здѣсь предстояло еще болѣе обширное поприще. . . . Если тамъ надо было осушить небольшое болото, то здѣсь было нужно привести въ порядокъ огромный пустырь, завалить и выравнить безобразныя ямы или овраги. Отецъ тотчасъ принялся за дѣло и вѣчно возился въ саду, котораго, впрочемъ, еще не было и въ то время, когда на однихъ пунктахъ онъ начиналъ уже разсаживать растенія, а въ другихъ сваливались еще возы щебня и мусора, свозимаго къ намъ чуть ли не со всей Пензы, съ цѣлью выравненія почвы. Здѣсь результата его трудовъ я уже не помню, быть можетъ, потому, что прежде нежели результатъ этотъ обозначился, я былъ отправленъ, именно изъ этого дома, въ Петербургъ. Воспоминанья мои, связанныя съ пребываніемъ въ этомъ домѣ, далеко не такъ пріятны. Въ маленькомъ домикѣ протекло мое отрочество, лѣтъ отъ 7 до 10 или 12. Здѣсь наступила пора юношества, самая опасная въ жизни человѣческой, пора, которая кладетъ печать на всѣ остальные періоды существованія. . . . Здѣсь же, въ этомъ домѣ, началось знакомство съ разными пороками, которые такъ страшно дѣйствуютъ именно въ ту пору, когда каждый перестаетъ быть ребенкомъ, но далеко еще не сталъ человѣкомъ; здѣсь началось то пьянство, которому вообще предаются въ провинціи съ 12 лѣтъ и

которому, большею частію, не измѣняютъ во всю жизнь.

И странное дѣло: отецъ мой былъ строгъ,—между тѣмъ порочность моя и особенно самое рельефное проявленіе ея—пьянство ускользали совершенно отъ него. Былъ ли я такъ смышленъ, что ловко обдѣлывалъ дѣла и умѣлъ, какъ говорится, прятать концы въ воду. . . не знаю, но только весь городъ справедливо считалъ меня развратнѣйшимъ мальчишкой, а отецъ ничего объ этомъ не зналъ.—Я даже никогда небылъ форменно наказанъ, какъ вообще наказываютъ дѣтей, т. е. съ наставленіями, укорами, предупрежденіями, угрозами. . . Случалось, что отецъ, бывало, вдругъ вспыхнетъ, дастъ пощочину, правда полновѣсную—и баста! Впрочемъ, успѣшному укрывательству моихъ мерзостей и въ особеноости моего пьянства содѣйствовало много слѣдующее обстоятельство. На дворѣ дома стоялъ совершенно отдѣльно особый флигель. Одна половина этого флигеля занималась кухней, состоящей подъ командой незабвенной старухи Натальи, которая, кромѣ званія кухарки, исполняла множество другихъ должностей и званій; тутъ же было и мѣстопребываніе всей прислуги. Другая половина флигеля была свободна и предоставлена мнѣ. Строгаго наблюденія за моими выходами изъ дома и возвращеніемъ въ домъ несуществовало. Когда спросятъ: куда идешь? «къ товарищамъ», отвѣчаю я.—Гдѣ запропастился вчера заполночь? «Былъ у товарищей», отвѣчаю я. И только! Домашніе, преимущественно женскій полъ, знали мои подвиги; они знали, въ какомъ видѣ я возвращался подъ кровъ родительскій. . . . видѣли и молчали. Всѣ любили меня и

укрывали мои ранніе грѣхи отъ грознаго отца. Никакихъ доносовъ несуществовало, и понятно, какой широкій и безконтрольный просторъ былъ для моихъ дурныхъ затѣй, вызываемыхъ юношескими порывами и въ особенности вліяніемъ того кружка, въ который я попалъ.

ГЛАВА III.

Мой отецъ.—Его внѣшность и свойства.—Должность пензенскаго казначея.—Его побочные доходы.—Взятки и благодарности.—Казначейскіе поборы.—Приношенія ежедневныя, годовыя, постоянныя и временныя.—Фальшивыя асигнаціи.—Дѣлежка.

Отецъ мой былъ умный, благородный и вполнѣ почтенный человѣкъ. Такимъ его всѣ знали и почитали въ Пензѣ. Если остались еще тамъ старики, которые помнятъ его, они вѣроятно скажутъ тоже и теперь. На видъ это былъ «крѣпышъ», человѣкъ чрезвычайно сильный и здоровый, сухой, средняго роста. Какъ у всѣхъ русскихъ людей средняго сорта, у него были могучія плечи, сильныя руки и ноги, широкая прямая спина. О такъ называемой «таліи» и помину не было. Однимъ словомъ это былъ «кряжъ» старой выдѣлки.

Лицо его было замѣчательно. Онъ былъ весь рябой, но рябины были ровныя, мелкія, какъ бы съ рожденья, по законамъ природы полученныя и вовсе не имѣвшія того отталкивающаго вида, какой иногда встрѣчаемъ нали-

*

цахъ, такъ сказать вспаханныхъ, избороажденныхъ оспою. Лицо его было продолговатое, носъ весьма длинный и тонкій, на концѣ съ легкимъ загибомъ; вообще лицо пріятно отъ общаго выраженія умнаго и добраго, и скрашивалось еще счастливымъ очертаніемъ рта и подбородка. Въ раннемъ дѣтствѣ, когда бывало въ длинный зимній вечеръ, отецъ усадитъ насъ всѣхъ вокругъ стола и станетъ читать вслухъ, я постоянно, не столько слушалъ чтеніе, сколько любовался движеніемъ его губъ, въ которомъ было что то привлекательное.

Свойства мой отецъ имѣлъ чисто женскія. Не было человѣка, болѣе способнаго плакать при каждомъ случаѣ, какъ мой отецъ. Разсказывалось ли какое нибудь событіе о смерти, о воровствѣ, о бѣдности кого нибудь,— однимъ словомъ, что нибудь такое, отчего хохотать не приходится, но и приходить въ отчаяніе постороннему человѣку тоже нечего, — отецъ горько плачетъ. Запоютъ-ли одну изъ русскихъ заунывныхъ пѣсенъ, отецъ обливается слезами. Понятно, что при такой чувствительности онъ былъ безконечно добръ. Въ минуту возбужденнаго чувства онъ положительно былъ готовъ отдать рубаху ближнему. Но за то, когда онъ видѣлъ, что былъ обманутъ, что его добротою безсовѣстно воспользовались, что́ конечно ему приходилось видѣть не рѣдко, тогда онъ предавался противоположнымъ чувствамъ ненависти и мстительности съ такою силою и увлеченіемъ, съ какими отдаются имъ однѣ только женщины. Онъ дѣйствительно былъ уменъ, добръ, великодушенъ, но именно какъ женщина, не практиченъ, не умѣлъ держаться золотой средины въ любви и ненависти. Отъ этого происходило,

что въ одну минуту онъ былъ чрезмѣрно добръ, въ другую чрезмѣрно озлобленъ. Отъ этого же большинство было на его сторонѣ. Но меньшинство, видя его подъ вліяніемъ раздраженія и не всегда зная, что раздраженіе это вызвано обманомъ и подлостями, сомнительно покачивало головой.

Мой отецъ былъ вполнѣ семьянинъ образцовый. Надо замѣтить, однако, что онъ былъ, сколько я могъ видѣть, немножко подъ башмакомъ у моей матери, что конечно не представляетъ ничего удивительнаго, ибо нѣтъ супружескаго союза, гдѣ который либо изъ супруговъ не находился бы подъ башмакомъ у другого. Большею частью такъ называемый глава дома повергается въ это пріятное положеніе и мой отецъ принадлежалъ къ числу этихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи мой отецъ чрезвычайно походилъ на меня. Въ минуты гнѣва онъ изрыгалъ громы, но все и ограничивалось минутой... Затѣмъ, какъ говорится, «въ долгую» онъ, какъ и всѣ добрые мужья, пасовалъ и снова приходилъ въ положеніе подданнаго. Мать моя была, въ простыхъ формахъ, женщина умная, твердая, съ характеромъ и несравненно болѣе практичная, чѣмъ мой отецъ. Онъ чрезвычайно любилъ и уважалъ ее и постоянно, такъ сказать, съ ней заигрывалъ. Только и слышишь бывало нѣжныя съ его стороны обращенія. «Мама! бывало говоритъ онъ ей: мама, послушай» и т. д. Впрочемъ вся семейная обстановка нашей немудрой семейной жизни найдетъ мѣсто въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ.

Отецъ мой былъ, во времена моего дѣтства, пензенскимъ уѣзднымъ казначеемъ. Какъ и когда попалъ онъ въ должность казначея—не помню. Казалось, онъ какъ

будто родился въ этой должности: такъ личность его сдѣлалась нераздѣльною съ нею. Отъ этого происходило, что Антонъ Матвѣевичъ значило: казначей, а казначей значило: Антонъ Матвѣевичъ,—такъ долго лицо и должность были соединены. Меня даже звали въ Пензѣ не иначе, какъ «казначейскимъ сыномъ». Это было первое мое званіе и первый чинъ. Съ истеченіемъ почти полвѣка отъ момента моихъ разсказовъ и въ особенности съ безпрерывными преобразованіями, которыя, какъ говорится, камня на камнѣ не оставили изъ прежнихъ старинныхъ порядковъ, я не знаю не только того, въ какихъ условіяхъ находится нынѣ эта должность, но даже и того, не замѣнена ли она какими нибудь касирами, сборщиками и т. п. Но въ то время, это была должность средней руки. Уѣздный казначей не принадлежалъ къ міру губернской аристократіи, который, начинаясь губернаторомъ, замыкался совѣтниками всевозможныхъ родовъ и видовъ, но, тѣмъ не менѣе, имѣлъ въ городѣ довольно солидное значенье, ибо всѣмъ, болѣе или менѣе, былъ нуженъ. Какой классъ былъ присвоенъ должности уѣзднаго казначея—тоже незнаю, хоть и думаю, что онъ не превосходилъ VII или VIII. Но знаю и помню, что жалованья уѣздному казначею полагалось 1000 р. ас., что въ то время считалось жалованьемъ довольно солиднымъ, тѣмъ болѣе, что тогдашніе асигнаціонные рубли мало уступали нынѣшнимъ серебрянымъ, а можетъ быть и вовсе не уступали.

Вспоминая хозяйственную обстановку моей семьи въ то время, я полагаю, что отецъ мой долженъ былъ проживать много больше своего жалованья.

Отецъ мой дѣйствовалъ 50 лѣтъ тому назадъ. Можно ли къ этимъ событіямъ прилагать мѣрку и понятія нынѣшняго времени, можно ли человѣка, дѣйствовавшаго въ той средѣ и при тогдашнихъ условіяхъ, призывать къ отвѣту на основаніи современныхъ понятій и взглядовъ?... Вообще, если нельзя себѣ и представить возможности перенесенія тогдашнихъ порядковъ и убѣжденій въ наше время, то также невозможно прилагать нынѣшніе порядки и убѣжденья къ тогдашнему времени.

Потомъ, какъ ни странно можетъ показаться мое возрѣніе, я долженъ сказать, что такъ называемые побочные доходы, при однородности ихъ въ томъ отношеніи, что всѣ они незаконны, можно и должно, во имя самой справедливости, раздѣлить по внутреннему ихъ содержанію и нравственному значенію. Взятка собственно представляетъ что то грубое, дикое, насильственное, въ родѣ грабежа на дорогѣ, въ родѣ выкупа отъ разбойниковъ. Отъ этого про человѣка, который беретъ взятки, говорятъ, что онъ деретъ съ живого и мертваго, грабитъ; взяточникъ и грабитель — синонимы. Но есть доходы, которые самъ народъ называетъ «безгрѣшными»: приношенья, которыя такъ въѣлись въ нравы и обычаи того времени, что ихъ не только не нужно было вымогать, но отъ которыхъ не было возможности отбиться. Приношенія и подарки во всѣхъ видахъ и формахъ, во всѣхъ случаяхъ, были господствующею чертою въ народномъ быту того времени. Надобно было быть не только честнымъ, но особенно въ положеніи казначея, который былъ всѣмъ нуженъ, могъ всѣмъ угодить, — прямо сумашедшимъ, чтобы идти противъ вѣковыхъ привычекъ народа.

Выводъ тотъ, что отецъ мой, «взятокъ» не бралъ. Это положительно было противно его понятіямъ. Потомъ какъ ни былъ я малъ, какъ ни былъ чуждъ казначейскихъ операцій, все таки могъ бы замѣтить какой нибудь, хотя одинъ изъ процесовъ вымогательства, съ которымъ вообще сопряжена всякая взятка.

Кстати о взяткахъ. Разскажу по поводу ихъ одинъ комическій случай изъ моей чиновничьей жизни:

Когда я былъ начальникомъ отдѣленія въ почтовомъ департаментѣ, одинъ господинъ, содержавшій въ разныхъ губерніхъ почтовыя станціи и вообще занимавшійся почтовыми операціями, очень милый и образованный человѣкъ, бывшій въ отличныхъ отношеніяхъ со всѣмъ почтовымъ начальствомъ и даже считавшійся пріятелемъ многихъ, а между прочимъ и моимъ, какъ то, передъ отъѣздомъ въ Москву, сказалъ мнѣ полушуткой: «а вамъ позвольте привезти московскій калачъ»! «Сдѣлайте одолженіе», отвѣчалъ я совершенно простодушно... Проходитъ нѣкоторое время. Однажды, утромъ, докладываютъ мнѣ, что пріѣхалъ родственникъ этого господина и желаетъ меня видѣть. Я тотчасъ выбѣжалъ изъ внутреннихъ комнатъ въ залу. Тамъ стоялъ присланный, тоже знакомый со всѣмъ департаментомъ, разумѣется и со мной. Подлѣ него на столѣ лежалъ калачъ ужасающей величины. «Братъ возвратился изъ Москвы и привезъ вамъ московскій калачъ»! сказалъ онъ мнѣ, указывая на громадину. Калачъ былъ чѣмъ то покрытъ или во что то завернутъ. И слова посланнаго, и размѣры калача, и способъ присылки его, возбудили во мнѣ подозрѣніе. Посмотрѣвъ внимательно въ лицо посланца, я не могъ не-

замѣтить на немъ нѣкотораго безпокойства, чего то тревожнаго, хотя оно озарялось милѣйшей улыбкой. Взглянувъ еще на калачъ, я подумалъ: можно ли допустить, чтобы все дѣло было въ доставкѣ мнѣ калача, хотя бы и громаднаго? Нѣтъ ли тутъ, какъ говорится, подвоха какого? «Очень благодаренъ вамъ и брату вашему, сказалъ я: это очень любезно съ его стороны. Калачъ достоинъ дѣйствительно передвиженія изъ Москвы въ Петербургъ. Это истинная рѣдкость, но позвольте однако полюбопытствовать...» Съ этими словами я прикоснулся было къ оберткамъ, прикрывавшимъ калачъ, но встрѣтилъ мгновенно протестъ со стороны посланнаго: «Я оставляю его на этомъ столѣ и вы потомъ извольте разсмотрѣть его подробно, а теперь позвольте переговорить»... Дѣло сейчасъ обнаружилось, переговоровъ я не сталъ слушать и сказалъ только: «ну, батюшка! это не по пріятельски! тащите-ка назадъ свой калачъ»! Красный и значительно сконфуженный посланецъ, съ помощію моего слуги, дѣйствительно выволокли калачъ за двери и съ трудомъ уложили въ экипажъ. Что именно было въ этомъ замѣчательномъ калачѣ, такъ и осталась для меня покрыто мракомъ неизвѣстности.

Въ дѣтствѣ я видѣлъ приношенія, дѣлаемыя моему отцу, но вымогательствъ и вымогаемыхъ не видалъ. Личность вымогаемаго не можетъ не обратить вниманья. Это почти личность болѣзненная... Напротивъ, къ отцу входили и уходили отъ него всегда весело и, какъ говорится, въ полномъ удовольствіи. Общій характеръ этихъ свиданій былъ преимущественно таковъ: «здравствуйте, батюшка Антонъ Матвѣевичъ! дѣльцо есть»..

говоритъ входящій... «Ага, попался любезный! шутливо говорилъ отецъ: ну, разсказывай, въ чемъ твое дѣльцо»? Когда разсказъ конченъ, отецъ скажетъ: «ну, ладно»! а проситель: «ужь сдѣлайте милость, батюшка Антонъ Матвѣевичъ; а насчетъ прочаго не сумлѣвайтесь. Мы свое дѣло знаемъ»!

Такимъ образомъ можно считать несомнѣннымъ, что отецъ мой взятокъ небралъ; но добровольными благодарностями пользовался, т. е. пользовался тѣмъ, что существовало и было установлено до него, однимъ словомъ плылъ, какъ говорится, по теченью, что въ результатѣ и доставляло ему тѣ средства, которыя дополняли его содержаніе.

Можно бы спросить, не существуютъ ли подобныя приношенія и въ настоящее время, только въ болѣе грандіозныхъ или граціозныхъ формахъ? Я долженъ признаться, что не рискну мѣднымъ грошомъ на пари противъ этого предположенія... Отказываясь отъ этой пріятной увѣренности, я принимаю на себя трудъ въ силу нѣкотораго историческаго интереса, изобразить самыя свойства и виды этихъ существовавшихъ прежде приношеній, на сколько могъ замѣтить и запомнить ихъ въ моемъ дѣтствѣ.

Приношенія эти можно, ради ясности и нѣкоторой системы, подраздѣлить слѣдующимъ образомъ: приношенія ежедневныя, постоянныя и экстренныя.

Начну съ ежедневныхъ. Уѣздное казначейство, въ томъ видѣ, какъ я его помню, было такое мѣсто, гдѣ всегда толчется много народу. Одни вносятъ, другіе получаютъ. По существовавшимъ тогда обычаямъ, ни тѣ, которые получаютъ, ни тѣ, которые вносятъ, не могли исполнить своего

дѣла и уйти изъ казначейства, не приплативъ чего нибудь. Я помню, что существовала особая система для производства и сосредоточенія этихъ разнородныхъ, неопредѣленныхъ и преимущественно мелочныхъ сборовъ. Для этого избранъ былъ изъ среды казначейскихъ чиновниковъ особый уполномоченный. Я хорошо помню даже личность этого уполномоченнаго. Это былъ чиновникъ Бѣляевъ, вообще человѣкъ пустой и даже малограмотный, но для этого дѣла драгоцѣнный. Онъ отличался необычайно большими и толстыми губами, которыя вѣчно оставались открытыми и которыхъ, кажется, онъ и соединить былъ не въ состояніи, по ихъ необычайной толстотѣ. Какъ только входилъ кто нибудь въ казначейство, обязанность Бѣляева заключалась въ томъ, чтобы сосредоточить на немъ все свое вниманіе, а въ заключеніе сорвать съ него что нибудь, за какимъ бы дѣломъ онъ ни приходилъ. И справедливость требуетъ сказать, что онъ исполнялъ эту миссію съ удивительнымъ искуствомъ и почти всегда достигалъ главнаго и конечнаго результата. Когда нельзя было напрямки обясниться, Бѣляевъ такъ выразительно говорилъ своими глазами и толстыми губами, что субъектъ не только понималъ сущность дѣла, но понималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможность остаться равнодушнымъ къ усиліямъ Бѣляева заполучить что нибудь. Въ порядкѣ этихъ ежедневныхъ сборовъ существовали эпохи обильныя и эпохи бѣдныя. Зима, сколько помню, считалась въ этомъ смыслѣ хорошимъ временемъ. Въ теченіи зимняго времени совершались платежи податей, наборы и слѣдовательно платежи на рекрутъ и т. п. Платежи эти совершались особо избранными отъ крестьянскихъ обществъ

уполномоченными изъ крестьянъ же, подъ названьемъ плательщиковъ, отдатчиковъ и т. д. Въ эти эпохи Бѣляевъ былъ прелестенъ, метался изъ стороны въ сторону и дѣйствовалъ неутомимо. При всей природной ограниченности, въ этомъ дѣлѣ у него была какая то удивительная смѣтка, развитая, конечно, продолжительнымъ опытомъ. Когда вваливалась въ казначейство кучка мужиковъ, большею частью заскорузлыхъ на снѣгу и на морозѣ, съ сосульками на бородахъ и на усахъ и начинала молиться на образа, Бѣляевъ мгновенно обозрѣвалъ ихъ физіономіи и на лицахъ ихъ вычитывалъ планъ и мѣру, какихъ должно держаться. Затѣмъ вступалъ съ ними въ объясненія и прямо объявлялъ цѣну, которую они должны заплатить. Тѣ немедленно возражали: помилуйте! какъ можно? тяжело будетъ и т. п. Но Бѣляевъ какъ будто погружался въ свои занятія и забывалъ ихъ, только изъ подлобья неустанно и пристально наблюдалъ за ними. Мужики начинали шептаться между собою, охать, вздыхать, тоскливо смотрѣть по сторонамъ и наконецъ приходили къ Бѣляеву съ предложеньемъ другой, болѣе умѣренной цѣны. Бѣляевъ, разумѣется, отвергалъ, снова погружался какъ будто въ занятія, изрѣдка только передавая старшимъ чиновникамъ ходъ переговоровъ и получая отъ нихъ соотвѣтственныя наставленья, а мужики начинали снова шептаться между собою. Потомъ мужики прибавляли, Бѣляевъ уступалъ; наконецъ наступало окончательное соглашенье. Бѣляевъ получалъ условленную дань, дѣло обдѣлывалось и мужики уходили со словами: «ну, теперь прощайте»! Я конечно не могу нарисовать всѣхъ подробностей этой картины; но помню, что

отдатчики рекрутъ-охотниковъ были для Бѣляева, и слѣдовательно для казначейства, лакомыми кусками и сильно платились; что въ разрядѣ плательщиковъ податей представители богатыхъ селъ и экономій отличались опытнымъ и ловкимъ Бѣляевымъ отъ другихъ обществъ и экономій, не столько богатыхъ. Степень этого различія была ему извѣстна, какъ свои пять пальцевъ. Къ этого же рода статьямъ относилось взятіе паспортовъ и другіе предметы.

Въ концѣ присутствія Бѣляевъ окончательно учитывалъ свою кассу, и итогъ ежедневнаго дохода объявлялся во всеобщее извѣстіе. Затѣмъ производился раздѣлъ, тоже по извѣстной системѣ, вѣроятно съ поконъ вѣковъ установившейся. Система эта сходствовала съ системой, по которой церковнослужители дѣлятъ свои доходы: каждый получалъ извѣстный процентъ ежедневнаго итога; но прежде всего изъ него выдѣлялась, если не ошибаюсь, третья часть въ пользу казначея. Часть эту, прилично завернутую, передъ самымъ окончаніемъ присутствія, Бѣляевъ, нисколько нецеремонясь, вносилъ въ комнату казначея и вручалъ ему. Я часто приходилъ къ отцу въ казначейство и видѣлъ своими глазами, много разъ, процесъ этого представленія. Общую сумму за цѣлый годъ, которая составлялась изъ этихъ ежедневныхъ приношеній, вѣроятно и отецъ мой, по русскому обычаю и русской лѣни, никогда не усчитывалъ, но должно думать, что она не была очень незначительной.

Къ числу приношеній ежедневныхъ относятся также приношенія, дѣлаемыя при полученіи изъ казначейства большихъ суммъ. Выдачи этихъ суммъ дѣлались, столь-

ко помню, подрядчикамъ, поставщикамъ, фабрикантамъ, и т. п. и составляли личную, такъ сказать, операцію казначея, безъ всякого участія Бѣляева и вообще канцеляріи. При этой операціи также принимались, повидимому, въ соображеніе личныя свойства получателей и, сообразно этимъ свойствамъ располагались самыя дѣйствія казначея. Такъ напр. одному получателю предъявлялась полная сумма, подлежащая выдачѣ. Тотъ пресерьезно ее повѣрялъ, а въ концѣ повѣрки тоже пресерьезно откладывалъ двѣ или три асигнаціи, молчаливо оставлялъ ихъ на столѣ, какъ приношеніе, и затѣмъ любезно раскланивался. Другому представлялась должная сумма, за удержаніемъ уже той части, которая, по мнѣнію казначея, причиталась въ его пользу. Получатель повѣрялъ эту сумму, задумывался, повидимому соображалъ что-то и за тѣмъ вновь повѣрялъ. Казначей, во все это время, таинственно слѣдилъ за нимъ, какъ будто занимаясь другими дѣлами. Когда повѣрка оканчивалась, получатель и казначей нѣсколько секундъ молчаливо и многозначительно смотрѣли другъ на друга. Потомъ казначей тоже многозначительно спрашивалъ: «Такъ?» Получатель, съ нѣкоторой запинкой и съ оттѣнкомъ грусти, отвѣчалъ: «да ужъ стало быть такъ». Должно замѣтить, что во всѣхъ этихъ молчаливыхъ битвахъ, на сторонѣ казначея стояло одно могущественное средство. Я незнаю, законъ ли такой былъ или обычай, только казначей считалъ себя вправѣ, въ счетъ подлежащей суммы, выдавать часть мѣдной монетой и, если неошибаюсь, именно третью часть. Легко представить себѣ пріятность этой штуки и могущественное ея вліяніе на

сговорчивость получателей. Мѣдная монета хранилась въ казначействѣ въ ужасающемъ количествѣ и все въ мѣшкахъ, по 25 р. ас. въ каждомъ. Слѣдовательно, чтобъ получить 1.000 р. ас. надобно было получить 40 мѣшковъ, вѣсомъ пудовъ около 50. Это было истиннымъ пугаломъ для получателей. Я слышалъ не рѣдко полушутливый вопросъ отца, обращенный къ получателю: «угодно получить часть монетой?» Встревоженный получатель мгновенно отвѣчалъ: «Помилуйте, батюшка, куда я ее дѣну? Ради Бога освободите! Ну ее совсѣмъ...» Видѣлъ я и такіе случаи, что присяжные (т. е. счетчики) начинаютъ таскать изъ кладовой мѣшки и складывать въ огромную кучу; строптивый или скупой получатель тупо и тоскливо смотритъ на эту операцію и на постепенно увеличивающуюся гору мѣди, смотритъ и начнетъ шептаться съ казначеемъ... а затѣмъ мѣдная гора начнетъ передвигаться обратно въ кладовую.

Во время всей этой процедуры, ни канцелярія, ни представитель ея, знаменитый Бѣляевъ, не смѣютъ уже принимать въ ней никакого прямого участія и производить тѣхъ переговоровъ, которые совершаются ими при атакѣ мужиковъ; тѣмъ не менѣе, во время переходовъ получателя изъ комнаты въ комнату, глаза и губы Бѣляева настраиваются на такой вызывающій и вымаливающій взглядъ, что рѣдко кто не будетъ задѣтъ имъ, такъ сказать, и не броситъ соотвѣтственной подачки...

Въ разрядъ приношеній годовыхъ, входитъ бездна статей. Здѣсь, на первомъ планѣ, должны быть поставлены приношенья мѣстныхъ помѣщиковъ. Къ праздникамъ, особенно зимнимъ, на нашъ дворъ доставлялись возы съ

самыми разнородными произведеніями: муки, крупы, овса, сѣна, дровъ и т. д. Чего тутъ небыло? Съ фабрикъ доставлялись произведенія, тамъ выдѣлываемыя: сукно, байка, фризъ, изъ чего дѣлались знаменитыя фризовыя шинели и т. п. Это именно тѣ приношенія, которыя не только не вымогались, но отъ которыхъ отбиться было не возможно, ибо они установились не волею и требованіями казначея, а старыми порядками, водворенными въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Развѣ можно представить, чтобы казначей, незначительный и небогатый чиновникъ, возвратилъ возы, присланные ему изъ имѣнія какого нибудь богатаго помѣщика? За эту штуку можно было лишиться не только приношенія, но и самаго мѣста. Богатый помѣщикъ непремѣнно другъ и пріятель вице-губернатора (прежде предсѣдателя казенной палаты) а отъ вице-губернатора зависѣла жизнь и смерть казначея. Слѣдовательно, если съ одной стороны казначей былъ нуженъ всѣмъ, то съ другой онъ самъ, по самой своей незначительности, нуждался во всѣхъ, т. е. въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣми. Принимая эти возы, казначей достигалъ двухъ цѣлей: дополнялъ ими, и весьма значительно, свои средства къ жизни и, въ тоже время, угождалъ великимъ барамъ, ибо нѣтъ на землѣ мѣста, гдѣ не было бы великихъ баръ, если не великихъ абсолютно, то по отношенію къ другимъ смертнымъ, не великимъ ни въ какомъ смыслѣ...

Великолѣпный и можно сказать роскошный отдѣлъ этихъ годовыхъ приношеній составляла выдача мѣстнымъ купцамъ свидѣтельствъ на право торговли. Эпоха эта волновала все наше семейство именно обиліемъ и

разнообразіемъ приношеній, изъ которыхъ каждому члену семьи приходилось что нибудь на долю. Обычай былъ таковъ, что кто чѣмъ торговалъ, тотъ и тащилъ казначею часть своихъ произведеній. Торгующіе мукой приносили муку; сахаромъ и чаемъ—сахаръ и чай; сукномъ—сукно; дамскими матеріями—куски этихъ матерій; виноградными винами—бутылки дрей-мадеры и госотерна и т. д. Какъ ни бѣденъ былъ городъ, сравнительно съ другими, но все таки купцовъ была бездна и потому приношеній, самыхъ разнообразныхъ, много. Изъ этихъ приношеній можно было бы составить небольшой магазинъ. Эпоха взятія свидѣтельствъ приходилась къ концу года и, съ вѣроятностью можно сказать, обильно обезпечивала мою семью въ разнородныхъ житейскихъ потребностяхъ на предстоящій годъ.

Всѣ эти приношенія, можно бы назвать и постоянными; но какъ они, при несомнѣнной постоянности, все таки не имѣли совершенной и точной опредѣленности, ни въ смыслѣ качества, ни въ смыслѣ количества, то я и оставляю ихъ въ разрядѣ годовыхъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ, чисто редакціонный, ни сколько не измѣняетъ существа дѣла.

Изъ постоянныхъ приношеній было одно, но уже вполнѣ вѣрное и постоянное. Это приношенія мѣстнаго откупщика. Едва ли я ошибусь, сказавъ что откупщикъ положительно держалъ весь мѣстный чиновный міръ на своихъ окладахъ и тутъ даже губернаторъ и вице-губернаторъ не составляли исключеній. Такъ точно и мой отецъ, казначей, имѣлъ свой окладъ. Въ какой пропорціи онъ относился къ другимъ окладамъ—сказать не воз-

можно, въ слѣдствіе таинственности, которая придавалась болѣе или менѣе всѣмъ этимъ окладамъ; но, припоминая нашу семейную обстановку, могу заключить, что окладъ этотъ былъ весьма удовлетворительный. Сколько входило въ этотъ окладъ собственно денегъ—не знаю; но знаю положительно, что въ него входила бездна вина, пива, меда и разныхъ другихъ питей, какими располагалъ откупъ. Нѣтъ никакого сомнѣнья, что въ моей семьѣ на эту статью не тратилось ни копѣйки, какіе бы праздники въ ней ни совершались, какія бы толпы народа къ намъ ни приходили, по разнымъ дѣламъ и случаямъ. Водка подносилась всѣмъ съ большою щедростью. Въ этомъ отношеніи домъ нашъ представлялъ, какъ говорится, «разливное море». Я живо помню, какъ бывало, въ жаркій лѣтній день отецъ мой, вслѣдъ за послѣ-обѣденнымъ сномъ, выйдетъ на крыльцо дома, или въ садъ и начнетъ изслѣдовать вопросъ: «чего бы выпить?» Рѣдко удавалось ему самому и одному разрѣшить этотъ вопросъ. Большею частію онъ прибѣгалъ къ помощи матери и восклицалъ: «Мама, чего бы выпить!» Тутъ виною было нестолько отсутствіе собственной рѣшимости, сколько именно обиліе и, главное, разнообразіе всевозможныхъ питей. Когда знаешь, что на погребу есть квасъ, такой, о которомъ въ Петербургѣ и понятія не имѣютъ, пиво, медъ, разнородныя водянки или, какъ ихъ у насъ называли, «шипучки»—дѣйствительно вопросъ о томъ, чего бы выпить, въ минуту жажды и лѣтней жары, можетъ не только возникнуть, но и сдѣлаться затруднительнымъ. Когда подобный вопросъ приходилъ къ разрѣшенію, кто нибудь изъ прислуги вооружался ливе-

ромъ, отправлялся въ погребъ и возвращался оттуда съ огромной кружкой, наполненной влагой, поверхъ которой стояла пѣна.

Ливеръ—это инструментъ, котораго съ того времени мнѣ не случалось уже никогда и нигдѣ встрѣчать. Замѣчательно даже, что въ то время существовала въ нашемъ простомъ быту штука, основанная нѣкоторымъ образомъ на знаніи физическихъ законовъ. Ливеръ дѣлался изъ жести. Форма его похожа на маленькій боченокъ, отъ котораго идутъ двѣ тонкія трубы, верхняя короче, нижняя много длиннѣе. Нижнюю надо опустить туда, гдѣ находится требуемая влага, а верхнюю взять въ ротъ и чрезъ маленькое отверстіе сильно потянуть въ себя. Влага по нижней трубѣ мгновенно наполнитъ боченокъ, находящійся въ срединѣ, а оттуда, по верхней трубѣ, бросится въ ротъ тянущаго; это и будетъ знакомъ, что дѣло сдѣлано. Тогда верхнюю трубку надо выпустить изо рта, а отверстіе зажать пальцемъ; нижнюю трубу наставить въ приготовленную для влаги посуду; потомъ отверстіе верхней трубки освободить отъ зажимающаго его пальца и посуда тотчасъ наполнится влагой съ шумомъ и пѣной. Я самъ лично любилъ заниматься этимъ процесомъ. Кто былъ сильнѣе, «у кого было больше духу», тотъ ловчѣе расправлялся съ ливеромъ.

Въ заключеніе должно сказать, что если родъ постоянныхъ приношеній не былъ очень разнообразенъ и осуществлялся однимъ откупомъ, то осуществлялся, можно сказать, роскошнымъ и великолѣпнымъ образомъ и конечно одинъ откупъ возмѣщалъ здѣсь множество другихъ источниковъ.

Приношенія временныя, или такъ сказать экстренныя, черпались, сколько помню, преимущественно въ томъ же откупѣ. Дѣло въ томъ, что откупъ по закону обязанъ былъ вносить въ казначейство, въ опредѣленные сроки, извѣстныя части откупной суммы, но нерѣдко былъ поставленъ въ невозможность исполнить эту обязанность и потому являлась необходимость въ отсрочкахъ и послабленіяхъ, которыя могъ сдѣлать одинъ только казначей, разумѣется, таинственнымъ образомъ. Я помню напр., что нерѣдко, на великолѣпномъ рысакѣ, пріѣзжалъ къ намъ въ домъ тотъ или другой управляющій откупомъ, долго толковалъ съ отцомъ въ то время, когда мы разсматривали рысака и экипажъ, о чемъ-то видимо просилъ отца и потомъ, достигнувъ согласія, уѣзжалъ. Здѣсь рѣчь всегда шла объ отсрочкахъ и тутъ дѣйствительно должны были являться приношенія экстренныя.

Къ числу приношеній подобнаго рода можно причислить тѣ приношенія, которыми какой нибудь несчастливецъ долженъ былъ отбиваться отъ бѣдствій, неминуемо связанныхъ съ появленіемъ у него какимъ либо образомъ фальшивой асигнаціи. Законы ли, въ то время существовавшіе по этой части, были чрезъ чуръ строги, или исполненіе ихъ на практикѣ такъ ловко принаровлено знатоками дѣла къ лучшему обиранію ближняго, только дѣло было въ такомъ положеніи, что если предложить какому нибудь индивидууму взять въ руку гремучую змѣю или фальшивую асигнацію—онъ навѣрно предпочелъ бы первое. Такъ ужасны были дѣла, связанныя съ фальшивыми асигнаціями! Первымъ приступомъ

къ нимъ было поставленіе жилища того, у кого явилась фальшивая асигнація, вверхъ дномъ и вскрытіе даже половъ въ этомъ жилищѣ, конечно ради открытія фабрикаціи и другихъ вредныхъ признаковъ; тоже дѣлалось и у тѣхъ, чрезъ руки которыхъ проходила эта ядовитая асигнація, до появленія ея на свѣтъ Божій. Не трудно представить ужасъ какъ того, у кого она была обнаружена такъ и тѣхъ у кого она перебывала. Въ той же степени легко представить готовность этихъ несчастливцевъ на самыя обильныя приношенія, лишь бы отбиться отъ бѣды и раззорительныхъ послѣдствій, которыя она вела за собою. А такъ какъ обнаруженіе фальшивой асигнаціи могло происходить, если не исключительно, то большею частію въ казначействѣ, ибо казначей вѣроятно былъ снабженъ всѣми техническими свѣдѣніями и пособіями, для того необходимыми, то понятно что казначей, какъ Юпитеръ, держалъ въ своей рукѣ громы и отъ него зависѣло обрушить ихъ на несчастливца или удержать. Понятно, также, что приношенія за удержаніе этихъ громовъ были значительны, хотя конечно весьма рѣдки....

Есть поговорка: «живи и другимъ жить давай!» Я не знаю, кто ее сочинилъ, но думаю, что именно тѣ, которые преимущественно обрѣтались въ мірѣ приношеній, ибо въ переводѣ она значитъ: «бери и самъ другимъ давай!» И это знаменитое изрѣченіе осуществлялось на моей родинѣ, во времена моего дѣтства, самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Да иначе и нельзя было. Развѣ можно понять, чтобы человѣкъ допустилъ обогащеніе другого безнаказанно, когда отъ него зависитъ это допущеніе или

недопущеніе? Вещь совершенно невозможная, невѣроятная и даже противная разуму человѣческому, который долженъ, прежде всего, изучить и устроить все около себя, а потомъ уже обратиться къ предметамъ отвлеченнымъ, касающимся счастія и благоденствія другихъ. Это такъ естественно и такъ логично. По этому всегда происходило или происходитъ такъ: маленькіе берутъ по немножку, изъ своихъ крохъ отдѣляютъ кругленькіе куши и подносятъ старшимъ, вполнѣ сознавая, что безъ этого будутъ согнуты въ бараній рогъ и прогнаны, какъ не понимающіе видовъ правительственныхъ. Тѣ, въ свою очередь, собирая по частямъ маленькіе куши, отдѣляютъ одинъ крупненькій кушъ и подносятъ своимъ старшимъ и т. д. Все это выходитъ стройно, пріятно и полезно. Такъ было во времена моего дѣтства. Нынче, говорятъ, этого нѣтъ! Но среди людей, стремящихся неуклонно къ всевозможнымъ реформамъ и преобразованіямъ, есть еще многіе, которые, въ мудрости своей, справедливо находятъ, что и въ прежнихъ порядкахъ и обычаяхъ не все было дурно и съ тою же мудростію придерживаются старыхъ порядковъ.

Въ силу этихъ порядковъ, мой отецъ, пользуясь различными приношеніями, въ свою очередь дѣлалъ свои приношенія. Въ составѣ казенной палаты были двѣ личности, именно обязанныя пещись о томъ, чтобы казначей не пользовался безнаказанно, т. е. безъ дѣлежа съ ними. Это были: такъ называемый губернскій казначей и такъ называемый губернскій контролеръ. Они были тѣже совѣтники палаты, только съ особыми названіями и имѣли непосредственное, начальственное

вліяніе на дѣла казначейства и лично на казначея. Существуютъ ли нынѣ эти должности не знаю; но въ то время лица, занимающія ихъ, были какими то пугалами для моего отца и отравляли нѣсколько его мирное благополучіе. Губернскаго казначея я не помню; но губернскаго контролера помню хорошо. Удивительное дѣло: и черезъ 50 лѣтъ я живо помню эту маленькую фигурку съ длиннымъ носомъ. И фамилію его помню: это былъ Шведовъ. Онъ казался гораздо ядовитѣе для моего отца, чѣмъ губернскій казначей: былъ ли онъ жаднѣе, было ли вліяніе его на казначейство сильнѣе—не знаю; но имя Шведова часто повторялось въ моей семьѣ и всегда съ примѣсью тревоги и неудовольствія.

Таинственныя отношенія маленькихъ пріобрѣтателей къ высшимъ большею частію выражались извѣстными, разъ навсегда опредѣленными, окладами. Такъ напримѣръ говорили, что становые пристава платили ежегодные оклады исправникамъ, тѣ въ свою очередь высылали свои оклады губернскому начальству. Платили ли уѣздные казначеи подобные оклады своимъ начальникамъ, не знаю, хотя нахожу эту простую операцію для нихъ удобною; но видѣлъ своими глазами, слышалъ своими ушами, какъ въ извѣстные моменты отецъ погружался въ продолжительныя совѣщанія съ своей «мама» по этой части и какъ выбирались кошельки и бумажники, въ которыхъ предрѣшалось приподнести то или другое приношеніе.

ГЛАВА IV.

Пензенское общество.—Административныя личности.—Губернаторы Лубяновскій и Панчулидзевъ.—Совѣтники.—Дѣленіе общества на слои.

Если я коснулся уже совѣтниковъ казенной палаты, то почему мнѣ не коснуться другихъ высшихъ чиновъ административнаго міра того времени, да и вообще тогдашняго пензенскаго общества. Начнемъ съ губернаторовъ.

Первымъ губернаторомъ, въ глубинѣ моего дѣтства, я помню Ѳедора Петровича Лубяновскаго. Лубяновскій былъ потомъ сенаторомъ, долго жилъ въ Петербургѣ и вѣроятно многимъ здѣсь памятенъ. Въ извѣстный часъ онъ постоянно ходилъ по Невскому. Въ Пензѣ я тоже не могу припомнить его иначе, какъ гуляющимъ. Да иначе и быть не можетъ. Я былъ мальчишкой и могъ его встрѣчать только на улицахъ. Походка его была странная. Онъ какъ то «неподвижно двигался». Ноги переставлялись незамѣтно и несли его въ извѣстномъ направленіи; но корпусъ его какъ будто не принималъ въ этомъ никакого участія. Онъ какъ то плылъ, а не шолъ. Ходилъ онъ большею частію въ длинномъ сюртукѣ и какой то несвѣжей шляпѣ, какъ будто помятой. Личность его не представляла ничего замѣчательнаго и не производила рѣшительно никакого впечатлѣнія. Незнакомому новому человѣку онъ долженъ былъ, какъ одинъ изъ бывшихъ московскихъ генералъ-губернаторовъ, божиться, что онъ губернаторъ, чтобы тотъ повѣрилъ этому: такъ сильно въ немъ отсутствовало все величественное, начальствен-

ное. . . Лицо было темное, въ какихъ то крупныхъ складкахъ, но доброе и даже пріятное. Всѣ единодушно говорили тогда, что Лубяновскій чрезвычайно дѣльный человѣкъ, что̀ впрочемъ подтверждается всею его жизнію и службою, и особенно тѣмъ, что онъ былъ удивительный мастеръ писать. Нѣкоторые прибавляли, что это человѣкъ не безъ хитрости. Наконецъ Лубяновскій не чуждъ былъ и литературной области. Онъ напечаталъ нѣсколько не дурныхъ переводовъ иностранныхъ произведеній.

Лубяновскій чрезвычайно долго былъ пензенскимъ губернаторомъ и только не задолго до моего перехода въ Петербургъ Пенза получила другого, въ лицѣ Александра Алексѣевича Панчулидзева. При всѣхъ моихъ усиліяхъ, я никакъ не могу, изъ всего періода губернаторства Лубяновскаго, припомнить ни одной черты, замѣчательной въ какомъ бы то нибыло отношеніи. Повидимому при немъ все шло тихо и спокойно; это былъ губернаторъ консервативнаго характера, равнодушно смотрѣвшій на дурныя черты и въ администраціи и въ обществѣ, предоставляя искорененіе ихъ могуществу времени.

Есть извѣстное правило: о мертвыхъ не надо дурно говорить. Само по себѣ это правило благоразумно; но какъ его согласить съ требованіями исторіи? Исторія требуетъ правды во всѣхъ отношеніяхъ, правды хорошей и дурной, а правило повелѣваетъ разсказывать только то, что мертвые дѣлали хорошаго. Впрочемъ подобныя противорѣчія между теоріею и практикою встрѣчаются безпрерывно, но ихъ обходятъ самымъ благополучнымъ образомъ. Правило само по себѣ, а дѣло идетъ своимъ

путемъ. Если въ послѣднее время стали говорить даже о нашихъ прежнихъ царяхъ совершенно безцеремонно, безъ всякого соображенія съ этимъ нѣжнымъ правиломъ, если осуждаютъ Великаго Петра и Великую Екатерину, выводя на свѣтъ Божій ихъ интимную жизнь и разсказывая ихъ грѣшки, свойственные всѣмъ смертнымъ, не исключая и царей, то я не вижу причинъ, почему немогу сказать о Лубяновскомъ что знаю, хотя бы тутъ обозначились нѣкоторыя, не совсѣмъ свѣтлыя черты.

Дѣло въ томъ, что въ заключеніе своего пензенскаго губернаторства Лубяновскій очутился чрезвычайно богатымъ человѣкомъ. Кто не помнитъ эпохи, когда Николай I вздумалъ лично разсматривать формуляры всѣхъ лицъ высоко поставленныхъ и по этимъ формулярамъ знакомиться съ нравственною стороною этихъ лицъ. Громадное состояніе Лубяновскаго поразило его. Царь велѣлъ спросить Лубяновскаго: какъ оно пріобрѣтено. Лубяновскій имѣлъ остроумную дерзость отвѣчать: «состояніе пріобрѣтено литературными трудами и вообще частными занятіями, и было бы несравненно значительнѣе, если бы онъ не былъ вынужденъ почти все свое время отдавать на службу престолу и отечеству». И этотъ вопросъ царя и этотъ отвѣтъ Лубяновскаго надѣлали сильнаго шума, въ свое время, въ Петербургѣ.

На мѣсто смирнаго Лубяновскаго былъ назначенъ вовсе ужъ не кроткій и не смирный Панчулидзевъ. Отецъ этого Панчулидзева былъ чуть не цѣлое столѣтіе губернаторомъ сосѣдней Саратовской губерніи. Сынъ его служилъ въ гвардіи, былъ флигель-адъютантомъ и, какъ тогда слухи носились, даже любимцемъ Государя, что

не могло представляться невѣроятнымъ, ибо онъ соединялъ всѣ необходимыя для того условія. Съ прекрасною наружностію, въ которой видѣнъ былъ, хотя не въ сильной степени, грузинскій оттѣнокъ, выражающійся прежде всего большимъ носомъ, онъ соединялъ истинно флигель-адъютантскія манеры, въ одно и тоже время самоувѣренныя и изящныя. Вообще, во всѣхъ отношеніяхъ, Панчулидзевъ былъ рѣшительною противоположностію Лубяновскому. Лубяновскій походилъ немного на семинариста, этотъ былъ типомъ блестящаго царедворца. Лубяновскій тихонько плавалъ по улицамъ, стараясь быть не замѣченнымъ; Панчулидзевъ появлялся на улицахъ всегда съ шумомъ и трескомъ. Лубяновскій держалъ свою власть и свое значеніе въ карманѣ, Панчулидзевъ выставлялъ то и другое на показъ самымъ гремучимъ образомъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы у тихаго Лубяновскаго былъ въ этомъ отношеніи какой либо скандалъ, сдѣлавшійся предметомъ городскихъ толковъ; у Панчулидзева эти скандалы были на каждомъ шагу. Въ особенности чиновники, или «приказные» сильно страдали. Чуть кто нибудь зазѣвается и не сниметъ за пять верстъ шапки при его проѣздѣ, сейчасъ на гаубтвахту! Даже на балахъ дворянскаго собранія онъ приказывалъ арестовывать тѣхъ, кто во время прохожденія его по комнатамъ оставался въ сидячемъ положеніи и не стремился быстро вскакивать съ своего мѣста при его приближеніи.

Въ смыслѣ дѣловомъ Панчулидзевъ также рѣзко отличался отъ Лубяновскаго, который былъ, такъ сказать, бумажный губернаторъ и все обдѣлывалъ на бумагѣ,

умѣя писать ихъ мастерски; личною распорядительностію Лубяновскій вовсе не отличался. Какъ умный человѣкъ, онъ хорошо понималъ, что для этой распорядительности, гдѣ требуется громкій голосъ, страшные глаза, подавляющія манеры, у него небыло соотвѣтственныхъ средствъ; его никто не могъ бояться, и ни кому онъ не могъ внушить трепета подчиненности; онъ зналъ, что приказаніе, данное имъ на словахъ, произведетъ несравненно меньшее впечатлѣніе, чѣмъ приказаніе, отданное на бумагѣ. Приведу разсказъ, слышанный мною въ дѣтствѣ. Былъ какой то случай, гдѣ и его спокойная, неспособная ни къ какому грому натура взволновалась и онъ сознаяъ неотвратимую необходимость сдѣлать личную распеканцію. Неумѣлый и неопытный, даже неспособный въ этомъ дѣлѣ, онъ могъ сказать только: «Вы, сударь, дуракъ!»

Панчулидзевъ былъ не таковъ: какъ всѣ военные, да еще военные предшествовавшаго царствованія, онъ, повидимому, мало уважалъ бумаги и вообще бумажную дѣятельность. У него, напротивъ, впереди всегда стояла личная распорядительность и личная распеканція. Если представить себѣ полнаго силъ губернатора, изъ флигель-адъютантовъ, человѣка необычайно подвижного, съ рѣшительными военными манерами, съ горячею южною кровью, способною на безпрерывныя вспышки, то не трудно понять, какъ внушительны должны быть распеканціи такого начальника. Можно безошибочно заключить, что для какого нибудь исправника было легче получить сто самыхъ непріятныхъ бумагъ съ замѣча-

ніями и выговорами, нежели вынести лично одно пріятное объясненіе съ грознымъ губернаторомъ.

Лубяновскій только и дѣлалъ, что писалъ бумаги самъ лично и собственноручно. Панчулидзевъ не находилъ ни полезнымъ, ни необходимымъ погружаться въ письменный и бумажный міръ. По этой части онъ распорядился чрезвычайно ловко. Изъ всего чиновнаго міра онъ приблизилъ къ себѣ двѣ личности, опытныя, дѣловыя, изучившія всѣ тонкости и крючки нашего дѣлопроизводства и готовыя всякую штуку облечь въ самую безукоризненную форму. Въ тоже время они готовы были растерзать на самомъ законномъ основаніи всякого, на кого укажетъ имъ губернаторъ. Я помню эти замѣчательныя личности. Одинъ былъ Юрасовъ, носившій званіе чиновника особыхъ порученій, другой Андреевъ, бывшій прежде секретаремъ губернскаго правленія, потомъ совѣтникомъ тамъ же,—человѣкъ, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду и мѣдныя трубы. Къ нимъ, разумѣется, присоединялся правитель канцеляріи губернатора, всегда избираемый изъ самыхъ ядовитыхъ мастаковъ дѣла. Можно представить, какія средства имѣлъ Панчулидзевъ въ этой компаніи для веденія всѣхъ бумажныхъ дѣлъ. Вообще надо полагать, что Панчулидзевъ могъ считаться лучшимъ губернаторомъ, чѣмъ Лубяновскій, уже на томъ основаніи, что должность губернатора не такая, чтобы только писать бумаги, какъ это дѣлалъ Лубяновскій. Она требуетъ личной энергической дѣятельности, а именно этою то дѣятельностію и обладалъ Панчулидзевъ въ изумительной степени.

Тоже различіе между этими личностями существовало

и въ другихъ отдѣлахъ губернаторскаго положенія. Напримѣръ, могъ ли Лубяновскій, невзрачный, непредставительный, быть героемъ романтическихъ дѣлишекъ, которыя должны входить въ область дѣятельности каждаго порядочнаго губернатора. Такъ какъ тутъ умѣнье писать бумаги не имѣло никакого значенія, а личная энергія у него отсутствовала, то этотъ важный отдѣлъ находился у него безъ движенія. Не то было у Панчулидзева. У него этотъ отдѣлъ едвали не стоялъ впереди. Я помню, что городъ сильно интересовался этою дѣятельностію и чрезвычайно живо занимался разборомъ ея. Панчулидзевъ умѣлъ внести и въ міръ прекраснаго пола живые интересы, волненіе, страстишки и т. п., чѣмъ еще болѣе доказалъ, что онъ отличный губернаторъ и не забываетъ ни одной изъ своихъ обязанностей.

Потомъ, если Лубяновскій въ тихомолку занимался вопросами, имѣющими отношеніе къ увеличенію его состоянія, къ такому увеличенію, которое потомъ изумило императора Николая, то у Панчулидзева эти дѣла имѣли другой видъ, другое значеніе. Повидимому онъ заботился не объ увеличеніи своего состоянія, а только о томъ, чтобы имѣть больше средствъ хорошо пожить. Съ этою цѣлію онъ занималъ большіе куши у богатыхъ пензенскихъ купцовъ, точно также, какъ занималъ бы у петербургскихъ, если бы жилъ въ Петербургѣ, занималъ, мало думая объ уплатѣ, занималъ какъ то на военную, а не на губернаторскую ногу. А жилъ онъ великолѣпно, далеко не такъ, какъ скромный Лубяновскій. Я никогда не слыхалъ о балахъ Лубяновскаго; балы Панчулидзева я самъ посѣщалъ, когда потомъ, сдѣлавшись

петербургскимъ чиновникомъ, пріѣзжалъ иногда на родину, и получалъ приглашеніе посѣщать еженедѣльные губернаторскіе вечера. Вечера эти имѣли видъ совершенныхъ баловъ, на которые съѣзжался весь городъ, и ясно говорили, каковы должны быть настоящіе балы, которые давалъ Панчулидзевъ.

Чтобъ уяснить роскошь, съ которою жилъ Панчулидзевъ, достаточно привести, что у него былъ свой оркестръ, великолѣпный по численности состава, а еще болѣе по совершенству, въ смыслѣ искуства. Совершенство это объясняется тѣмъ, что самъ Панчулидзевъ, какъ говорили, былъ музыкантъ и знатокъ музыки. Чтобы опредѣлить достоинство этого оркестра, приведу слѣдующее обстоятельство. Послѣ перваго появленія въ Петербургѣ садовыхъ оркестровъ, они быстро распространились. Павловскъ первый положилъ этому начало. Я помню, какія массы народа стремились туда слушать этотъ новый родъ музыки, живой, веселой, увлекательной, всѣмъ понятной, вмѣсто тѣхъ симфоній и серьезныхъ произведеній, которыя слушали въ томительной скукѣ, въ полусонномъ состояніи. Послѣ Павловска, Минеральныя воды, процвѣтавшія подъ управленіемъ знаменитаго Излера, выписали свой оркестръ, а тамъ и пошло. На всѣхъ загородныхъ мѣстахъ только и слышались польки, кадрили и вальсы. Во время этой новой моды и въ самомъ началѣ ея, на Выборгской сторонѣ, въ какомъ-то захолустьѣ, на маленькой дачѣ Королева, тоже пріютился маленькій оркестръ, весьма хорошо сформированный и стройный. Въ то молодое время, я съ молодою женою считалъ главнѣйшею обязанностію

являться на всевозможныя гулянья. Такъ точно стали мы посѣщать и Королеву дачу. Это мѣсто сдѣлалось скоро любимымъ сборищемъ избранной публики, потому ли, что на всѣхъ другихъ гуляньяхъ было очень шумно и людно, а здѣсь тихо и уютно, потому ли, что тамъ было много камелій, а здѣсь для этихъ царицъ полусвѣта не предстояло ничего привлекатальнаго и, главное, выгоднаго—только на дачу Королева стало ѣздить лучшее общество. Дирижеромъ оркестра былъ Гильманъ, высокій, бѣлокурый, простоватый нѣмецъ, устраняющій всякое подозрѣніе, что-бы онъ, подобно маленькому и чопорному Штраусу, плѣнявшему павловскихъ дамъ, могъ быть точкою привлеченія публики. Садъ Королева, обильный розами, которыя часто раздавались дамамъ при входѣ, былъ любимымъ мѣстомъ хорошаго общества и, казалось, долго будетъ процвѣтать. Къ удивленію, онъ существовалъ не долго. Что̀ было причиною закрытія его—неизвѣстно; но Гильманъ отправился въ Пензу и поступилъ въ начальники панчулидзевскаго оркестра. Пріобрѣтеніе такого дирижера говоритъ лучше всего о достоинствѣ оркестра и о роскоши, съ какою жилъ Панчулидзевъ. Это былъ баринъ, а не одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые, какъ бы высоко ни были поставлены, все остаются тѣми же чиновниками. Власть и значеніе олицетворялись въ немъ самымъ естественнымъ образомъ, а не такъ какъ у разныхъ чиновныхъ выскочекъ, къ числу которыхъ болѣе или менѣе и я имѣю несчастіе принадлежать. У чиновника, которому судьба помогла приподняться предъ другими, рѣдко что̀ выходитъ просто потому, что сама натура рѣдко отвѣчаетъ

возвышенному положенію и должна въ этомъ несродномъ ей положеніи ломаться на всѣ манеры и преимущественно на манеру мѣщанскаго чванства, на манеру нестерпимаго величанья предъ низшими.

Я сказалъ уже, что когда пріѣзжалъ на родину, всегда бывалъ у Панчулидзева. Точно также, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, я спѣшилъ видѣться съ нимъ. Не знаю, какъ онъ кончилъ свою служебную карьеру. Кажется не совсѣмъ хорошо, какъ большею частію кончаютъ всѣ губернаторы, свергаемые рѣдко по дѣйствительнымъ причинамъ, а большею частію въ слѣдствіе провинціальныхъ интригъ, ничтожныхъ отдѣльно, но страшныхъ въ совокупности, въ видѣ скопа и сговора... А этотъ скопъ и сговоръ былъ тѣмъ болѣе возможенъ въ отношеніи къ Панчулидзеву, что онъ былъ человѣкъ чрезъ чуръ самостоятельный, а пензенское дворянство было многочисленно, самолюбиво, капризно и имѣло сильныя связи съ Петербургомъ.

Вице-губернаторомъ въ Пензѣ, во времена моего дѣтства, былъ Владиміръ Михайловичъ Прокоповичъ-Антонскій, родной братъ Дмитрія Михайловича Прокоповича-Антонскаго, который впослѣдствіи, въ качествѣ директора почтоваго департамента, очутился моимъ начальникомъ. Вице-губернаторъ прежняго времени не имѣлъ никакого сходства съ вице-губернаторами нынѣшняго. Это былъ просто предсѣдатель казенной палаты и слѣдовательно начальникъ моего отца. Я рѣшительно не знаю, что̀ сказать о Прокоповичѣ-Антонскомъ. Это былъ высокій, видный, румяный господинъ, котораго можно бы назвать весьма красивымъ, если бы не портило дѣла

какое то сонное выраженіе всей его фигуры. Самая фамилія его показываетъ, что онъ былъ малороссіянинъ, а физіономія показывала, что онъ одержимъ несказанно лѣнью, именно малороссійскою, лѣнью перваго сорта, превосходящею даже великороссійскую лѣнь. Эта знаменитая лѣнь сильно отражалась какъ на служебной его дѣятельности, такъ и на частной жизни. Заключаю эго потому, что, не смотря на продолжительное пребываніе его въ этой должности, въ которой онъ, казалось, и родился, я всетаки не могу привести рѣшительно ни одного обстоятельства, которое сколько нибудь помогло бы мнѣ обрисовать эту личность, хотя Прокоповичъ былъ главнымъ начальникомъ моего отца, а изъ всѣхъ рѣчей и толковъ, которые я слышалъ въ моей семьѣ во времена дѣтства, самая значительная часть посвѣщалась всегда начальству. Видно было, что онъ дорожилъ болѣе всего спокойствіемъ, рутинно исполнялъ свои обязанности и ревниво устранялъ и въ должности и въ жизни всякія явленія, сопряженныя съ какимъ нибудь необычнымъ движеніемъ и волненіемъ.

Волненія весьма сильныя, однако, ожидали его въ будущемъ, чего конечно онъ не зналъ. Дѣло въ томъ, что уже послѣ моего отъѣзда съ родины, Прокоповичъ, не знаю почему, сдѣланъ былъ губернаторомъ, если не ошибаюсь, рязанскимъ. Большой бѣды тутъ еще не было. На губернаторскомъ мѣстѣ, съ нѣкоторою ловкостію, можно спать почти также покойно, какъ и на мѣстѣ вице-губернатора. Но бѣда пришла съ такой стороны, откуда менѣе всего можно было ее ожидать. Министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, во время

какого-то сельскохозяйственнаго путешествія заѣхалъ въ Рязань, очаровался—удивительное дѣло—губернаторомъ и, что еще удивительнѣе, предложилъ ему мѣсто директора департамента въ своемъ министерствѣ, которое и было принято. Но не въ добрый часъ сошлись эти господа и совершили эту конвенцію, обнаружившую самымъ осязательнымъ образомъ отсутствіе съ ихъ стороны какой либо особенной проницательности. Съ момента этой конвенціи начались взаимныя ихъ мученія. Киселевъ требовалъ быстроты, тотъ разумѣется не могъ исполнить этого требованія, совершенно противнаго его природѣ. Начались непріятности. Графъ Киселевъ поспѣшилъ пересадить его въ сенатъ . . . но Прокоповичъ скоро умеръ.

О двухъ совѣтникахъ казенной палаты я упоминалъ уже выше. Вообще въ казенной палатѣ главнымъ человѣкомъ считался, и то не по дѣловому значенію, но преимущественно по прелестямъ собственнаго благополучія, совѣтникъ питейнаго отдѣленія, ибо это отдѣленіе доставляло начальнику его выгоды и средства, несравненно превосходящія тѣ, которыя получались другими совѣтниками. Замѣтно было, что попасть въ совѣтники питейнаго отдѣленія въ то время уподоблялось счастію попасть въ земной рай.

О совѣтникахъ губернскаго правленія могу представить свѣдѣнія болѣе обстоятельныя. Начну съ вещи едва вѣроятной, съ извѣстія, которое можетъ бросить даже тѣнь подозрѣнія на правдивость моихъ разсказовъ. Я, однако, въ случаѣ надобности, могу призвать въ свидѣтели всю пензенскую губернію и даже сослаться на

акты и дѣла туземныхъ присутственныхъ мѣстъ того времени. И лица и дѣла несомнѣнно станутъ на мою сторону и утвердятъ въ моемъ разсказѣ то, что дѣйствительно можетъ казаться сомнительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ показаться вѣроятнымъ и возможнымъ такой фактъ, что въ одномъ городѣ, въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, въ одно время были три совѣтника и всѣ Поповы! Между тѣмъ всѣ эти три совѣтника, именно въ губернскомъ правленіи, существовали и я всѣхъ ихъ хорошо помню. Предварительно замѣчу, что въ Пензѣ былъ поразительный урожай на Поповыхъ! Во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ професіяхъ Поповыхъ было множество. Куда ни зайдите — Поповыхъ встрѣтите неизбѣжно. Въ особенности изъ незначительныхъ чиновниковъ мѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ бо́льшая половина были Поповы. Въ этомъ самомъ губернскомъ правленіи, гдѣ дѣйствовали въ одно время три совѣтника Поповы, я хорошо помню нѣсколько другихъ личностей, въ качествѣ столоначальниковъ и канцелярскихъ служителей, носившихъ ту же фамилію. У меня въ дѣтствѣ было много пріятелей маленькихъ Поповыхъ. Если тѣ безчисленные Поповы, которые существовали въ мое врема размножались и плодились путемъ естественнымъ, то я теперь не имѣю основанія предполагать въ Пензѣ какихъ либо другихъ обывателей, кромѣ Поповыхъ.

Первый, т. е. чуть ли не старшій совѣтникъ губернскаго правленія былъ Поповъ, Иванъ Андреевичъ. Это былъ старикъ, значительно тучный, съ плѣшивой, почти голой головою. Оплывшую персону Ивана Андреевича ежедневно возили въ губернское правленіе и изъ правле-

нія мимо нашего дома, по Троицкой улицѣ. Замѣчательною чертою, относящеюся до Ивана Андреевича, можно считать то, что, какъ всѣ говорили: «у него сорокъ тысячъ» Кто считалъ его капиталы, кому нужно было знать размѣры ихъ — не знаю; всѣ говорили: «у Ивана Андреевича сорокъ тысячъ»! И я самъ, мальчишка еще, если выходилъ подходящій случай, тоже говорилъ: «у Ивана Андреевича сорокъ тысячъ»!

Другой совѣтникъ губернскаго правленія былъ Степанъ Михайловичъ Поповъ, родной отецъ извѣстнаго въ Петербургѣ Гаврилы Степановича Попова, проходившаго разныя званія и должности и потомъ—бывшаго не у дѣлъ; имѣвшаго нѣкогда значеніе—всѣмъ знакомаго человѣка, потомъ всѣми заброшеннаго, однимъ словомъ одного изъ тѣхъ петербургскихъ чиновныхъ экземпляровъ, которые пошумятъ, пошумятъ нѣкоторое время, потомъ увянутъ, и безъ шума уже, скромнехонько, отправятся въ Елисейскія... Гавріилъ Степановичъ былъ замѣчательный типъ петербургскихъ дѣятелей, переживающихъ самихъ себя, типъ, достойный особаго изученія. Степанъ Михайловичъ былъ юркій, подвижной старичокъ; его любили и считали добрымъ, но ограниченнымъ человѣкомъ. Кажется между имъ и его сыномъ было большое сходство...

Третьимъ совѣтникомъ былъ Иванъ Матвѣевичъ Поповъ, ничѣмъ особеннымъ незамѣчательный. Онъ былъ очень безобразенъ, длинный, нескладный, угреватый и вообщее крайне грязноватый. За то жена его, взятая изъ семьи Очкиныхъ, была поразительной красавицей. Къ сожалѣнію, какъ всѣ красавицы, она была, по общимъ

отзывамъ, довольно простовата и въ тоже время необладала безукоризненною добродѣтелью...

Всѣ эти совѣтники были слѣпыми орудіями въ рукахъ двухъ знаменитыхъ секретарей губернскаго правленія: Лысова и Андреева, о которомъ я говорилъ выше. Эти секретари, люди дѣйствительно дѣльные и знающіе, были настоящими двигателями и, какъ нынче говорятъ, «воротилами» всѣхъ дѣлъ по губернскому правленію. Къ совѣтникамъ едвали кто и обращался; всѣ знали только секретарей и съ ними исключительно совершались и заключались всевозможныя сдѣлки. Они могли сдѣлать все—и ничего не сдѣлать. Впослѣдствіи я былъ въ передѣлѣ у секретаря одной изъ петербургскихъ палатъ, человѣка очень умнаго и пріятнаго, и на дѣлѣ убѣдился въ необъятномъ могуществѣ подобныхъ лицъ. Дѣла, которыя казались не сбыточными, становились возможными; дѣла совершенно чистыя и ясныя, становились невозможными и не имѣли хода. И это въ Петербургѣ! Понятно, что̀ могли продѣлывать доки въ отдаленной, глухой провинціи!

Другіе экземпляры чиновниковъ были такіе же, всѣ вспоены однимъ молокомъ, взросли на однихъ началахъ и плыли по одному направленію, такого свойства, что впереди всегда стояла взятка, и вообще пожива, а потомъ уже самое дѣло, которое гнулось въ ту или другую сторону, смотря по количеству и свойству приношенія. О правдѣ было мало заботы и едвали она имѣла какое либо значеніе. Всегда говрили о томъ сколько взято, а о томъ, по правдѣ ли .дѣло сдѣлано, едвали говорили, ибо если первый вопросъ представлялъ для мѣстныхъ дѣятелей

громадный интересъ и великое значеніе, то другой вопросъ былъ для нихъ совершенно безразличенъ и не представлялъ ни интереса, ни значенія.

Какъ въ губернскомъ правленіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ палатахъ гражданской, уголовной и т. д. главными «воротилами» были также секретари. Тамъ были разумѣется и предсѣдатели и совѣтники, и разные засѣдатели; но все это составляло одинъ баластъ и необходимую декорацію. Вся сущность заключалось въ секретаряхъ и частію столоначальникахъ. Если вы съ ними сторговались, заключили сдѣлку, можете спать спокойно, ваше дѣло будетъ сдѣлано. Если торгъ не состоялся, сдѣлка не завершена, нечего и обращаться ко всѣмъ совѣтникамъ и засѣдателямъ; это пѣшки, большею частію безъ знанія дѣла и потому безъ всякого значенія, разумѣется за нѣкоторыми, впрочемъ весьма рѣдкими, исключеніями. Что̀ секретари имъ поднесутъ, то они подпишутъ. Что̀ секретари имъ удѣлятъ изъ добычи — они тѣмъ и довольны.

Тоже самое было и въ мѣстахъ второстепенныхъ: уѣздномъ судѣ, земскомъ судѣ, дворянской опекѣ и т. д. Разница могла существовать только въ размѣрахъ и пріемахъ. Размѣры, конечно, были менѣе значительны, пріемы, разумѣется, несравненно грязнѣе и нахальнѣе. Но едвали можно сказать что нибудь новое по этой части. Литература наводнена подобными описаніями. Театры наши изобилуютъ представленіями того же характера. Слѣдовательно повтореніе подобныхъ вещей, даже особенно талантливое, не можетъ быть ни забавнымъ, ни пріятнымъ...

Надъ пензенскими дѣятелями еще во время моего дѣтства разразилась страшная гроза. Не помню, въ какомъ именно году пріѣхалъ туда сенаторъ Горголи, съ толпою петербургскихъ чиновниковъ, для ревизіи губерніи. Горголи былъ высокій, стройный, совершенно сѣдой старикъ, но старикъ еще бодрый, державшійся прямо, одинъ изъ тѣхъ, про которыхъ говорятъ «аршинъ проглотилъ». Онъ носилъ военный мундиръ и свирѣпо накинулся на Пензу. О нашествіи его потомъ вспоминали, какъ о чумѣ. Въ матерьялахъ для кары, свидѣтельствующихъ о неправдѣ, взяточничествѣ, притѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ всякаго рода недостатка не было, точно также какъ, повидимому, не было недостатка въ энергіи стараго Горголи. Можно думать, что онъ дѣйствительно хотѣлъ наказать виновныхъ и, по возможности, если не искоренить, то ослабить зло на будущее время. Заключеніе это основываю на томъ, что онъ отдавалъ подъ судъ цѣлыми массами, такъ что едвали кто изъ чиновниковъ той эпохи избѣжалъ этой участи. У него только и была одна эта кара преступленій, кара бумажная, такъ сказать письменная, совершенно подходящая подъ вкусы и таланты мѣстныхъ чиновниковъ. Послѣдствіемъ было то, что чуть ли не всѣ они оправдались и, въ то время, когда Горголи, возвратившись въ Петербургъ, въ полномъ сознаніи доблестнаго исполненія имъ возложеннаго на него долга, вѣроятно составлялъ краснорѣчивое донесеніе Государю о принятыхъ имъ мѣрахъ, которыя несомнѣнно должны искоренить зло, мѣстные чиновники, освобождаясь и отъ напущеннаго на нихъ страха и отъ уголовнаго суда, которому они были пре-

даны, начинали по прежнему взяточничествовать и спокойно творить прежнія злоупотребленія...

Обращаюсь къ пензенскому обществу. Для меня трудно обрисовать его уже потому, что я былъ тогда малъ, и долженъ говорить только по наблюденіямъ, доступнымъ мальчику моихъ лѣтъ. Съ полною достовѣрностію могу сказать только, что общество это рѣзко дѣлилось на слои или разряды.

Первый слой былъ аристократическій. Извѣстно, что нѣтъ даже деревни, гдѣ не было бы своихъ аристократовъ. Но пензенская аристократія имѣла существенное право на это званіе. Дворянство тамъ было большею частію чистокровное и заключало въ себѣ много древнихъ фамилій: какъ Араповы, Загоскины, Сабуровы, Ахлебинины, Всеволожскіе, Кишенскіе, Дубенскіе и т. д. Все это имѣло связи въ Петербургѣ, вслѣдствіе чего наши дворяне часто бывали тамъ, а столичные ихъ родственники и пріятели часто бывали въ Пензѣ. Вѣроятно отъ этихъ связей и отношеній Пенза стояла такъ сказать на уровнѣ современныхъ идей, современныхъ модъ и вообще современной жизни. Пензенское дворянство ревниво держалось отдѣльности своего круга и было гордо и малодоступно для другихъ слоевъ. Если туда и допускали личности служебнаго міра, то никакъ не ниже совѣтниковъ и то, болѣе въ видахъ дѣловыхъ сношеній. Дворянамъ и помѣщикамъ нельзя и не имѣть пріятельскихъ отношеній съ лицами административнаго міра уже потому, что они помѣщики, и вслѣдствіе безчисленныхъ интересовъ, связанныхъ съ ихъ имѣніями, должны, если бы и не хотѣли, обращаться часто къ дѣловымъ людямъ,

которые владѣютъ удивительнымъ искуствомъ дѣлать бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ.

Въ аристократическій міръ я не имѣлъ доступа, потому что отецъ мой не принадлежалъ къ нему, ибо, по чиновному положенію, стоялъ ниже совѣтниковъ. Но тамъ велась жизнь роскошная, балъ за баломъ шли непрерывно, устраивались домашніе спектакли, концерты и т. п. Жизнь эта была роскошна и потому раззорительна. Старый мой пріятель, А. Н. Селивановъ, тоже довольно богатый пензенскій помѣщикъ, подъ давленіемъ пензенской роскоши, вынужденъ былъ совершенно оставить Пензу и переселиться въ Орловскую губернію, гдѣ было имѣніе жены его. На мои укоры: какъ ему не жаль было оставить родину, онъ отвѣчалъ, что въ Пензѣ положительно жить нельзя, если не хочешь раззориться въ конецъ. По его словамъ въ Пензѣ царила роскошь просто безумная, «трюфли» занимали въ ней рельефное мѣсто. Если у такого-то сегодня на званомъ обѣдѣ было столько-то трюфелей, то завтра на вашемъ званомъ обѣдѣ должно быть непремѣнно вдвое больше. Однихъ этихъ трюфелей привозилось столько, что люди не могли съѣсть, ихъ надо было выбрасывать.

За аристократическимъ слоемъ шелъ слой второстепенный, средней руки, гдѣ разумѣется о трюфеляхъ не имѣли понятія, гдѣ танцовали не подъ оркестръ, а подъ одну скрипку, гдѣ, вмѣсто шампанскаго, въ торжественныхъ случаяхъ пили «цимлянское» и гдѣ, наконецъ, вмѣсто всякихъ затѣйливыхъ пирожныхъ, изготовлялись сдобные «розанцы» съ вареньемъ. Это именно тотъ слой, къ которому принадлежали чиновные люди сред-

ней руки: казначеи, исправники, судьи и т. п. и къ которому, слѣдовательно, принадлежали мой отецъ и мое семейство. И если аристократическій слой далеко превосходилъ этотъ второстепенный слой богатствомъ, роскошью, изяществомъ, представительностію, то не думаю, чтобы онъ превосходилъ его задушевнымъ весельемъ; тамъ подчинялось все извѣстнымъ законамъ, а тутъ все истекало изъ свойственной людямъ средней руки простоты, въ которой нѣтъ мѣста никакимъ грубымъ явленіямъ и церемоннымъ, стѣсняющимъ условіямъ.

Третій слой пензенскаго общества, представлялъ уже самый грязный осадокъ всего, что только могла выдѣлять изъ себя родная Пенза. Въ изображеніи моего дѣтства я неизбѣжно долженъ коснуться и этой среды.

ГЛАВА V.

Нашъ семейный бытъ.—Составъ семейства.—Составъ нашей прислуги.—Старуха Наталья.—Косой Митька.—Хозяйственныя черты.—Пѣгій конь.—Долгуша.

Мой семейный бытъ того времени!.. Съ чего же начать? По моему убѣжденію, литературный талантъ ничѣмъ такъ ясно и полно не выражается, какъ рельефностью описаній. Никто изъ нашихъ писателей не владѣетъ такъ могущественно этою силою, какъ Тургеневъ. Послѣ того, какъ вы прочли его разсказъ, предъ вами стоитъ, почти физически, живая картина. Вы видите ясно и опредѣленно все, что Тургеневъ написалъ въ своемъ раз-

сказѣ. Наше собственное воображенiе, какъ будто подкупленное авторомъ, само идетъ въ союзъ съ художникомъ и само уже разставляетъ и групируетъ предметы, выведенные въ разсказѣ. Вы видите Ивана, стоящаго непремѣнно на право, видите даже, въ какомъ онъ зипунѣ или какой шапкѣ, хотя авторъ объ этомъ не говоритъ. Скорѣе картина разрушится, исчезнетъ, чѣмъ приметъ другую форму, а не ту, которая создалась въ вашемъ воображенiи по влiянiю художника. Каждый разсказъ Тургенева—прелестная, а главное живая, въ очiю предъ вами стоящая, картина. Всѣ разсказы Тургенева можно перенести на полотно, можно написать изъ нихъ столько же картинъ, сколько написалъ Айвазовскiй морскихъ видовъ, а Верещагинъ туркестанскихъ типовъ. Для картины, какъ и для всякого произведенiя, нужна мысль и форма. И рѣдко можно встрѣтить произведенiе одинаковое и по мысли и по формѣ. Если мысль хороша, форма слаба. Если форма хороша, композицiя подгуляла.. Мы видимъ это всюду: и въ музыкѣ, и въ литературѣ, и въ живописи. Равенство мысли и формы въ одномъ произведенiи—было бы совершенствомъ, а оно почти недостижимо, хотя никто не предпочтетъ то произведенiе, гдѣ форма лучше мысли. Форму ставятъ всегда на второй планъ и снисходительно простятъ недостатки ея, если мысль высока и прекрасна.

Можно представить, съ какими тревожными мыслями приступаю я къ изображенiю моего семейнаго быта. Лишь бы вышло складно, хоть вовсе нехудожественно. Я хотѣлъ бы исполнить эту задачу не для моего личнаго тщеславiя, не для того, чтобы слышать привѣт-

ствія: а для того, чтобы выразить безъ преувеличенія, безъ фразъ, безъ реторики, какую свѣтлую память храню я о домѣ моего отца.

Семья наша была не многочисленна. Насъ было четверо: два брата и двѣ сестры. Старшій былъ я. За мною слѣдовала сестра Ѳеоктиста или Ѳеша, Ѳешинька, какъ мы звали ее по домашнему; съ младенчества воспитывалась она внѣ родительскаго дома. Все наше родство, преимущественно со стороны матери, раздѣлялось на двѣ половины. Одна жила въ Пензѣ, другая въ Саратовѣ. Къ первой половинѣ принадлежало семейство моей матери и многочисленное семейство брата ея, Алексѣя Ѳедоровича Мура, пензенскаго исправника, о которомъ я говорилъ.—Ко второй принадлежали: другой братъ моей матери, Иванъ Ѳедоровичъ Муръ, и сестра Дарья Ѳедоровна, тоже съ большими семействами. Какъ ни трудны были въ то время всевозможныя путешествія по нашимъ ужаснымъ грунтовымъ дорогамъ,—все таки, изрѣдка, эти половины нашего родства передвигались изъ города въ городъ и дѣлала другъ другу визиты. То саратовскіе родные приползутъ къ намъ, то пензенскіе отправятся въ Саратовъ. Эти передвиженья были истинными эпохами въ нашемъ родственномъ мірѣ, во времена моего дѣтства. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мнѣ придется касаться ихъ не разъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ я самолично участвовалъ. Здѣсь скажу только, что отъ Саратова до Пензы 180 верстъ, или, какъ тогда говорили «два девяноста.» Посреди пути стоялъ городъ Петровскъ, раздѣлявшій этотъ путь на двѣ ровныя половины, т. е. до Петровска было одно «девяносто,» а за Петровскимъ

другое. Путешествіе совершалось, разумѣется, всегда на своихъ лошадяхъ, съ большою прислугою. Въ экипажахъ громоздились запасы какъ для людей, такъ и для лошадей. Путь совершался всегда въ три дня.

Потомъ въ Саратовѣ жила замѣчательная барыня— Надежда Евстафьевна. Я хорошо зналъ ее; но что̀ это было за существо относительно происхожденія, званія, ранговъ и отличій—и тогда не зналъ и теперь не знаю. Кажется, она была вдова предсѣдателя саратовской гражданской палаты Полякова; впрочемъ это только мнѣ кажется по нѣкоторымъ смутнымъ воспоминаніямъ; но я нисколько этого не утверждаю. Утверждаю я, что, какъ тогда на мои дѣтскіе глаза, такъ и теперь въ моихъ воспоминаніяхъ, Надежда Евстафьевна была личностью, весьма замѣчательною. Это была дама величественнаго вида и величественныхъ манеръ. Очень высокая, очень важная и въ тоже время очень привѣтливая. Я иначе не могу ее вспомнить, какъ закутанною въ шаль, въ чепцѣ, съ двумя буклями по сторонамъ продолговатаго и чрезвычайно симпатичнаго лица. Она осуществляла портреты старинныхъ французскихъ дамъ. Неподлежало сомнѣнію, что она получила прекрасное образованіе и олицетворяла собою идеалъ дамы большого свѣта. Въ тоже время она, по видимому, располагала значительными средствами. Я по крайней мѣрѣ хорошо помню прекрасную дачу ея, верстахъ въ пяти или десяти отъ Саратова. Помню даже, что звали эту дачу «Гуселки.» Я лично былъ тамъ разъ или два и разумеѣтся удивлялся изяществу и, какъ мнѣ казалось, роскоши ея устройства, въ особенности обилію цвѣтовъ, въ которыхъ она

утопала. Значительныя средства давали ея несомнѣнно доброму сердцу, возможность дѣлать много добрыхъ дѣлъ, къ числу которыхъ принадлежало и воспитаніе сестры моей Ѳеши...

Какія отношенія установились, и какъ они установились, между моею скромною семьею и этою знатною и доброю дамою—рѣшительно не знаю; но отношенія эти очень походили на тѣ, которыя потомъ существовали между моей петербургской семьей и домомъ князей Барятинскихъ и, въ особенности, незабвенной княгиней Марьей Ѳедоровной. Въ этихъ отношеніяхъ, съ одной стороны, проявлялась готовность помочь чѣмъ можно небогатымъ людямъ, а съ другой благодарность и преданность этихъ людей. Имя Надежды Евстафьевны всегда окружалось въ моей семьѣ какимъ то благоговѣніемъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ моей семьи въ Саратовъ къ тамошнимъ роднымъ, Надежда Евстафьевна вѣроятно узнала эту семью, и подъ вліяніемъ прекраснаго сердца, обильныхъ средствъ, потомъ скуки бездѣтнаго существованія, полюбила хорошенькую четырехлѣтнюю дѣвочку, и взяла ее на воспитаніе.

Сестра Ѳеша возвратилась въ родительскій домъ уже лѣтъ 12. Несмотря на то, что она была смугла, что лицо ея не отвѣчало ни одному условію такъ называемой классической красоты, она была очень мила и вполнѣ осуществляла вѣрную русскую поговорку: «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ!» Сложена она была прекрасно, голосъ у нее былъ тихій, нѣжный; въ манерахъ простота и благородство, свойства, которыя не даются никакимъ воспитаніемъ, никакими гувернантками, но даются при-

родою. Чтобъ лучше обрисовать эту милую личность, прибавлю, что отецъ нерѣдко называлъ ее «королевою!» Съ такими свойствами Ѳеша не могла не возбуждать сильной симпатіи въ молодыхъ людяхъ того времени. Я помню такой казусъ, что когда одинъ изъ нихъ рѣшился предложить Ѳешѣ руку и сердце, то въ тотъ же моментъ съ такими же предложеніями подлетѣло еще нѣсколько экземпляровъ, такъ что такое внезапное обиліе жениховъ, объявившихся въ одно время, ставило отца и мать въ тупикъ, ибо вызывало сравненія и другія соображенія; но сестра отдала предпочтеніе первому.

Есть много важныхъ вопросовъ, которыми неустанно занимается человѣчество и которыхъ никакъ рѣшить неможетъ. Я тоже участвую въ этихъ вопросахъ и становлюсь, по крайнему моему разумѣнію, на ту или другую сторону. Къ такимъ вопросамъ принадлежатъ различныя мнѣнія о воспитаніи, сожиганіи мертвыхъ и смертной казни. О послѣдней, напримѣръ, существуютъ два противоположныя мнѣнія: одно говоритъ, что она нужна, другое—нѣтъ. Не вдаваясь въ теоретическія изслѣдованія, разскажу только о впечатлѣніи, произведенномъ на меня смертною казнью.

Я видѣлъ казни въ Тифлисѣ и видѣлъ не одинъ разъ. Живо помню, что когда впервые довелось мнѣ быть при этомъ зрѣлищѣ, я былъ, какъ говорится, самъ не свой, дрожалъ, испытывалъ самыя тревожныя ощущенія, какъ будто меня самого ожидала казнь...Одинъ армянинъ и два персіянина (персіяне постоянно наводняютъ Тифлисъ) условились ограбить часовой магазинъ, находившійся въ самомъ центрѣ города. Но магазинъ

этотъ въ ночное время оберегался двумя, тоже персіянами, нанятыми отъ хозяина. Для успѣха въ исполненіи замысла, необходимо было удалить ихъ. Заговорщики, прежде всего, познакомились съ сторожами, угощали ихъ виномъ, однимъ словомъ подружились. Потомъ сочинили и сообщили имъ такую исторію, что на самомъ концѣ города живетъ одинъ изъ самыхъ близкихъ и хорошихъ ихъ друзей, что другъ этотъ настоятельно желаетъ познакомиться и съ ними (охранителями) и усердно проситъ ихъ навѣстить его вмѣстѣ съ ними (грабителями). Охранители долго отказывались и говорили, что они никакъ не могутъ оставить магазина, но новые друзья усиливали свои настоянія. Наконецъ состоялось такое соглашеніе, что одинъ изъ охранителей отправится съ новыми друзьями къ новѣйшему другу, а другой останется охранять магазинъ. Въ одинъ прекрасный лунный вечеръ грабители съ однимъ изъ охранителей отправились по назначенію. Едва вышли они за городъ, одинъ изъ грабителей, высокой персіянинъ, хватаетъ охранителя за горло, армянинъ накидываетъ ему на шею ремень и окончательно его душитъ, а другой персіянинъ, маленькій и толстенькій, взваливаетъ трупъ себѣ на спину, тащитъ къ оврагу и бросаетъ его туда. Затѣмъ грабители, всѣ ли вмѣстѣ, двое ли изъ нихъ, или только одинъ (немогу припомнить съ точностію) возвращаются въ городъ, идутъ въ извѣстный часовой магазинъ и объявляютъ оставшемуся тамъ охранителю, что безъ его участія дѣло приходитъ въ совершенное разстройство, что товарищъ его не пьетъ, не ѣстъ и все скучаетъ по немъ и т. п., а въ заключеніе умоляетъ его присоеди-

ниться къ нимъ для общаго веселья. Несчастный соглашается, они отправляются по извѣстному пути и, какъ только выходятъ за городъ, съ нимъ повторяется таже исторія, которая постигла перваго охранителя. Тогда грабители бросаются въ часовой магазинъ за добычею, но въ слѣдствіе чисто случайныхъ обстоятельствъ, о которыхъ разсказывать и долго и скучно, тутъ же попадаются въ руки полиціи.

Въ это время (1858 г.) я былъ начальникомъ канцеляріи намѣстника и подъ моимъ наблюденіемъ и руководствомъ разсматривались результаты слѣдствія, дѣлались соображенія съ законами и составлялся проектъ приговора. Приговоромъ, утвержденнымъ намѣстникомъ, опредѣлено было: двухъ грабителей: армянина, какъ составителя плана и главнаго руководителя, и высокаго персіянина, какъ главнаго душителя, повѣсить; а маленькаго и толстенькаго персіянина, который таскалъ на себѣ трупы и бросалъ ихъ въ оврагъ, подвести тоже къ висѣлицѣ и продѣлать надъ нимъ всѣ относящіеся сюда обряды, но не вѣшать, а прогнать сквозь строй.

На избранномъ холмѣ, за городомъ, близъ мѣста преступленія, поставлены были три висѣлицы. Каждая имѣла форму «глаголя» и состояла изъ довольно высокаго столба, на верхнемъ концѣ котораго придѣлана была изъ дерева же, и только въ одну сторону, перекладина. На концѣ этой перекладины вдѣлано было желѣзное кольцо, а въ кольцо вдѣта веревка, въ формѣ петли. Къ этимъ висѣлицамъ приставлены были высокія лѣстницы, по которымъ палачъ вмѣстѣ съ преступникомъ

должны были входить, чтобы добраться до петли и перекладины.

Въ назначенный день, довольно рано, преступниковъ, на извѣстной позорной колесницѣ, съ извѣстными надписями на груди, въ сопровожденіи жандармовъ и значительнаго военнаго конвоя, при барабанномъ боѣ, провезли по городскимъ улицамъ на мѣсто казни. За ними валили несмѣтныя народныя толпы. Чрезъ нѣкоторое время и я отправился туда посмотрѣть впервые, что такое казнь? Сердце во мнѣ замирало. Я боялся, представляя ожидающее меня зрѣлище, упасть въ обморокъ, что̀ было бы слабостію непростительною и позорною въ странѣ, гдѣ не полагалось никакихъ слабостей. Мое значеніе позволило мнѣ приблизиться невозбранно къ самому мѣсту дѣйствія и войти въ самый квадратъ, образуемый войсками. Преступникамъ прочитали приговоръ, армянина напутствовалъ армянскій попъ. Потомъ—приблизился палачъ и повелъ перваго (т. е. армянина) къ одной изъ висѣлицъ. Здѣсь палачъ надѣлъ на него саванъ и, концы длинныхъ рукавовъ завязалъ. Потомъ палачъ и преступникъ вмѣстѣ стали подниматься по лѣстницѣ и когда достигли вершины, остановились. Палачъ досталъ петлю, прикрѣпленную къ кольцу и надѣлъ ее на шею преступнику, потомъ столкнулъ его съ лѣстницы. Преступникъ, брошенный въ пространство и задерживаемый одною петлею, началъ раскачиваться изъ стороны въ сторону. Во время этого раскачиванія онъ дѣлалъ какія то движенія завязанными руками, какъ бы желая приподнять ихъ и приблизить къ затянутой шеѣ. Раскачнувшись сильно раза два или три, трупъ началъ по-

*

степенно останавливаться и наконецъ принялъ неподвижное положеніе, въ которомъ и оставался до другого дня.

Со вторымъ преступникомъ, длиннымъ персіяниномъ, повторилась таже самая операція. Разница была въ томъ только, что когда палачъ столкнулъ его съ лѣстницы, то онъ раскачивался несравненно сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ первый, причемъ руки его оставались неподвижными; за то ноги были раскинуты врознь, на сколько могли быть раскинуты. Въ теченіи цѣлаго дня оба висящіе трупа были видимы со всѣхъ точекъ города, покачиваясь изрѣдка подъ вліяніемъ порывовъ вѣтра.

Но вотъ что истинно замѣчательно. Во время этихъ казней, которыхъ я ждалъ съ такимъ страхомъ, съ такимъ волненіемъ, я не только не упалъ въ обморокъ, но рѣшительно не испытывалъ никакихъ волнующихъ ощущеній. Какъ это случилось и отчего—объяснить не могу. Быть можетъ саваны, скрывавшіе лица преступниковъ, въ моментъ агоніи,—были тому причиною. Но этого мало. Когда вѣшали перваго разбойника, другіе два смотрѣли на этотъ процесъ, и я старался прочитать на ихъ лицахъ ужасъ и мучительное ожиданіе такого же процеса для нихъ самихъ. Но никакого ужаса и мученія на ихъ лицахъ я не прочиталъ. Я видѣлъ какое то тупое, безсмысленное любопытство и только. Въ толпахъ, вмѣстѣ со мною присутствовавшихъ при этомъ зрѣлищѣ, я тоже не видѣлъ ни обмороковъ, ни другихъ проявленій взволнованныхъ чувствъ.

Но когда, вслѣдъ затѣмъ, третьяго разбойника, маленькаго и толстаго персіянина, получившаго «снисхожде-

ніе,» начали, вмѣсто смертной казни, гонять сквозь строй и когда свистящія палки, почти безъ звука, погружались въ растерзанное кровавое мясо, я поспѣшилъ въ самомъ началѣ операціи удалиться и помню, что многіе тоже удалились, ибо смотрѣть на это ужасное дѣло было не выносимо. Я унесъ такое впечатлѣніе, что маленькій и толстый разбойникъ, не смотря на то, что получилъ «снисхожденіе», заплатилъ за свое преступленіе въ тысячу разъ дороже своихъ товарищей. Навѣрное и другіе такъ думали...

Второй вопросъ: что лучше: сжигать трупы мертвыхъ или закапывать въ землю? Я говорю: сжигать несравненно лучше. Кромѣ того, что, закапывая трупы въ землю, вы дѣлаете зло живущимъ, ибо отравляете землю, воду, воздухъ, вы подвергаете самый видъ умершаго, въ глазахъ близкихъ и неблизкихъ, самой отвратительной формѣ. Можетъ ли мужъ, обожавшій свою жену, жена, боготворившая мужа, видѣть равнодушно, безъ ужаса и отвращенія, какъ дорогой прахъ начинаетъ гнить и, распространяя нестерпимое зловоніе, сваливается наконецъ въ болотную яму. Можетъ ли это ужасное впечатлѣніе исчезнуть и отдѣлиться отъ всѣхъ другихъ воспоминаній объ умершемъ? Это невозможно. Невозможно цѣловать съ прежнею любовію трупъ, поражающій зловоніемъ, нѣкогда милый образъ, у котораго носъ провалился и губы сгнили! Невозможно заставить наше воображеніе представить что «нашъ ангелъ въ небесахъ,» когда мы видѣли, что его опустили въ землю. Между тѣмъ, когда трупъ подвергнутъ сожженію и оставилъ только одинъ чистый пепелъ, намъ нетрудно вѣ-

рить, что нашъ другъ дѣйствительно «въ небесахъ!» На землѣ, кромѣ этого драгоцѣннаго пепла, ничего не осталось. И этого довольно. Я думалъ такъ, когда вопросъ этотъ еще не поднимался и не возбуждалъ такого интереса, какимъ онъ сопровождается теперь, когда большинство смотритъ на него точно также, какъ и я.

Третій вопросъ относящійся къ тому, отчего люди бываютъ хороши или нехороши? Одни говорятъ, что отъ свойствъ, данныхъ природой, другіе утверждаютъ, что отъ воспитанія, что люди родятся одинаковыми, что дѣти—воскъ, изъ котораго можно вылѣпить, что̀ угодно и только отъ воспитанія они дѣлятся на дурныхъ и хорошихъ. Я всегда раздѣлялъ мнѣніе первыхъ, и раздѣляю его потому, что еще до воспитанія дѣти проявляютъ уже природныя свойства, добрыя или дурныя, что дѣти однихъ родителей, при одинаковомъ воспитаніи, бываютъ совершенно различны, что наконецъ дѣти, прекрасно воспитанныя въ богатыхъ домахъ, выходили мерзавцами, а дѣти, неполучившія никакого воспитанія становились людьми честными, добродѣтельными, примѣрными. Такъ точно, говоря о сестрѣ Ѳешинькѣ, я допускаю, что ея воспитательница, умная и образованная Надежда Евстафьевна могла дать «развитіе» ея прекраснымъ свойствамъ; но самыя свойства эти даны ей природою.

За сестрой Ѳешей слѣдовала, по старшинству, сестра Александра. Саша была тоже очень милое существо, но въ противуположныхъ старшей сестрѣ формахъ. Ѳеша высока, стройна, граціозна. Саша была полною,

сдобною, румяною. Сколько та была тиха, столько же эта бойка; та кротка, эта задорна; та всѣмъ уступала— эта никому. Однимъ словомъ Саша была изъ тѣхъ, которыя за словомъ въ карманъ не лезутъ. Впрочемъ бойкость ея нисколько не выходила изъ предѣловъ; напротивъ она ее какъ то украшала. Всѣмъ пріятно и весело было видѣть такую маленькую и уже такую смышленную дѣвочку.

Такъ какъ сестра Ѳеша большую часть своего дѣтства провела въ чужомъ домѣ и возвратилась въ родительской не за долго до моего отъѣзда въ Петербургъ, а братъ былъ еще очень малъ, то мое дѣтство представляется въ моихъ воспоминаніяхъ неразрывнымъ съ сестрой Сашей; дружба у насъ была страшная; но и война безпрерывная и неустанная. Смѣшно сказать, но несмотря на то, что я былъ много старше ея, въ постоянныхъ съ нею столкновеніяхъ, я всегда былъ въ проигрышѣ. Быть можетъ именно потому, что я былъ много старше, вся власть, все могущество, въ нашемъ домѣ, всегда становились на ея сторону. Признавая свои преимущества, она большею частію сама начинала непріязненныя дѣйствія, въ полной увѣренности найти защиту и поддержку сверху. Когда бывало дашь, какъ говорится, «сдачи», въ той или другой формѣ, она тотчасъ пищитъ: «Маменька! Васинька меня все трогаетъ!» На этотъ возгласъ всегда раздавался голосъ матери: «Эй ты, дубина! Опять связался чортъ съ младенцемъ!» или что нибудь въ этомъ родѣ. Въ нашей простой семьѣ утонченность выраженій не имѣла мѣста. По полученіи такого репримандa, во мнѣ естественно являлось свой-

ственное каждому человѣку стремленіе совершить «вендетту», и потому немедленно состроишь дѣвчонкѣ новую каверзу, въ слѣдствіе чего она опять пищитъ: «Маменька! Васинька меня опять все дразнитъ!» а затѣмъ слышатся вновь лестные для меня возгласы матери съ многознаменательнымъ прибавленіемъ: «смотри! отцу скажу!» Не смотря на эти безпрерывныя сшибки, я очень любилъ маленькую сестренку за ея бойкость, живость, веселость и необычайную смышленость. Воспитаніе ея и образованіе, производимое тѣми же семинарскими богословами и философами, было, разумѣется, чрезвычайно бѣдно. Но образованіе, такъ сказать хозяйственное, было основательно и обширно въ изумительной степени. Еще маленькой дѣвочкой она была уже самой дѣльной и дѣятельной помощницей матери. Она вѣчно гремѣла ключами и порхала по кладовымъ, погребамъ, постоянно летала въ кухню или изъ кухни, не устанно совѣщалась съ Натальей, перломъ стародавней прислуги. Результатомъ было то, и результатомъ благодѣтельнымъ, что когда она вышла замужъ, когда они вмѣстѣ съ мужемъ народили кучу дѣтей, когда судьба, далеко не блистательная, начала трепать ихъ по волнамъ житейскаго моря, ея провинціальное хозяйственное образованіе было надежнымъ якоремъ, на которомъ единственно они могли кое какъ держаться и спасаться отъ конечной гибели. Она была идеаломъ жены, матери и хозяйки, идеаломъ той помощницы, которую мы часто такъ напрасно ищемъ въ нашихъ подругахъ. Если напр. заболѣетъ ребенокъ изъ числа разнаго возраста и пола ребятишекъ, окружающихъ ее, она сама

вылечить его домашними средствами, польза и дѣйствительность которыхъ извѣстна ей съ дѣтства и не пошлетъ за докторомъ потому, вопервыхъ, что доктору не чѣмъ заплатить, а во вторыхъ въ увѣренности, что никогда и никому никакой докторъ непомогалъ. Если этому же или другому ребенку надобно сдѣлать рубашку или штанишки, она сама все сдѣлаетъ такъ, что въ одно время вещь будетъ и хороша и на двѣ трети дешевле покупной или заказанной. Если наконецъ предстоитъ сдѣлать именинный обѣдъ, она сама, при деревянномъ содѣйствіи какой нибудь деревенской, неотесанной бабы, ничего незнающей и ничего не умѣющей, сочинитъ такой роскошный, конечно не по богатству, а по вкусу, обѣдъ, что, какъ говорится, «пальчики оближешь»! Я часто утверждалъ, смотря на удивительную борьбу моей сетры съ бѣдною жизнью, среди дорогого Петербурга, что такая дѣльная, энергическая, умѣлая жена и мать превосходитъ жену, которая принесла бы приданаго 100 тысячъ. Не говорю уже о томъ, что богатая жена будетъ непремѣнно важничать передъ мужемъ и подавлять его своимъ денежнымъ превосходствомъ. Если такая жена, не умѣя ничего сама сдѣлать, будетъ только развязывать свой мѣшокъ для расплаты за тысячи разнородныхъ хозяйственныхъ потребностей, ничтожныхъ въ частности, но въ совокупности раззорительныхъ, то дѣло можетъ кончиться опустѣніемъ мѣшка и слѣдовательно исчезновеніемъ средствъ бороться противъ нищеты и спасаться отъ гибели. Не то у такихъ женъ и матерей, какъ Саша. Мѣшковъ съ деньгами онѣ не видали никогда. За то у нихъ золотыя, на все умѣлыя руки, энергія и хри-

стіанская покорность долгу. Какіе же мѣшки могутъ идти въ сравненіе съ этими богатствами?

Братъ Дмитрій былъ добрымъ ребенкомъ и я его любилъ чрезвычайно. Ребенкомъ я его и оставилъ на родинѣ, когда отправился въ Петербургъ. Когда я тамъ по возможности оперился, то вытребовалъ къ себѣ и брата. Я служилъ тогда въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ департаментѣ, которому былъ подчиненъ Лѣсной институтъ. Я былъ уже начальникомъ отдѣленія, любимъ начальствомъ и потому имѣлъ солидное значеніе. У меня явилась мысль отдать брата въ институтъ. Такъ и сдѣлалось. Я помню, однажды лѣтомъ, ко мнѣ доставленъ былъ братъ въ гимназическомъ мундирѣ, мальчикомъ лѣтъ 12. Операція опредѣленія его въ институтъ не была ни затруднительна, ни продолжительна. Съ тѣхъ поръ вся отвѣтственность за его будущность перешла на меня и, не вдаваясь въ подробности, скажу только, что я неустанно хлопоталъ вывести его въ люди, но хлопоты эти были мало успѣшны. Начать съ того, что учился онъ отвратительно. Съ безпокойствомъ ожидалъ я каждой суботы, когда рѣшался вопросъ, будетъ ли братъ отпущенъ изъ института. Всѣ суботы большею частію разрѣшали этотъ вопросъ отрицательно. Самъ бѣдный и страшно обремененный дѣлами, я нанималъ возницу и отправлялся выручать брата. Институтъ, не одинъ разъ преобразованный, и теперь на томъ же мѣстѣ, гдѣ тогда стоялъ. Тогда шоссе не существовало, а были необозримыя топи и блата, такъ что поѣздка въ институтъ и обратно представлялась дѣломъ серьезнымъ и труднымъ. Дѣло тянулось кое какъ и до-

тянулось доконца крайне не блистательно. Братъ выпущенъ лѣснымъ офицеромъ, но по второстепенному разряду, который загонялся въ отдаленныя трущобы Россіи и не смѣлъ думать о службѣ въ Петербургѣ. Такое предназначеніе шло въ совершенный разрѣзъ съ моими расчетами. Мое сердце предчувствовало, что въ этихъ трущобахъ не сдобровать брату. Тутъ началась борьба моя съ министерскими властями. Не задолго передъ тѣмъ я оставилъ министерство, увлеченный соблазнительными для бѣднаго чиновника предложеніями князя Александра Ивановича Барятинскаго. Переходъ этотъ сильно непонравился ни директору моему Брадке, ни самому министру, графу Киселеву. Директоромъ института въ моментъ выхода моего брата былъ графъ Ламсдорфъ. Графъ зналъ меня въ то время, какъ замѣтнаго чиновника по министерству. Когда я обратился къ нему съ просьбою оставить брата въ Петербургѣ, онъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ министра. Зная взглядъ его на мой переходъ изъ министерства, я запасся самымъ любезнымъ письмомъ къ министру отъ княгини Марьи Ѳедоровны Барятинской, матери князя Александра Ивановича. Киселевъ, когда я представилъ ему это письмо, отвѣчалъ, что онъ очень радъ, но что это зависитъ совершенно отъ графа Ламсдорфа. Но сколько меня ни перебрасывали такимъ образомъ отъ графа Киселева къ графу Ламсдорфу, отъ графа Ламсдорфа къ графу Киселеву, все таки оставить брата въ Петербургѣ мнѣ неудалось. Удалось только, посредствомъ оставшихся у меня въ министерствѣ связей, отправить его въ Саратовскую губернію, какъ я того желалъ, потому что въ этой губерніи, было

много нашихъ родныхъ и потому, что губернія эта была сосѣдственная съ нашею родиною. Предчувствіе меня не обмануло. Провинціальная трущоба немедленно наложила на брата такія печати, которыя потомъ трудно уже было уничтожить.

Картина моей семейной обстановки была бы далеко не полна, еслибъ я не помѣстилъ въ ней нашей прислуги, той прежней, старинной прислуги, которая исчезла навсегда и о которой теперь трудно составить понятіе. Центромъ нашей прислуги былъ рѣдкій экземпляръ, въ видѣ старухи Натальи. Эта была простая, худая, старая, болѣзненная женщина и, въ тоже время, положительно державшая весь нашъ домъ на своихъ хилыхъ плечахъ. На ней лежали всѣ обязанности, какія только могли существовать въ небогатомъ провинціальномъ семействѣ: обязанность быть всѣмъ, чѣмъ нужно. Наталью звали кухаркой или стряпухой, ибо кухарка считалась всюду дѣйствительно важнымъ человѣкомъ, да и кромѣ того, наши провинціальные отцы о другихъ названіяхъ прислуги имѣли мало понятія. Умудренный опытомъ жизни и просвѣщенный разными столичными городами, я, во имя справедливости, долженъ соединить въ лицѣ нашей почтенной Натальи тысячи самыхъ разнородныхъ названій: и ключницы и экономки и прачки и скотницы и т. д. Какъ ни бѣдно было наше имущество, его, все таки, надо было запирать и смотрѣть за его цѣлостію; бѣлье надо было стирать, корову доить и т. д. Я помню мы, дѣти, вѣчно вертѣлись съ своими желаніями, съ своими претензіями около Натальи, зная, что она одна можетъ все сдѣлать и кромѣ ея никто не-

можетъ сдѣлать. Наталья вѣчно въ хлопотахъ, вѣчно въ работѣ, вѣчно занятая, только, бывало, и отвѣчаетъ на всѣ стороны: «Хорошо, матушка!» или «слушаю, батюшка!» Какъ мы всѣ ее любили! Что за удивительный, тихій и кроткій былъ у ней характеръ! Ухватится кто нибудь изъ насъ, маленькихъ, за ея юбку, да такъ и таскается за нею съ своимъ нытьемъ. Она пойдетъ въ погребъ, а ребенокъ виситъ у ней на юбкѣ, и твердитъ: «Наталья, чтожь ты? дай скорѣй». Наталья съ ребенкомъ, спокойно шагаетъ и также спокойно говоритъ: «хорошо, батюшка! подождите, матушка!» Если это существо, вѣчно трудящееся, вѣчно кроткое, не причислено, по кончинѣ своей, къ лику угодниковъ, то я уже не знаю, кто можетъ имѣть на это большія права? Предъ большими праздниками Наталья, по мимо своей воли, какъ будто выростала нѣсколько въ глазахъ всего дома, ибо тутъ возлагались на нее и большія дѣла и большія надежды. Я помню, даже самъ отецъ, въ подобныхъ случаяхъ, вступалъ съ нею въ личныя объясненія по части изготовленія какой нибудь кулебяки, окорока, куличей и т. п. Когда, бывало, предъ Святой, проходишь комнаты, гдѣ стоятъ приготовленные куличи, окорока, яйца,—слюнки текутъ неудержимо.

Въ туманѣ сѣдой древности, разумѣется древней для меня только, едва мелькаетъ предо мной супругъ Натальи—старикъ Яковъ. Это былъ больной, маленькій, тщедушный старикашка, ничего уже недѣлавшій и ни къ чему неспособный. Онъ умеръ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ моемъ, и я помню, какъ мы, маленькіе, трепетали, проходя въ сумерки близь кухни: намъ все чудился

повсюду маленькій старикашка съ его впалыми щеками и козлиной бородой. Но у Натальи были двѣ дочери, которыя, послѣ матери, имѣли громадное значеніе въ нашемъ семейномъ быту, ибо на нихъ держался весь домъ, за исключеніемъ хозяйственной области самой Натальи. Онѣ дѣлали все, что дѣлаютъ горничныя, камердинеры, истопники, вообще комнатная прислуга разнообразныхъ наименованій. Старшую звали «Дунькой». Это была дѣвушка смирная, кроткая, не дурная собой, но весьма ограниченныхъ умственныхъ силъ, въ слѣдствіе чего и присвоеей было названіе «дуры». Ей приходилось рѣже слышать «кличку: «Дунька», чѣмъ названіе «дура». Между тѣмъ эта дура работала какъ волъ, ибо во первыхъ работа была не головоломная, разъ заведенная, не требующая глубокомысленныхъ соображеній, а во вторыхъ другихъ, болѣе даровитыхъ исполнителей не было. Меньшая сестра ея Александра, по просту «Сашка», была совершенною противоположностію. Та была тиха и скромна,—эта напротивъ что называется: «сорви голова». Та немножко глуповата,—эта способная дѣвчонка. Та, частію быть можетъ по глупости, чрезвычайно нравственна и вѣроятно не подпускала къ себѣ мущинъ, если бы и нашлись желающіе къ ней приблизится. Эта едвали понимала, что называется добродѣтелью. Самая наружность ихъ тоже была совершенно противуположна. Дунька была недурна, съ свѣжимъ, здоровымъ румянцемъ на лицѣ, которое отличалось вообще выраженіемъ доброты, кротости, стыдливости. Сашка походила нѣсколько на волка; такая же сѣрая, волосы сѣрые, лицо сѣрое, глаза сѣровато - зеленые. Кто видѣлъ портретъ

игуменьи Митрофаніи, тотъ лучше всего пойметъ наружность Сашки. Съ отъѣздомъ въ Петербургъ я потерялъ Сашку изъ виду, но нисколько не поручусь, чтобъ она небыла способна совершить подвиги въ родѣ митрофаніевскихъ. Есть такія личности, по одной наружности которыхъ видно, что онѣ на все готовы и не передъ чѣмъ не остановятся.

Самою замѣчательною личностію въ семьѣ Натальи былъ сынъ ея Дмитрій, но у насъ не было и ему другого имени, какъ «Митька», такъ что если бы его назвать Дмитріемъ, то онъ самъ не съ разу бы откликнулся. Митьку звали «обжорой», вѣроятно потому, что онъ ѣлъ чрезвычайно много и никогда сытъ не бывалъ. Митька былъ косъ въ такой изумительной степени, что я во всю жизнь не видалъ такого косого. Митька, въ мое время, былъ уже большой и здовый парень. На немъ лежали по дому всѣ работы, гдѣ требуются мужскія руки. Но онъ былъ страшный лѣнтяй и грубіянъ, отъ всего отнѣкивался и только ѣлъ и спалъ за четверыхъ. На немъ лежали и кучерскія обязанности. Какъ ни былъ я тогда малъ, но помню, что жестоко страдалъ отъ такого устройства нашей шталмейстерской части. Какъ только выѣдемъ мы, бывало, со двора и косой Митька свернетъ голову на сторону чтобъ видѣть лошадь и не задавить кого нибудь, насъ начинали преслѣдовать постоянныя насмѣшки прохожихъ и проѣзжающихъ. Ядовитымъ совѣтамъ и изрѣченіямъ небыло конца: Эй! что по сторонамъ зѣваешь», говоритъ одинъ, «кучеру надо смотрѣть прямо»! «Смотри»! кричитъ другой, «куда лошадь то завезла! Чего глядишь въ сторону»? и т. п. Мнѣ было

ужасно стыдно и, какъ ни весело и ни пріятно для такого мальчугана какъ я, кататься, я всегда спѣшилъ домой, на сколько это отъ меня зависѣло, чтобъ только укрыться отъ насмѣшекъ. Я удивлялся совершенному равнодушію къ нимъ моего отца. Онъ не только не обращалъ на нихъ никакого вниманія, но даже высылалъ насъ съ такимъ возницей кататься, во время масляницы, на Московскую улицу, гдѣ экипажей было такъ много, что они едва двигались среди огромныхъ массъ народа. Легко себѣ представить, какъ принимали и провожали насъ эти массы. Каждый старался переострить другого и высказывалъ эти остроты во всеуслышаніе всей улицы. Хохотъ стоялъ неумолкаемый. Въ результатѣ всегда выходило, что вмѣсто удовольствія, катанья эти доставляли мнѣ одно мученіе и я опять употреблялъ всѣ усилія, чтобъ укрыться скорѣе домой съ этимъ ненавистнымъ Митькой. Кромѣ этихъ мученій Митькѣ суждено было надѣлить меня мученіями и другого рода. Когда отецъ рѣшилъ отправить меня въ Петербургъ, то во вниманіе къ моей молодости призналъ за благо послать со мною Митьку. Несчастная мысль не въ добрый часъ пришла моему заботливому родителю. Впрочемъ изъ мущинъ во всемъ домѣ только и былъ одинъ Митька. Его и послали. Отправились мы на долгихъ и, во время длиннаго, крайне медленнаго пути, бѣды большой еще не было. Митька дорогой почти постоянно спалъ, а на постоялыхъ дворахъ, гдѣ ямщикъ нашъ останавливался часа по три, для кормежки лошадей, отъѣдался на славу за баснословными обѣдами, которые приготовлялись тамъ для насыщенія обозщиковъ, обѣдами, достойными, по своей продол-

жительности и своимъ размѣрамъ, отдѣльной исторіи, какъ замѣчательной черты нашей народной жизни. Если вѣрно изобразить, что̀ и сколько поѣдали обозщики за этими обѣдами и если представить это изображеніе совершенно здоровому нѣмцу или французу, онъ навѣрно сдѣлается боленъ. Когда мы съ Митькой ввалились наконецъ въ Петербургъ, я помѣстился вмѣстѣ съ пензенскими моими знакомыми на Владимірской, у какой то отвратительной нѣмки, нахлѣбахъ, разумѣется за баснословно дешевую цѣну. Она же взялась продовольствовать и прожорливаго Митьку. Мы всѣ тѣснились въ одной комнатѣ, какъ сельди въ боченкѣ, а Митькѣ было отведено мѣсто за печкой. О продовольствіи, которымъ угощала насъ нѣмка, и вспомнить страшно. Какіе то молочные супы, отъ которыхъ насъ тошнило, занимали тутъ первое и главное мѣсто. Самъ я постоянно былъ въ проголодь, и всегда нетерпѣливо ожидалъ чая, чтобы вмѣстѣ съ нимъ съѣсть булку. Что касается до Митьки, между нимъ и нѣмкой тотчасъ начались ожесточенныя войны. Онъ жаловался, что нѣмка вовсе его некормитъ и онъ вѣчно остается голоднымъ. Нѣмка утверждала, что этого вола ничѣмъ нельзя насытить, что за то, чтобы его кормить, она никакихъ денегъ не возьметъ и въ заключеніе требовала, чтобы я убралъ этотъ экземпляръ изъ ея квартиры, куда знаю, или самъ вмѣстѣ съ нимъ убирался. На первыхъ порахъ дѣло еще тянулось кое какъ. Я старался сократить Митьку, и настаивая о водвореніи мирныхъ отношеній къ нѣмкѣ, предложилъ въ исключительную его пользу всѣ остатки дорожнаго нашего довольствія, остатки довольно обильные, ибо запасы, которыми

снабдили меня въ родительскомъ домѣ, были также обильны. Тутъ были окорока, индѣйки, гуси, булки разныхъ видовъ и т. п., такъ что истребить всего во время пути мы съ Митькой никакъ не могли. Пока Митька, стѣсняемый нѣмкой, пожиралъ эти остатки, онъ былъ тихъ и вражда ихъ тоже притихла. Но какъ только остатки были истреблены, военныя дѣйствія открылись съ новою силою. Нетрудно представить пріятность моего положенія. 17-лѣтній мальчикъ, вообще неопытный, перенесенный съ родной почвы въ этотъ Вавилонъ, нисколько не похожій на родную Пензу, съ копѣйками въ карманѣ, разсчитанными по пензенскому масштабу, поставленный въ среду чужую и незнакомую—что̀ я могъ сдѣлать для подавленія вражды моего Митьки съ петербургскою чухонкою, самымъ злѣйшимъ существомъ петербургскаго міра? Я чувствовалъ, какую бы мѣру я ни предпринялъ, все надобны деньги, но въ тоже время хорошо сознавалъ, что если выпущу изъ своего кармана послѣднія крохи, тамъ остающіяся, то самъ буду голодать еще сильнѣе, чѣмъ Митька. Къ счастію скоро пріѣхали изъ Пензы въ Петербургъ «присяжные» (или счетчики) тамошняго казначейства, слѣдовательно, люди подчиненные моему отцу, за гербовой бумагой. Какъ производилась вообще эта ежегодная операція, т. е. поѣздка за гербовой бумагой, составлявшая положительно едвали не самую замѣчательную эпоху для моего роднаго города, я разскажу потомъ, а теперь скажу только, что я незамедлилъ передать этимъ людямъ съ рукъ на руки моего драгоцѣннаго Митьку и такимъ образомъ избавился отъ ига, наваленнаго на меня родительскою любовью. Съ тѣхъ поръ я уже

его не видѣлъ во всю жизнь, хотя потомъ былъ не разъ въ Пензѣ. Если бы онъ умеръ это было бы естественно и даже неизбѣжно; но онъ, рѣдкая знаменитость косогласія, поступилъ въ солдаты. По возвращеніи изъ Петербурга онъ сталъ грубіянить невыносимымъ образомъ, сталъ пьянствовать, окончательно спился, и въ заключеніе отданъ въ рекруты. Въ старину много было невѣроятныхъ отступленій отъ закона, едва ли возможныхъ въ нынѣшнее время. Я говорилъ уже, что отецъ меня, восьмилѣтняго мальчишку, опредѣлилъ на службу, а двѣнадцатилѣтняго водилъ по городу, въ офицерскомъ мундирѣ. Всѣмъ это нравилось, казалось занимательнымъ, и конечно никому въ голову не приходило, что это противозаконно. Никому, самому ревнивому, проникнутому до костей сознаніемъ долга, представителю полицейскихъ или жандармскихъ властей немогла мелькнуть мысль: «а что, дескать, не взять ли этого мальчугана, какъ онъ есть, да приложить подлинникомъ къ донесенію, потомъ запечатать въ пакетъ и отправить на ближайшее благоусмотрѣніе высшаго начальства»? Но чиновникъ, еще неумѣющій писать, гражданскій офицерикъ—явленія, все таки постижимыя. Мало ли чего бываетъ или по крайней мѣрѣ не бывало въ этомъ пресловутомъ гражданскомъ мірѣ, въ этомъ омутѣ, гдѣ самымъ невѣроятнымъ дѣламъ нѣсть числа и мѣры! Но косогласый Митька, отданный и принятый въ солдаты, явленіе по истинѣ непостижимое. На какого же непріятеля поведутъ сего воина? Если и допустить, что съ нѣкоторымъ усиліемъ ему удастся разсмотрѣть врага, свернувъ для этого физіономію совершенно на сторону и даже нѣсколько назадъ, то ужь попасть въ него, пора-

зить его, какъ подобаетъ каждому христолюбивому воину, онъ никакъ не можетъ.

Современный читатель, зная разные анекдоты и разсказы по части вѣчно памятнаго крѣпостного права, конечно неудивится, что одна семья, купленная рублей за сто ассигнаціями, вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ моего отцовскаго дома, а если бы неудовлетворяла, ничто немѣшало прикупить бабу, дѣвчонку или мальчишку, по дешовой цѣнѣ. На этотъ счетъ тогда было свободно. Кто незнаетъ, что тогда можно было купить отдѣльнаго человѣка, по своему выбору и вкусу, какъ покупается вещь, лошадь, собака, или даже вымѣнять человѣка на лошадь или собаку. Было множество примѣровъ, что на единственную собаку или лошадь вымѣнивалось нѣсколько людей. Можно было купить дѣвчонку или мальчишку, оторвавъ ихъ отъ семьи, такъ что одинъ братъ здѣсь, другой за тридевять земель, одна сестра тутъ, а другая у чорта на куличкахъ. И все это было чрезвычайно дешево. Однажды, когда я пріѣхалъ въ Пензу и навѣстилъ дядю Мура, тамошняго исправника, я замѣтилъ у него особенное многолюдство прислуги. Когда я обратилъ на это вниманіе, онъ отвѣчалъ: «что ты? это все одна семья! мнѣ удалось недавно ее выгодно вымѣнять»... Затѣмъ дядя исчислилъ мнѣ составъ этой семьи, гдѣ было, по его словамъ, много разныхъ мастеровыхъ, а потомъ разсказалъ, какія вещи пошли впромѣнъ, съ совершенно ничтожною денежною придачею. Все это крайне старо, и если я коснулся нѣкоторыхъ сторонъ крѣпостного быта, то исключительно по отношенію его къ провинціальному быту моей семьи.

Несмотря на то, что оба дяди мои Муры, пензенскій Алексѣй и саратовскій Иванъ, были, какъ говорится, заклятыми лошадниками, вѣчно покупали, продавали и вымѣнивали лошадей и, при каждомъ посѣщеніи насъ, непремѣнно показывали новую лошадь, выхваляя ея достоинства и передавая условія, на которыхъ она имъ досталась, отецъ мой оставался чуждъ этой страсти и не заражался ею подобно многимъ, которыми овладѣваетъ страсть безъ всякого соотношенія къ средствамъ, потребнымъ для ея удовлетворенія. Судьба поставила и меня въ сношенія съ знаменитыми петербургскими охотниками до лошадей и, прежде всего, съ роскошнымъ любителемъ ихъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ; я также рано почувствовалъ глубокое влеченіе къ хорошимъ лошадямъ въ частности и къ хорошей экипажной обстановкѣ вообще. И можно ли было оставаться равнодушнымъ, имѣя по лежащимъ на мнѣ обязанностямъ, высшее наблюденіе за блестящими, русскими и иностранными экипажами всевозможныхъ видовъ и фасоновъ, за конюшнею русскою, гдѣ стояло до тридцати рысаковъ, заводовъ знаменитѣйшаго происхожденія, съ лучшими атестатами, подъ наблюденіемъ знаменитѣйшаго изъ кучеровъ Константина, за конюшнею англійскою, гдѣ тоже было двадцать лошадей, начиная съ долговязой, великорослой англійской кобылы, переходя чрезъ кровныхъ скаковыхъ лошадей и кончая маленькими пони... Я не остался равнодушнымъ. Экипажная часть и у меня всегда стояла на первомъ планѣ. Я никогда не стыдился показаться въ экипажѣ на Невскомъ проспектѣ, этой выставкѣ лошадей и экипажей, и думаю

даже, что преимущественно моей экипажной части я обязанъ тѣмъ, что меня многіе считаютъ богачомъ, хотя я имъ никогда не былъ. И теперь, на закатѣ дней моихъ, я долженъ сознаться, что хорошій экипажъ составляетъ для меня первое и самое существенное проявленіе человѣческаго благополучія. Я готовъ всего лишиться, только не экипажа! Когда я жилъ однажды на Каменномъ островѣ и держалъ Пахомовскихъ рысаковъ, я пригласилъ съ собою въ коляску извѣстняго Р. А. Фадѣева, военнаго писателя, и мы отправились на стрѣлку Елагинскаго острова. Мы летѣли вихремъ и обогнали всѣ экипажи и спутникъ мой замѣтилъ: «когда идешь пѣшкомъ, обыкновенно презираешь всѣхъ ѣдущихъ; но когда самъ летишь въ коляскѣ и обгоняешь другихъ, неможешь противиться какому то пріятному чувству»...

Отъ этихъ рысаковъ и колясокъ, отъ невскихъ острововъ, возвратимся на мою родину и посмотримъ, что дѣлается тамъ по этой части. Никакихъ рысаковъ и колясокъ тамъ не оказывалось. Съ теченіемъ времени и подъ давленіемъ необходимости, лошади, конечно, и тамъ мѣнялись, смѣняя одна другую; но я помню преимущественно одну лошадь огромную, несуразную, необычайно сильную и въ добавокъ пѣгую. Вообще она складомъ и видомъ походила на тѣхъ лошадей, которыхъ въ Петербургѣ называютъ «ломовыми». и дѣйствительно, по какой бы невылазной грязи вы ни путешествовали, въ какую бы гору ни поднимались, вы могли быть покойны—пѣгая вывезетъ. Это была именно такая лошадь, на которой, по народной поговоркѣ, можно было возить «воду и воеводу». Церемониться съ ней нечего было. Ни-

какой красоты и нѣжности она не имѣла, слѣдовательно и терять этихъ свойствъ не могла. Сколько ни разъѣзжайте, что ни возите на ней, она оставалась неизмѣнною, такою же глупою и такую же сильною. Смиренница она была примѣрная. Если бы для управленія ею посадить, вмѣсто косоглазаго Митьки, совсѣмъ слѣпого возницу, вышло бы тоже самое, т. е. полнѣйшее благополучіе. Она оставалась чрезвычайно долго въ нашемъ домѣ и я не помню, была ли замѣнена другою.

Экипажи наши были, какъ говорятъ гостинодворцы, «подъ кадрель» нашему пѣгому коню. Однажды изъ Москвы выписанъ былъ «фаэтонъ», какъ тогда называли подобные экипажи, т. е. дрожки съ верхомъ и пристяжкой. Вообще это была вещь довольно чистая, даже изящная. Но едва ли этотъ фаэтонъ и десять разъ былъ у насъ въ употребленіи. Онъ казался слишкомъ роскошнымъ сравнительно съ нашей домашней обстановкой, стоялъ безъ дѣла, закутанный въ покрывала и вообще окруженный какимъ то благоговѣніемъ, какъ вещь рѣдкая и драгоцѣнная, наконецъ былъ проданъ какъ вещь почти безполезная. Лѣтнимъ экипажемъ, для насъ не только полезнымъ, но даже совершенно необходимымъ была «долгуша». Это блистательное изобрѣтеніе провинціальнаго ума и смѣтливости, предметъ, чрезвычайно остроумно примѣненный къ мѣстнымъ потребностямъ и обстоятельствамъ, экипажъ, соединяющій въ себѣ дешевизну, легкость и поразительную вмѣстимость. Это, въ переводѣ—длиннѣйшія дроги, обдѣланныя кое гдѣ, но очень умѣренно, кожей. Дешевы они потому, что тутъ никакихъ дорогихъ матеріаловъ и никакого особеннаго

искуства нетребуется, и каждый кузнецъ или плотникъ можетъ соорудить подобный механизмъ; легки они потому, что если желѣзо и найдется въ осяхъ, то въ другихъ частяхъ искать его будетъ безполезно; наконецъ, они не могутъ не поражать своею вмѣстительностію, ибо представляютъ довольно широкую и продолговатую площадь, на которой съ обѣихъ сторонъ можно было усаживаться въ несмѣтномъ количествѣ и не только самимъ усаживаться, но и размѣщать множество всякихъ вещей и хозяйственныхъ принадлежностей. Въ одной долгушѣ и на одной пѣгой лошади мы цѣлой семьей съ прислугой, дѣтьми, самоварами, всевозможными съѣстными запасами совершали загородныя путешествія. Въ нихъ можно было совершать переѣзды въ лежачемъ и даже сонномъ состояніи. Длиной, шириной и вообще просторомъ «долгуша» не уступала никакой кровати, а мягкость ея, не совсѣмъ достаточную, легко было увеличить вспомогательными средствами. Объявивъ кучеру, куда держать путь, пасажиръ преспокойно могъ растянуться и заснуть, до прибытія на мѣсто. Сожалѣю, что немогу въ Петербургѣ указать ничего, подходящаго къ долгушѣ. Даже странно подумать о появленіи чего нибудь подобнаго на петербургскихъ улицахъ. Нѣкоторое, впрочемъ, уподобленіе «долгуши» можно найти въ придворныхъ линейкахъ, на которыхъ, 1-го іюля, по залитымъ огнями петергофскимъ алеямъ, возили придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Болѣе приближались къ долгушѣ грязныя московскія линейки, въ которыхъ Ечкинъ и соперники его передвигали массы простого народа по Покровкѣ. Затѣмъ, со времени оставленія мною родины, я встрѣтилъ

«долгушу», и то въ единственномъ только экземплярѣ, на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, у почтеннаго Андрея Михайловича Фадѣева. Это были именно тѣ необъятныя дроги, которыя я описалъ въ статьѣ «кавказскіе праздники», (въ Русскомъ Архивѣ 1869 года) и въ которыхъ я, при одномъ изъ такихъ праздниковъ, торжественно слѣдовалъ изъ Тифлиса въ Каджоры; надъ ними всѣ смѣялись, но во время пути переселилось ко мнѣ много дамъ изъ разныхъ изящныхъ экипажей. Если при этомъ случаѣ онѣ повалились въ кручу, то въ этомъ сами дроги или «долгуша» нисколько не были виноваты. Справедливость требуетъ сказать, что долгуша, если не засажена цѣлой семьей, или вообще многочисленнымъ обществомъ, немножко смѣшна, когда на ея необъятномъ пространствѣ, на версту отъ лошадей и кучера, возсѣдаетъ одинокая фигура, совершающая визиты или отправляющаяся по служебнымъ обязанностямъ. Но такъ какъ въ провинціи такъ ѣздили всѣ, то и смѣяться надъ этимъ было не кому. Я самъ былъ въ подобномъ положеніи, когда пріѣзжалъ на родину и несмотря на то, что вкусилъ уже отъ петербургскаго изящества во всѣхъ видахъ, совершенно спокойно трясся на долгушѣ въ единственномъ числѣ, да еще въ треуголкѣ. Повторяю, что «долгуша» экипажъ, хотя совершенно не казистый на видъ, но совершенно отвѣчающій мѣстнымъ потребностямъ, какъ топоръ, телега, соха—инструменты, тоже на видъ неказистые, но совершенно необходимые и ничѣмъ незамѣняемые, по невозможности замѣны... Мнѣ случалось, напр. заѣзжать въ деревню въ городскихъ тяжелыхъ экипажахъ и я не разъ былъ жизни не радъ. Иногда приходилось

сгонять лошадей цѣлой деревни, чтобы вытащить мою карету или коляску изъ какой нибудь колдобины и, разумѣется, тратить на это и много времени и много денегъ. Едва ли нужно говорить, что въ зимнее время, въ нашемъ быту дѣйствовали сани, простой туземной работы, которая скрашивалась ковромъ, непремѣнно спускавшимся позади сидѣнья, почти до самой земли.

ГЛАВА VI.

Провинціальная жизнь. Пѣніе.—Значеніе пѣнія на Руси.—Вліяніе на это дѣло купечества.—Исторія выбора Московскихъ протодіаконовъ.—Множество частныхъ хоровъ.—Жертва любви къ искуству.—Глинка.—Тургеневъ.—Мои подвиги по части пѣнія.

Таковъ былъ составъ моей семьи, такова обстановка нашего семейнаго быта. Но неужели разсказывать, какъ текла наша скромная провинціальная жизнь? Да кому же это нужно? Кто же этого незнаетъ? Если бы въ нашей провинціальной жизни еще были какія нибудь громадныя событія, убійства, грабежи, отравленія, вообще трагическія, драматическія происшествія, тогда самыя эти происшествія представляли бы интересъ, а то вѣдь не было ничего. Въ результатѣ остается одна болтовня. Чтó было бы еслибъ каждый предпринялъ, подобно мнѣ, изображать, какъ жила его семья, сколько у него было

братьевъ и сестеръ, какого цвѣта у нихъ волосы, кто былъ изъ нихъ уменъ и кто глуповатъ и т. д.? Что̀ бы изъ этого вышло? Вышла бы куча печатной бумаги—не болѣе. Но я припоминаю мудрое изрѣченіе князя А. И. Барятинскаго, когда я долженъ былъ читать предъ нимъ и блестящимъ обществомъ отрывокъ изъ своихъ записокъ. Онъ замѣтилъ, что я менѣе всѣхъ могу опредѣлить, что̀ у меня хорошо и что̀ нѣтъ. При такомъ блаженномъ невѣденіи остается оканчивать то, что началъ, а потомъ уже другіе разберутъ, есть ли тутъ какой нибудь толкъ.

Обычная, ежедневная жизнь моей семьи текла тѣмъ же путемъ, какъ и во всѣхъ другихъ семьяхъ того же круга. Вставали, обработывали разнородныя житейскія дѣлишки, ѣли, потомъ опять ложились. Въ этихъ берегахъ укладывалось все, изъ чего состоитъ жизнь: заботы, страсти, надежды, горе, бѣды и удачи.... Мой отецъ вставалъ рано. Лѣтомъ онъ тотчасъ отправлялся въ садъ, неутомимо и продолжительно тамъ возился, такъ что вызвать его оттуда было чрезвычайно трудно. Зимой онъ вставалъ до свѣта и тотчасъ начиналъ пѣть. Отецъ былъ неутомимымъ пѣвцомъ и считалъ себя большимъ знатокомъ духовныхъ пѣснопѣній, въ чемъ, конечно, и не могло быть сомнѣній. Онъ зналъ всѣ псалмы, ирмосы, все, относящееся къ тому или другому празднику. Его пѣніе всегда предвѣщало тотъ или другой праздникъ, ибо за долго до наступленія его, онъ уже распѣвалъ вещи, сюда относящіяся. Смотря потому, что̀ онъ поетъ, мы узнавали, что скоро наступитъ праздникъ Покрова, Рождества и т. п. Отецъ не ограничивался исполненіемъ вещей обыкновенныхъ, для каждаго доступныхъ, но воз-

глашалъ эктеніи, читалъ апостола и евангеліе и даже пѣлъ одинъ цѣлые концерты. Для этого онъ переходилъ изъ баса въ тенора и даже въ сопрано, когда по ходу дѣла это было нужно. Замѣтно было, что изъ всѣхъ этихъ вещей его особенно затрудняло чтеніе апостола, евангелія или предварительный возгласъ, къ нимъ относящійся. Онъ долго отыскивалъ тонъ, въ которомъ можно исполнить эту задачу болѣе художественнымъ образомъ. Отсюда неизбѣжно слѣдовали нѣсколько предварительныхъ, пробныхъ такъ сказать, звуковъ въ разныхъ тонахъ. Всѣ эти вокальныя упражненія на нашъ крѣпкій дѣтскій сонъ не производили никакого впечатлѣнія. Но на мать, женщину болѣзненную, они часто имѣли тревожное дѣйствіе. Подъ вліяніемъ этихъ прiискиваній тона, она часто говорила: «Господи! Да что ты все мычишь какъ теленокъ!» Но отецъ не обращалъ никакого вниманія на это, несовсѣмъ деликатное замѣчаніе и спокойно переходилъ тѣмъ же путемъ къ прiискиванію другого тона для другой пьесы, которую задумывалъ исполнить. Голосъ свой онъ считалъ басомъ. Но если противъ знаній его въ дѣлѣ духовныхъ пѣснопѣній нельзя было протестовать, ибо они дѣйствительно были обширны и несомнѣнны, то претензія его на баса подвергалась сильному сомнѣнію. Дѣйствительно, приступая къ чтенію какого нибудь евангелія или къ исполненію басового соло, онъ страшно оттопыривалъ губы, что всегда составляетъ отличительную черту басовъ, по крайней мѣрѣ провинціальныхъ, отчего его ротъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все лицо принимали какое то угрожающее выраженіе; но какъ голосъ заключался не въ оттопыренныхъ губахъ, а въ груди, то дѣй-

ствительнаго баса все таки невыходило, а только слабое подобіе ему. Иногда, исполняя какую нибудь вокальную фразу и самъ сознавая слабость этого исполненія, отецъ вдругъ остановится и воскликнетъ: «экая шельма! вѣдь какъ онъ подхватываетъ въ этомъ мѣстѣ!» Это значитъ, что онъ вспомнилъ протодіакона, или кого нибудь изъ пѣвчихъ, знаменитыхъ и прославившихся басовъ, которымъ онъ восхищался и которому немножко завидовалъ. Вообще, считая себя большимъ знатокомъ пѣнія, отецъ, въ тоже время, считался справедливымъ цѣнителемъ голосовъ и талантовъ, что даетъ мнѣ поводъ привести слѣдующій случай: когда меня отправили въ Петербургъ, я увезъ съ собой, или въ себѣ, оченъ звонкій сопрано и значительную уже опытность по части простого пѣнія. Въ Петербургѣ, скоро послѣ моего пріѣзда, поставлены были: на нѣмецкомъ театрѣ «Фенелла», а на русскомъ «Робертъ». «Фіорелло» пѣлъ Голландъ, а «Роберта» Шемаевъ, жалчайшій теноръ изъ всѣхъ существовавшихъ въ то время. Между тѣмъ, мой возрастъ приближался уже къ двадцатилѣтнему, когда самыя приличія требовали оставить сопрано, если бы оно само еще не оставило меня. Подобно моему отцу, неизвѣстно почему остановившемуся на басѣ, я, тоже неизвѣстно почему, остановился на тенорѣ. Голландъ и Шемаевъ сдѣлались предметомъ самаго внимательнаго и глубокаго моего изученія. Я думалъ: ужъ если эти господа поютъ, да еще первыя партіи, на императорскихъ театрахъ, стало быть это первый сортъ. Чего же лучше этихъ образцовъ? Я сталъ имъ подражать самымъ ретивымъ образомъ. Года три спустя послѣ моего прибытія сюда, представился мнѣ случай побывать

на родинѣ. Запасшись модными петербургскими фраками, я думалъ про себя: «постой! я имъ нанесу двойной ударъ. Прежде поражу ихъ фасонами моего платья, а потомъ пѣніемъ, по образцу великолѣпнаго Шемаева». И дѣйствительно, когда я пріѣхалъ въ Пензу и вокругъ меня, по обычаю, раздавались родныя пѣсни, я снисходительно улыбался, но самъ не принималъ никакого участія. «Чтожъ ты, Васинька, не поешь съ нами?» спрашивали сестры. «Спойте-ка намъ что нибудь, Василій Антоновичъ! говорили знакомые. Въ Петербургѣ вы вѣрно наслушались знаменитыхъ пѣвцовъ». Я продолжалъ ломаться и отнѣкиваться подъ разными предлогами. Наконецъ, на какомъ то вечерѣ, какъ говорится чортъ дернулъ меня нанести моимъ землякамъ задуманное пораженіе. Когда, уступая общимъ настояніямъ, я согласился спѣть что нибудь изъ петербургскихъ романсовъ, всѣ обступили меня и уставили на меня глаза. Это было первое неудобство, особенно для артиста, непривыкшаго къ публичной дѣятельности. Потомъ надо было пѣть одному, безъ всякого акомпанимента, въ небольшой, душной комнатѣ, набитой народомъ. Я запѣлъ, но такъ, что мнѣ самому показалось скверно. На лицахъ, окружавшихъ меня, выразилось замѣтное недоумѣніе. Вмѣсто звонкаго сопрано, съ которымъ я бывало завивался подъ небеса, и который на родинѣ всѣмъ былъ извѣстенъ, послышались какія то съ трудомъ выжатыя, натянутыя, глухія ноты, какого то неизвѣстнаго и сдавленнаго голоса. Я скоро кончилъ подъ какимъ то предлогомъ, сознавая всю неудачу моего опыта и мысленно пославъ къ чорту мои петербургскіе образцы. Кое кто изъ присутствующихъ

похвалилъ меня, но видно было, что это одна только любезность. Во время этого несчастнаго опыта, отецъ молчалъ и какъ то странно посматривалъ на меня. Когда потомъ все притихло, онъ спросилъ меня: «а какимъ это голосомъ ты пѣлъ?» Можно представить, какое уничтожающее значеніе имѣлъ для меня этотъ вопросъ, странный особенно потому, что отецъ хорошо зналъ раздѣленіе голосовъ. Съ смущеніемъ и уже далеко не рѣшительно, я отвѣчалъ: «теноромъ, кажется». «Теноромъ!» сказалъ отецъ, «такъ у васъ вотъ какіе тенора. Нѣтъ, братъ, у насъ тенора не такіе. У насъ вотъ какіе». Надо замѣтить, что на моей родинѣ и въ мое время, если для басовъ считалось непремѣнною обязанностью оттопыривать, на сколько можно, губы и вообще принимать самый свирѣпый видъ, то теноръ въ той же степени обязанъ былъ принимать сладчайшій видъ и выводить нѣжныя, преимущественно высокія, слѣдовательно тончайшія ноты. Поэтому мой отецъ, вмѣстѣ съ словами: «у насъ вотъ какіе тенора», принялъ, прежде всего, умильный видъ и пустился въ необычайную высоту, а въ заключеніе нѣсколькихъ вокальныхъ фразъ, съ полнѣйшимъ торжествомъ посмотрѣлъ на меня.....

Обращаюсь къ теченію нашей обыденной жизни. Случалось, что въ теченіи длиннаго зимняго утра отецъ прекращалъ вокальныя экзерциціи, приказывалъ заложить сани и еще до свѣта самолично отправлялся на базаръ. По всей вѣроятности это совершалось въ базарные дни, которые были, сколько помню, раза два или три въ недѣлю. Бывало мы спимъ еще, а отецъ уже возвратился съ базара и, вмѣстѣ съ его входомъ въ комнаты, врыва-

лась туда холодная, морозная струя воздуха, а за этой струей вносились кульки съ провизіею, большею частью въ мерзломъ видѣ, и именно стукъ ея паденія на полъ и шумъ дальнѣйшаго передвиженія преимущественно пробуждалъ насъ. Освободившись отъ верхняго зимняго платья, въ которое такъ любятъ кутаться провинціалы, отецъ входилъ въ комнаты, начиналъ усиленно шагать, потирать руки и вообще отогрѣваться. Потомъ нерѣдко, обращаясь къ матери, восклицалъ: «Мама, какого леща я тебѣ купилъ»! или «какой знатный гусь сегодня попался»! и т. п. Лещи и гуси, сколько помню, занимали важное, едва ли не главное, мѣсто въ нашей гастрономической части.

Когда наступало время чаепитія, вся семья усаживалась у стола, на которомъ бушевалъ самоварище громадныхъ размѣровъ, и съ провинціальнымъ апетитомъ нападала на булки, издѣлія незабвенной Натальи. Въ слѣдъ затѣмъ наступало время отправленія отца въ должность, въ уѣздное казначейство. Для этого онъ сбрасывалъ халатъ невысокой доброты и цѣнности и облекался въ офиціальное платье. Для лѣта онъ соорудилъ себѣ фрачную пару изъ «казинета», полушерстяной матеріи, употребляемой преимущественно дамами. Эта матерія была въ большомъ ходу.... Мысль соорудить изъ нея мужское одѣяніе, была смѣлой мыслью. Можно навѣрное поручиться, что ни у кого другого не было казинетоваго фрака. Но отецъ мой не былъ конфузливъ. Ему казалось это пріятнымъ и удобнымъ, и онъ спокойно расхаживалъ въ этомъ оригинальномъ одѣяніи, не обращая ни малѣйшаго вниманія, какъ на это смотрятъ другіе. Зимой онъ носилъ

длинный и покойный сюртукъ, а сверху шубу, которую всегда одѣвалъ въ одинъ рукавъ.... Предъ отправленіемъ онъ подходилъ къ зеркалу, полушутливо охорашивался, говорилъ какъ будто про себя: «молодецъ»! а потомъ громко обращался къ матери съ вопросомъ: «хорошъ я?» «Хорошъ! говорила мать, чего лучше? Ступай! Давно пора! Нечего охорашиваться. Лучше не будешь.» Отецъ отправлялся, домашніе обращались къ своимъ занятіямъ, гдѣ шитье разнаго рода стояло на первомъ планѣ, а въ слѣдъ затѣмъ раздавалось пѣніе, игравшее такую важную роль нетолько въ моемъ дѣтствѣ, но и во всей моей жизни.

Пензу, въ томъ видѣ, какъ я ее зналъ, можно было принять за обширную, натуральную консерваторію, гдѣ всѣ безпрерывно пѣли, только безъ професоровъ и разныхъ мудрыхъ устройствъ, которыми отличаются дѣйствительныя консерваторіи. Тамъ положительно всѣ пѣли, а тѣ, которые не могли или неумѣли пѣть, принимали въ пѣніи самое горячее участіе. Причины такого явленія весьма просты. Самыми энергическими любителями пѣнія въ городахъ нашихъ прежде всего являются купцы и вообще торговое сословіе. Они любятъ сами пѣть и другихъ слушать. Гдѣ много купцовъ, тамъ навѣрно пѣніе въ отличномъ положеніи. Я довольно долго прожилъ въ Москвѣ и говорю это по опыту. Тамъ преимущественно господствуетъ купеческій элементъ и потому существуетъ бездна частныхъ хоровъ, сильныхъ по составу, если не по искуству. Всѣхъ частныхъ хоровъ, тамъ существовавшихъ въ мое время, и перечислить невозможно. Тамъ были громаднѣйшіе хоры, человѣкъ по сту и болѣе,

Нешумова, Лебедева, Дюпюи и др. Раздѣляясь на части, человѣкъ въ восемь или десять, они наполняли всѣ церкви, такъ что положительно не было церкви, какъ бы мала или бѣдна она ни была, гдѣ не было бы хора и хорошаго пѣнія, несравненно лучшаго чѣмъ въ петербургскихъ церквяхъ, исполняемаго преимущественно козлиными солдатскими голосами. При всѣхъ церквяхъ церковными старостами большею частью были богатые купцы, которые соперничали другъ передъ другомъ по этой части. Въ торжественные дни, или храмовые праздники, они приглашали или весь тотъ хоръ сполна, часть котораго постоянно поетъ въ церкви или хоры чудовскій и синодальный и печатали о томъ въ газетахъ, въ слѣдствіе чего огромныя толпы устремлялись туда. Хоры чудовскій и синодальный московскіе купцы можно сказать на рукахъ носили. Тамъ они знали всѣхъ пѣвчихъ на перечетъ и поименно. Предъ регентомъ напр. чудовскаго хора, сѣдымъ Багрецовымъ, они издали шапки ломали, считая его знаменитостью, превосходящею всевозможныхъ Ломакиныхъ и другихъ мастеровъ этого дѣла. «Здравствуйте, батюшка Θедоръ Алексѣевичъ», говорили ему купеческіе тузы, «какъ Господь Богъ васъ милуетъ»? и т. п. Деньги за приглашеніе чудовскаго или синодальнаго хора на обѣдню, свадьбу или похороны платились громадныя. Плата эта увеличивалась страшно, чуть ли не удвоивалась, когда для вящаго великолѣпія требовалось, чтобы хоромъ управлялъ самъ сѣдовласый Θедоръ Алексѣевичъ. Между хорами чудовскимъ и синодальнымъ существовало постоянное соперничество, но личность Багрецова, издревле московская, любимая тамошними купцами,

перетягивала превосходство на сторону чудовцевъ. Такимъ образомъ чудовскій хоръ между тамошними хорами былъ тоже, что Патти или Маріо по отношенію къ другимъ пѣвцамъ.

Лучшимъ доказательствомъ, въ какой степени любятъ московскіе купцы хорошіе голоса и хорошее пѣніе и какъ сильно значеніе ихъ въ этомъ отношеніи, можетъ служить выборъ и опредѣленіе протодіакона въ Успенскій соборъ. Во время бытности моей въ Москвѣ, случай такого выбора повторился два раза. Въ оба раза выборъ протодіакона производилъ въ Москвѣ невѣроятный шумъ и волненіе. Въ Петербургѣ напр., при открытіи подобной вакансіи, просто на просто назначили бы какого нибудь очередного, безволосаго и безголосаго діакона, и дѣло съ концомъ. Въ Исакіевскомъ соборѣ напр., лучшемъ и блистательнѣйшемъ храмѣ Петербурга, и доселѣ, положительно къ общему соблазну и смущенію, хрипитъ и задыхается дьяконъ, владѣвшій, по общему говору, когда то хорошимъ голосомъ, но давно утратившій его, и теперь не имѣющій никакой возможности взять ни одной ноты. Въ Москвѣ такъ нельзя. Тамъ надо прислушиваться къ требованіямъ и вкусамъ туземныхъ купцовъ. Значеніе и давленіе ихъ въ этомъ случаѣ на духовныя власти чрезвычайно сильно уже потому, что и церкви поддерживаются и самое духовенство пробавляется преимущественно набожностью и щедростью купцовъ. Поступить противъ ихъ вкусовъ и желаній—можно нажить скандалъ и ущербъ. Поэтому, когда шла рѣчь о замѣщеніи успенскаго протодіакона, купечество внимательно слѣдило за выборомъ, а духовенство, безъ сомнѣнія, тоже

внимательно прислушивалось къ общественнымъ толкамъ и отзывамъ. Кандидатовъ, разумѣется, была бездна. Въ тоже время исканія происходили по всей Россіи. Кончилось тѣмъ, что наконецъ отыскали протодіакона гдѣ то въ Сибири, кажется въ Иркутскѣ, и привезли въ Москву. Ну, и былъ же этотъ протодіаконъ радостью и гордостью московитянъ! Я въ жизнь свою не видалъ ничего подобнаго, да и вообразить что нибудь подобное чрезвычайно трудно. Когда явился въ Петербургѣ незабвенный Маріо, я не могъ надивиться такому поразительному соединенію въ одной личности такихъ совершенствъ: аристократъ по манерамъ, Апполонъ по красотѣ, ангелъ по пѣнію. Это было такое дивное созданіе, что я находилъ весьма натуральнымъ, если самыя добродѣтельныя женщины влюблялись въ него. Мой протодіаконъ былъ своего рода Маріо. Громаднѣйшаго роста и, что особенно удивительно при такомъ ростѣ—необычайно стройный, положительно красавецъ, лицо бѣлое, чистое, нѣжное, съ мягкимъ, добрымъ выраженіемъ, глаза голубые, свѣтлорусые волосы, густые какъ львиная грива, естественно вьющіеся—все это представляло такую стройность и красоту, что эту замѣчательную личность можно было возить по ярмаркамъ и собирать деньги за одно ея показыванье. И въ тоже время громовый, поражающій и чистый басъ! Это былъ молодой человѣкъ 25 лѣтъ. Вся Москва не могла налюбоваться имъ, но не долго онъ потѣшалъ ее и доставлялъ ей небывалыя наслажденія. Кажется года два онъ прожилъ въ Москвѣ, не болѣе. Правду говорятъ, что совершенство недолговѣчно на землѣ. Тифъ, воспаленіе легкихъ, или что то въ этомъ родѣ, скоро свалило этого

колоса. Пошли новыя разыскиванья новаго протодіакона, новый шумъ и новые толки. Опять выписали изъ Сибири, и кажется тоже изъ Иркутска, новаго гиганта, какъ говорили двоюроднаго брата умершаго, котораго онъ будто самъ и рекомендовалъ на смертномъ одрѣ. Этотъ новый гигантъ былъ тоже замѣчателенъ, по размѣрамъ своей колосальной личности и своего громаднаго голоса. Но въ его колосальности не было уже той дивной стройности и пропорціональности, въ голосѣ не было той нѣжности и бархатности. Въ фигурѣ была какая то дубоватость, въ голосѣ непріятная рѣзкость.

Если купечество моей родной Пензы не было такъ сильно, такъ богато и многочисленно, какъ московское, то, по отношенію къ своему муравейнику, оно тоже не могло не имѣть большого значенія уже потому, что преимущественно наполняло храмы Божіи и составляло такъ сказать фонъ, на которомъ исполнялись всѣ обряды нашей религіи. Ясно, что оно не могло не имѣть вліянія и на благолѣпіе храмовъ, на отчетливость богослуженія, и слѣдовательно—на церковное пѣніе. Любовь къ церковному пѣнію рождала любовь вообще къ пѣнію и самыми духовными хорами исполнялись многія свѣтскія вещи. Я живо помню, что пензенскій архіерейскій хоръ щеголялъ особенно исполненіемъ извѣстной пушкинской балады: «гляжу я безмолвно на черную шаль».

Другою причиною усиленнаго распространенія въ Пензѣ любви къ пѣнію должно считать то, что всѣ тамошніе «приказные», наполнявшіе мѣстныя присутственныя мѣста, происходили преимущественно изъ семинаристовъ, убоявшихся бездны премудрости и исключен-

ныхъ изъ семинаріи. Можно вообразить себѣ, какую массу вообще представляли они въ общемъ составѣ пензенскаго населенія, а такъ какъ они съ молокомъ всосали любовь къ духовнымъ пѣснопѣніямъ и большое знаніе по этой части, то и оставивъ семинарію, продолжали сами пѣть, или съ живѣйшимъ интересомъ слушать пѣніе. Дѣти ихъ, нарождающіеся съ свойственной бѣдности плодовитостью, выростали подъ вліяніемъ тѣхъ же вкусовъ и направленій. Отъ этого происходило, что туда, гдѣ служилъ архіерей и слѣдовательно пѣли архіерейскіе пѣвчіе, валили несмѣтныя толпы; въ храмъ, гдѣ празднуется храмовый праздникъ и гдѣ слѣдовательно исполнялся соотвѣтственный этому дню концертъ, по тѣснотѣ, нельзя было пробиться. Расходясь изъ церкви, большею частью толковали о томъ, какъ вотъ въ этомъ мѣстѣ ловко взялъ басъ, а вотъ тутъ ловко взвился теноръ.... Всѣхъ этихъ басовъ и теноровъ знали по именамъ. «А вѣдь Костальскаго сегодня опять не было. Сейчасъ слышно; безъ него не то», замѣчалъ кто нибудь изъ ревностныхъ любителей, относительно отсутствующаго баса. «Вѣрно опять пьянствуетъ».... замѣчаетъ хладнокровно собесѣдникъ и замѣчаетъ конечно основательно, ибо дѣйствительно всѣ архіерейскіе пѣвчіе слыли всегда величайшими пьяницами....

Этого мало. Стоило появиться гдѣ нибудь замѣчательному голосу, и преимущественно громкому басу, чтобы народъ устремился туда неудержимыми толпами. Я живо помню волненіе, объявшее всю Пензу при появленіи знаменитаго «Ивлича». Ивличъ былъ простой семинаристъ, взятый въ архіерейскій хоръ. И фигура и голосъ

его на первыхъ порахъ отличались большою дубоватостью. Это былъ дюжій парень съ широкими плечами, въ длиннополомъ, по обыкновенію синемъ, сюртукѣ, присвоенномъ всѣмъ семинаристамъ и какъ то дико выглядывавшій. Лицо его было недурно, но не имѣло никакого выраженія и сходствовало съ головою молодого быка съ безсмысленными глазами. Появленіе его въ хорѣ тотчасъ ознаменовалось громовыми звуками, которыми онъ началъ наполнять соборный храмъ. Всѣ заговорили объ Ивличѣ, какъ о чудѣ и всѣ стали бѣгать слушать его, гдѣ только можно. Я тоже бѣгалъ. Онъ скоро вошелъ въ большую моду. Его таскали всюду и въ особенности на свадьбы, для чтенія извѣстнаго апостола, гдѣ сказано, что жена должна бояться своего мужа. Я не только слушалъ его, но и внимательно смотрѣлъ на его физіономію, въ то время когда онъ работалъ. Зрѣлище было интересное. Физіономія выдѣлывала удивительныя штуки, которыя и передать невозможно. Въ особенности глаза его наливались кровью и какъ будто выходили изъ своихъ мѣстъ, а ротъ сворачивался совершенно на сторону. Онъ становился страшенъ и походилъ на одержимаго какимъ то припадкомъ. Ясно было, что въ то время, когда онъ особенно сильно начиналъ ревѣть, онъ все забывалъ и никого и ничего не видѣлъ. Говорили, что послѣ подобнаго чтенія его часто рвало, но я полагаю, что если это дѣйствительно происходило, то не столько отъ напряженій и усилій, съ которыми онъ вызывалъ эти поражающіе звуки, сколько отъ предварительной и неумѣренной выпивки, съ помощью которой русскій человѣкъ постоянно надѣется преодолѣть всевозможныя за-

трудненія и совершить всевозможные подвиги. Но такъ или иначе, а голосъ Ивлича дѣйствительно былъ поразительный, хотя не очень пріятный. Скоро онъ былъ сдѣланъ діакономъ, а потомъ и протодіакономъ. Но Пенза недолго любовалась имъ... Она соединена была дотолѣ въ одной епархіи съ Саратовомъ, такъ что всѣ попы, всѣ семинаристы, однимъ словомъ всѣ духовныя части обѣихъ губерній, Пензенской и Саратовской, соединялись въ вѣдомствѣ одного пензенскаго архіерея. Въ это именно время появился въ Пензѣ «Ивличъ» съ своею громкою славой и громовымъ голосомъ, хотя онъ по рожденію принадлежалъ къ семинаристамъ Саратовской губерніи. Но въ слѣдъ за тѣмъ епархіи раздѣлились, въ Саратовъ назначенъ особый архіерей, который и счелъ первымъ долгомъ отобрать у Пензы ея знаменитаго протодіакона....

Третьей и едва ли не главной причиной необычайной любви Пензы къ пѣнію была простота провинціальной жизни, по крайней мѣрѣ въ то время, о которомъ я говорю, отсутствіе тѣхъ общественныхъ удовольствій, которыми такъ изобилуютъ наши столицы, и неимѣніе средствъ пользоваться ими, если бы они и были. Небольшой дворянскій, аристократическій кружокъ здѣсь въ счетъ нейдетъ. Аристократія всюду одинакова и, благодаря своимъ обильнымъ средствамъ, не только не сливалась съ массой, но и не могла имѣть на нее никакого вліянія, а вообще представляла, какъ и вездѣ, свой отдѣльный мірокъ. А я говорю именно о массѣ, къ которой принадлежало мое семейство. Масса, всегда недостаточная, вездѣ находитъ первое утѣшеніе и первое удо-

вольствіе въ пѣніи. И чѣмъ ближе масса къ природѣ, тѣмъ больше и усерднѣе она поетъ. Я много жилъ по деревнямъ и практически убѣдился въ необъятномъ могуществѣ пѣсни въ нашемъ сельскомъ быту. Почти каждое лѣто я провожу съ семействомъ въ Подмосковной. «Петрово» окружено въ самыхъ близкихъ разстояніяхъ безчисленными селами и деревнями: Игнатьево, Трутеево, Мосеино, Чернышиха и т. д. Тамъ все и всегда поетъ. Мужики меньше поютъ, потому что они часто отсутствуютъ, а еще чаще пьянствуютъ, но бабы и дѣвки поютъ безпрерывно. Поютъ даже крестьянскія дѣвчонки замѣчательно вѣрно и весьма громко. Я живо помню маленькую, лѣтъ шести, дѣвочку «Парашку» изъ многочисленной семьи Матвея Васильева. «Парашка» смѣло становилась съ своими сверстницами въ деревенскіе хороводы и голосила на славу, не уступая нисколько большимъ, ни въ твердомъ знаніи безчисленныхъ деревенскихъ пѣсенъ, ни въ поразительной звучности ихъ исполненія. Только подойдя къ хороводу можно было видѣть, что тутъ участвуютъ дѣтскіе, почти младенческіе голоса. Вообще бабы и особенно дѣвки поютъ постоянно. Дѣвка поетъ, когда пашетъ, когда боронитъ, поетъ даже, когда жнетъ, хотя при этой работѣ принимаетъ положеніе, ужъ вовсе неудобное для вокальныхъ упражненій.... О праздникахъ, которымъ въ сельскомъ быту нѣтъ счета, и говорить нечего. Пѣсни и хороводы идутъ за глубокую полночь. И въ нашей деревнѣ и во всѣхъ окрестныхъ пѣніе не умолкаетъ. Тутъ уже присоединяются и мужички, порядочно подвыпившіе и молодые парни, важно и граціозно выступающіе въ середину хоровода съ распущен-

нымъ краснымъ платкомъ въ рукѣ, противъ красной дѣвицы, которая его выбрала, или которую онъ выбралъ... Мнѣ кажется, что если бы предоставить на выборъ русскому простому народу: жить на волѣ, но безъ пѣсни или въ прежней неволѣ, но съ пѣсней,—русскій людъ крѣпко бы призадумался, а бабы просто взвыли бы, еслибъ мужики отнеслись къ статьѣ о пѣснѣ пренебрежительно. И можно ли представить что̀ нибудь ужаснѣе существованія безъ пѣсенъ. Въ нашихъ провинціяхъ и деревняхъ пѣніе замѣняетъ почти все. Столичные жители могли бы восполнить этотъ недостатокъ устрицами, кокотками, рысаками и тому подобными радостями, изобрѣтенными цивилизаціею. Въ нашихъ провинціяхъ такихъ искусственныхъ радостей или мало или вовсе нѣтъ (я говорю о времени моего дѣтства). Поэтому, если бы отнять тамъ съ разу пѣніе, провинціи наши тоже съ разу омертвѣли бы, какъ омертвѣла бы всякая мѣстность, какъ бы красива и живописна она ни была, если бы отнять у нея солнечные лучи. Мнѣ кажется, что самые люди тамъ сдѣлались бы хуже. Я всегда былъ того убѣжденія, что тотъ, кто самъ поетъ, худо ли, хорошо ли, или вообще любитъ пѣніе, человѣкъ хорошій. Невозможно, чтобы тотъ, кто постоянно воспѣваетъ любовь, радость, разлуку съ милымъ, былъ худымъ человѣкомъ, ибо нельзя пѣть пѣсни, не сочувствуя ей, нельзя выражать чувствъ, которыхъ нѣтъ въ собственномъ сердцѣ. Напротивъ человѣкъ, который и самъ не можетъ взять ни одной ноты и другихъ не любитъ слушать, по моему человѣкъ не добрый, съ сухимъ, жесткимъ сердцемъ, человѣкъ, котораго надо остерегаться. Если читатель потрудится провѣрить

возвѣщаемую мною истину, хоть на маленькомъ кружкѣ своихъ знакомыхъ, онъ увидитъ самъ, что въ ней есть значительная доля правды. Я видѣлъ, въ теченіи своей долгой жизни, много людей, любившихъ пѣніе, и не много такихъ, которые его не любили, и сводъ моихъ наблюденій вполнѣ подтверждаетъ то, что я говорю.

Если, такимъ образомъ, русская пѣсня была неотъемлемою, всеувеселяющею чертою нашихъ селъ и деревень, то почти съ такою же силою она господствовала и въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, которые вообще не очень рѣзко отличались отъ нашихъ селъ и деревень. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, пѣсня сопровождала все. И у насъ, когда отецъ отправлялся въ должность, а домашніе обращались къ обычнымъ занятіямъ, по всему дому раздавалось пѣніе. Сестры пѣли надъ своимъ шитьемъ, Дунька и Сашка надъ своими работами: чисткою самовара или мытьемъ половъ; даже косоглазый Митька пѣлъ въ конюшнѣ или въ сараѣ, очищая своего пегаса или приводя въ порядокъ необъятную долгушу. Пѣніе разумѣется было простое и вполнѣ безъискуственное. Достоинство его зависѣло отъ болѣе или менѣе хорошаго, звучнаго голоса, или отъ выразительности, которую пѣвецъ влагалъ въ пѣсню. Что выразительность эта достигала иногда удовлетворительной степени, лучшимъ доказательствомъ служило то, что пѣвецъ часто, въ одно время, пѣлъ и плакалъ. Слезы въ нашемъ семействѣ были весьма дешевы. Я сказалъ уже, что самъ отецъ, мужчина, морально и физически крѣпкій и твердый, былъ величайшій плакса. Другіе тоже отличались безпримѣрной плаксивостью. Чуть раздастся пѣсня, смотришь ужъ

кто нибудь плачетъ, либо самъ пѣвецъ, что случалось сплошь и рядомъ, либо кто нибудь изъ присутствующихъ.

Сестра Өеша пѣла также, какъ и все она дѣлала: тихо и нѣжно. Саша, напротивъ, была самая отчаянная пѣвица, владѣвшая звонкимъ и высокимъ сопрано. Въ послѣдствіи пѣніемъ простыхъ пѣсенъ мы съ нею производили въ знакомыхъ кружкахъ большой эфектъ. Саша держала своимъ прекраснымъ голосомъ простую мелодію, а я, набравшись уже разныхъ хитростей, выводилъ по ней разныя гармоническія украшенія собственнаго изобрѣтенія и собственной выдѣлки. Знанія наши въ области русскихъ пѣсенъ были очень обширны и трудно было предложить по этой части что нибудь, намъ незнакомое. Я готовъ идти на пари, что едва ли мнѣ можно указать такую русскую пѣсню, которой бы я не зналъ по голосу и содержанію, а самъ могу предложить такую пѣсню, которая поставитъ въ тупикъ любого знатока и спеціалиста.

Съ переселеніемъ въ Петербургъ, мой звонкій дискантъ замѣнился теноромъ своеобразнаго вида и свойства. Былъ ли это теноръ di grazia или теноръ di forza я разобрать не въ состояніи. Скорѣе это былъ великороссійскій теноръ, готовый, по русскому обычаю, вертѣться на всѣ руки. Самыя условія, окружавшія меня по этой части, совершенно измѣнились. Великолѣпныя пѣсни: «не одна во полѣ дороженька» или «скучно матушка мнѣ весною жить одной» и т. п. здѣсь не были въ употребленіи. Я сталъ посѣщать оперы и прельщаться пѣніемъ Шемаева, подражаніемъ которому, какъ уже гово-

рилъ, и осрамился на родинѣ. Но однимъ изученіемъ Шемаева и подражаніемъ ему ограничиться было невозможно. Не смотря на мои тощія средства, я призналъ необходимымъ взять нѣсколько уроковъ пѣнія, на сколько бѣдный карманъ позволитъ. Съ этою цѣлью, съ однимъ изъ моихъ товарищей и сослуживцевъ Поповымъ (Поповыхъ и въ Петербургѣ достаточно) такимъ же бѣднякомъ, какъ я, и столь же яростнымъ любителемъ пѣнія, мы обратились къ какому то Мейеру, публиковавшему о какой то улучшенной, имъ изобрѣтенной методѣ по этой части. Петербургскіе музыканты вѣроятно помнятъ этого Мейера. Жилъ онъ въ Почтамтской, въ домѣ Китнера и бралъ съ насъ по 100 р. асс. за какіе то періоды, по расчету уроковъ или по расчету времени. На сколько я могъ понимать, Мейеръ былъ человѣкъ, знающій дѣло, но въ то же время очень суровый. Съ нами онъ вовсе не церемонился и кричалъ на насъ, какъ на учениковъ малолѣтнихъ и крайне неразумныхъ. Въ особенности онъ свирѣпъ былъ съ моимъ товарищемъ, у котораго былъ громаднѣйшій басъ, но весьма неповоротливый. О методѣ, усвоенной Мейеромъ, судить я не въ состояніи, но и въ то время не могъ не находить ее странной, по меньшей мѣрѣ. Онъ придумалъ знакомить своихъ учениковъ съ разу съ основаніями генерал-баса и приводилъ разныя тому причины. Во имя этой усовершенствованной методы, онъ училъ насъ не столько пѣть, сколько сочинять, набрасывалъ на листѣ, для каждаго изъ насъ отдѣльно, какую нибудь мелодію и обязывалъ насъ къ слѣдующему уроку обработать эту мелодію гармонически, т. е. къ одному голосу, имъ написанному, придѣлать еще

два, и басовой голосъ. Легко представить, какъ мы, подавляемые департаментскими, вовсе не музыкальными дѣлами, потѣли надъ этой задачей. Хоть мы и не были подчинены Мейеру, какъ дѣйствительные школьники, тѣмъ не менѣе, увѣренные, что въ нашихъ сочиненіяхъ кроется непроходимая чепуха, а съ другой стороны, напуганные строптивостью Мейера, отправлялись къ нему въ урочные часы съ чувствомъ нетолько не радостнымъ, но значительно тревожнымъ и безпокойнымъ.

Я тотчасъ смекнулъ, что мы постоянно будемъ пріобрѣтать больше выговоровъ и замѣчаній, чѣмъ дѣйствительныхъ знаній въ вокальномъ дѣлѣ, если не будемъ имѣть средствъ предварительно, дома, повѣрять наши сочиненія и открывать ту чепуху, за которую намъ постоянно доставалось. А въ чемъ же могли заключаться эти средства? Единственно въ инструментѣ. Да, но гдѣ его взять! Не ходить же по гостинницамъ, кандитерскимъ или по знакомымъ и просить позволенія пробренчать свои произведенія. Какимъ образомъ и гдѣ я пріобрѣлъ на столько знаній, что могъ произвести съ грѣхомъ пополамъ это бренчанье—и самъ незнаю. Вообще я старался всюду, гдѣ только было можно, прихватить чего нибудь, отчего и происходитъ что, не зная ничего положительно и основательно, разныхъ вершковъ я нахватался вволю.

Очевидно, что для этого бренчанья необходимо было пріобрѣсти собственный инструментъ. Два бѣднѣйшихъ чиновника, предпринявшіе на маленькія крохи учиться пѣнію—должны еще для того, чтобъ вышелъ какой нибудь толкъ, пріобрѣсти свой инструментъ, да не гитару

какую нибудь, не флейту или кларнетъ, а цѣлое фортепіано!.... Я убѣдился, что нигдѣ нельзя жить такъ дешево и выгодно, какъ въ богатомъ Петербургѣ, но для этого необходимъ трудъ, необходима заботливость, энергія и главнѣе всего смѣтка, богатое свойство русскаго человѣка. Все это у меня было въ достаточной степени и отъ того происходило, что я покупалъ прекрасныхъ лошадей по 100 руб., покупалъ на шпалерной фабрикѣ ковры по 90 коп. аршинъ, которые стоили втрое, покупалъ за 300 р. карету, вчера заплаченную 800 р., пріобрѣталъ прекрасную мебель отличныхъ мастеровъ по цѣнамъ ниже апраксинскихъ! И это безъ всякихъ интригъ и темныхъ сдѣлокъ. Ко всѣмъ дѣйствіямъ подобнаго рода у меня было неодолимое отвращеніе и я не думаю, чтобы нашелся человѣкъ, который могъ бы упрекнуть меня въ нечистомъ дѣлѣ. Да у меня и не было на волосъ способности къ подобнымъ дѣламъ. Моими союзниками всегда были трудъ, энергія и смѣтка. И, при ихъ содѣйствіи, я купилъ фортепіано, заплативъ за него 40 руб асс. Конечно это было фортепіано, въ ужасъ приводящее. Оно и сипѣло и пищало и вообще всѣми своими частями изображало старческую немощь и неоспоримыя права давно поступить на топливо. Но мнѣ до этого не было дѣла. Мнѣ была нужна клавитура, а клавиши всѣ были на лицо, старыя и желтыя, какъ волосы девяностопятилѣтняго старика. Содѣйствію этого допотопнаго инструмента, помощи этихъ желтыхъ клавишъ я обязанъ, что отношенія наши къ суровому Мейеру пошли луше, хотя въ нашихъ произведеніяхъ по прежнему вкрадывались грубыя ошибки противъ законовъ гармоніи,

и строгій Мейеръ не оставлялъ на насъ покрикивать, но уже не въ той степени.

Когда мы приносили къ нему наши произведенія, онъ прежде всего заставлялъ насъ исполнять ихъ. Самъ онъ пѣлъ первую строчку, меня заставлялъ пѣть вторую, а басистаго Попова третью. Независимо отъ этого, онъ заставлялъ насъ пѣть различные нумера изъ оперъ и преимущественно изъ «дон-Жуана» Моцарта. Помню, что мы долго мучились надъ тѣмъ тріо, гдѣ дон-Жуанъ убиваетъ дон-Педро. Мейеръ пѣлъ партію умирающаго донъ Педро; я долженъ былъ изображать убійцу, а неповоротливый Поповъ Лепорелло. Но роль эта, какъ то туго имъ воспринималась. Мейеръ страшно злился именно за его неповоротливость, кричалъ на него, но дѣло мало подвигалось. Отъ моцартовскихъ фразъ у моего сотрудника всегда отдавало чѣмъ то церковнымъ и что бы онъ ни пѣлъ, все какъ будто слышался извѣстный гласъ: «Господи, воззвахъ къ Тебѣ»....

Какую именно пользу доставило намъ ученье Мейера, сказать трудно. Онъ утверждалъ, что его метода тѣмъ и хороша, что разомъ знакомила съ основными началами пѣнія и что каждый, ознакомившійся съ нею, можетъ пѣть прямо все, стоитъ развернуть предъ нимъ ноты. Увы! этихъ чудотворныхъ плодовъ нашихъ стараній мы вовсе не испытали, а когда я предпринималъ изучить какой нибудь романсъ, то постоянно мучился надъ его разборомъ, и только желтыя клавиши моего древняго фортепіано поддерживали меня на истинномъ пути. Безъ ихъ содѣйствія я, какъ и прежде, блуждалъ въ страшныхъ дебряхъ чепухи.

Но я долженъ просить читателя объ одномъ: не требовать отъ меня системы. Система совершенно необходима въ какомъ нибудь проектѣ. Проектъ можетъ обратиться въ законъ, а законъ будетъ подлежать общему исполненію. Необходимо, чтобы каждый зналъ всѣ мотивы закона. Это же условіе прилагается къ книгамъ историческимъ, учебнымъ и т. п. Но примѣнять тоже условіе къ запискамъ и воспоминаніямъ едва ли нужно. Записки располагать систематически и трудно и безполезно. Трудно потому, что это стѣснило бы, прежде всего, свободу пера. Безполезно потому, что не все ли равно для читателя прочитать, какъ пѣлись русскія пѣсни, на этихъ страницахъ или на другихъ, выше или ниже? Надобно сказать, что въ существѣ я такой же сынъ природы, какъ и мои меньшіе братья, поселяне сельца Петрова. Есть ли у нихъ система, когда они поютъ свои пѣсни? Ни малѣйшей! То вдругъ затянетъ такую, что сердце надрывается, то такую, что всѣ кости заговорятъ. Которая прежде, которая послѣ—это рѣшительно все равно. Пѣсня, хорошо спѣтая, отъ этого не утратитъ своего достоинства. Для системы надо бы, чтобъ и рѣки текли прямо. Между тѣмъ всѣ онѣ текутъ безчисленными извилинами, и не теряютъ отъ этого своей красоты. Желалъ бы я посмотрѣть наконецъ такого систематика, который подвелъ бы подъ систему дѣтскія, семейныя воспоминанія, чьи бы то ни было, и какія онъ тутъ ввелъ бы подраздѣленія, отдѣлы, рубрики и т. п. Развѣ самый семейный бытъ могъ имѣть какую либо систему? Это былъ просто калейдоскопъ обыкновенныхъ житейскихъ и въ тоже время безконечно разнообразныхъ явленій.

Такъ пусть будетъ калейдоскопомъ и мой нехитрый разсказъ.

Въ самую горячую пору моихъ стремленій изучить обязанности тенора и петербургскіе пріемы пѣнія, поставлена была первая знаменитая русская опера Глинки: «Жизнь за Царя». Я былъ на первомъ представленіи и сидѣлъ въ раю, среди самыхъ почтенныхъ господъ и военныхъ людей съ густыми эполетами. Всякія церемоніи и претензіи на это время были устранены. Рѣчь шла только о томъ, чтобы попасть въ театръ, и всѣ тѣ, которые не попали въ ложи и кресла, съ готовностью размѣщались подъ небесами. Можно сказать безошибочно, что въ это первое представленіе опера не была рѣшительно понята. Толки происходили на первыхъ порахъ самые невѣрные, неосновательные. Изъ всѣхъ укоровъ, сыпавшихся на нее, едва ли не былъ главнѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ укоръ за ея плаксивость. Но геній взялъ свое. Опера пріобрѣла небывалую популярность и родные звуки ея проникли насквозь все русское общество. Этого мало, что она исполняется безпрерывно на сценѣ и, послѣ 500 представленій, все съ такою же силою привлекаетъ въ театръ массу публики. Она сдѣлалась народной оперой въ томъ смыслѣ, что многіе знаютъ ее наизусть. Я, напримѣръ, знаю ее отъ первой ноты до послѣдней и, при исполненіи ея на сценѣ, ни малѣйшая ошибка, допущенная кѣмъ либо изъ исполнителей, не пройдетъ незамѣченною мною.

Въ то время, когда эта опера распространялась все болѣе въ обществѣ, не было чиновника, который бы не затягивалъ про себя, входя въ роль Сусанина или

роль Сабинина, смотря по внутреннему настроенію или по размѣрамъ своего голоса: «не томи родимый»! не было барышни, которая не взывала бы: «не круши себя»! Во время этой общей эпидеміи, могли ли мы съ Поповымъ остаться равнодушными и безучастными. Нѣтъ и никогда! Мы тотчасъ погрузились въ изученіе соотвѣтствующихъ партій. Поповъ разумѣется возобладалъ партіею Сусанина. Я взялъ партію Сабинина. У Попова было меньше знанія и искуства, за то былъ великолѣпный голосъ. У меня напротивъ, было больше искуства, зато мало голосу. Какъ бы то ни было, при помощи дряхлаго фортепіано, я быстро изучилъ партію Сабинина и мы, при нашей любви къ знаменитой оперѣ Глинки, постоянно перекидывались вокальными фразами, сюда относящимися. Даже во время прогулокъ, даже во время департаментскихъ занятій, я начиналъ тихонько: «не томи родимый»! на что Поповъ восклицалъ: «не томись, мой милый»! и т. д. Но какъ усердно ни перекидывались мы съ Поповымъ этими фразами, вдвоемъ создать тріо мы все таки были не въ состояніи. Необходима была Антонида. Мы пробовали возводить въ Антониду нѣкоторыхъ пріятелей, но дѣло выходило плохо. Но судьба послала намъ и настоящую Антониду.

Въ департаментѣ, однимъ изъ моихъ товарищей и сослуживцевъ былъ Курляндцевъ, Василій, молодой человѣкъ, умный и добрый. Онъ былъ не изъ пѣвцовъ, а изъ слушателей, постоянно болтался съ нами и, при исполненіи той или другой пьесы, дѣлалъ посильныя замѣчанія. Когда однажды мы сѣтовали при немъ, что у насъ нѣтъ Антониды и что это обстоятельство имѣетъ

гибельное вліяніе на наши порывы, Курляндцевъ сказалъ мимоходомъ: «у меня сестра Маша немного играетъ и поетъ. Возьмите ее»! Слово за словомъ и, результатъ былъ тотъ, что мы познакомились съ семействомъ Курляндцевыхъ—состоявшимъ изъ матери, почтенной и доброй женщины, Анны Филиповны, нашего пріятеля Василія Курляндцева, брата его Константина и сестры Маріи, дѣвушки лѣтъ 17-ти, этой жертвы нашихъ вокальныхъ затѣй. Жили они въ маленькомъ собственномъ домикѣ близъ Преображенья, въ Спасскомъ переулкѣ. Въ домикѣ было нѣсколько комнатъ крошечныхъ размѣровъ. Въ комнатѣ, называемой залою, стояло большое и неуклюжее фортепіано, малоизвѣстнаго фабриканта. При домѣ былъ маленькій садикъ съ бесѣдкой и скамейками. У Курляндцевыхъ было много знакомыхъ, такихъ же простыхъ людей какъ они сами. Мы тоже пришлись имъ по вкусу; ихъ ласкамъ и любезностямъ не было конца. Намъ было тамъ такъ тепло и пріятно, что мы почти жили у Курляндцевыхъ, т. е. проводили тамъ рѣшительно все свободное отъ службы время. Музыка, или вѣрнѣе пѣніе были конечно на первомъ планѣ и тутъ то Марья Курляндцева являлась истинной мученицей, а злодѣями, мучившими и кажется замучившими ее, явились мы съ Поповымъ. Дѣло въ томъ, что комната, въ которой происходили наши вокальныя упражненія, была маленькая, низенькая, рѣшительно безъ всякого резонанса. Фортепіано было настроено чрезвычайно высоко; громкій сильный басъ Попова требовалъ соотвѣтственныхъ напряженій со стороны другихъ участниковъ, для того, чтобы и ихъ было слышно; голосъ у нашей Антониды

былъ нѣжный, слабенькій, наконецъ партія ея написана чрезвычайно высоко. Все это должно было неминуемо произвести вредное вліяніе на молодую грудь. Она постоянно откашливалась, на что конечно никто изъ насъ не обращалъ вниманія, какъ на обычные пріемы всѣхъ пѣвицъ, свидѣтельствующіе о желаніи чище взять ноту. Но тутъ еще, быть можетъ, никакой существенной бѣды не было бы. Когда же мы перешли къ разучиванью другихъ частей оперы и въ особенности извѣстнаго квартета: «не розанъ въ саду», когда громадный басъ Попова гремѣлъ и752 вралъ самымъ непозволительнымъ образомъ, а наша участница, должна была нетолько держать высокую партію, но по нѣскольку разъ выдѣлывать своимъ слабымъ голоскомъ ту или другую фразу, чтобъ разъяснить ему въ чемъ дѣло—молодая грудь этой дѣвочки повидимому не могла выдержать такого усилія. Она стала жаловаться на боль въ груди, но мы тоже не обращали на это вниманія, полагая, что все это пройдетъ и преимущественно заботились о приведеніи квартета въ безукоризненный видъ, подливая, такъ сказать, масла въ огонь. Грудныя боли нашей примадонны однако же не прошли и скоро обратились въ положительную чахотку. Съ наступленіемъ весны она окончательно слегла, все лѣто болѣла, постепенно превращаясь въ скелетъ и въ день храмового ихъ праздника тихо скончалась . . . . Это воспоминаніе не чуждо для меня значительной примѣси укоровъ со стороны совѣсти. Никакое судебное изслѣдованіе, конечно, не обнаруживало истинныхъ причинъ ранней кончины этой дѣвушки, но внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что наше пѣніе, черезъ чуръ ретивое, было тутъ главною

причиною. Еще болѣе совѣстно мнѣ вспоминать, что на похоронномъ обѣдѣ, когда по русскому обычаю, всѣ порядкомъ подкутили, и я, тутъ же принялся устраивать разные хоры,—предо мною открылись обстоятельства, которыхъ при жизни покойной и подозрѣвать было невозможно, и которыя заставили меня долго ходить потомъ на Смоленское кладбище и надъ ея ранней могилой размышлять о жизни, о любви, о смерти. . . .

Я сказалъ уже, что хоры составляли любимѣйшій мною отдѣлъ пѣнія. Если бы мнѣ сказали, что тутъ будетъ пѣть Патти, а здѣсь извѣстный хоръ, я никогда не принесу его въ жертву знаменитой примадоннѣ, какъ это ни невѣжественно съ моей стороны. Стройное соединеніе всѣхъ голосовъ въ одинъ чистый и безукоризненный гармоническій звукъ доставляетъ мнѣ наслажденіе, которое нельзя выразить и которое неизмѣримо превосходитъ удовольствіе, доставляемое невозможными фіоритурами какого бы то ни было солиста. Въ молодости, бѣдный и заваленный работой, я находилъ и время и силы бѣгать по десяти верстъ или въ Невскій монастырь, гдѣ по великимъ пятницамъ восхитительно исполнялось: «Тебѣ одѣющагося», произведеніе, по моему, истинно вдохновенное. Насмотрѣвшись, подлѣ клироса, на самого композитора, престарѣлаго уже и почтеннаго Турчанинова, плачущаго на виду у всѣхъ, я отправлялся куда нибудь за городъ, послушать знаменитыхъ нѣкогда Финляндскихъ (т. е. Финляндскаго полка) или извѣстныхъ Молчановскихъ пѣсенниковъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что гдѣ только пѣлъ хоръ, я уже былъ тамъ, и

на оборотъ, гдѣ я появлялся, вокругъ меня скоро образовывался хоръ любителей. И сколько этихъ хоровъ создавалось и распадалось!

Когда я былъ неразуменъ, въ живописи меня особенно прельщали картины, основанныя на перспективѣ. Мнѣ было чрезвычайно трудно увѣрить себя, что этотъ рядъ комнатъ не существуетъ въ дѣйствительности, что эта разнообразная мебель, наполняющая комнаты, тоже написана, но не принесена отъ Гамбса. Такого рода картины поражали меня и мнѣ казалось, что художники, ихъ создавшіе и есть настоящіе, истинные художники. Какъ тогда, такъ и теперь, я думаю, что та живопись хороша, которая живо представляетъ предметъ. Поэтому я люблю и понимаю картины въ родѣ «Послѣдній день Помпеи». «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля я понимаю, а Мадонну Гольбейна не понимаю, точно также, какъ не понимаю и того, за что она пользуется славой чуть не равной той, которая справедливо принадлежитъ «Сикстинской Мадоннѣ». Все это отступленіе, за которое меня конечно назовутъ невѣждой по части живописи, хотя я усердно посѣщалъ и изучалъ всѣ европейскіе музеи и галлереи, я сдѣлалъ единственно для того, чтобы уподобить возставшія передо мной воспоминанія о хорахъ—именно хорошей перспективной картинѣ. Открывается безконечная даль и, на различныхъ точкахъ этой дали, я какъ будто вижу именно различные хоры или тѣ, въ которыхъ я участвовалъ, или тѣ, которые самъ созидалъ. Если бы я сталъ описывать всѣ хоры, которые встаютъ въ моей памяти, то прежде всего страшно измучилъ бы себя, при моей великороссійской лѣни и

при утратѣ мною калиграфическаго искуства, которое, бывало, давало моему перу возможность легко и граціозно пролетать безъ утомленія цѣлыя дести бумаги, а мнѣ позволяло вставать отъ письменнаго стола съ веселой, беззаботной улыбкой, свидѣтельствующей объ отсутствіи всякого утомленія. Теперь все это, и грація почерка и веселая улыбка послѣ работы, отошли въ прошедшее, и я уже съ нѣкоторымъ трудомъ двигаюсь и по пути дѣйствительной жизни и по пути настоящихъ воспоминаній, за которыя принялся на старости лѣтъ. Но какое дѣло публикѣ до того, съ трудомъ или безъ труда исполнена вещь, предложенная ей—была бы вещь хороша. Бѣда, если въ результатѣ этихъ трудовъ, явится скука читателей, набросимъ поэтому только «существенныя черты».

Главною и существенною чертою нашихъ хоровъ можно поставить прежде всего то обстоятельство, какъ оно ни можетъ показаться страннымъ, что эти, «доморощенные» хоры исполняли безразлично, безраздѣльно и духовныя и свѣтскія пѣснопѣнія. Пѣли что вздумается и что придется. Отъ этого происходило нерѣдко, что за херувимской шла: «не одна во полѣ дороженька» и на оборотъ. Насъ мало занимало содержаніе этихъ пѣснопѣній, намъ нужны были созвучія. Была мода, когда въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ церквахъ, особенно домашнихъ, пѣли любители, преимущественно чиновники. Церкви эти, сколько потому, что онѣ представляли несравненно болѣе всякихъ удобствъ, чѣмъ церкви приходскія, столько и потому, что пѣніе любителей было если не всегда хорошо, то всегда любопытно, привле-

кали много публики, преимущественно изъ порядочнаго общества. Мы тоже, т. е. мои пріятели и любители этого дѣла, ходили въ такія церкви съ величайшимъ интересомъ, прислушивались къ нотному исполненію различныхъ вещей, критиковали того или другого выдающагося пѣвца, и потомъ, собираясь въ пріятельскіе кружки, пробовали собственныя силы по этой части и сравнивали наше пѣніе съ тѣмъ, которое слышали въ церкви. Дальше да больше, — наконецъ и у нашего кружка явилась дерзкая мысль выступить на публичное поприще.

Этой рѣшимости содѣйствовало слѣдующее обстоятельство. Послѣ отвратительной чухонки, въ когтяхъ которой мы такъ страдали съ косоглазымъ Митькой и послѣ нѣкоторыхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, я сошелся съ двумя братьями Юркевичами, добрыми людьми; мы жили вмѣстѣ на Владимірской, въ домѣ Крестовской, весьма замѣчательной женщины. Юркевичи были малороссы и, въ то же время, по общительному характеру, составляли привлекательный центръ для другихъ малороссовъ, въ весьма большомъ количествѣ наполняющихъ чиновный Петербургъ. У насъ постоянно собирались толпы знакомыхъ, большею частью малороссовъ, въ числѣ которыхъ, разумѣется, было много любителей пѣнія и даже настоящихъ пѣвцовъ съ хорошими голосами. Само собою разумѣется, что пріятели Юркевичей тотчасъ дѣлались моими пріятелями, и на оборотъ. Въ ряду этихъ знакомыхъ и пріятелей былъ, между прочимъ, довольно уже пожилой и почтенный человѣкъ, Ордовскій. Такого отчаяннаго любителя пѣнія рѣдко

можно было встрѣтить. Онъ любилъ слушать и подпѣвать, хотя ни большого знанія, ни хорошаго голоса у него не было. Эта общая любовь къ одному дѣлу чрезвычайно сблизила нашъ пѣвческій кружокъ съ Ордовскимъ.

Онъ занималъ должность смотрителя Петропавловской больницы и жилъ весьма хорошо. У Ордовскаго вѣчно происходили, какъ говорится «пиры и банкеты», на которые опытные люди посматривали съ недоумѣніемъ. Народу у него, особенно въ извѣстные дни, собиралось бездна. Все пѣло, пило, ѣло, танцовало и прославляло радушнаго хозяина. Мы, пѣвуны, не смотря на разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ Ордовскаго, почти ежедневно болтались у него, то для спѣвокъ и репетицій, то для пѣнія обѣдни или всенощной. И намъ было чрезвычайно пріятно, когда, бывало, въ какой нибудь праздничный день, мы прибудемъ на мѣсто большею частью значительной толпой, и больничные сторожа и служители начнутъ перешептываться: «пѣвчіе пришли». Званіе пѣвчихъ намъ очень льстило и придавало нашимъ любительскимъ подвигамъ какое то серьезное значеніе. Едва ли нужно говорить, что священникъ церкви, равно какъ и весь церковный причетъ, если не были формально подчинены смотрителю, то во многомъ зависѣли отъ него и преимущественно въ отношеніи хозяйственномъ, т. е. въ самомъ важномъ и существенномъ въ частной жизни, особенно для людей небогатыхъ; поэтому они любезничали предъ нимъ на всѣ лады и готовы были исполнять малѣйшее его желаніе. Это громадное вліяніе отъ Ордовскаго переходило и на насъ, такъ что,

въ концѣ концовъ, мы являлись полными хозяевами церкви и распорядителями дьячковъ и другихъ причетниковъ. Справедливость требуетъ сказать, что если репетиціи наши шли большею частью отлично по стройности и отчетливости, то самое дѣло т. е. пѣніе въ церкви далеко не отличалось этими свойствами. Тутъ, по моимъ наблюденіямъ, дѣйствовали двѣ причины. Первая заключалась въ томъ, что на репетиціяхъ, происходившихъ всегда въ гостепріимныхъ комнатахъ Ордовскаго, мы становились въ кружокъ, или вообще какъ намъ было лучше и какъ намъ нравилось. Это разъ. Потомъ мы приступали къ пѣнію не только съ совершенно спокойнымъ, но даже веселымъ духомъ, чему содѣйствовали съ одной стороны рюмки двѣ или три хересу, проглоченныя предварительно, по настоянію радушнаго хозяина. Мы пѣли съ полнѣйшею увѣренностью, что тутъ дѣло, если бы и испортилось, можно его сто разъ передѣлать. Каждый могъ въ самую важную минуту остановить хоръ словами: «позвольте! мнѣ кажется, басамъ тутъ лучше оставаться на нижнихъ нотахъ и не брать на октаву вверхъ» или что нибудь въ этомъ родѣ. Пойдутъ толки, споры, сужденія, а между тѣмъ хозяинъ скажетъ: «Селиверстъ, дай-ка намъ хересу». Когда пререканія улягутся, а хересъ проглотится,—хоръ снова гудитъ, еще лучше, еще эфектнѣе до новой остановки, которую каждый можетъ произвести и совершенно безнаказанно, ибо она не только не произведетъ никакого скандала, но еще дастъ возможность проглотить новую рюмку хересу. Когда же приходило дѣйствительное дѣло, т. е. время пѣть въ церкви, всѣ эти благопріятныя условія исчезали,

увѣренность въ возможности какихъ бы то ни было поправокъ замѣнялась тревожнымъ сознаніемъ совершенной необходимости съ разу исполнять все чисто и отчетливо. Все это волновало наши нервы и уничтожало въ конецъ ту покойную самоувѣренность, которая необходима прежде всего каждому публичному дѣятелю, на какомъ бы то ни было поприщѣ и безъ которой нечего и соваться въ эту дѣятельность. Лишенные сразу этого необходимаго орудія, мы нравственно страдали даже отъ самаго размѣщенія нашего. На репетиціяхъ мы разставливались широко, свободно, какъ каждому нравилось, лицомъ другъ къ другу и, такъ сказать, поощряли другъ друга. Загнанные на клиросъ, мы сбивались въ кучу, и каждый долженъ былъ смотрѣть въ затылокъ другому. Мы тотчасъ приходили въ самое тревожное состояніе и сами сознавали положительную невозможность, при такомъ распорядкѣ, чего либо хорошаго. Мы лишались средствъ слѣдить за общимъ ходомъ пѣнія и каждый на удачу тянулъ свою ноту, не зная, даже не слыша, кàкъ она относится къ общему строю хора. При такомъ положеніи понятно, что частныя ошибки и даже общая чепуха иногда были весьма возможны и естественны, такъ что съ окончаніемъ обѣдни или всенощной мы почти никогда не имѣли ни права, ни основанія поздравить себя съ успѣхомъ и ободряли себя надеждой, что въ другой разъ дѣло пойдетъ лучше. Но надежда эта почти никогда не осуществлялась.

Другая причина нашего неуспѣха была столько же нелѣпа, сколько и пагубна. Она заключалась—смѣшно сказать—въ необычайной моей смѣшливости. Стоило

соврать кому либо изъ моихъ сотрудниковъ, чтобы самый неудержимый и, въ то же время, самый неприличный смѣхъ обуялъ меня. Чѣмъ болѣе старался я удерживаться, тѣмъ болѣе позывы къ смѣху становились сильнѣе. Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы по крайней мѣрѣ смѣяться тихо, про себя, но эти усилія были большею частью безплодны; я прорывался, фыркалъ на всю церковь и заражалъ смѣхомъ моихъ товарищей. Сначала они тоже крѣпились, но постепенно поддавались заразительности моего смѣха и дѣло принимало такой видъ, что почти всѣ такъ называемые пѣвчіе смѣялись; а пѣніе, вмѣсто многихъ голосовъ, поддерживалось кое какъ, съ грѣхомъ пополамъ, двумя-тремя лицами, что само по себѣ представлялось тоже очень смѣшнымъ и нисколько не содѣйствовало обращенію нашему на путь истинный. Упорнѣе всѣхъ былъ тотъ же басистый Поповъ, который исполнялъ обязанность уставщика и слѣдовательно несъ на себѣ наибольшую отвѣтственность за хоръ. Бывало всѣ пѣвчіе остановятся, а онъ все продолжаетъ гудѣть, въ надеждѣ, что заблудшіе возвратятся къ своимъ обязанностямъ, но наконецъ и онъ останавливался и дѣло переходило на попеченіе церковнаго дьячка. Безошибочно можно сказать, что если бы священникъ не былъ въ такой зависимости отъ нашего пріятеля Ордовскаго, онъ безъ сомнѣнія не разъ принесъ бы намъ свою наичувствительнѣйшую благодарность за наши старанія и пригласилъ бы насъ перенести ихъ въ другое мѣсто...

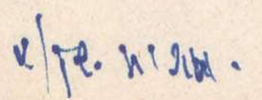
Долго ли, коротко ли продолжались наши вокальные подвиги въ Петропавловской больницѣ, сказать не могу,

но наше участіе въ этомъ учрежденіи кончилось въ одно время съ участіемъ въ немъ самого Ордовскаго. Въ одно прекрасное утро онъ исчезъ не только изъ больницы, но изъ Петербурга и быть можетъ съ самой земли, оставивъ жену и нѣсколько дѣтей. Его искали долго и постоянно, искали всюду, но не нашли ни его самого, ни малѣйшихъ свѣденій, къ его исчезновенію относящихся. Должно надѣяться, что если Ордовскій и грѣшилъ противу земныхъ уставовъ и въ особенности противу интересовъ ввѣренной ему больницы, то грѣхи эти, купно съ другими, отпустятся ему въ томъ мірѣ (если онъ дѣйствительно уже перешолъ туда) во вниманіе къ тому, что онъ былъ усердный восхвалитель и прославитель милосердаго Бога.

Печальный конецъ этой исторіи напоминаетъ мнѣ другой, тоже питерскій отдѣлъ моей вокальной дѣятельности. Надобно сказать, что въ обширныхъ областяхъ того министерства (государственныхъ имуществъ) гдѣ я служилъ, находилось одно милое семейство. Глава его былъ казначеемъ одного изъ учрежденій. Человѣкъ онъ тоже былъ простой, добрый, чистый русакъ и тоже страшный любитель пѣнія. Жена его была образованная, но чрезвычайно болѣзненная женщина. Жизнь они вели самую скучную, монотонную, гдѣ всякіе порывы къ развлеченію, къ удовольствіямъ подавлялись болѣзненнымъ состояніемъ жены. Я познакомился съ ними и внесъ въ эту пасмурную, тяжелую и скучную жизнь нѣсколько свѣтлыхъ лучей. Больная хозяйка стала чувствовать благотворное вѣяніе другой, веселой жизни, стала поправляться, выѣзжать, посѣщать балы и задавать свои

вечера̀. Я былъ самымъ близкимъ другомъ этого семейства. Постепенно жизнь его преобразовалась и раскинулась самымъ широкимъ и, какъ послѣдствія показали, даже неосторожнымъ образомъ. На вечера туда собирались несмѣтныя толпы, тѣмъ болѣе, что квартира, которую они занимали, какъ всѣ вообще казенныя квартиры, отличалась большимъ просторомъ. Въ этихъ толпахъ появлялись литераторы, музыканты, художники.... Почти постоянно можно было встрѣтить тамъ Кукольниковъ, Рамазанова, Глинку. Безошибочно можно сказать, что этотъ именно періодъ повидимому былъ самымъ мрачнымъ и тяжелымъ періодомъ въ существованіи великаго композитора. Я не встрѣчалъ его въ это время въ другомъ видѣ, какъ весьма веселымъ. Кажется именно въ это время супруга его сочинила съ нимъ извѣстную штуку, о которой тогда говорилъ весь Петербургъ, приплетая сюда разные варьянты и многообразные коментаріи. Говорили также, что служебные его расчеты не осуществились, что онъ расчитывалъ быть директоромъ пѣвческой капеллы, а его назначили туда чѣмъ то въ родѣ учителя пѣнія. Вообще о Глинкѣ и его, дѣйствительно незавидномъ положеніи говорили много и разобрать, что̀ тутъ было справедливаго и что присочиненнаго, было трудно не только для меня, но и для самихъ вѣстовщиковъ и публицистовъ. Ясно было одно, и то судя по его образу жизни, что онъ, по русскому обычаю, старался заглушить какое то большое горе. Онъ въ это время достоинъ былъ сожалѣнія. На этихъ именно вечерахъ онъ, преимущественно съ Николаемъ Потуловымъ, въ то время гвардейскимъ офицеромъ, обожателемъ

Глинки и вообще имѣвшимъ большія музыкальныя претензіи, распѣвалъ разные романсы, и особенно дуэты... Справедливость требуетъ однако сказать, что они не пѣли собственно, но кричали, и если сами восхищались своимъ искуствомъ, то на другихъ производили странное впечатлѣніе. Кричали они потому во первыхъ, что находились въ черезъ чуръ возбужденномъ настроеніи, во вторыхъ потому, что не имѣя настоящихъ хорошихъ голосовъ и особенно высокихъ нотъ, должны были по необходимости ихъ выкрикивать. Едва ли не въ это время началъ утверждать свое господство шумливый Верди съ своими громами и требовать отъ теноровъ исполненія такихъ обязанностей, о которыхъ дотолѣ они не слыхали. Въ числѣ этихъ обязанностей едва ли не главнѣйшая состояла въ томъ, что теноръ, дотолѣ пробавлявшійся однѣми сладостями и нѣжностями, долженъ былъ производить такіе сильные звуки, которые могли бы заглушать и хоръ и оркестръ. Господа, подозрѣвавшіе въ себѣ tenore di forza, въ подтвержденіе своихъ качествъ и своихъ правъ, должны были оглушать крикомъ каждаго, стоящаго отъ нихъ менѣе, чѣмъ на разстояніи десяти саженъ. Глинка и Потуловъ, повидимому, зачислили себя въ отрядъ теноровъ di forza, на что имѣли множество самыхъ основательныхъ причинъ. Первою должно считать то, что они почти постоянно находились въ извѣстномъ настроеніи, гдѣ все кажется, что недовольно громко поешь и все хочется пѣть и даже говорить громче для того, чтобы всѣ знали и слышали, что это именно я пою или говорю, а не другой кто нибудь. Второю причиною должно считать, что не имѣя настоящихъ голосовъ, они,

силою самой необходимости, должны были кричать.... И въ то время, когда они дико завывали какими то дикими голосами, съ раскраснѣвшимися лицами и выпученными глазами, а мы смотрѣли на нихъ не только съ недоумѣніемъ, но даже съ серьезнымъ опасеніемъ, они конечно имѣли право думать: «вотъ невѣжды!» Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Глинка изучилъ, усвоилъ вполнѣ духъ и характеръ русскаго пѣнія, которые онъ перенесъ съ такою геніальностью въ свои оперы и особенно въ «Жизнь за Царя», которая отъ начала до конца кажется одною чудною русскою пѣснею; но собственно русскихъ пѣсенъ въ частности онъ не зналъ. Я могу сказать это вотъ по какимъ основаніямъ. Когда онъ бывало вдоволь накричится съ Потуловымъ, тогда нашъ маленькій хоръ, стройный и спѣвшійся, начиналъ пѣть русскія пѣсни, что всегда доставляло всему обществу самое неподдѣльное удовольствіе. Глинка тоже слушалъ насъ, выражалъ самый усиленный восторгъ и проявлялъ его на всѣ лады. Самымъ употребительнымъ способомъ такого выраженія былъ какой то безумный крикъ и визгъ, которыми онъ сопровождалъ наше пѣніе, особенно когда шла какая нибудь веселая, забористая пѣсня. Мы знали и пѣли сотни русскихъ пѣсенъ и, при каждой изъ нихъ, Глинка только и дѣлалъ, что кричалъ и визжалъ отъ восторга, но я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ своимъ крикомъ подтянулъ намъ, или спѣлъ хоть одну фразу пѣсни. Объ указаніяхъ, какъ взять эту фразу или какъ исполнить вотъ эту, указаніяхъ, которыя мы могли ожидать отъ такого глубокаго и ученаго знатока, и помину не было. Визжитъ, да и только! Надо замѣтить, что Глинка дер-

жалъ себя весьма высокопарно и самолюбіе било, такъ сказать, изъ всѣхъ его поръ. Это былъ и по наружности маленькій и гладкоостриженный, и по существу—совершенный ежъ! И потому мнѣ приходило иногда въ голову: ужъ не по самолюбію ли онъ прячетъ отъ насъ свое знаніе русскихъ пѣсенъ? «Вы, дескать, плебеи, и неудивительно, что можете распѣвать русскія пѣсни, а я композиторъ, просвѣщенный человѣкъ. Я могу повизжать для вашего поощренія, но распѣвать съ вами и даже показать вамъ, что могу до этого унизиться—считаю для себя недостойнымъ!» Но, съ другой стороны, состояніе, въ которомъ почти постоянно находился Глинка въ подобныхъ случаяхъ и вся окружающая обстановка, беззавѣтно веселая и безцеремонная, совершенно исключали всякую возможность подобныхъ горделивыхъ соображеній. Кромѣ того тотъ, кто знаетъ русскія пѣсни, умѣетъ слушать и самъ пѣть ихъ, знаетъ какъ трудно, невозможно даже въ извѣстный моментъ, въ извѣстномъ настроеніи, при всей чопорности, при всей заботливости о собственномъ достоинствѣ, не подхватить какой нибудь мотивъ. Я видѣлъ много почтенныхъ лицъ, которые невольно, такъ сказать, приставали къ хору, видѣлъ на Кавказѣ, что даже туземцы подтягивали съ грѣхомъ пополамъ нашимъ русскимъ пѣснямъ; какъ престарѣлый, заслуженый князь Василій Осиповичъ Бебутовъ иногда неотступно стоялъ подлѣ дирижера хора, заботливо смотрѣлъ ему въ глаза и хотя старческимъ голосомъ, но чрезвычайно усердно и отчетливо тянулъ «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», нисколько не думая ронять этимъ свое достоинство. Могъ ли имѣть какія нибудь заботы объ этомъ достоинствѣ

Глинка, въ извѣстные моменты и въ извѣстномъ настроеніи? Нѣтъ! Онъ просто не зналъ въ частности русскихъ пѣсенъ.

Въ подтвержденіе моего воззрѣнія приведу слѣдующій, «подходящій» случай. Кто не знаетъ, что изъ всѣхъ Тургеневскихъ «разсказовъ охотника», едва ли не одинъ изъ лучшихъ разсказъ: «Пѣвцы»; кто не находился подъ обаяніемъ его прелести? Я читалъ его много разъ и восхищенію моему не было предѣловъ. Но очарованіе художественною стороною разсказа не могло помѣшать мнѣ, какъ спеціалисту по части русскаго пѣнія, замѣтить въ самомъ содержаніи его существенную ошибку. Пѣвецъ побѣдитель въ извѣстномъ состязаніи, по разсказу Тургенева, пѣлъ пѣсню: «при долинушкѣ стояла»! и пѣлъ будто такъ, что всѣ слушатели млѣли отъ восторга, а хозяйка кабака, гдѣ происходило состязаніе, даже рыдала, наконецъ самому автору грезилась бѣлая лебедь на берегу моря съ распущенными крыльями. Такъ волшебны и томительны были звуки, которыми чаровалъ пѣвецъ собравшуюся на состязаніе публику. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ это вещь положительно невозможная! Пѣсня «при долинушкѣ стояла» пѣсня веселая, чуть не плясовая даже! Пѣвецъ могъ спѣть ее великолѣпно, но возбудить въ слушателяхъ ту сладкую тоску, то томительное очарованіе, изображеніе которыхъ и составляетъ главную прелесть разсказа, онъ, какъ бы ни пѣлъ, возбудить этою пѣснью не могъ. Когда потомъ судьба сблизила меня съ Тургеневымъ въ той области, которая находилась подъ вліяніемъ незабвеннаго князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго, и мы сами иногда пѣвали русскія

пѣсни, я не замедлилъ объяснить ему, специально и фактически, вокальный промахъ, сдѣланный имъ въ «Пѣвцахъ». Я доказывалъ ему, что никакой пѣвецъ приведенной имъ пѣсней не можетъ взволновать ни въ комъ глубины чувствъ, а тѣмъ болѣе чувствъ грустныхъ и томительныхъ, что плакать при этой пѣснѣ также не возможно, какъ при исполненіи какого нибудь Штраусовскаго вальса и что, наконецъ, есть другія русскія пѣсни, которыя дѣйствительно хватаютъ за сердце и заставляютъ плакать. Я указывалъ ему даже на нѣкоторыя изъ такихъ пѣсенъ и въ особенности на одну, которая по моему убѣжденію болѣе подходила бы къ дѣлу, на пѣсню: «не одна во полѣ дороженька пролегала» пѣсню, которая дѣйствительно каждымъ словомъ, каждымъ звукомъ, самымъ рельефнымъ образомъ выражаетъ и русскую ширь, и русскую удаль, и русскую, именно русскую, а не какую нибудь нѣмецкую,—если еще у нѣмцевъ есть это, въ одно время, и горькое и сладкое чувство—русскую тоску отъ разлуки «съ любушкой сударушкой», этой прелестью, о которой нѣмцы и понятія не имѣютъ, ибо у нихъ и такихъ экземпляровъ нѣтъ. Въ заключеніе моего энергическаго доклада Тургеневу и для вящаго доказательства неопровержимости моихъ соображеній, я спѣлъ ему, какъ умѣлъ, и его пѣсню: «при долинушкѣ стояла» и свою пѣсню: «не одна во полѣ дороженька». Не помню, выразилъ ли Тургеневъ тогда свое мнѣніе по этому вопросу, но я потомъ былъ пріятно изумленъ и утѣшенъ, когда, въ послѣдующихъ изданіяхъ Тургеневскихъ разсказовъ, а въ томъ числѣ и «Пѣвцовъ»

забравшаяся туда не кстати и не къ мѣсту пѣсня: «при долинушкѣ стояла» исчезла, а на мѣсто ея водворилась имѣвшая на то полное и законное право, «не одна во полѣ дороженька пролегала». Что же все это доказываетъ? А то, что я говорилъ въ отношеніи Глинки. Тургеневъ очевидно зналъ, какъ и Глинка, общій характеръ, прелесть, выразительность русскихъ пѣсенъ вообще, но въ частности, спеціально ихъ не зналъ. Если бы они знали это дѣло спеціально, Тургеневъ не поставилъ бы «при долинушкѣ стояла» тамъ, гдѣ должна стоять «не одна во полѣ дороженька», а Глинка не сталъ бы кричать безъ толку тамъ, гдѣ могъ присоединить свой теноръ di grazia или теноръ di forza къ обычному теченію той или другой русской пѣсни и своимъ участіемъ украсить ее....

Отмѣтивъ эту черту, относящуюся къ двумъ нашимъ великимъ русскимъ людямъ, я долженъ съ тяжелымъ чувствомъ замѣтить, что всѣ наши балы и вечера въ этомъ семействѣ, съ романсами, распѣваемыми Глинкой и Потуловымъ, съ ихъ криками и визгами, съ ихъ претензіями на званіе tenore di forza, съ нашимъ хоромъ, распѣвавшимъ русскія пѣсни—все это рухнуло самымъ печальнымъ образомъ. Въ одно прекрасное утро обнаружилось, что глава этого семейства (понятно, почему я его не называю) онъ же казначей и онъ же экзекуторъ казеннаго учрежденія, пробухалъ весь капиталъ жены, хранившійся въ его рукахъ, да кромѣ того прихватилъ сумму изъ казеннаго сундука. Грозная отвѣтственность была устранена, потому что куча знакомыхъ, пировавшихъ въ этомъ семействѣ продолжительное время и хотя не прямо, но всетаки нѣсколько виновныхъ въ этомъ пе-

чальномъ результатѣ, а главное любившихъ и уважавшихъ хозяйку, собрали и внесли недостающую казенную сумму. Но все таки виновникъ лишился мѣста и всѣхъ выгодъ, съ нимъ связанныхъ и съ радостью принялъ скромную квартиру, которую я занималъ и предложилъ ему съ женой. Едва ли нужно говорить, что это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ, надламывающихъ жизнь ударовъ, послѣ которыхъ поправленіе почти невозможно. Семейство это продолжало биться кое какъ но это было уже жалкое существованіе. На мѣсто обильныхъ, хотя и не совсѣмъ правильныхъ средствъ, явилась крайняя бѣдность. За бѣдностью явилась почти неизбѣжная ея спутница—болѣзненность. Оба друга мои, мужъ и жена, бѣднѣли и болѣли, болѣли и бѣднѣли (къ счастью дѣтей у нихъ не было), и подъ напоромъ этихъ двухъ бѣдъ, неустанно гнавшихъ ихъ, перешли въ тотъ міръ, куда и всѣ мы, счастливые и несчастливые, богатые и бѣдные, переходимъ въ таинственной и никому неизвѣстной очереди.

Вспоминая о моихъ вокальныхъ подвигахъ въ Петербургѣ, не могу пропустить семейство Калашниковыхъ, гдѣ я испыталъ много радостей вокальныхъ. Главою этого семейства былъ извѣстный въ свое время Иванъ Тимофѣевичъ Калашниковъ, авторъ «Дочери купца Жолобова», «Камчадалки» и нѣкоторыхъ другихъ произведеній изъ сибирскихъ нравовъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ. Калашниковъ, по собственнымъ его разсказамъ, былъ сибирякъ, на родинѣ сблизившійся съ извѣстнымъ Словцовымъ, другомъ Сперанскаго, по удостовѣренію Калашникова давшимъ ему образованіе и уст-

роившимъ его петербургскую служебную карьеру (*). Карьера его была средней руки, какъ и всѣхъ насъ грѣшныхъ. Въ послѣднее время онъ былъ директоромъ канцеляріи государственнаго коннозаводства, съ соотвѣтственнымъ содержаніемъ, присвоеннымъ всѣмъ директорскимъ мѣстамъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ началъ тѣмъ, что женился на дочери Масальскаго, человѣка тоже близкаго Сперанскому, сестрѣ Константина Петровича Масальскаго, тоже извѣстнаго въ нашей литературѣ обиліемъ разныхъ произведеній. Я не допускаю, чтобы женитьба эта входила въ честолюбивые планы Калашникова и являлась лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ устроить его карьеру. Здѣсь яснѣе всего дѣйствовало необычайное сходство характеровъ, вкусовъ, убѣжденій этой незабвенной для меня пары. Въ долгой моей жизни я видѣлъ множество паръ, соединенныхъ брачными узами, въ разныхъ сферахъ и самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, аристократическихъ, чиновническихъ, купеческихъ, богатыхъ, бѣдныхъ, состоявшихся по любви, по расчету и т. д. Выводъ тотъ, что эти, такъ называемыя узы Гименея имѣютъ поразительное сходство съ тѣми желѣзными и гремучими цѣпями, которыя сковываютъ важныхъ арестантовъ, при переводѣ ихъ съ мѣста на мѣсто, тоже образуя изъ нихъ пары... Союзъ Калашникова съ дѣвицею Масальской представлялъ явленіе поразительное по его рѣдкости и исключительности. Невозможно сказать, кто изъ нихъ былъ

(*) О Калашниковѣ я говорилъ въ статьѣ; «учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ». (См. Русскій Архивъ 1873 г. № 4).

симпатичнѣе, радушнѣе, хлѣбосольнѣе, гостепріимнѣе. Лучшій признакъ здоровья, какъ говорятъ, тотъ, когда человѣкъ совершенно забываетъ о немъ. Въ отношеніи согласія, существовавшаго въ этой парѣ, лучшимъ доказательствомъ было бы то, что они, непоняли бы самаго вопроса по этой части, если бы онъ былъ имъ предложенъ. Какъ дышали они воздухомъ, ихъ окружающимъ, не замѣчая этого процеса, такъ точно они дышали взаимнымъ согласіемъ, вовсе не сознавая даже, что это явленіе чрезвычайно рѣдкое. Согласіе это не было установлено какими либо предварительными условіями; оно было просто дѣломъ ихъ натуры. Это были именно двѣ половины одной груши, разрѣзанной при появленіи въ свѣтъ, тѣ двѣ половины, о которыхъ мечтаютъ наши поэты. Какъ въ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ своихъ они были поразительно сходны. Вообще они представляли самые чистые идеалы людей русскихъ, добрыхъ, веселыхъ, радушныхъ и крайне безпечныхъ. Ихъ достоинства служили, такъ сказать, на пользу другихъ и привлекали къ нимъ общую любовь, общее сочувствіе. Домъ ихъ представлялъ постоянно самую шумную ярмарку, потому что нигдѣ не было такъ весело, какъ въ этихъ чуждыхъ всякаго стѣсненія, всякой церемонности комнатахъ. Единственный недостатокъ ихъ— русская безпечность—вредилъ имъ страшно, во многихъ отношеніяхъ. Безпечность была главною причиною, что они вѣчно нуждались: и на маленькихъ мѣстахъ, при маленькихъ средствахъ, и на большихъ мѣстахъ, при значительныхъ средствахъ. Самъ Калашниковъ вѣчно искалъ денегъ, чтобы сдѣлать заемъ и это исканіе едва ли

не составляло главной его дѣятельности. И странно! Это исканіе, понятное и извинительное при маленькихъ средствахъ, дѣлалось малоизвинительнымъ, когда средства увеличивались. Между тѣмъ, съ увеличеніемъ средствъ, у нихъ и нужда тоже увеличивалась. Я сказалъ уже, что Калашниковъ былъ директоромъ въ министерствѣ. Солидныя средства, связанныя съ этою должностью, онъ умѣлъ увеличивать изданіемъ различныхъ книжекъ и т. п. Ничто не помогало! Но что по истинѣ не только замѣчательно, но даже поразительно: какъ только деньги добывались—давался немедленно пиръ на весь міръ. Русская безпечность, русское хлѣбосольство какъ будто говорили: «къ чорту всѣ хозяйственныя нужды! Туда же погашеніе безконечныхъ прежнихъ долговъ, которыхъ и сосчитать нельзя. Жизнь коротка! Надобно пользоваться ею; надо веселиться. Надо немедленно балъ задать!» И балъ задается, какъ всегда на широкую ногу, по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ позволяютъ средства сдѣланнаго займа, съ танцами, музыкой, пѣснями. На другой день и безчисленныя, неудовлетворенныя хозяйственныя нужды и всѣ прежніе долги, еще менѣе удовлетворенные, предстаютъ во всей отвратительной неприкосновенности, и не только предстаютъ, но наступаютъ, такъ сказать, на горло. Что дѣлать? Да что̀ же какъ не призанять еще гдѣ нибудь деньжонокъ, по мѣрѣ возможности. И начинаются снова усиленныя отыскиванья ихъ и, въ случаѣ успѣха, дѣлаются новые займы и даются новые пиры. Вотъ именно эта сторона русской безпечности, недумающей о завтрашнемъ днѣ, много вредила этому, въ

существѣ почтенному семейству. Начать съ того, что эти вѣчныя исканія денегъ значительно вредили его репутаціи. Потомъ долги, вѣчно откладываемые, вѣчно неуплачиваемые, озлобляли кредиторовъ, не затруднявшихся въ выраженіяхъ своего негодованія, производили неблагопріятные толки и окончательно роняли кредитъ, и безъ того уже слабый. Безполезно впрочемъ исчислять послѣдствія такого положенія дѣлъ. Каждый, плавая по волнамъ житейскаго моря, знаетъ ихъ тѣмъ или другимъ путемъ. Что касается до постоянныхъ прорѣхъ въ хозяйственномъ положеніи семейства, никогда не задѣлываемыхъ и потому безпрерывно расширяющихся, эта статья какъ то не производила большого безпокойства и вызывала остроумныя замѣчанія и насмѣшки прежде всего самихъ членовъ этого беззаботнаго семейства. Если посѣтитель, черезъ нѣсколько минутъ послѣ своего появленія, начнетъ пожиматься и покрякивать въ холодныхъ комнатахъ, кто нибудь изъ самихъ хозяевъ тотчасъ скажетъ: «озябли! у насъ сегодня чертовски холодно! Дрова всѣ вышли, а другихъ купить теперь нельзя. Давайте топить каминъ. Всетаки лучше!» Съ этими словами вся компанія, купно съ гостями, начнетъ валить въ каминъ всякую всячину: горы бумаги, картонки, какія попадутся, палки, линейки и т. п. и сильное пламя ярко, хоть и не на долго, освѣщало веселыя, хохочущія лица! Самый злой насмѣшникъ надъ своими собственными недостатками былъ глава дома, Калашниковъ. За обѣдомъ напр., большею частью бѣдномъ, и по внѣшней обстановкѣ и по внутреннему содержанію, за которымъ однако, кромѣ семьи, всегда было нѣсколько человѣкъ постороннихъ, удержанныхъ или

приглашенныхъ радушными хозяевами, онъ не пропускалъ безъ остроумнаго замѣчанія ни надтреснувшей тарелки, ни сломанной вилки, ни дряхлаго ножа, которымъ ничего разрѣзать невозможно.

Семейство это было многочисленно. Сыновья и дочери были красивые, скромные, симпатичные. Здѣсь то я черпалъ вокальныя радости полными горстями. Самъ Калашниковъ и жена его были усердными любителями музыки, во всѣхъ ея проявленіяхъ; въ тоже время они имѣли несомнѣнныя музыкальныя дарованія, необдѣланныя въ солидную, ученую форму и потому проявлявшіяся въ сыромъ, натуральномъ видѣ. Калашниковъ игралъ даже на скрипкѣ весьма, впрочемъ, плохо, а супруга его иногда, при большомъ обществѣ, предпринимала исполнять любимый ею романсъ: «прости меня, прости, прелестное созданье!» Многочисленные дѣти ихъ, множество сыновей и дочерей, наслѣдовали ихъ любовъ къ музыкальному дѣлу и музыкальныя дарованія. Нѣкоторые изъ нихъ дали этимъ дарованіямъ правильную обработку. Въ особенности одна изъ дочерей, красавица Марія, блистала безспорнымъ талантомъ и глубокимъ знаніемъ дѣла. Это была великолѣпная піанистка, и если не рѣшалась давать публичные концерты, то не столько отъ недостатка силъ, сколько отъ скромности. Я очень хорошо помню, что какія ноты предъ ней ни развернутъ, она мгновенно исполняла всю пьесу à livre ouvert. А такъ какъ ей предлагались большею частью новыя пьесы, осносящіяся къ пѣнію, то на ея же обязанности лежало показать каждому изъ доморощенныхъ исполнителей ихъ голоса̀ и вообще поставить пьесу на ноги и пустить

въ ходъ. Здѣсь, кромѣ знанія, требовались съ ея стороны необычайная кротость и безпримѣрное терпѣніе, которыми она обладала въ изобиліи. Вообще, съ этой стороны она очень напоминала мученицу Курляндцеву, тоже Марію. Разница заключалась только въ томъ, что Марія Курляндцева учила насъ голосомъ, потому что мы были слабѣе Калашниковскихъ исполнителей и шли успѣшнѣе на выучку «съ голоса», а сама она, въ дѣлѣ фортепіанной игры, была слабѣе Маріи Калашниковой, тогда какъ эта, при враньѣ и путаницѣ, исправляла и направляла дѣло именно фортепіанными звуками. А въ путаницѣ недостатка не было. Когда исполнялось соло, дѣло шло лучше, но когда принимались за какой нибудь квартетъ—тутъ одинъ отстанетъ, другой уйдетъ впередъ, третій въ чужой голосъ заберется и никакъ не выбьется на настоящій путь. Исполненіе останавливается съ укорами виновнику, потомъ опять начинается, опять сбивается и опять останавливается.... Кто знакомъ съ этимъ дѣломъ, кто участвовалъ въ подобныхъ подготовкахъ, укорялъ другихъ за ошибки, кого укоряли другіе за тоже, тотъ знаетъ, что во всемъ этомъ много пріятнаго. Полное совершенство исполненія рѣдко достигалось, а если и достигалось, то какъ то не высоко цѣнилось, вѣроятно потому, что уже на самыхъ репетиціяхъ пьеса порядкомъ прискучитъ всѣмъ. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ возвышенный, такъ сказать, отдѣлъ вокальныхъ нашихъ занятій въ этомъ семействѣ ни по значенію, ни по наслажденію, нами самими испытываемому, не могъ сравниться съ отдѣломъ русскихъ хоровыхъ пѣсенъ.

Въ такомъ многочисленномъ семействѣ, гдѣ было мно-

го танцоровъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, гдѣ одними собственными силами можно было всегда составить кадриль, не говоря уже о разныхъ вальсахъ и полькахъ, можно было исполнить всевозможные квартеты и квинтеты, не говоря о многообразныхъ соло, басовыхъ, теноровыхъ, контральтовыхъ и т. п., гдѣ наконецъ можно было образовать обширный хоръ—вѣчно танцовали, играли и пѣли, такъ что сказать, что̀ именно тутъ преобладало, рѣшительно невозможно; но припоминая болѣе серьезные вечера, которые давались тамъ, можно привести слѣдующія, наиболѣе существенныя черты, которыми они ознаменовывались. Такъ какъ въ самомъ семействѣ Калашниковыхъ, и въ семействахъ ихъ знакомыхъ, всегда было бездна молодыхъ людей обоего пола, то вечеръ всегда начинался танцами. Среди танцовъ предпринималось исполненіе какого нибудь вокальнаго «соло». По части исполненія соло не могу не вспомнить нѣкоторыя комическія черты. Кто нибудь изъ взрослыхъ сыновей вдругъ скажетъ: «а съиграй—ка Маша: Ты не кручинься,» (изъ Жизни за Царя). Безотвѣтная Маша садится къ роялю и начинаетъ играть. Братецъ многократно откашливается, чѣмъ и привлекаетъ общее вниманіе. Всѣ собираются около него и воцаряется ожиданіе. Подражая Петрову и вызывая изъ своей молодой груди жалкое подобіе баса или баритона, онъ начинаетъ пѣть извѣстную арію. Всѣ ухмыляются и смотрятъ на пѣвца. Всѣхъ болѣе ухмыляется и всѣхъ насмѣшливѣе смотритъ самъ Калашниковъ, глава дома; смотритъ, и вдругъ устраняетъ рукою пѣвца, далеко еще не добравшагося до конца: «Куда тебѣ! говоритъ отецъ: дай—ка я спою! А ты

слушай! Тогда роли мѣняются. Самъ Калашниковъ начинаетъ пѣть не съ лучшимъ успѣхомъ, а сынъ начинаетъ дѣлать вслухъ ѣдкія замѣчанія объ исполненіи отца. Подобная конкуренція смѣшила всѣхъ и увеличивала общее веселье. Потомъ начинались опять танцы, а Калашниковъ между тѣмъ, подходя ко мнѣ, таинственно спрашивалъ: «не пора ли?» Этотъ лаконическій вопросъ относился уже къ хоровому пѣнію и русскимъ пѣснямъ. Вопросъ этотъ повторялся нѣсколько разъ въ тихомолку и потомъ вдругъ громогласно раздавалось по всѣмъ комнатамъ: «хоръ, хоръ!» Всѣ стремились, какъ на пожаръ къ извѣстному пункту въ залѣ и разстанавливались въ извѣстномъ порядкѣ, образуя обширный кругъ. Распредѣленіе голосовъ, сдѣланное заранѣе и разъ на всегда, каждому было извѣстно. Каждый зналъ, что онъ басъ или теноръ, хотя въ дѣйствительности у него ни баса, ни тенора не было. Заранѣе извѣстно было, кто запѣваетъ эту пѣсню и кто другую. Установлено было тоже, въ какомъ порядкѣ должна слѣдовать протяжная пѣсня и, послѣ какой протяжной пѣсни, какая должна слѣдовать веселая. Когда всѣ участники окончательно устанавливались, всѣ предварительныя наставленія, замѣчанія выслушивались, запѣвало, разумѣется, одинъ изъ лучшихъ голосовъ нашего хора, тихо затягивалъ: «Ахъ, не одна то во полѣ дороженька пролегала», или «Во лѣсахъ то было, во дремучихъ!», или какую нибудь изъ знаменитѣйшихъ протяжныхъ русскихъ пѣсенъ. Эта минута представлялась какою то торжественною и радостною. Пѣсня эфектно подхватывалась стройнымъ хоромъ и начинала переливаться, то тихо, то громко. Такъ какъ ис-

полнители были русскіе, то русская пѣсня не могла не задѣвать насъ за самое сердце и каждый изъ участниковъ предавался своему вдохновенію. Когда оканчивалась протяжная и заунывная пѣсня, вслѣдъ за нею начинала гремѣть удалая и веселая. Тутъ нашъ восторгъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ и намъ казалось, будто мы такъ хорошо поемъ, что самъ царь, если бы послушалъ насъ, остался бы нами доволенъ. Въ доказательство, что мы пѣли хорошо, можно привести слѣдующее обстоятельство, однородное по существу съ визжаніемъ Глинки, хотя разнородное по формѣ. Въ началѣ вечера почтенныя личности, старички, генералы со звѣздами, разсаживались за картами и спокойно занимались своимъ дѣломъ, мало обращая вниманія на танцы и на одиночныя попытки «соло». Какъ только раздавалась хоровая русская пѣсня, они клали карты на столъ и потихоньку приближались къ хору. Сначала они стояли смирно и безучастно, пріятно ухмыляясь, и слушая стройное исполненіе хора. Но по мѣрѣ того какъ пѣсня разгоралась, они начинали подтягивать сначала тихо, потомъ сильнѣе, а потомъ и во всю мощь своего старческаго голоса, а когда раздавалась удалая, веселая пѣсня, обыкновенно слѣдующая за протяжною, съ высвистами и подкрикиваньемъ, старички тоже начинали подергивать плечами, подтопывать ногами, подкрикивать и, подъ вліяніемъ упоенія, забывали о своихъ картахъ и не отходили уже отъ хора.

Я не имѣлъ на это семейство вліянія, какъ на ту семью, о которой передъ этимъ говорилъ. Но я былъ вѣчнымъ, безотлучнымъ, почти роднымъ членомъ и этого семей-

ства. Я безпрерывно жилъ тамъ, и трудно представить день, который я провелъ бы внѣ этого семейства. Общія свойства наши: безграничная любовь ко всему русскому, восторги, одинаково вызываемые въ насъ русскою пѣсней, связывали насъ въ изумительной степени. Самыя отрадныя воспоминанія моей жизни принадлежатъ именно этому времени и мнѣ не хочется говорить о несчастіяхъ, постигшихъ это достойное семейство.....

Такъ какъ я положилъ уже не держаться въ моихъ воспоминаніяхъ какой либо системы, то при обозрѣніи моей петербургской вокальной дѣятельности, считаю не лишнимъ сказать, что домъ мой, если можно назвать домомъ небольшую и вообще очень скромную квартиру чиновника средней руки, большею частью былъ мѣстомъ соединенія любителей пѣнія. Такъ напр., когда я уже былъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и жилъ въ 1-й линіи Васильевскаго острова, я позволилъ себѣ учредить суботніе вечера. Удобное помѣщеніе, которое я занималъ тогда, давало мнѣ возможность отдѣлить три лучшія комнаты подъ эти собранія. Средняя заставлялась карточными столами. Въ одной изъ боковыхъ стоялъ биліардъ, на которомъ любители катали шары почти всю ночь. Другая, боковая посвящалась собственно вокальнымъ занятіямъ и была снабжена всѣми принадлежностями для этого. Тутъ прежде всего навалены были груды разнородныхъ нотъ, а посреди ихъ лежалъ листъ, составляемый всегда мною самимъ и изображавшій програму вокальнаго вечера. Я строго слѣдилъ, чтобы програма эта не нарушалась и, только съ окончательнымъ и полнымъ ея исполненіемъ,

допускалась свобода дополнять ее другими пьесами, назначаемыми уже по общему выбору и соглашенію. Програма эта была очень разнообразна: духовныя хоровыя вещи, наиболѣе всѣми любимыя, перемѣшивались съ вещами свѣтскими. Отрадно вспомнить и объ этихъ простыхъ и бѣдныхъ вечерахъ вообще и объ этой вокальной комнатѣ въ особенности. Народу ко мнѣ набиралось по суботамъ не мало и, въ этой разнородной массѣ, встрѣчались личности и тогда уже считавшіяся довольно важными и почтенными. Впрочемъ понятно, что какъ бы важенъ и почтененъ ни былъ человѣкъ, а провести хорошо вечеръ, и въ особенности послушать хорошее пѣніе, всякому было пріятно. Вокальная комната пріобрѣла даже своего рода извѣстность. Туда являлись не только мои знакомые, но приводились знакомые моихъ знакомыхъ. Чуть проявлялся гдѣ нибудь или знатокъ пѣнія, или замѣчательный голосъ, мы или сами старались залучить его въ свою среду, или онъ стремился попасть къ намъ, чтобы проявить свой талантъ. Въ этомъ отношеніи было много замѣчательныхъ подвиговъ. Приведу одинъ. Однимъ изъ самыхъ усердныхъ и дѣятельныхъ членовъ нашего кружка былъ нѣкто Сульменевъ, морской офицеръ, сынъ извѣстнаго адмирала и членъ прекрасной семьи, изъ которой дочь старика и сестра молодого Сульменева, о которомъ говорю, была женою моего почтеннаго сослуживца, Павла Дмитріевича Дягилева, что̀ и было причиною моего знакомства со всѣми Сульменевыми. Сульменевъ самъ, кажется, не имѣлъ никакого голоса, по крайней мѣрѣ я никогда не слыхалъ, чтобы онъ пѣлъ, но это былъ такой безпримѣрный любитель пѣнія, существованію котораго

было бы трудно повѣрить, если бы я не зналъ его въ подлинникѣ. Любовь эта была до того сильна, что онъ свелъ какъ то дружбу съ невскими т. е. митрополичьими пѣвчими, и чисто изъ одной любви къ искуству ходилъ за ними на свадьбы и похороны. Этотъ то Сульменевъ былъ усерднымъ открывателемъ и привлекателемъ въ нашъ кружокъ личностей, почему либо замѣчательныхъ въ вокальномъ отношеніи. Онъ рѣдко являлся на мои суботы одинъ, но всегда въ сопровожденіи какой либо неизвѣстной и мало представительной личности, а иногда и двухъ. Это все были, по его увѣренію, дивные басы или тенора. Личности эти испытывались, ничего особенно дивнаго большею частью не оказывалось, и они опять исчезали въ пучинѣ петербургскаго народонаселенія, потому что я немогъ заводить постояннаго знакомства со всѣми, кого Сульменеву угодно было признавать дивными голосами. Но былъ замѣчательный случай, къ которому я и веду рѣчь. Однажды, не помню въ какомъ году, въ Невскомъ монастырѣ, появился протодіаконъ съ истинно громовымъ голосомъ. Я былъ пораженъ, приблизился къ нему, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и затѣмъ погрузился въ недоумѣніе, гдѣ могли отыскать такое басовое чудовище. Затѣмъ, при одномъ изъ свиданій съ Яворовскимъ, котораго я опредѣлилъ регентомъ почтамтскаго хора и который болѣе или менѣе принималъ участіе въ моихъ вокальныхъ затѣяхъ, онъ вдругъ восклицаетъ: «А каковъ Сахаровъ то!» (Кажется это былъ Сахаровъ по фамиліи, съ точностью не помню).—Что такое? спросилъ я, какой Сахаровъ?». «Невскій протодіаконъ!» «Поразительный, повторилъ я,

Бога ради скажите, гдѣ и какъ разъискали, открыли и нашли такое чудо? Я давно хотѣлъ васъ распросить.» «Какъ гдѣ? улыбаясь отвѣчаетъ Яворовскій, развѣ вы его не помните?» «Отчего же я долженъ его помнить? Я его не знаю, никогда не видалъ!»—«Да это тотъ самый чиновникъ Сахаровъ, котораго къ вамъ Сульменевъ приводилъ по суботамъ.» При чрезвычайныхъ усиліяхъ моей памяти, я съ большимъ трудомъ, все таки какъ то неясно и туманно, припомнилъ, что въ числѣ личностей, приводимыхъ Сульменевымъ на мои вечера, былъ дѣйствительно какой то чиновникъ, по складу и формѣ похожій на кита. Чиновникомъ я называю его потому, что онъ всегда являлся въ вицмундирѣ, значительно затасканномъ и сразу говорившемъ о его благосостояніи. Это была огромная, неуклюжая фигура, съ огромной головой, толстымъ, блѣднымъ лицомъ и безжизненными, стеклянными, посоловѣлыми глазами. Голоса его я не помнилъ и вѣроятно потому, что при первой пробѣ онъ показался очень дикимъ, очень громаднымъ, несуразнымъ и рѣшительно ноподходящимъ къ нашей скромной, но стройной капеллѣ. При этомъ Яворовскій разсказалъ, какъ этотъ мастодонтъ превратился изъ чиновника сначала въ монаха, потомъ и въ протодіакона.

Перенесемся теперь на Кавказъ, куда князь Александръ Ивановичъ Барятинскій почти насильно перетащилъ меня съ моими вокальными талантами, и съ моею беззавѣтною, неукротимою любовью къ пѣнію. Тамъ эта любовь получила нѣкоторое полуофиціальное примѣненіе.... Но для изображенія моей тамошней дѣятельности

въ этомъ отношеніи я приведу выписку изъ моихъ большихъ записокъ.

«Шереметевъ былъ старый адъютантъ намѣстника. Когда и какъ онъ попалъ на Кавказъ, не знаю, но знаю, что князь очень его любилъ. Да его и нельзя было не любить. Онъ былъ страстный любитель пѣнія и хотя не имѣлъ большого голоса, но одаренъ былъ чрезвычайно тонкимъ, музыкальнымъ слухомъ. Малѣйшая невѣрность, самый незначительный дисонансъ приводили его въ ярость. Это поприще, на которомъ и я любилъ подвизаться, сблизило насъ чрезвычайно. Нечего и говорить, что мы составляли постоянно хоры и распѣвали всевозможныя пьесы, россійскаго и иностраннаго присхожденія. Этого мало. Мы завладѣли церковнымъ хоромъ при церкви намѣстника, который дѣйствительно до моего пріѣзда находился въ состояніи, достойномъ сожалѣнія. Пять или шесть солдатъ кричали самымъ оскорбительнымъ для слуха образомъ. Я тотчасъ завладѣлъ этою частью и первоначально имѣлъ мысль образовать хоръ, чисто изъ свиты князя, въ которой были хорошіе голоса, какъ у Николаева, и люди, понимающіе дѣло, какъ Давыдовъ, Шереметевъ и другіе.

Первые опыты, при осуществленіи этой мысли, были очень неудачны. Съ одной стороны и для тѣхъ личностей, которыя имѣли голоса и нѣкоторую опытность, необходимы были нѣкоторыя подготовительныя занятія, спѣвки, разборъ новыхъ пьесъ, чего они, франты и лѣнивцы, терпѣть не могли, а съ другой стороны, въ составъ хора, подъ вліяніемъ моды, налезли такіе господа, которые не только не улучшали его,

но напротивъ совершенно разрушали всѣ мои усилія къ приведенію его въ какую нибудь стройность. Князь Суворовъ напр. упорно держался въ этомъ хорѣ потому единственно, что отлично пѣлъ, по его собственному мнѣнію: «Спаси, Господи, люди Твоя» и въ доказательство, принимая самый свирѣпый видъ, тотчасъ начиналъ пѣть очень громко. Какъ я ни убѣждалъ его, что непремѣнно прибѣгну къ его помощи, когда придется исполнять это, онъ подозрительно смотрѣлъ на меня и, мало знакомый вообще съ церковною службою, недовѣрчиво говорилъ: «надуешь! Можетъ быть сегодня придется это пѣть. Ты почемъ знаешь? Попъ что-ли ты?» Главная причина такого упорства заключалась въ томъ, что когда его товарищи были въ церкви, ему одному нечего было дѣлать и онъ поминутно спрашивалъ: скоро ли конецъ?

Былъ еще другой мучитель мой, котораго назвать считаю неудобнымъ. Нѣтъ въ мірѣ ни одного дьячка, который бы рѣзко отдѣляющимся отъ другихъ голосомъ пѣлъ хуже его. На бѣду мою, онъ считалъ себя страшнымъ знатокомъ церковнаго пѣнія и именно потому, желалъ и старался, чтобы его слышно было непремѣнно. Этого мало: въ томъ же заблужденіи онъ становился впереди хора и, не обращая вниманія на регента, которымъ я сдѣлалъ одного изъ болѣе знающихъ пѣніе солдатъ, послѣ какого нибудь возгласа священника, всегда первый начиналъ пѣть. Случалось часто, что онъ начиналъ совсѣмъ не то, что слѣдовало, и весь хоръ, а за нимъ вся церковь начинали хохотать, но это его нисколько не смущало и онъ оставался неисправимымъ до тѣхъ поръ, пока

я не началъ вводить нотное пѣніе и тѣмъ самымъ не прогналъ его съ клироса. Сначала онъ косо и недоброжелательно посматривалъ на наши ноты и пытался подтягивать, но скоро увидѣлъ, что тутъ уже онъ ничего не можетъ подѣлать и началъ становиться съ публикою, изрѣдка только подпѣвая общеизвѣстнымъ припѣвамъ какъ: «Господи помилуй» «и духови Твоему» и т. п.

Первымъ, капитальнымъ нумеромъ нашего искуства, которымъ мы расчитывали поразить тифлисскій аристократическій міръ, былъ: «да исправится молитва моя!» Исполнителями были: Николаевъ, первый теноръ, Шереметевъ, второй теноръ и я, баритонъ. На репетиціяхъ шло дѣло отлично и насъ всѣ похваливали. На дѣлѣ вышло не то: Николаевъ началъ уклоняться съ истиннаго пути, Шереметевъ струсилъ, и только мой дерзкій баритонъ спасъ дѣло отъ страшнаго скандала. Во время самаго исполненія я далъ себѣ слово уволить этихъ ненадежныхъ солистовъ, которые, къ счастію, и сами потеряли охоту дѣйствовать публично.

«Между тѣмъ самый хоръ доставлялъ мнѣ гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ эти солисты. Солдатики очень хорошо знали нотное дѣло, но портили его по совершенному отсутствію вкуса, котораго, конечно, отъ нихъ и требовать было нельзя. На эту сторону я обратилъ все вниманіе и, знакомый съ пріемами лучшихъ столичныхъ хоровъ, старался водворить ихъ въ нашемъ маленькомъ хорѣ. Фортисимо и піанисимо стали у меня производить замѣчательный эфектъ, и если исполненіе: «да исправится молитва моя» оставляло многаго желать, то исполненіе напр.: «Чертогъ Твой вижду» по справедливо-

сти признавалось удовлетворительнымъ. Одобрительный шумъ пошелъ по всему городу, и хотя самъ князь Александръ Ивановичъ не былъ ни знатокомъ, ни любителемъ этого дѣла, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ этого шума и очевиднаго, даже для неопытнаго человѣка успѣха, благодарилъ меня за мои безкорыстныя старанія и сказалъ: «будьте же у меня Львовымъ». Это оригинальное производство не въ званіе и чинъ, а въ извѣстную личность, дало мнѣ болѣе твердости и самоувѣренности. Я тотчасъ выпросилъ извѣстную сумму на жалованье и награды солдатамъ, которые до толѣ ни того, ни другого не получали и слѣдовательно не имѣли самаго сильнаго двигателя къ достиженію возможнаго совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ права посылать въ полки, расположенные близъ Тифлиса, выбирать тамъ голоса. Въ этомъ отношеніи князь встрѣтилъ основательное затрудненіе: «Я самъ былъ полковымъ командиромъ, говорилъ онъ, и по опыту знаю, какъ было бы непріятно изъ устроеннаго мною полковаго хора отдать лучшіе голоса, ни за что, ни про что. Снеситесь съ полковыми командирами отъ своего имени, какъ будто я ничего не знаю. Я очень буду радъ, если вы добудете какого нибудь страшнаго баса, но мнѣ самому нельзя обижать полковыхъ командировъ». Сношенія были сдѣланы и разумѣется доставили отличные результаты. Каждый изъ полковыхъ командировъ хорошо понималъ, что отказъ мнѣ есть отказъ намѣстнику. Тогда хоръ при церкви намѣстника положительно сдѣлался лучшимъ въ Тифлисѣ, а можетъ быть и во всемъ краѣ. Хоръ Экзарха не могъ идти ни въ какое сравненіе. Составленный боль-

шею частью изъ грузинскихъ семинаристовъ, онъ оралъ самымъ безобразнымъ образомъ, тогда какъ мой хоръ отличался именно величайшею стройностью и нѣкоторою художественностью исполненія. Самъ князь любилъ похвалиться имъ, когда пріѣзжали въ Тифлисъ какіе нибудь замѣчательные люди. Наконецъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, когда пріѣхалъ на Кавказъ уже Намѣстникомъ, нашелъ, что тамошніе пѣвчіе положительно лучше его петербургскихъ пѣвчихъ.»

Когда князь Александръ Ивановичъ оставилъ Кавказъ, вслѣдъ за нимъ и я простился съ этою прелестною страною и переселясь въ вѣчно любимый мною Петербургъ, погрузился въ море свободы и праздности, гдѣ обыкновенно плаваютъ члены министерскихъ совѣтовъ, промѣнивая на эти блага всѣ честолюбивыя претензіи по части чиновъ, звѣздъ и вообще всякого дальнѣйшаго повышенія въ томъ или другомъ родѣ. Безмятежное плаваніе мое въ этомъ морѣ было однако непродолжительно, всего года четыре. Въ эти блаженные годы, я каждое лѣто отправлялся въ нашу подмосковную, купался каждый день по нѣскольку разъ въ Москвѣ-рѣкѣ, на самомъ берегу которой стоялъ нашъ домъ, объѣдался простоквашей, ягодами и другими продуктами деревенской жизни и однажды, въ прекрасный лѣтній день, возвратившись изъ лѣса, куда нерѣдко отправлялся для усерднаго отыскиванья грибовъ, нашелъ на своемъ рабочемъ столѣ привезенное съ почты высочайшее повелѣніе о назначеніи меня московскимъ почтдиректоромъ. Это почетное назначеніе разрушило мои наслажденія свободой и праздностью. Но, изъ моего пребыванія въ этой должности, я разскажу

только о моихъ подвигахъ по вокальной части. Держась исключительно этого вопроса, я долженъ прежде всего сказать, что при московскомъ почтамтѣ существовалъ, какъ и при петербургскомъ, свой отдѣльный хоръ, извѣстный также подъ именемъ почтамтскаго. На этотъ хоръ тоже отпускались по штату почтамта нѣкоторыя, незначительныя деньги, такъ что онъ имѣлъ офиціальное и законное, такъ сказать, существованіе. Легко представить, какимъ любимымъ дѣтищемъ моихъ заботъ и попеченій сдѣлался этотъ хоръ, совмѣщая въ себѣ предметъ личной моей страсти и, въ то же время, офиціальной обязанности. Надобно замѣтить, что по моимъ стариннымъ отношеніямъ къ почтовому вѣдомству, существованіе московскаго почтамтскаго хора мнѣ и прежде было извѣстно, точно также, какъ и то, что нѣкогда онъ имѣлъ довольно лестную репутацію, подобно той, какою постоянно пользуется петербургскій почтамтскій хоръ. Съ теченіемъ времени, однако, репутація эта слабѣла постоянно. Мнѣ часто случалось бывать въ Москвѣ и каждый разъ я долженъ былъ, по нашимъ петербургскимъ отношеніямъ, посѣщать моего предмѣстника, старика Кожухова. Кожуховъ постоянно предлагалъ мнѣ хорошій обѣдъ, а во вниманіе къ моей опытности въ дѣлѣ пѣнія, слушаніе почтамтскаго хора. Всѣ хоры безъ исключенія, какіе только существуютъ въ мірѣ, въ своемъ устройствѣ, матеріальномъ и художественномъ, вполнѣ зависятъ отъ того, кто ими командуетъ или завѣдуетъ. То же относится и къ оркестрамъ, да и ко всему рѣшительно: къ полиціи, къ почтамъ и т. д. Когда въ главѣ какой либо части, стоитъ человѣкъ заботливый и

знающій, часть непремѣнно находится въ отличномъ состояніи. И на оборотъ: держась въ вокальныхъ, такъ сказать, рамкахъ, можно утверждать, что всѣ архіерейскіе хоры дѣлились на дурные и хорошіе, потому единственно, были ли они подъ началомъ архіерея знатока и любителя пѣнія, или архіерея лѣниваго и не имѣющаго музыкальныхъ дарованій. По отношенію къ почтовымъ хорамъ—архіереемъ былъ почтдиректоръ. Старикъ Кожуховъ безспорно имѣлъ свои достоинства, но въ дѣлѣ музыки и пѣнія онъ, какъ говорится, не понималъ ни бельмеса. Когда бывало послѣ обѣда, въ почтдиректорскія огромныя залы являлся многочисленный хоръ и начиналъ дѣйствовать, я слышалъ многіе прекрасные голоса и сквернѣйшее исполненіе. Исполненіе это подчинялось совершенно неотесанному, стариковскому вкусу Кожухова. Онъ часто говорилъ: «вотъ здѣсь бы хорошо потише или: вотъ здѣсь бы хорошо басамъ пріударить», безъ всякого соотношенія ни съ законами музыки, ни съ характеромъ пьесы. Регентъ, взятый изъ заскорузлыхъ пѣвчихъ чудовскаго хора, простой такъ сказать ремесленникъ и самъ ничего не понимающій, слѣпо исполнялъ эти неумѣстныя указанія на томъ только основаніи, что это были указанія начальника; съ которымъ спорить невозможно. Понятно, съ какою любовію и энергіею взялся я за хоръ, когда назначенъ былъ московскимъ почтдиректоромъ. Начать съ того, что я озаботился пріисканіемъ хорошаго регента для своего хора, какъ главнѣйшаго орудія для его устройства. Выбирать впрочемъ было не изъ чего. Чудовскій хоръ считался лучшимъ въ Москвѣ, а начальникъ его, старикъ Багре-

цовъ, признавался просто знаменитостью. Я и взялъ тотчасъ Багрецова главнымъ устроителемъ и руководителемъ моего хора. Каждую недѣлю два раза онъ дѣлалъ спѣвки въ моихъ залахъ и въ моемъ присутствіи. Но Багрецовъ былъ мнѣ необходимъ преимущественно для спеціальной части дѣла, для пріученія хора къ вѣрности, смѣлости и вообще стройности. Дѣло вкуса, дѣло вокальныхъ эфектовъ, дѣло поразительности въ исполненіи, которою отличались петербургскіе хоры и въ особенности знаменитый въ свое время шереметевскій хоръ, руководимый знаменитымъ Ламакинымъ, я взялъ на себя и, безъ преувеличенія могу сказать, что, возстановивъ быстро славу своего почтамтскаго хора, принесъ въ этомъ отношеніи пользу и всѣмъ другимъ хорамъ Москвы. Багрецовъ, немножко устарѣлый и лѣтами и вокальными пріемами, уступая моимъ настояніямъ, вводилъ усовершенствованія, мною предлагаемыя, въ почтамтскій хоръ; затѣмъ незамѣтно усовершенствованія эти переносились въ чудовскій хоръ, а отъ него уже заимствовались другими хорами. Кромѣ Багрецова, какъ высшаго и главнаго руководителя хора, мною былъ опредѣленъ ближайшій, второстепенный регентъ изъ знающихъ молодыхъ людей, который былъ обязанъ дѣлать частныя спѣвки, держась высшихъ инструкцій Багрецова, дирижировать хоромъ во время службы, отвѣчая за малѣйшія ошибки и невѣрности и преимущественно обучать и приготовлять мальчиковъ, что̀ во всякомъ хорѣ составляетъ весьма важную статью. Въ то же время на комплектованіе хора обращено было самое заботливое вниманіе и надобно сказать, что въ этомъ отношеніи

почтдиректоръ располагалъ средствами едва ли не обширнѣйшими архіерейскихъ. Дѣло въ томъ, что какъ только доходило до моего свѣдѣнія, что тамъ-то и тамъ есть прекрасный голосъ, я немедленно принималъ мѣры къ пріобрѣтенію его въ нашъ хоръ. Мѣры эти были сколько просты, столько же и существенны. Всѣ пѣвчіе, всюду существовавшіе, народъ исключительно бѣдный и поютъ рѣшительно не потому, чтобъ имъ нравилось это ремесло, а потому, что не имѣютъ другого ремесла, а между тѣмъ нужда давитъ и жизненныя потребности требуютъ удовлетворенія тѣмъ или другимъ способомъ. Очевидно, что гдѣ лучше заработокъ, туда и лезутъ эти бѣдняки, а въ этомъ отношеніи со мною невозможно было никакое соперничество. Почтамтъ заключалъ въ себѣ необъятное число маленькихъ служителей, подъ названіемъ сортировщиковъ, почталіоновъ, сторожей и т. п. Когда предстояла надобность переманить изъ другого хора какого нибудь знаменитаго баса или нѣжнѣйшаго и сладчайшаго тенора, ему предлагалось опредѣленіе его на ту или другую изъ этихъ должностей, съ присвоеннымъ ей содержаніемъ, чтó и составляло преимущественно неотразимую силу привлеченія, ибо для людей, скитающихся и неимѣющихъ никакого обезпеченнаго положенія, какъ эти пѣвчіе, получить хотя небольшое, но казенное и прочное мѣсто, представлялось великимъ счастьемъ; кромѣ того они получали особое жалованье собственно за участіе въ хорѣ. Было бы ошибочно заключить, что здѣсь допускалась какая нибудь неправильность, или не вполнѣ безукоризненное примѣненіе почтдиректорской власти, обращающей казенныя средства на

удовлетворенiе личныхъ затѣй и вкусовъ начальника;— ошибочно потому, что этимъ людямъ предоставлялись такiя должности, которыя не требовали умственнаго, а тѣмъ болѣе головоломнаго труда, и гдѣ требовался исключительно матерiальный трудъ, мускульная, такъ сказать, сила. Они отдавали прямой своей службѣ опредѣленное время, а затѣмъ, преимущественно въ послѣобѣденное время, и разумѣется не каждодневно, обращались къ занятiямъ въ хорѣ. Такимъ образомъ здѣсь была польза, а пристрастiя и неправильности не было. Я могу ошибиться, но едва ли именно эти люди не были самыми усердными исполнителями своихъ обязанностей, въ томъ и въ другомъ отношенiи, ибо хорошо знали, что при малѣйшей неисправности или на прямомъ своемъ мѣстѣ, или въ хоровомъ дѣлѣ, они неминуемо потеряютъ обоюдныя выгоды, и тамъ и здѣсь имъ предоставляемыя. Какъ бы то ни было, старанiя мои о благоустройствѣ моего почтамтскаго хора, какъ съ художественной, такъ и съ матерiальной стороны, имѣли успѣхъ, можно сказать блестящiй. Лучшимъ доказательствомъ, что успѣхъ достигалъ именно этого размѣра, достаточно привести, что я, въ залахъ почтдиректора, далъ нѣсколько публичныхъ концертовъ, или вѣрнѣе сказать полупубличныхъ, потому что пригласительные билеты разсылались преимущественно высшему, знакомому мнѣ кругу и безъ такого билета никто не имѣлъ права входа. Эти концерты, или эти вокальные рауты учреждались мною преимущественно въ великопостное время. Исполнялись исключительно духовныя вещи знаменитѣйшихъ нашихъ композиторовъ, вещи, конечно большею частью извѣстныя, но

въ моемъ хорѣ обработанныя до конца, и, въ слѣдствіе изящества исполненія, представлявшія новыя красоты. Затѣмъ, едва ли нужно говорить, что обычное пѣніе хора въ церкви въ установленные дни постоянно привлекало любителей и спеціалистовъ этого дѣла, и почтамтскій хоръ пріобрѣлъ самую лестную репутацію. Въ главѣ московскихъ хоровъ, какъ я сказалъ уже, стоялъ хоръ чудовскій; за нимъ шелъ и даже нѣсколько соперничалъ съ нимъ, хотя безуспѣшно, хоръ синодальный (или придворный). Эти два хора считались лучшими. О другихъ безчисленныхъ частныхъ хорахъ я не говорю. Они уже руководились чисто промышленными и менѣе всего художественными цѣлями. Сравненіе съ ними почтамтскаго хора было бы глубокой для него обидой. Сравнивать его было можно единственно съ хорами чудовскимъ и синодальнымъ. И по моему собственному убѣжденію и по мнѣнію знатоковъ и спеціалистовъ дѣла, на сторонѣ этихъ хоровъ былъ только громъ и трескъ. И громъ и трескъ происходили частью отъ необычайной многочисленности этихъ хоровъ, частью отъ вкуса купеческаго сословія, который, прежде всего, требовалъ именно грома и треска, и частью отъ грубости самого личнаго состава хоровъ, собраннаго изъ людей низкаго происхожденія и неимѣвшихъ ни малѣйшаго признака образованія. На сторонѣ почтамтскаго хора стояли изящество и тонкость исполненія, что происходило сколько отъ самой заботливой организаціи хора въ художественномъ отношеніи, столько и отъ того, что люди, входившіе въ составъ его, были большею частью почтамтскіе чиновники и служители и несомнѣнно выше людей грубыхъ,

входившихъ въ составъ хоровъ чудовскаго и синодальнаго. Когда пріѣхалъ въ Москву Ламакинъ, этотъ глава хорового пѣнія, я представлялъ ему мой хоръ, который и исполнялъ предъ нимъ разныя вещи, преимущественно ламакинскія. Авторъ ихъ искренно восторгался почтамтскимъ хоромъ и осыпалъ его всевозможными похвалами.

Для незнатоковъ неизлишне замѣтить, что въ отношеніи вообще церковнаго благолѣпія и особенно въ отношеніи именно вокальной части, діаконъ имѣетъ громадное значеніе. Хорошій, толковый діаконъ возвышаетъ вообще церковное богослуженіе и самое пѣніе хора. Безголосый и безтолковый діаконъ рѣшительно портитъ все дѣло и постоянно сбиваетъ хоръ. Когда я вступилъ въ управленіе почтамтомъ, я нашелъ при тамошней церкви истинно убійственнаго діакона. Это былъ вообще человѣкъ почтенный и даже ученый, что не подлежало сомнѣнію, ибо я самъ слышалъ проповѣди, которыя онъ нерѣдко говорилъ, и находилъ ихъ весьма удовлетворительными. Но, въ отношеніи исполненія голосовыхъ своихъ обязанностей, это было какое то безпримѣрное чудовище безобразія. Начать съ того, что онъ не имѣлъ не только хорошаго, но рѣшительно никакого голоса и замѣнялъ его какимъ то отвратительнымъ подобіемъ его, въ родѣ неопредѣленнаго тенора-баса, дикаго и въ самомъ существѣ своемъ совершенно невѣрнаго. Но отсутствіе голоса не составляло бы еще большой бѣды. И я и всѣ мы знаемъ много людей, которые поютъ чрезвычайно пріятно, не имѣя никакого голоса, но будучи одарены хорошимъ слухомъ и тонкимъ вкусомъ. На бѣду, ничѣмъ уже не

поправимую, нашъ діаконъ не имѣлъ рѣшительно никакого слуха и потому не имѣлъ физической возможности взять ни одной вѣрной ноты. Знатоки понимаютъ, что̀ значитъ такой діаконъ въ церкви, претендующей на изящество богослуженія. Выходитъ кавардакъ, въ высшей степени антимузыкальный. Хоръ поетъ въ одномъ, настоящемъ тонѣ, а діаконъ дѣлаетъ свои возгласы въ другомъ, не сознавая ни того, что тонъ вообще не правиленъ, ни того, что онъ идетъ въ разрѣзъ съ тономъ хора. Ни сбить его съ фальшиваго тона, ни навести на настоящій тонъ не было рѣшительно никакой возможности, какія усилія и хитрости ни употреблялъ регентъ, стараясь возстановить согласіе. Точно также безплодны были всѣ предварительныя, такъ сказать, домашнія соглашенія, условія, наставленія по этой части. Умомъ онъ понималъ совершенно справедливость требованій и укоровъ, къ нему обращенныхъ, но сдѣлать для удовлетворенія ихъ ничего не могъ, при всемъ искреннемъ желаніи. Едва откроетъ ротъ—раздаются звуки, нетолько непріятные, но ни къ чему негодные, ибо идутъ въ совершенный разрѣзъ съ тономъ, который ему данъ. Такіе удивительные экземпляры, хотя рѣдко, являются въ вокальномъ мірѣ. Какъ человѣку, одаренному правильнымъ слухомъ, трудно, почти невозможно, взять фальшивую ноту, такъ точно, еще больше невозможно для человѣка, неимѣющаго музыкальнаго слуха, взять правильную ноту. Если вы на инструментѣ будете дуть ему въ ухо ноту «do» и пригласите взять ее, онъ непремѣнно отпуститъ вамъ «si, mi» или что ему вздумается, но «do» отъ него никакъ не добьетесь. Мнѣ говорили, что Ронкони,

знаменитый нѣкогда пѣвецъ, поражавшій совершенствомъ исполненія труднѣйшихъ подробностей вокальнаго дѣла, никогда не могъ взять вѣрно ноты: «la» и фальшивилъ на ней всю жизнь. Я самъ живо помню, какъ именно Ронкони однажды въ оперѣ: «Невѣста Лунатикъ», играя роль графа, въ извѣстной входной аріи вралъ до такой степени поразительно, что въ партерѣ всѣ съ изумленіемъ переглядывались. Я даже недоумѣвалъ, слыша совершенно невѣрное пѣніе этой знаменитости, не въ моемъ ли слухѣ произошли какія либо прискорбныя перемѣны, и только легкое шиканье, заключившее его пѣніе, убѣдило меня, что мой слухъ невредимъ, а грѣшитъ баритонъ Ронкони. Былъ ли онъ, какъ говорится: «веселъ» въ эту минуту, что баритонамъ, кажется, болѣе или менѣе допускается и что̀ могло поколебать безукоризненную вѣрность нѣкоторыхъ нотъ въ его прекрасномъ пѣніи, или это злополучное «la», съ которымъ онъ никакъ не могъ сладить, было тому причиною, не знаю, но очевидно, что къ моему несчастью, разница между моимъ діакономъ и Ронкони заключалась въ томъ, что Ронкони, если и фальшивилъ, то фальшивилъ на одну только ноту, тогда какъ почтенный діаконъ вралъ рѣшительно на всѣ ноты, какія только существуютъ.

Такая бездарность діакона, полагавшая самое существенное препятствіе моимъ заботамъ о благолѣпіи церкви, давала бы мнѣ существенное право столкнуть его съ этого мѣста и, безъ дальнѣйшихъ размышленій, замѣнить другимъ; но такая рѣшимость, связанная болѣе или менѣе съ ущербомъ для другихъ, не была въ моей натурѣ. Съ этой стороны я былъ вообще начальни-

комъ, довольно слабымъ. Мнѣ всѣхъ было жаль. Въ отношеніи каждаго провинившагося изъ моихъ подчиненныхъ мнѣ всегда представлялся вопросъ: «а что онъ будетъ дѣлать, если я его прогоню»? Въ отвѣтъ моему воображенію представлялись жена провинившагося, быть можетъ болѣзненная женщина, куча дѣтей, недостатки, часто голодъ.... Могу по совѣсти сказать, что мое сердце было въ подобныхъ случаяхъ всегда самымъ неотступнымъ ходатаемъ за моихъ подчиненныхъ. Говорю это не для хвастовства, ибо вполнѣ сознаю, что нетолько несправедливо, но даже глупо хвалиться тѣмъ, что̀ даетъ намъ сама природа, и что вовсе не достигнуто, не выработано нами самими. Я хочу сказать только, что моей натурѣ было противно, невыносимо сдѣлать кому нибудь непріятность. Я раздѣлялъ всѣ проступки людей, которые отъ меня зависѣли, на два рода: проступки ненамѣренные и проступки намѣренные. Проступки перваго рода я безусловно извинялъ, проступки второго рода преслѣдовалъ, подавляя движенія своего сердца. Всѣ эти принципы, хороши или дурны они, прилагались вполнѣ и къ моему бездарному діакону. Столкнуть его, какъ я сказалъ, ничего не стоило при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я находился къ самому митрополиту и московскимъ архіереямъ. Но я сознавалъ, что онъ не сдѣлалъ никакого проступка, ни намѣреннаго, ни ненамѣреннаго и никакой вины рѣшительно на немъ не лежало. Онъ только былъ бездаренъ и не гармонировалъ съ моимъ стройнымъ хоромъ. Но развѣ можно ставить человѣку, рожденному съ кривыми ногами, въ вину, что онъ не можетъ изящно танцовать? Поэтому, въ отношеніи моего діакона, я послѣ-

довалъ той системѣ, какой слѣдовалъ мой начальникъ и учитель, князь А. И. Барятинскій, во время управленія его Кавказомъ. Когда человѣка, находящагося на какомъ либо мѣстѣ, онъ находилъ негоднымъ или бездарнымъ и признавалъ необходимымъ сдвинуть его съ этого мѣста, онъ всегда устроивалъ для него положеніе лучше того, какое онъ дотолѣ занималъ. Этой системой сплавлены съ Кавказа нѣкоторые плохіе губернаторы и другія личности, которыя не способны были ни понимать, ни осуществлять его плановъ и видовъ. Этой системѣ многія бездарности обязаны, что онѣ попали въ сенатъ съ прекраснымъ содержаніемъ, т. е. попали въ такое положеніе, которое рѣдко достается людямъ способнымъ, даровитымъ и въ высшей степени полезнымъ. Въ этой системѣ было, быть можетъ, кое-что и несправедливо, но въ ней же была истинная гуманность. Такъ точно, когда я убѣдился въ негодности моего діакона, я энергически сталъ хлопотать о назначеніи его въ какую либо изъ московскихъ церквей священникомъ и имѣлъ въ этомъ отношеніи самыя благонадежныя обѣщанія. Къ сожалѣнію дѣло не могло совершиться быстро, а между тѣмъ діаконъ, человѣкъ болѣзненный, сталъ хирѣть и кончилъ тѣмъ, что прежде чѣмъ былъ назначенъ въ священники, отошелъ въ Елисейскія.

Извѣстно, что число всевозможныхъ мѣстъ, гдѣ бы то ни было и какихъ бы названій ни было, далеко не соотвѣтствуетъ безчисленному запросу на нихъ. Но зная хорошо положеніе этого вопроса въ примѣненіи къ чиновническому міру, я никакъ не ожидалъ, что въ духовномъ мірѣ онъ отличается еще большею не-

равномѣрностью между числомъ вакансій и числомъ жаждущихъ мѣстъ. Какъ только скончался нашъ діаконъ, искатели, и прямо и чрезъ другихъ, нахлынули въ ужасающемъ количествѣ. Подробности, которыя при этомъ обнаружились передо мной, были иногда изумительны. Такъ напримѣръ, въ числѣ кандидатовъ были басы изъ хоровъ чудовскаго, синодальнаго и другихъ, разумѣется молодые люди изъ духовнаго званія и разумѣется холостые. Ходатаями за нихъ являлись большею частью священники различныхъ церквей. Въ особенности усердно напиралъ на меня священникъ Мясницкой церкви, основывая свое ходатайство преимущественно на томъ, что по сосѣдству съ почтамтскими домами, набитыми почтовыми чиновниками и служителями, онъ часто исполнялъ у нихъ различныя требы, а главное на томъ, что когда то, десятки лѣтъ тому назадъ, вѣнчалъ меня самого въ Мясницкой церкви, когда еще самъ былъ діакономъ. Но вотъ что было странно и неожиданно для меня. Онъ хлопоталъ не за одну извѣстную ему личность, а за многихъ молодыхъ людей, преимущественно изъ пѣвчихъ. Комбинація тутъ была слѣдующая. Тотъ молодой человѣкъ, который, по виду и по голосу, признанъ будетъ достойнымъ занять мѣсто діакона почтамтской церкви, обязанъ былъ жениться на дочери этого священника. Такимъ образомъ, если тотъ кандидатъ, котораго священникъ привелъ ко мнѣ сегодня, съ разу мнѣ не нравился, завтра онъ приводилъ другого, потомъ третьяго и т. д. Эти молодые люди, изъявившіе готовность на такую комбинацію и обязанные, въ случаѣ успѣха, жениться на дочери священника, конечно и не видѣли ее въ глаза предвари-

тельно, ибо и видѣть то ее было безполезно, вслѣдствіе самой неизвѣстности, кому достанется успѣхъ. Съ другой стороны и дѣвица сія также не видѣла ни толпы ищущихъ этого мѣста, ни тѣмъ менѣе того, кто можетъ получить вдругъ, неожиданно и для него, и для нея, право на ея руку и сердце. Если въ средѣ московскаго, считающагося богатымъ и обезпеченнымъ, духовенства существуютъ подобныя явленія, то можно представить, что дѣлается въ средѣ бѣднаго сельскаго духовенства, и именно для того, чтобы содѣйствовать уясненію вообще быта нашего духовенства, я счелъ не безполезнымъ отмѣтить приведенную черту, совершенно уничтожающую, проявленіе индивидуальныхъ человѣческихъ вкусовъ и наклонностей, черту, уподобляющую брачныя стремленія молодыхъ людей духовнаго званія спариванью молодыхъ бычковъ и телокъ.

Эти кандидаты изъ пѣвчихъ составляли впрочемъ одинъ отрядъ; другой отрядъ, тоже многочисленный, составляли дьяконы, какъ московскихъ, такъ и многихъ сельскихъ церквей. Что для сельскаго дьякона было интересно занять подобное мѣсто въ самой Москвѣ, при одной изъ тамошнихъ церквей—это понятно; но я рѣшительно не понималъ, какой интересъ могли находить дьяконы другихъ церквей Москвы, при переходѣ въ почтамтскую церковь. Когда въ числѣ кандидатовъ явился между прочимъ одинъ изъ діаконовъ даже Успенскаго собора, я не могъ не высказать своего недоумѣнія окружающимъ. Мнѣ тотчасъ объяснили, однако, всю прелесть выгодъ почтамтской церкви, привлекающихъ толпу кандидатовъ этого рода. Подробное перечисленіе этихъ

выгодъ я не могу привести, но въ числѣ ихъ первое мѣсто занимали: постоянное казенное жалованье и комфортабельная казенная квартира, отопляемая и ремонтируемая тоже на казенный счетъ, а потомъ значительные и вѣрные доходы, добываемые многократнымъ, выше мѣры, разъ по десяти или пятнадцати въ годъ, обхожденіемъ всѣхъ живущихъ въ обширныхъ почтамтскихъ зданіяхъ, по поводу разныхъ незначительныхъ церковныхъ праздниковъ . . . . .

Не могу не сказать, что вообще отношенія человѣчества къ духовенству, отношенія, въ которыхъ часто духовныя потребности опошливаются денежными сдѣлками, отношенія, наконецъ, гдѣ христіанинъ ставится въ самое неприличное положеніе передъ священнымъ лицомъ, служителемъ алтаря,—съ самаго моего дѣтства поселяли во мнѣ сильное отвращеніе. Можетъ ли сохраниться въ душѣ высокое настроеніе, когда надо думать о денежной сдѣлкѣ съ священникомъ? Исповѣдь, напримѣръ, составляетъ священное дѣйствіе для христіанина. Можетъ ли она остаться на высотѣ своего значенія, когда въ тотъ самый моментъ, когда вы должны погрузиться въ припоминаніе своихъ грѣховъ, вы неизбѣжно обязаны думать, ка̀къ бы ловчѣе и приличнѣе вручить тому, кому исповѣдуете эти грѣхи, кредитную бумажку? Я не знаю ничего неприличнѣе сопоставленія двухъ дѣлъ, нетолько несходныхъ по значенію, но въ высшей степени противуположныхъ. Одно заставляетъ возноситься къ небу, другое сводитъ въ какой то безобразный рынокъ и заставляетъ думать о денежныхъ расчетахъ, большею частью порождающихъ тысячи

самыхъ грѣховныхъ мыслей. И потомъ, можно платить за все, но за исповѣдь, за отпущеніе нашихъ грѣховъ платить невозможно. Эта плата роняетъ священные обряды. Она причиною, что сами служители алтаря относятся къ нимъ изумительно равнодушнымъ образомъ. У меня былъ родственникъ, Муръ. По какимъ то обстоятельствамъ онъ не говѣлъ нѣсколько лѣтъ и наконецъ рѣшился исполнить этотъ обрядъ. Какъ истинный христіанинъ онъ ожидалъ момента исповѣди, вполнѣ сознавая важность этого акта. Жилъ онъ тогда въ Петербургѣ, близъ церкви Вознесенья и принадлежалъ къ ея приходу. Я помню въ числѣ священниковъ этой церкви крайне стараго, не только съ сѣдыми, но даже съ пожелтѣвшими волосами, но еще бодраго и въ особенности громкоголосаго священника, казавшагося Муру чрезвычайно строгимъ. Дѣло происходило на страстной недѣлѣ. Въ извѣстный день Муръ, который потомъ самъ разсказывалъ мнѣ все это, отправляется въ церковь. Народу разумѣется бездна. Муръ приближается къ тому мѣсту, гдѣ исповѣдуетъ святой отецъ и ждетъ своей очереди, расчитывая передать ему о забвеніи долга христіанина въ предшествующіе годы, получить грозный нагоняй и этимъ очистить, такъ сказать, свою совѣсть. Очередь, наконецъ, настала. Муръ входитъ и священникъ тотчасъ начинаетъ осѣнять его крестомъ, съ словами, означающими отпущеніе грѣховъ, не удостоивъ Мура рѣшительно ни однимъ вопросомъ. Изумленный Муръ говоритъ: «позвольте, батюшка, я нѣсколько лѣтъ не говѣлъ»! Въ свою очередь изумленный священникъ пріостановился на минуту, но затѣмъ, давъ отпущеніе, началъ опять

крестить Мура. Положивъ на денежную кучу, лежавшую передъ нимъ, и свою лепту, Муръ, несмотря на свои молодыя лѣта, человѣкъ чрезвычайно солидный и серьезный, вышелъ изъ-за ширмъ, куда вступилъ въ самомъ высокомъ настроеніи, съ чувствами, совершенно противуположными.

Лицо, поставленное въ главѣ вѣдомства духовнаго, должно конечно стремиться къ исправленію недостатковъ духовенства, къ уничтоженію его вѣковыхъ и застарѣлыхъ обычаевъ и привычекъ, остающихся и теперь въ той же формѣ и томъ же видѣ, какъ было за сотни лѣтъ. Мысль образовать большіе приходы, уничтожить всѣ маленькіе, мысль неудавшаяся и доселѣ неосуществившаяся, безъ сомнѣнія, имѣла благую цѣль поднять матеріально нашихъ священниковъ и церковнослужителей. Когда я управлялъ большими имѣніями князей Барятинскихъ, гдѣ было множество селъ, сельскихъ церквей и слѣдовательно сельскихъ поповъ и разныхъ причетниковъ, я рѣшительно не зналъ, куда дѣвать руки, чтобы прятать ихъ отъ самыхъ подобострастныхъ поцѣлуевъ, которыми вся эта братія старалась покрывать ихъ при всякомъ случаѣ, единственно потому, что отъ меня зависѣло снабдить каждаго изъ нихъ нѣкоторыми земными благами, въ видѣ хлѣба, лѣса и другихъ сельскихъ произведеній. Они, повидимому, считали совершенно ненужнымъ и неправильнымъ тотъ законъ, въ силу котораго не они у меня, а я у нихъ долженъ цѣловать руки. Какое же тутъ можетъ быть уваженіе къ служителямъ алтаря, а затѣмъ и къ самимъ обрядамъ, ими исполняемымъ? Можно безъ преувеличенія сказать

что если помѣщикъ, или вообще богатый человѣкъ, поручитъ попу, особенно сельскому, совершить то или другое священнодѣйствіе, то во время этого священнодѣйствія мысли его будутъ обращены не столько къ тому, кому приносится молитва, сколько къ тому, кто заказалъ совершить эту молитву. Тамъ воздаяніе отвлеченное, духовное, дальнее; здѣсь безотлагательное, практическое, немедленно улучшающее земную, не очень красивую жизнь. И какія измѣненія, сокращенія или дополненія бѣдный священникъ можетъ сдѣлать къ этой молитвѣ, если онъ знаетъ, что за это будетъ мзда!... Въ Подмосковной, гдѣ я съ семействомъ провожу лѣтнее время, былъ священникъ, который, по собственнымъ его словамъ, все дѣлалъ, лишь бы была хорошая мзда. Онъ постоянно находился подъ разными выговорами и взысканіями и не разъ сидѣлъ въ монастыряхъ, но не обращалъ на это вниманія и продолжалъ совершать тѣже дѣла, покамѣстъ его не устранили изъ нашихъ мѣстъ. Что̀ значитъ подобнымъ ему выговоръ и замѣчаніе, сравнительно съ хорошей платой! Имъ прежде всего необходима плата, хорошій заработокъ, ибо они бѣдны и семейства ихъ перебиваются со дня на день. Пока эта бѣдность не исчезнетъ и не замѣнится сколько нибудь обезпеченнымъ положеніемъ, невозможно и возстановить достоинство духовенства и, что еще важнѣе, достоинство и приличіе отношеній его къ народнымъ массамъ. Не знаю, что̀ и ка̀къ нужно тутъ сдѣлать, но необходимо дать духовенству возможную обезпеченность и независимость отъ тѣхъ унизительныхъ для нихъ самихъ и для дѣла, ими совершаемаго, сборовъ и даяній, которые составляютъ главный предметъ ихъ думъ и за-

ботъ. Когда эти даянія будутъ существовать и стоять на первомъ планѣ, когда при каждомъ стремленіи совершить тотъ или другой обрядъ, надо думать о немедленной расплатѣ, тогда невозможно и ожидать, чтобы исполненіе религіозныхъ потребностей стало на ту высоту, какая должна принадлежать ему.

Когда на вакансію діакона почтамтской церкви явилось, какъ я сказалъ, множество кандидатовъ и изъ пѣвческихъ хоровъ и изъ діаконовъ другихъ церквей, то за устраненіемъ тѣхъ изъ нихъ, которые съ разу, при первыхъ же объясненіяхъ, подлежали браковкѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ, всѣмъ остальнымъ, образовавшимъ все таки порядочную толпу, по моему приказанію было объявлено, что они должны подвергнуться вокальной конкуренціи и вакантное мѣсто займетъ тотъ, кто превзойдетъ всѣхъ силою и гармоничностью голоса. Всѣ претенденты раздѣлены были на партіи, и каждой партіи назначенъ особый день. Проба производилась въ почтдиректорскихъ залахъ. Экзаменаторами или судьями были: самъ я, священникъ церкви, церковный староста, избранный изъ почтамтскихъ чиновниковъ, большой знатокъ дѣла, Багрецовъ и второстепенный регентъ хора. Можно себѣ представить, какой страшный ревъ поднялся въ моихъ комнатахъ. Понятно, что каждый старался отличиться и лезъ изъ кожи, чтобы показать силу своего голоса. Пробной пьесой было преимущественно извѣстное многолѣтіе, которое и провозглашалось по очереди, однимъ вслѣдъ за другимъ. Перекричалъ и побѣдилъ всѣхъ одинъ изъ сельскихъ діаконовъ, бывшій нѣкогда въ чудовскомъ хорѣ. Очень высокихъ нотъ у него не было, за то

октава поразительная. Въ тоже время онъ былъ молодой и красивый человѣкъ, прекраснаго роста, хорошихъ манеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бывшій пѣвчій, представлялся вполнѣ удовлетворительнымъ со стороны технической. Онъ сдѣланъ былъ діакономъ почтамтской церкви и вѣроятно и теперь еще наполняетъ ее своею великолѣпною октавою....

Сознаю вполнѣ, что мнѣ давно пора закончить болтовню о моихъ вокальныхъ подвигахъ и подвигать впередъ мой нескладный разсказъ. Перехожу опять къ нашей домашней жизни. Возвращеніе моего отца со службы совершалось часа въ два и къ этому времени нашъ скромный обѣденный столъ былъ уже готовъ. Отецъ вообще не любилъ нигдѣ и ни въ чемъ замедленій. Едва возвращался онъ, какъ тотчасъ слышны были его возгласы: «обѣдать, скорѣй! Ѣсть хочу!» Но прежде чѣмъ сѣсть за столъ, отецъ и мать вмѣстѣ отправлялись къ громаднѣйшему бѣлому шкафу. Шкафъ этотъ замѣнялъ множество другихъ вещей, предназначенныхъ для склада разнообразныхъ предметовъ. И по бѣдности и по тѣснотѣ помѣщенія, въ моей семьѣ не могло быть много подобныхъ вещей, поэтому одинъ шкафъ, съ горемъ пополамъ, вмѣщалъ въ себѣ всѣ вклады. Чего только тамъ не было, начиная съ разнородныхъ водокъ и наливокъ! Родители выпивали по рюмкѣ любимой ихъ настойки, которая называлась «трефоль», съ очевиднымъ удовольствіемъ покрякивали и затѣмъ садились за столъ, гдѣ лещи и гуси, лично пріобрѣтаемые отцомъ на пензенскомъ базарѣ, играли не послѣднюю роль. Мелюзга, т. е. дѣти разсаживались кругомъ и давали полную волю своему

молодому апетиту, придерживаясь, однако, нѣкоторыхъ строгихъ правилъ, отцомъ созданныхъ и водворенныхъ. Такъ напр. онъ терпѣть не могъ, если кто нибудь изъ дѣтей, въ началѣ обѣда, потянется къ графину съ квасомъ и начнетъ пить. Это было у него самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что ребенокъ еще до обѣда насытился, что̀ онъ постоянно преслѣдовалъ, доказывая, что ѣсть и наѣдаться надобно только за обѣдомъ и не портить до обѣда апетита никакими предварительными и вспомогательными средствами. Сытный и вкусный, хотя не богатый обѣдъ, изготовленія Натальи, оканчивался, и родители почти немедленно отходили къ послѣобѣденному сну. Этотъ сонъ входилъ въ составъ непреложныхъ обычаевъ и можно сказать законовъ провинціальной жизни. Обѣдать и спать послѣ обѣда составляло одно нераздѣльное дѣло. Невозможно было представить обѣда безъ послѣобѣденнаго сна. Если вы входили въ чей либо домъ и вамъ говорили: «обѣдаютъ» или «спятъ послѣ обѣда» это было равнозначительно и равно пользовалось правомъ устраненія малѣйшихъ помѣхъ и нарушеній какими бы то ни было дѣлами и обстоятельствами. Хозяина легче было видѣть или вызвать, когда онъ обѣдаетъ, нежели когда спитъ. И надо знать сонъ провинціала, слѣдующій за провинціальнымъ обѣдомъ, чтобъ осмѣлиться нарушить его. Послѣобѣденный сонъ былъ въ такомъ почетѣ и уваженіи, что засыпали не только старшіе, хозяева, господа—засыпалъ рѣшительно весь домъ, не исключая дѣтей, прислуги, собакъ, даже домашнихъ птицъ. И это отнюдь не вымыселъ, но истинная дѣйствительность. Въ моихъ воспоминаніяхъ живо стоятъ такія картины: вер-

нешься бывало откуда нибудь домой въ послѣобѣденную жаркую пору, разумѣется лѣтомъ, съ купанья напр. или прогулки,—рѣшительно все мертво, все спитъ, все потѣетъ, или, случалось, проснется отецъ и начнетъ звать кого нибудь изъ прислуги, возгласы его долго раздаются совершенно безплодно, ибо прислуга тоже глубоко спитъ. Пробужденіе и вставанье отъ послѣобѣденнаго сна, всегда тяжелаго и глубокаго, едва ли не было труднѣе и продолжительнѣе пробужденія отъ сна утренняго. Во всякомъ случаѣ, при вставаньи утромъ, я никогда не видалъ такихъ вздоховъ, стоновъ и вообще тяжелыхъ пріемовъ, какіе производились при возстаніи отъ послѣобѣденнаго сна. Самъ отецъ бывало, проснувшись, выйдетъ на крыльцо и долго сидитъ, въ какомъ то тяжеломъ раздумьи, вздыхая по временамъ и повидимому стараясь преодолѣть все еще продолжающееся неотвязное вѣяніе послѣобѣденнаго сна; и когда это ему удавалось болѣе или менѣе, онъ начиналъ восклицать: «мама, а мама! чего бы выпить»? И только громаднѣйшая кружка холодной и пѣнистой влаги, выпитая имъ въ нѣсколько пріемовъ съ разнородными подкрякиваньями, окончательно ставила его, такъ сказать, на ноги....

Проявленія моей семейной провинціальной жизни, какъ ни были они однообразны, раздѣлялись на зимнія и лѣтнія. Въ жизни каждаго человѣка лѣто всегда занимаетъ болѣе широкое и почетное мѣсто, чѣмъ зима, особенно въ провинціи, несравненно болѣе близкой къ природѣ, чѣмъ наши столичные города, гдѣ напротивъ зимній сезонъ со всѣми его балами, театрами, катаньями по Невскому, занимаетъ первое мѣсто. Въ провинціи эти прелести мало

извѣстны и тамошнія наслажденія черпаются преимущественно изъ самой природы и менѣе всего изъ области искуства. Начнемъ же съ лѣта.

ГЛАВА VII.

Лѣтнія явленія провинціальной жизни. Поѣздки въ загородныя рощи, въ казенный садъ, въ имѣніе Загоскино, въ Саратовъ, въ «Глядковку» и проч. Подвиги лошадниковъ. Петрушка и Сидоръ.—Пензенская ярмарка.

Освѣжившись пѣнистой и холодной влагой и, въ слѣдъ затѣмъ, вооружившись садовыми инструментами, отецъ лѣтомъ отправлялся въ садъ и начиналъ тамъ безконечную исторію подрѣзыванія, подчищенія, окулированія, прививанія и всевозможныхъ садовыхъ работъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что садъ и садовыя работы составляли для него любимый міръ любимѣйшихъ наслажденій. Когда онъ попадалъ въ свой садъ—вызвать его оттуда было чрезвычайно трудно. Онъ готовъ былъ тамъ спать и обѣдать. Конца садовымъ работамъ у него не было. Когда вечерній чай былъ готовъ, къ отцу отправлялись безчисленные посланные, одинъ за другимъ. Всѣ они требовали его возвращенія изъ сада и часто съ разными угрожающими прикрасами, или взятыми изъ дѣйствительности, или присочиненными для успѣха дѣла.

Ничто непомогало; на всебылъ одинъ отвѣтъ: «сейчасъ.» Случалось нерѣдко, что гости приходили, о чемъ и давалось немедленно знать отцу. Успѣхъ былъ одинъ. «Сейчасъ приду» и баста! Большею частію единственно наступленіе сумерекъ, т. е. такого времени, когда подрѣзывать и прививать было уже невозможно, загоняло его въ комнаты и, входя, усталый, запачканный землею и весь обвѣшанный сучьями и прутьями, онъ весело говорилъ: «извини мама!»

«Гости пришли!» Гости у насъ не переводились. Знакомство у моей семьи было небогатое, но обширное и радушное. Было бы трудно перечислить всѣхъ друзей и пріятелей. Патріархальные, простые обычаи придавали этимъ сношеніямъ прелесть простоты и безцеремонности. Къ намъ являлись знакомые и мы являлись къ знакомымъ совершенно за́—просто, въ буквальномъ смыслѣ слова. Ка́къ все это не похоже на то, что потомъ судьба дала мнѣ видѣть въ другихъ мѣстахъ и особенно въ столичныхъ градахъ нашихъ. Время ли тутъ многое измѣнило, незнаю; только я не видѣлъ потомъ нигдѣ ни той простоты, ни того радушія, ни той родственности въ отношеніяхъ, которая сопровождала, проникала всѣ тогдашнія отношенія моей семьи къ семьямъ знакомыхъ. И семьи то были совсѣмъ не такія. Всегда полныя и многочисленныя! Всѣ держались въ кучѣ и считали необходимость отправить куда нибудь сына или дочь—величайшимъ несчастіемъ, которое оплакивали полгода впередъ и полгода послѣ. Не такъ какъ у столичныхъ жителей, гдѣ только папаша съ мамашей проживаютъ дома, десять сыновей растыканы въ раз-

ныхъ казенныхъ заведеніяхъ, а полдюжины дочерей по институтамъ и, съ самыхъ раннихъ поръ, пріобрѣтаютъ не завидное умѣнье охладѣвать другъ къ другу, а потомъ, въ свою очередь, вносить тотъ же холодъ въ свои собственныя семейства. Въ Пензѣ, когда приходилось какому нибудь семейству отдавать дочь замужъ, заунывныя пѣсни, на этотъ случай существующія, въ смѣшеніи съ дѣйствительными рыданіями, раздавались по всему городу. И что это были за дочери! Пенза была, безъ преувеличенія, садомъ красавицъ. Потомъ, оставивъ родину, я не видалъ нигдѣ красавицъ въ такомъ обиліи. Въ доказательство, что не увлекаюсь, я даже приведу нѣкоторыхъ.

Прежде всего моимъ воспоминаніямъ по части красоты предстоитъ семейство Очкиныхъ. Если я ихъ хорошо помню, то вѣроятно есть много и другихъ пензяковъ, которые тоже ихъ помнятъ. Семейство это было очень многочисленно и состояло изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Всѣ они были одинъ другого лучше. Братья тоже были красавцы, на подборъ. Если бы можно было, на американскій манеръ, всю эту семью, какъ не виданное чудо, возить на показъ по разнымъ странамъ свѣта, нѣтъ сомнѣнія, что антрепренеръ обогатился бы. Въ настоящую минуту многіе изъ членовъ этого семейства еще вѣроятно здравствуютъ. По туземнымъ понятіямъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что та или другая особа женскаго пола красива. Вотъ если бы такая особа побывала въ одномъ изъ столичныхъ городовъ, попала на глаза безчисленныхъ ловеласовъ, старыхъ и молодыхъ, отыскивающихъ и расцѣнивающихъ женскую красоту,

то тамъ всѣ прелести и достоинства этой особы разобрали бы по ниточкѣ и такъ напѣли бы въ уши про ея неземную красоту, что непремѣнно сбили бы съ толку и заставили возмечтать о себѣ выше мѣры, что̀ мы постоянно видимъ на петербургскихъ дамахъ и дѣвицахъ. Красоты на грошъ, а претензій и чванства на тысячу. Въ родной Пензѣ было не то. Тамъ понятіе дѣвушекъ о собственной красотѣ не превосходило мѣры. Семейство Очкиныхъ было купеческое, и лучшіе магазины, или по туземному лавки, принадлежали имъ. Братья торговали въ этихъ лавкахъ, а сестры дѣлали блистательныя партіи, далеко выходящія изъ ихъ обычнаго круга. Одна изъ семейства была за совѣтникомъ губернскаго правленія Поповымъ. Купчиха и за совѣтникомъ! Тутъ надо или большое приданое или красота неоцѣненная. И красота эта сводила съ ума всѣхъ другихъ совѣтниковъ, во всѣхъ другихъ губернскихъ мѣстахъ, Поповыхъ и не Поповыхъ. Другая Очкина была за какимъ то помѣщикомъ, третья за городищенскимъ исправникомъ...

Хороши были также Дюкины, двѣ сестры, о которыхъ рѣшительно невозможно сказать, которая лучше, но должно сказать только: обѣ лучше! Мы, мальчики еще, по десяти разъ шныряли по Московской улицѣ, единственно съ расчетомъ, не удастся ли увидѣть ту или другую изъ Дюкиныхъ, подъ окошкомъ. Старшая была высокая, стройная дѣвушка съ румянцемъ во всю щеку и съ голубыми глазами. Если бы съ нее писали картины Венеръ, Діанъ, Психей и т. п., всѣ эти дамы должны бы быть ей чрезвычайно благодарны, ибо лучше и совершеннѣе ничего вообразить невозможно, даже въ раз-

рядѣ богинь. И какое несчастіе постигло эту дѣвушку! Въ составѣ пензенской администраціи былъ между прочимъ городовой архитекторъ. Однажды, пріѣзжаетъ для занятія этой должности молодой человѣкъ изъ Петербурга. Звали его: Экертъ. Это былъ просто Аполонъ и по складу и по наружности, высокій, но прекрасно сложенный. Его лицо было въ особенности замѣчательно тѣмъ, что окаймлялось громаднѣйшими, черными бакенбардами. Танцовалъ онъ и вообще держалъ себя такъ, что мгновенно сдѣлался предметомъ нѣжнаго вниманія прекраснаго пола и предметомъ зависти и подражанія пола не прекраснаго. Онъ влюбился въ старшую Дюкину, а Дюкина влюбилась въ него. Свадебное дѣло, не встрѣчая ни какихъ препонъ, быстро закипѣло. Всѣ только и толковали о соединеніи въ этой парѣ удивительной красоты. И дѣйствительно, здѣсь, казалось, вполнѣ осуществлялся идеалъ груши, разрѣзанной на двѣ половины, о разрозненномъ скитаніи этихъ половинъ по свѣту и наконецъ о соединеніи ихъ въ часъ, предопредѣленный неисповѣдимыми судьбами, идеалъ, къ осуществленію котораго стремится болѣе или менѣе каждый изъ насъ, принимая нерѣдко за собственную половину, совершенно чуждую намъ. Наступилъ день дѣвишника, вообще радостный, но въ настоящемъ случаѣ роковой. Балъ прошелъ блистательно, счастье жениха и невѣсты ничѣмъ не омрачалось и было свѣтло и ясно, какъ солнце. Послѣ бала, Экертъ, полный ожиданій дня свадьбы, отправился домой и на этомъ переѣздѣ простудился. На другой день, именно въ день свадьбы, его атаковала оспа въ самой ужасающей степени. Онъ слегъ въ постель и чрезъ нѣ-

сколько дней умеръ. Я видѣлъ его послѣ кончины. Этотъ красавецъ сдѣлался уродомъ. Событіе это, по своей исключительности, переполошило тихую Пензу. Всѣ поражены были этимъ несчастіемъ, разразившимся надъ головою красавца; многіе плакали и особенно сожалѣли очаровательную невѣсту, которая не имѣла даже утѣшенія раздѣлить послѣднія страдальческія минуты своего суженаго, ибо ей рѣшительно былъ воспрещенъ малѣйшій доступъ къ нему, изъ опасенія заразы. Непріятно вспоминать и говорить, что этой безпримѣрной красавицѣ, остановленной въ самыхъ дверяхъ раскрытаго уже для нея земного рая, предназначено было потомъ выйти за какого то корявaго чиновника. Вообще досадно было видѣть, какія прелести доставались часто туземнымъ обломамъ изъ чиновнаго міра, грубымъ, необразованнымъ и большею частію пьянымъ. Обиліе дѣвушекъ невѣстъ, большею частію красивыхъ и почти совершенное отсутствіе порядочныхъ жениховъ, дѣлали такое явленіе естественнымъ и неизбѣжнымъ. Почтенное, большею частью помѣщичье, не богатое семейство воспитывало дочь въ одномъ изъ туземныхъ пансіоновъ и съ радостію отдавало ее за какого нибудь дубоватаго протоколиста или столоначальника, на томъ единственно основаніи, что у этого крючкотворца, большею частію изъ семинаристовъ, есть домъ, выстроенный или купленный на взяточныя деньги, что всѣмъ извѣстенъ съ достовѣрностію размѣръ нахапаннаго уже имъ всѣми кривдами и неправдами капитала, точно также, какъ всѣмъ извѣстно, что у совѣтника Ивана Андреевича Попова 40 тысячъ денегъ и что эта самодовольная фигура разъѣзжаетъ въ

собственномъ экипажѣ. Еще болѣе досадно было видѣть, что какая нибудь воздушная фея, образецъ стройности и изящества, попавъ въ медвѣжьи лапы къ подобному господину, рѣдко таетъ и изнываетъ, какъ можно было бы ожидать при подобномъ соединеніи, но напротивъ начинаетъ, къ удивленію, жирѣть и толстѣть, мало по малу расплываться и обращаться въ полновѣсную провинціальную барыню, имъ же нѣсть числа. Область ежегоднаго рожденія дѣтей, сытныхъ и жирныхъ обѣдовъ, послѣобѣденнаго спанья, область лѣни, праздности и подлѣйшихъ большею частью интересовъ благовѣрнаго, совершенно поглощаетъ и преобразовываетъ всѣхъ этихъ милыхъ дѣвочекъ, казавшихся неземными созданіями. Рѣдко можно узнать въ толстой и тяжелой провинціальной барынѣ то, что вы знали нѣкогда прелестной дѣвушкой. Тотъ же человѣкъ становится совершенно другимъ. Мелькаетъ еще что то красивое въ той или другой части ожирѣвшаго тѣла; но уже это не то, что было; не то, что какимъ то способомъ умѣютъ удерживать въ себѣ до 50 лѣтъ петербургскія женщины. Подобно тому, какъ какой нибудь 80 лѣтній сановникъ, подъ давленіемъ всевозможныхъ докладовъ, которые ему дѣлаютъ и которые онъ самъ дѣлаетъ, все продолжаетъ бодриться и не поддается старости и ея недугамъ, такъ точно и петербургскія женщины, даже въ 50 лѣтъ, усиленно вооружаются шиньонами, корсетами, турнюрами, и никакъ не хотятъ поддаться старости. Если онѣ, подобно тѣмъ старенькимъ франтамъ мужескаго пола, которыхъ называютъ «мышиными жеребчиками», часто бываютъ смѣшны, менѣе всего могутъ ввести публику въ заблужденіе относи-

тельно ихъ возраста и свѣжести, зато имъ самимъ кажется, что публика считаетъ ихъ молодыми и свѣжими. Это убѣжденіе веселитъ и радуетъ ихъ и они продолжаютъ финтить и франтить напропалую и даже амуры заводить! Не нарушая истины, можно сказать, что къ этимъ амурамъ пожилыя женщины выказываютъ наклонность даже болѣе живую, чѣмъ молодыя. Сколько припоминаю провинціальную жизнь, тамъ огромное значеніе имѣла не столько самая личность, какая бы свѣжая и красивая она ни была, сколько возрастъ, т. е. числительный возрастъ, число лѣтъ по счету. Какъ въ 20 лѣтъ тамъ мужчина обязанъ былъ, покрайней мѣрѣ въ то время, о которомъ говорю, непремѣнно жениться, такъ въ 40 лѣтъ онъ обязанъ былъ имѣть солиднѣйшій видъ главы семейства и отца многочисленныхъ дѣтей разныхъ половъ и возрастовъ, хотя бы въ дѣйствительности онъ былъ, въ первомъ случаѣ, самъ совершеннымъ мальчишкой, а во второмъ обладалъ неудержимыми наклонностями къ холостой жизни. У меня былъ близкій родственникъ, двоюродный братъ, Николай Ильичъ Плотовъ. Онъ женился 17-ти лѣтъ и взялъ милую и красивую дѣвушку Евлампію Сергѣевну Казаринову, лѣтъ 13 или 14. Само собою разумѣется, что въ 30 лѣтъ они уже имѣли много дѣтей и смотрѣли полустариками, и для жены, въ этомъ раннемъ возрастѣ, полагалась всякая преграда стремленію къ турнюрамъ и всевозможнымъ внѣ семейнымъ увлеченіямъ, хотя, само собою разумѣется, муженекъ могъ пошаливать и до 70 лѣтъ, если имѣлъ къ тому расположеніе, матеріальныя средства и физическія силы. Такъ точно вѣроятно было и съ моей преле-

стной Дюкиной. Сдѣлавшись какой нибудь Небосклоновой, Горизонтовой (провинціальные мужья больше семинаристы), пересаженная такъ сказать въ грубѣйшую почву, она, по всей вѣроятности, сама начала грубѣть, толстѣть, несомнѣнно рожать каждый годъ маленькихъ Горизонтовыхъ и постепенно, но быстро превращаться въ полную, краснощекую, провинціальную барыню, въ которой отъ прежняго ангела и перышка не осталось.

Меньшая сестра Дюкиныхъ была также прелестна, какъ и старшая, хотя, по странной игрѣ природы, мало походила на нее. Старшая, какъ я сказалъ уже, была великолѣпная блондинка съ голубыми глазами, меньшая была нѣчто среднее между блондинкой и брюнеткой, съ черными, какъ угли, глазами, въ которыхъ постоянно выражалась веселость и насмѣшливость. Кромѣ того она была нѣсколько ниже ростомъ и плотнѣе. Старшая была чрезчуръ идеальна и какъ будто говорила больше о небѣ. Младшая, напротивъ, сильно напоминала землю. Мнѣ, лично, нравилась больше меньшая, но многіе изъ моихъ маленькихъ товарищей не раздѣляли моего предпочтенія, и это, конечно, проистекало изъ того общеизвѣстнаго различія вкусовъ, изъ которыхъ одни предпочитаютъ худыхъ и небесныхъ, а другіе земныхъ и плотныхъ дѣвъ. Для меня красота, облеченная въ худыя формы, утрачивала много своей цѣны, и я съ дѣтства постоянно млѣлъ сначала передъ дѣвицами, а потомъ передъ дамами, непремѣнно полненькими. Я не знаю дальнѣйшей судьбы меньшой Дюкиной, хотя она вышла за учителя гимназіи, кажется Меркушева, молодого человѣка, тоже красиваго. Если расчитать, что учитель гимназіи не-

премѣнно долженъ быть человѣкомъ образованнымъ, слѣдовательно неизмѣримо превосходить взяточника изъ семинаристовъ, то можно утѣшать себя надеждою, что судьба меньшой Дюкиной была лучше, чѣмъ старшей. Не будемъ однако упускать изъ виду, что эта судьба могла быть лучше только относительно, ибо едвали есть человѣкъ, способный презрѣть такъ называемое «вліяніе окружающихъ обстоятельствъ». Есть одинъ только человѣкъ, который перевернулъ вверхъ дномъ окружающія его обстоятельства. Это былъ Петръ Великій! Принявъ это во вниманіе, я не позволю себѣ отвергать, чтобы и меньшая Дюкина не послѣдовала, «окружавшимъ ее обстоятельствамъ,» не пополнѣла, не раскисла, и не опустилась, какъ подобаетъ провинціальной барынѣ.

Максимовы, старшая Раиса, и младшая Машенька были также два херувима.... У меня есть большой недостатокъ—это способность увлекаться и потомъ разочаровываться. Мягкость натуры и довѣрчивость вообще къ людямъ, конечно, главною тому причиною. Жизнь только, длинная, разнообразная, многоопытная, научила и вразумила меня, что самые пріятнѣйшіе и сладкоглаголивые люди—именно дурные люди. Но моя способность увлекаться и очаровываться, а потомъ разочаровываться, примѣнялась только къ нравственной сторонѣ человѣчества, а отнюдь не къ той внѣшней сторонѣ, которую я стараюсь изобразить въ моихъ пензенскихъ красавицахъ. Можно ли представить, чтобы какая нибудь картина Рафаеля, которая восхищаетъ васъ сегодня, перестала восхищать завтра или чрезъ пять лѣтъ? Это не-

возможно! Точно также невозможно, чтобъ красавицы, поражавшія меня въ дни юности, перестали восхищать меня въ моихъ воспоминаніяхъ до конца дней. Такимъ образомъ хотя способность увлекаться составляетъ дѣйствительно большой недостатокъ, но здѣсь онъ не имѣетъ примѣненія. Въ самой Пензѣ, безъ сомнѣнія, есть много личностей, которыя лучше меня знаютъ и помнятъ этихъ красавицъ.

Къ лѣтнимъ явленіямъ слѣдуетъ отнести загородныя поѣздки наши разнаго рода. Если мѣста, куда предпринимались эти поѣздки, не имѣли ничего общаго ни съ вѣнскимъ Пратеромъ, ни съ флорентинскимъ Казино, римскимъ Монте-Пинчіо, парижскимъ Булонскимъ лѣсомъ, берлинскимъ Тиргартеномъ, и не могутъ представить ничего, достойнаго вниманія просвѣщенныхъ иностранцевъ, то для Пензы, по крайней мѣрѣ для малопросвѣщенной части ея обывателей, той части, къ которой принадлежала моя семья, тамошнія загородныя мѣста были также драгоцѣнны, какъ всѣ вышепомянутыя мѣста для французовъ, нѣмцовъ и итальянцевъ. Кромѣ того, можно навѣрно сказать, что истинный «русопетъ» въ этихъ чужестранныхъ, чистыхъ и изящныхъ мѣстахъ, зачастую скучаетъ. Въ ряду загородныхъ мѣстъ, по отношенію къ моей родной Пензѣ, моимъ воспоминаніямъ представляются прежде всего двѣ рощи: Очкинская и Монастырская. Первая стояла на Сурѣ и была самымъ любимымъ мѣстомъ загородныхъ прогулокъ для жителей всего города. Въ рощѣ была великолѣпная водяная мельница съ безчисленнымъ множествомъ поставовъ, тоже Очкинская, такъ что неизвѣстно, роща ли дала названіе

мельницѣ или мельница рощѣ. Въ прекрасный, лѣтній день моя семья собиралась туда. Смотрѣть на грозный водопадъ мельничной плотины, на шумъ и вращанье колесъ мельницы было однимъ изъ главныхъ удовольствій въ этой рощѣ. Случалось нерѣдко, что черезъ страшную плотину перегонялись плоты лѣса. Мы, т. е. дѣти, съ ужасомъ смотрѣли, какъ плотъ срывался съ высоты въ кипучую пучину, зарывался въ ней и скрывался совершенно на нѣкоторое время, а потомъ, въ значительномъ уже отдаленіи, показывался ребромъ изъ воды, выравнивался и плылъ далѣе. Еще болѣе дрожали мы, когда кто нибудь изъ плотовщиковъ, большею частью изъ татаръ, соглашался, за какой нибудь гривенникъ, броситься вмѣстѣ съ плотомъ въ бездну и вмѣстѣ съ нимъ вынырнуть. Мы не постигали, ка̀къ онъ могъ такъ долго оставаться подъ водой, а еще болѣе, ка̀къ могъ удержаться на плоту и не сорваться съ него. Мы дрожали отъ страха, что онъ неминуемо погибнетъ и успокоивались тогда только, когда, вмѣстѣ съ плотомъ, показывалась наконецъ изъ воды его мокрая, улыбающаяся и совершенно спокойная фигура. Когда потомъ, много лѣтъ спустя, на петербургскихъ гуляньяхъ я смотрѣлъ на такъ называемаго «человѣка рыбу», остающагося минуты двѣ въ стеклянной шкатулкѣ, наполненной водой, я не могъ не вспомнить татаръ моей родины и не подумать: «ну, любезный, то, чѣмъ ты дивишь петербургскій народъ, мой пензенскій татаринъ навѣрное сдѣлаетъ, особенно если передъ бритой фигурой, вмѣсто гривенника, блеснуть двугривеннымъ, а сдѣлаешь ли ты то, что онъ дѣлаетъ, ручаться не буду, да я думаю, и ты тоже».

Когда солнце сядетъ и всѣ утомятся отъ бѣганья и прогулокъ по прелестной рощѣ, та же долгуша перевозила насъ обратно, а черезъ нѣсколько времени прогулка повторялась. Въ Троицынъ день, въ Очкиной рощѣ бывало народное гулянье и разнородныя толпы наполняли ее съ самаго ранняго утра.

Другая роща принадлежала мужскому монастырю и стояла совершенно въ противуположной сторонѣ отъ Очкинской. Роща монастырская далеко не пользовалась такою популярностію и народной любовью, какъ Очкинская. Прогулокъ въ монастырскую рощу на долгушѣ я не помню. Только въ Вознесенье я всегда отправлялся туда утромъ къ обѣднѣ. День Вознесенья былъ храмовымъ праздникомъ монастыря, и можно безъ преувеличенія сказать, что съ утра весь городъ передвигался туда. Я живо помню это шумное и веселое передвиженіе. Самая дорога отъ города къ монастырю, на протяженіи двухъ или трехъ верстъ, покрытая толпами народа, обращалась въ гулянье. Дни этихъ праздниковъ, по самому времени года, были большею частью прекрасные. Солнце заливало лучами и долину, по которой шла дорога и живую, безконечную ленту богомольцевъ, извивавшуюся по ней.

По прибытіи въ монастырь, однѣ толпы проходили прямо на кладбище и, располагаясь на могилахъ родныхъ и знакомыхъ, немедленно начинали пить и завывать; другія разсыпались по рощѣ, или по берегамъ рѣки Пензы, на которой она стояла; большинство же тѣснилось къ церкви, гдѣ въ этотъ день всегда совершалось торжественное архіерейское богослуженіе и исполнялся

знаменитый двухорный концертъ: «взыде Богъ»! привлекавшій массы.

Само собою разумѣется, что въ этотъ же день происходило въ монастырской рощѣ народное гулянье. Однѣ толпы, пришедшія съ утра въ монастырь, возвращались въ городъ, обѣдали, высыпались послѣ обѣда и вечеромъ возвращались въ монастырскую рощу. Другія толпы, простонародныя и несравненно болѣе многочисленныя, оставались тамъ съ утра и продолжали неустанно пить и пѣть, такъ что роща положительно весь день наполнялась народными массами и оглашалась разнородными пѣснями, раздававшимися на всѣхъ пунктахъ. Вся роща покрывалась сплошь орѣховой скорлупою, ибо, послѣ вина, щелканье орѣховъ составляло въ то время любимое народное удовольствіе. Народъ расходился уже поздно ночью, а часть его и вовсе не расходилась, большею частію потому, что не имѣла къ тому возможности, и засыпала подъ лѣтнимъ небомъ.

Къ числу обычныхъ нашихъ загородныхъ поѣздокъ надобно отнести и поѣздки въ такъ называемый казенный садъ, или по офиціальному, училище садоводства; но справедливость требуетъ сказать, что здѣсь самая поѣздка собственно и составляла главное удовольствіе. Самый садъ училища былъ расположенъ на ровной, сухой, пустынной и неоживленной мѣстности. Никакой рощи, зеленой и веселой, тутъ не было, точно также, какъ не было и самомалѣйшей рѣченки. Ровное пространство засажено было мѣстами такъ называемыми «школами деревъ», интересными для знатоковъ, а не для простыхъ людей, ожидающихъ отъ загородной прогулки

не ученыхъ свѣдѣній, а обычныхъ удовольствій. Мѣсто это было застроено также оранжереями, полными, какъ говорили, садоводственныхъ чудесъ разнаго рода. Мой отецъ, осматривая всѣ эти устройства въ сопровожденіи друга своего Макзига, повидимому испытывалъ великое наслажденіе; но мы, дѣти, какъ ни старались намъ внушить прелесть, рѣдкость и драгоцѣнность какого нибудь цвѣтка, чувствовали неодолимую наклонность къ зѣвотѣ и грустно сознавали, что въ этомъ скучномъ, ученомъ мірѣ, недоступно ни одно изъ тѣхъ рѣзвыхъ удовольствій, которыми надѣляли насъ веселыя рощи, а о самоварѣ, поставленномъ на зеленомъ лугу и окруженномъ сливками, сдобными булками и всевозможными снадобьями, и думать было нечего. Дѣло оканчивалось большею частію тѣмъ, что отецъ забиралъ множество какихъ то прутьевъ, которыми расчитывалъ украсить свой садъ, бережно укладывалъ ихъ въ долгушу, и мы печально возвращались во свояси.

Изъ рѣдкихъ поѣздокъ я долженъ упомянуть о поѣздкахъ въ деревню моего дяди, пензенскаго исправника, Алексѣя Ѳедоровича Мура. Такъ какъ личность его неразрывно связана съ воспоминаніями о моемъ дѣтствѣ, и житьѣ на родинѣ, то я и рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ о немъ самомъ. Я говорилъ уже, что это былъ истинный молодецъ, по богатырской силѣ и безпримѣрной смѣлости. Пензенскіе старожилы разскажутъ о немъ такія чудеса, которымъ въ нынѣшнее время и вѣрить трудно. Манеры его были чрезвычайно изящны, вѣжливость его заходила даже за предѣлы. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, а это было почти ежедневно, расшар-

киваньямъ его не было конца, а послѣ расшаркиваній начиналось цѣлованіе ручекъ у женской половины; смѣшно было видѣть, какъ онъ изгибался, чтобъ подходить къ ручкѣ моихъ маленькихъ сестеръ. Отецъ мой особенно, да и мать тоже, не совсѣмъ пріязненно смотрѣли на эту утонченность и когда дядя уѣзжалъ, нерѣдко говорили: «іезуитъ! право іезуитъ»! Что̀ они подразумѣвали подъ этимъ словомъ, объяснить трудно, ибо кромѣ этой безпредѣльной и дѣйствительно утрированной вѣжливости, въ немъ не было рѣшительно ничего, что давало бы основаніе называть его «іезуитомъ». Въ нашемъ родственномъ мірѣ, какъ и во всѣхъ родственныхъ мірахъ, нерѣдко возникали разнородныя пререканія, недоумѣнія и даже легкія ссоры, но я рѣшительно не помню, чтобъ мой дядя игралъ въ этомъ случаѣ какую нибудь роль, да и играть ее онъ не былъ вовсе способенъ, до такой степени онъ постоянно былъ добръ, веселъ и беззаботенъ.

Семейство его было очень многочисленно, какъ вообще всѣ провинціальныя семейства. Всѣ его сыновья и дочери имѣли совершенно не русскія физіономіи. Не проходило дня, въ который бы наши семейства не видѣлись въ частяхъ. Въ праздничное же время, они рѣшительно сливались. Если принять во вниманіе, что дядя былъ помѣщикъ, хотя и небольшой, что въ тоже время онъ былъ исправникъ, т. е. могущественный повелитель всѣхъ сельскихъ міровъ, окрестъ Пензы лежащихъ, то станетъ понятно, какія массы людей и лошадей находились въ его домѣ и какія обильныя средства сосредоточивались тамъ для осуществленія всевозможныхъ затѣй, какія только

приходили въ наши головы. Дядя ни въ чемъ намъ не отказывалъ.

Верстахъ въ 30-ти отъ Пензы ему принадлежало небольшое имѣніе «Загоскино». У него были и другіе земляные клочки, тоже небольшіе, но я ихъ не помню. Загоскино же безпрестанно было на языкѣ у семейныхъ дяди, ибо они постоянно или туда отправлялись, или оттуда возвращались. Наше семейство весьма рѣдко навѣщало эти владѣнія. Отецъ, занятый службою, не могъ бросать и на минуту такой должности, какъ должность казначея. Мать, вообще женщина болѣзненная, стѣснялась своими недугами и не хотѣла оставлять даже на короткое время своего благовѣрнаго. Но я живо помню, что бывалъ тамъ лѣтомъ и зимой. Само собою разумѣется, что лѣтнія поѣздки оставили во мнѣ болѣе живое воспоминаніе. Непостижима сила, съ какою былыя впечатлѣнія врѣзываются въ дѣтской памяти. Десятки лѣтъ зрѣлаго возраста проходятъ безслѣдно, представляются бѣлымъ листомъ, на которомъ ничего не написано. Все какъ то сливается и ничто не выдается рельефно. Но годы дѣтства ясны, какъ будто только вчера прошли. Не смотря на то, что я бывалъ въ «Загоскинѣ» десятилѣтнимъ ребенкомъ, т. е. пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, малѣйшая подробность живо стоитъ предо мной и я могъ бы нарисовать ее. Вотъ барскій домъ, весьма неказистый, но просторный; при домѣ садъ большой, запущенный, заросшій и обильный ягодами всѣхъ сортовъ. Когда надобно было отыскать кого нибудь изъ дѣтей, прежде всего бросались въ садъ и, подъ кустами крыжовника, малины или смородины, непремѣнно находили кого

нужно, погруженнаго въ истребленіе ягодъ, которыя истребить, однако, было невозможно. Въ одну сторону отъ дома, въ гору, въ полѣ, стояла вѣтреная господская мельница и мы, дѣти, забавлялись передвиженіемъ ея, вмѣстѣ съ крыльями, посредствомъ привода, существующаго у всѣхъ вѣтреныхъ мельницъ. Въ противуположной сторонѣ, подъ гору, стояла кузница, которая была для насъ, дѣтей, чѣмъ то въ родѣ клуба; неизвѣстно почему и для чего, но мы постоянно тамъ болтались; всего вѣроятнѣе привлекало насъ производство кузнечныхъ работъ, сопряженныхъ съ раскаливаніемъ желѣза, ударами тяжелаго молота и огненнымъ дождемъ искръ, разсыпавшихся при ударахъ во всѣ стороны. За кузницой протекала маленькая рѣченка, конечно не означенная ни на какой географической картѣ, а на рѣченкѣ плавали стада гусей и утокъ, покрывавшія близъ-лежащее водное пространство своими перьями и пухомъ. Все это я могъ бы нарисовать, прибавивъ близъ берега бабу съ голыми икрами, выбивающую валькомъ грязное крестьянское бѣлье; если тутъ же раскидать по берегу кадки, дровни и разную рухлядь, и поставить среди этой мелководной рѣченки разбитую, крестьянскую клячу, задумчиво повѣсившую голову, ландшафтъ вышелъ бы недурной.

Что̀ мы дѣлали въ «Загоскино», когда пріѣзжали туда, сказать трудно; вѣрнѣе ничего не дѣлали, если несчитать дѣломъ ѣду, спанье, купанье и катанье по окрестнымъ мѣстамъ.

Въ числѣ этихъ мѣстъ, я живо помню такъ называемый господскій пчельникъ, отстоявшій отъ Загоскина

верстахъ въ десяти, помню стараго сѣдого и бѣлаго, какъ лунь, пасѣчника, помню рѣшительно все, малѣйшія подробности. Помню прекрасный лѣтній день. Съ утра объявлена была поѣздка на пчельникъ. Большинство должно было ѣхать на извѣстныхъ въ деревенскомъ быту дрогахъ, инструментѣ, состоящемъ изъ двухъ длинныхъ жердей, положенныхъ на колеса и укрытыхъ коврами. На этихъ дрогахъ должны были слѣдовать всѣ лица женскаго пола, всѣ маленькія дѣти, вся прислуга и вся кладь, неизбѣжно сопровождающая подобныя поѣздки, съ самоваромъ въ главѣ. Сюда же должны были примкнуть люди степенные, пожилые, мужского рода. Многіе отправлялисъ верхомъ и мнѣ тоже было объявлено что и я ѣду верхомъ! Съ минуты этого объявленія, мнѣ кажется, я только и дѣлалъ, что краснѣлъ, блѣднѣлъ и волновался на всѣ лады. Я чувствовалъ, сознавалъ, что со мной имѣетъ совершиться нѣчто необычайное. Поѣздка должна была послѣдовать тотчасъ послѣ обѣда, а потому еще предъ обѣдомъ всѣ дроги и верховыя лошади были уже вытянуты на господскомъ дворѣ. Когда всѣ сѣли за столъ, я не сѣлъ, какъ меня ни принуждали къ тому, а все время вертѣлся подлѣ коня, мнѣ назначеннаго и велъ оживленные переговоры съ кучерами и конюхами о качествахъ и привычкахъ моего коня, съ цѣлію вывѣдать, нѣтъ ли у него какихъ таинственныхъ замашекъ и наклонностей, въ слѣдствіе которыхъ я могъ совершенно неожиданно свернуть себѣ шею. Конь этотъ былъ одною изъ старыхъ клячъ, всегда имѣвшихся на господскихъ дворахъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и приносящихъ своего рода пользу

по части привоза воды, вывоза навоза и т. п. Другой лошади десятилѣтнему мальчишкѣ, никогда не взбиравшемуся на сѣдло, и дать было нельзя. Но я былъ убѣжденъ, что конь и я, оба мы достойны другъ друга и что если не вспорхнемъ на небо, то на землѣ, конечно, оставимъ все и всѣхъ назади. Всѣ эти радостныя мечтанія были омрачены внезапнымъ дождемъ. Хотя тучи скоро исчезли и солнце заиграло съ новымъ блескомъ, земля однако значительно увлажилась, и степенные люди замѣтили, что лошадямъ будетъ тяжело и ихъ всѣхъ забрызжетъ грязью и что лучше бы отложить поѣздку до другого раза. На это другіе возражали, что все уже уложено и будетъ много хлопотъ теперь разбирать хозяйственный хламъ, для того, чтобы завтра опять собирать, что грязь небольшая, что солнышко опять сильно грѣетъ и скоро все подсушитъ. Каково это было слушать мнѣ, которому судьба посулила уже несказанное наслажденіе, а теперь готовилась снова отнять его. Едва ли кто изъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, съ бо̀льшимъ ужасомъ ожидалъ рѣшенія своей судьбы отъ приговора присяжныхъ, нежели я ожидалъ заключенія этихъ переговоровъ. Куча мальчиковъ и дѣвочекъ, къ которымъ и я принадлежалъ, не забывала въ это время выть и хныкать самымъ неотвязчивымъ образомъ и безъ сомнѣнія этимъ нытьемъ много вліяла на исходъ преній. Поѣздка состоялась. Для меня собственно она имѣла интересъ со стороны верховой ѣзды, хотя первый мой дебютъ на этомъ поприщѣ былъ не вполнѣ удаченъ. Когда все тронулось рысью, я, несмотря на всѣ старанія, умудрялся постоянно отставать, хотя, трясясь на своемъ буцефалѣ, выказывалъ величайшее самоотверженіе, ибо по-

стоянно терялъ стремена и удерживался въ сѣдлѣ только за гриву лошади. Я видѣлъ однако, что слава моя, какъ джигита, будетъ совершенно помрачена, если я не употреблю всевозможныхъ средствъ къ ускоренію нашего движенія. Съ этою цѣлію я не переставалъ понуждать моего коня и наконецъ добился того, что онъ поднялся въ галопъ. Когда, въ слѣдствіе новыхъ его движеній, я самъ сталъ испытывать новыя ощущенія, мнѣ казалось, что быстрота наша доведена до крайней степени и больше уже рѣшительно не оставалось ничего дѣлать. Мнѣ страннымъ только казалось, что несмотря на такое убѣжденіе, я видѣлъ, что другіе мои товарищи все таки меня обгоняютъ.

Въ одну изъ зимнихъ поѣздокъ праздновалась тамъ какая то свадьба родственника. Не многіе дни, тамъ проведенные, прошли въ безпрерывномъ пѣніи и такомъ же истребленіи разнородныхъ питей. Другая зимняя поѣздка туда была на масляницѣ, при постоянномъ «подпитіи» старшихъ, при нескончаемыхъ играхъ и затѣяхъ младшихъ и безпрерывномъ катаньи.

Дядя Алексѣй Муръ, почти въ той же степени, какъ и саратовскій дядя Иванъ Муръ, былъ величайшій лошадникъ, только въ другой формѣ. Въ слѣдствіе близости калмыцкихъ и киргизскихъ степей, откуда пригонялись въ Саратовъ дикія лошади цѣлыми стадами или косяками, онъ покупалъ исключительно лошадей этого рода, объѣзжалъ ихъ и постоянно возился съ ними, стараясь, и кажется большею частью безуспѣшно, объѣздить ихъ, потомъ продавалъ однихъ, снова покупалъ другихъ и такъ безъ конца. Приведу нѣкоторыя черты этой головоломной

охоты. Лошадь изъ табуна или косяка — чистый звѣрь. Не только заложить ее въ какой нибудь экипажъ или осѣдлать—къ ней просто подступиться невозможно. Дѣло начинается съ того, что когда въ самомъ табунѣ вы намѣтите лошадь, которая вамъ понравилась по складу, шерсти и пришлась по деньгамъ — калмыки, верхомъ на подъученныхъ лошадяхъ, съ арканами въ рукахъ, начинаютъ кружить вокругъ табуна; табунъ, т. е. сотни лошадей, начинаетъ тревожиться, волноваться, переливаться. При этихъ передвиженіяхъ калмыки сосредоточиваютъ все вниманіе на избранной лошади и когда подойдетъ соотвѣтственный моментъ, они накидываютъ ей на шею арканъ и тутъ начинается цѣлая исторія, мало пріятная для постороннихъ. Пойманная лошадь мгновенно взвивается на дыбы и начинаетъ биться, визжитъ, пока горло еще не совсѣмъ затянуто арканомъ, потомъ хрипитъ, глаза, налитые кровью, готовы выскочить, изо рта валитъ пѣна и наконецъ, изнеможенная, почти задавленная, она падаетъ на землю; калмыки бросаются къ ней и начинаютъ опутывать ее веревками, а затѣмъ передаютъ въ ваше распоряженіе покупку. Ее привязываютъ, опять таки за шею, къ задку телеги, запряженной другою лошадью и такъ волокутъ къ мѣсту назначенія, предоставляя ей на этомъ переходѣ биться, визжать, храпѣть и хрипѣть, сколько угодно.

Я живо помню фигуры, видъ, черты лица двухъ главнѣйшихъ изъ мастеровъ укротителей лошадей. Это были Петрушка и Сидоръ. Петрушка былъ умный, ловкій, красивый парень, еще мальчишкой взятый на господскій дворъ моего дяди. Онъ былъ главнымъ дѣятелемъ при ус-

миренія дикихъ лошадей и, въ тоже время, самымъ ловкимъ изъ дядиныхъ кучеровъ. При такомъ составѣ лошадей, при такихъ характерахъ ихъ и привычкахъ, они постоянно били, т. е. подхватывали при малѣйшемъ случаѣ и неслись какъ угорѣлыя, пока не ударялись въ стѣну, или не сваливались въ какую нибудь кручу. Между тѣмъ дешевизна этихъ лошадей дѣлала то, что онѣ были у всѣхъ. Отсюда же происходило и то, что чуть не ежедневно можно было слышать, что того или другого лошади разбили. Само собою разумѣется, что здѣсь опытность и ловкость кучеровъ имѣла громадное значеніе. Однѣ и тѣ же лошади съ однимъ кучеромъ разобьютъ, а съ другимъ поѣдутъ и возвратятся благополучно. Умный и ловкій Петрушка славился необычайнымъ искуствомъ, до такой степени, что старыя барыни съ однимъ кучеромъ ни за что не поѣдутъ, а съ Петрушкой ѣдутъ совершенно спокойно, въ увѣренности, что съ ними ни какой исторіи не произойдетъ и онѣ вернутся здравы и невредимы. Ѣздокъ онъ тоже былъ удивительный и умѣлъ поддерживать репутацію и собственную свою, и своихъ лошадей, и своего барина. У нихъ съ бариномъ была гнѣдая тройка. Въ корню былъ степенный и небольшой конь, весьма смирный. Хотя его называли рысакомъ, но это не былъ рысакъ въ классическомъ смыслѣ, т. е. большой длинноногій конь, дѣлающій громадные махи, выбрасывающій ноги рѣдко да мѣтко и несущій задніе ноги чрезвычайно широко. Это былъ просто быстрѣйшій конь, летящій безъ всякихъ правилъ и всѣхъ опережающій, одинъ изъ тѣхъ самородковъ, которые появляются во всѣхъ отрасляхъ и на всѣхъ поприщахъ. Дядинаго «гнѣдого» помнитъ вѣ-

роятно весь Саратовъ, потому что тамъ страсть къ лошадямъ развита была въ сильнѣйшей степени, а гнѣдой совершалъ множество такихъ подвиговъ по части быстроты, которые вполнѣ достойны памяти. Дядя много хлопоталъ о прiисканiи такихъ пристяжныхъ, которыя бы соотвѣтствовали быстротѣ и силѣ гнѣдого. Эти пристяжныя часто перемѣнялись за негодностью. Лѣвую пристяжную я живо помню. Это былъ чортъ, а не лошадь. Прежде всего она поражала широкимъ складомъ, что казалось вовсе не шло къ пристяжной. Горячность ея была поразительна и напоминала сказки о тѣхъ лошадяхъ, у которыхъ изъ ноздрей пламя пышетъ. Какъ только, бывало, тронется экипажъ съ мѣста, глаза ея, безъ всякой надобности, нальются кровью, какъ у бѣшенаго звѣря, хвостъ отлетитъ на сажень и распустится по воздуху, а сама такъ совьется въ кольцо, что голова ея постоянно находилась въ сосѣдствѣ съ распущеннымъ хвостомъ. Я побаивался безотчетно этой лошади тѣмъ болѣе, что въ ней дѣйствительно были неблагонамѣренныя наклонности подхватить; но руководимая искуснымъ Петрушкой и регулируемая почтеннымъ и солиднымъ коренникомъ, «гнѣдымъ», эта тройка доставляла своимъ сѣдокамъ одно наслажденiе, и никогда ни малѣйшей тревоги.

Другимъ мастеромъ дѣла былъ Сидоръ, мужиченка, на видъ очень ледащiй. Онъ не былъ даже кучеромъ. Если Петрушка дѣйствовалъ преимущественно умомъ, смѣткою и ловкостью, то Сидоръ отличался безпримѣрною, сумасшедшею смѣлостью. Отъ этого происходило, что если Петрушка былъ поломанъ нѣсколько, то Сидоръ положительно былъ весь изломанъ. У него рѣшительно не было

ничего цѣлаго: ни ноги, ни пальца, ни ребра. Онъ и жизнь свою покончилъ довольно рано, именно въ слѣдствіе этихъ благопріобрѣтеній. Дѣло усмиренія и обученія дикихъ лошадей начиналось слѣдующимъ, довольно топорнымъ, образомъ: ее выводили на огородъ, на широкій дворъ или вообще на довольно пустынное мѣсто. Такъ какъ приближеніе къ ней добрымъ порядкомъ рѣшительно было невозможно, то ее спутывали и валили на землю, и на землѣ уже, лежачую, осѣдлывали. Когда операція эта оканчивалась, ее освобождали до нѣкоторой степени, удерживая, однако, концы веревокъ въ рукахъ, а Сидоръ обязанъ былъ приловчиться такимъ образомъ, чтобы вскочить въ сѣдло въ тотъ самый моментъ, когда лошадь будетъ подниматься. Лошадь вскакивала, начинала биться, визжала, падала, опять вскакивала; но Сидоръ, какъ приклеенный, торчалъ въ сѣдлѣ, получая при этихъ паденіяхъ и вскакиваніяхъ соотвѣтственные пинки и увѣчья. Случалось, что послѣ подобныхъ операцій, Сидора на рукахъ замертво относили въ избу, но онъ скоро оживалъ и оправлялся, а затѣмъ опять изловчался, чтобъ вскочить на туже или другую, такую же бѣшеную, лошадь и снова съ ней кувыркаться. Почти тѣже пріемы употреблялись и въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагалось ознакомить лошадь съ запряжкой въ экипажъ. Точно также валили ее на землю, надвигали на нее телегу или сани, припутывали лошадь къ тому или другому экипажу, насаживались на него въ возможно большемъ количествѣ и предоставляли ей свободу подняться. Точно также она вскакивала, бѣшено билась, опять падала, опять вскакивала, ломала экипажъ, рвала сбрую и дѣло большею ча-

стью оканчивалось разстройствомъ. Дядя любилъ это искуство собственно «для самого искуства» во имя ловкости, смѣлости, настойчивости, которая здѣсь требовалась. Вѣдь любятъ же травить зайцевъ, ходить на медвѣдя, тоже преимущественно во имя удали, съ которою сопряжены эти забавы. Пользы мало было отъ занятій моего дяди съ его бѣшеными и не покорными лошадьми. Я по крайней мѣрѣ рѣшительно не помню, чтобъ какая нибудь изъ этихъ лошадей приняла солидный видъ и сдѣлалась годною въ упряжь: сегодня проѣдетъ хорошо, завтра разобьетъ и отъ этого на нихъ всегда страшно было ѣздить. Разбойничьи наклонности никогда не оставляли ихъ, и если этотъ родъ лошадей держался въ нѣкоторыхъ обывательскихъ домахъ, то единственно во имя ихъ не обычайной дешевизны.

У пензенскаго дяди Алексѣя Мура конныя дѣла шли иначе. Онъ тоже постоянно покупалъ и продавалъ лошадей. При частыхъ посѣщеніяхъ нашего дома онъ большею частію показывалъ новую лошадь, объяснялъ, гдѣ купилъ, за что купилъ и въ чемъ состоятъ особенныя ея достоинства. Подобно саратовскому дядѣ, прославившемуся своимъ гнѣдымъ, пензенскій дядя имѣлъ своего знаменитаго рыжаго рысака, памятнаго пензенскимъ лошадникамъ. Вообще это дѣло шло у пензенскаго дяди болѣе солиднымъ образомъ и напоминало нѣсколько коннозаводственную организацію, хотя въ скромномъ размѣрѣ. Въ Загоскинѣ было у него нѣсколько матокъ и жеребцовъ. На масляницѣ съ господскаго двора выѣзжало много саней на деревенскую улицу, и эти сани, вмѣстѣ со множествомъ крестьянскихъ саней, образовывали двѣ довольно

длинныя линіи, напоминавшія правильныя городскія катанья. Но правильность эта совершенно разрушалась буйствомъ двухъ жеребцовъ. Когда оба жеребца слѣдовали въ одной линіи и не видѣли другъ друга, дѣло шло довольно чинно. Какъ только, при поворотѣ тѣхъ или другихъ саней въ другую линію, жеребцы получали возможность узрѣть другъ друга, тотчасъ заваривалась каша. Несмотря на возжи, удары бичей, жеребцы, во всей упряжи, вмѣстѣ съ санями, яростно бросались другъ на друга, мы съ визгомъ и крикомъ выскакивали изъ саней, линіи останавливались, мужики сбѣгались къ мѣсту происшествія, старались разнять соперниковъ и достигали умиротворенія, но конечно не надолго, ибо, при новомъ поворотѣ, начиналась опять та же исторія. Эти всенародныя, такъ сказать, битвы свирѣпыхъ жеребцовъ, особенно отпечатались въ моей дѣтской памяти и рельефно отмѣтили одинъ изъ моментовъ моего пребыванія въ дядиномъ «Загоскино.»

А поѣздки въ Саратовъ и поѣздки изъ Саратова! Сколько отрадныхъ воспоминаній возбуждаютъ онѣ; когда бывало скажутъ: «Васинька! ты тоже ѣдешь», кажется тебя обдало какимъ то блаженствомъ, не вѣдомымъ и недоступнымъ для другихъ. Изъ головы мгновенно все ушло и замѣнилось единственно картинами предстоящаго путешествія, воображеніе неустанно рисуетъ самого себя во всевозможныхъ положеніяхъ и среди всевозможныхъ мѣстностей: и въ поляхъ, и въ лѣсу, и на горѣ и подъ горой. Ѣхать день, ѣхать два, даже три, ѣхать утромъ, вечеромъ, въ полдневный жаръ и въ вечернюю прохладу,

забыть всевозможныхъ учителей и всевозможныя книги— развѣ это не блаженство?

Въ Саратовѣ жили, какъ я сказалъ уже, дядя Иванъ Муръ и тетка, Дарья Ѳедоровна, родная сестра моей матери. Прибытіе къ намъ въ Пензу той или другой отрасли саратовскихъ родныхъ составляло для насъ эпоху, которой задолго предшествовали многіе письменные переговоры. Случалось, что пріѣздъ ихъ много разъ назначался, столько же разъ откладывался и нерѣдко вовсе отмѣнялся. Въ то время сдѣлать переѣздъ отъ Пензы до Саратова едва ли не было хлопотливѣе и, во всякомъ случаѣ, не удобнѣе, чѣмъ въ настоящее время облетѣть Европу. Это происходило отъ первобытнаго состоянія нашихъ сообщеній, а еще болѣе отъ медвѣжьей неповоротливости нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Когда переговоры приходили къ окончанію и пріѣздъ дядиной или теткиной семьи совершался благополучно, нашъ домъ принималъ болѣе веселый видъ. Все время пребыванія ихъ у насъ было безпрерывнымъ праздникомъ. Обычное теченіе дѣлъ и, что лучше всего, ученіе и связанные съ нимъ противные уроки, предавались если не совершенному забвенію, то какому то равнодушному воззрѣнію, ибо все сосредоточивалось на усиліяхъ сдѣлать пребываніе гостей у насъ сколь можно пріятнымъ. Съ этою цѣлью дѣлались безпрерывно загородныя поѣздки, званые вечера; или у насъ были постоянно гости, или мы отправлялись въ гости. Когда начинало приближаться время обратнаго отъѣзда родныхъ, мы, дѣти, начинали тоскливо призадумываться, а когда наступалъ дѣйствительно роковой моментъ разлуки, вмѣстѣ съ нимъ наступалъ и моментъ всеобщаго пла-

ча, которымъ сопровождалась всякая разлука. Вмѣстѣ съ слезами старшихъ и мы, дѣти, проливали обильные ручьи слезъ.

Сборы нашей семьи въ Саратовъ, также начинались предварительными письменными переговорами. Понятно, что семья наша, въ цѣломъ ея составѣ, никакъ не могла тронуться въ путь уже потому, что отецъ и на одинъ день не могъ оставить своей казначейской должности; а какъ скоро оставался отецъ, то оставался кто нибудь изъ дѣтей, такъ что счастіе саратовскихъ поѣздокъ доставалось намъ въ очередномъ порядкѣ. Когда устанавливался окончательно день отъѣзда, набожная мать начинала служить напутственные молебны, причемъ заранѣе раздавались всхлипыванія и ронялись слезы, Наталья заготовляла многообразные съѣстные припасы на дорогу, а косой Митька оправлялъ дорожную бричку, т. е. простую телегу съ рогожнымъ верхомъ, который почему то назывался «волчкомъ.» Всѣ эти распоряженія были хлопотливы и сложны. Наступалъ наконецъ день отъѣзда. Повозка или бричка закладывалась знаменитымъ пѣгимъ конемъ, въ сообщничествѣ съ пристяжною и подавалась къ крыльцу. По дому и даже по двору начиналось хлопотливое бѣганье во всѣ стороны и по всѣмъ направленіямъ. Всѣ лица принимали чрезвычайно озабоченное выраженіе. Раздавался немолчный говоръ, среди котораго слышалось то или другое приказаніе. Повозка заваливалась до невозможности множествомъ подушекъ и разнообразными кулечками и ящиками всевозможныхъ формъ и размѣровъ. Когда подготовительныя мѣры приходили къ окончанію, всѣ по русскому обычаю, чинно разсаживались въ комнатѣ,

чрезъ нѣсколько минутъ поднимались и начинали молиться. Затѣмъ приступали къ послѣднему прощанью, причемъ дружно начинали раздаваться рыданія.

Я прежде уже говорилъ, что отъ Пензы до Саратова считалось, по выраженію извощиковъ, два девяноста, т. е. 180 верстъ. Путь этотъ, на долгихъ, т. е. не на почтовыхъ лошадяхъ совершался въ три дня. Движеніе совершалось большею частью шагомъ; рѣдко гдѣ косой возница нашъ припугнетъ лошадей и онѣ пойдутъ рысцой, но такая роскошь допускалась и весьма рѣдко и весьма кратковременно. Но какъ ни скучно было такое медленное движеніе, еще скучнѣе были такъ называемыя «кормежки», т. е. остановки для кормленія лошадей, убійственныя по своей продолжительности. Движеніе, какъ бы оно ни было медленно, все таки движеніе, мѣняющее передъ вами постоянно разнообразные виды, занимающее васъ и, хотя по немногу, подвигающее къ цѣли. А просидѣть на грязномъ, постояломъ дворѣ, или пролежать часа три, четыре, пока лошади выстоятся, когда зададутъ имъ сѣна, потомъ зададутъ овса, когда поведутъ ихъ поить, когда лѣнивый Митька начнетъ подмазывать бричку, потомъ, когда начнетъ закладывать лошадей. Даже и теперь тошно подумать, что я на постояломъ дворѣ и выдерживаю пытку этой знаменитой на Руси, «кормежки». Но «кормежка» наконецъ кончилась и наша бричка опять покатилась потихоньку. Такъ катилась она всѣ предлежавшія ей два девяноста, перекатилась чрезъ маленькій уѣздный городъ Петровскъ, стоявшій на половинѣ дороги и прикатилась наконецъ въ Саратовъ. Во все время этого путешествія одно обстоя-

тельство постоянно тревожило меня и возбуждало разногласіе съ матерью: мы отправлялись въ путь безъ всякихъ видовъ, паспортовъ и какихъ либо письменныхъ документовъ,—простота и патріархальность тѣхъ временъ дѣлали ихъ совершенно не нужными и люди могли передвигаться въ предѣлахъ Россійской имперіи также свободно, какъ птицы небесныя. Но мнѣ тогда казалось, что такъ нельзя, что паспортъ необходимъ и что безъ паспорта можно бѣду нажить, что какой нибудь солдатъ или полицейскій вдругъ спроситъ насъ: «а что вы за люди? Покажите-ка ваши паспорта!» И тогда насъ задерживаютъ, какъ людей безпаспортныхъ, подозрительныхъ и мы пропали! Эти мысли я постоянно старался внушить моей матери, требуя величайшей осторожности, въ особенности, когда она приходила въ негодованіе при расчетахъ съ хозяевами постоялыхъ дворовъ, стремившихся, по русскому обычаю, обсчитывать каждаго при всякомъ случаѣ. Но мудрыя внушенія мои не производили на нее желаемаго впечатлѣнія.

Саратовъ производилъ на меня сильное впечатлѣніе, прежде всего, обиліемъ плодовъ земныхъ. Это казалось былъ городъ исключительно яблоковъ и арбузовъ. Эта отличительная черта тамошней мѣстности сразу бросалась въ глаза каждому, въѣзжающему въ предѣлы Саратовской губерніи. Какъ только вступали вы въ эти предѣлы, васъ тотчасъ обступали со всѣхъ сторонъ или «бахчи» съ разсѣянными на нихъ въ безчисленномъ множествѣ арбузами и дынями, или сады съ ихъ высокими «чигирями». Охраненіе «бахчей» съ ихъ безчисленными плодами отличалось порядкомъ, истинно прими-

тивнымъ; среди обширной «бахчи» воздвигали едва видимый шалашъ, а въ шалашѣ предполагался, только почти никогда не сидѣлъ, какой нибудь старикашка изъ крестьянъ или отставныхъ солдатъ, въ качествѣ сторожа. Отъ этого происходило, что только лѣнивый не пользовался даровыми арбузами и дынями. Всѣ идущіе или ѣдущіе по дорогѣ были съ громадными кусками арбуза, добытаго безданно, безпошлинно, съ близь лежащей «бахчи», и разбитаго объ дерево на большія и неровныя части. И что можетъ сдѣлать старикъ, поставленный для охраненія бахчи? Онъ большею частью невидитъ похищенія, а и видитъ, такъ что̀ можетъ сдѣлать? За исключеніемъ того, что старческимъ голосомъ произнесетъ нѣсколько ругательствъ и угрозъ, совершенно не дѣйствительныхъ, такъ какъ онъ не имѣетъ средствъ догнать похитителя, да если бы и догналъ, то ему же было бы хуже и его же бы отколотили, ибо среди поля на законную и справедливую защиту расчитывать плохо. И вообще, догонять и ловить похитителя представляется дѣломъ сомнительнымъ и рискованнымъ. Всѣ эти восклицанія: «вотъ я тебя, мошенникъ ты проклятый. Постой! Вотъ я тебя! Погоди!» и т. п. эти «постой», да «погоди» имѣютъ весьма мало практическаго значенія. Въ моихъ послѣдующихъ поѣздкахъ по саратовскимъ мѣстамъ я не разъ былъ самъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ. Ѣдемъ бывало гдѣ нибудь степью. Вдругъ близь дороги бахча. Кучеръ прежде всего замѣтитъ ее и скажетъ: «эки арбузы-то! страсть!» Кто нибудь изъ «господъ», сидящихъ въ экипажѣ, замѣтитъ какъ будто вскользъ: «а что Иванъ! нельзя-ли попробовать?»—Иванъ

посмотритъ попристальнѣе на бахчу, какъ будто изучая ее, и хладнокровно промолвитъ: «чего же нельзя? можно!» Потомъ передавалъ кому нибудь возжи, для того, чтобы экипажъ продолжалъ идти, не останавливаясь, самъ направлялся къ бахчѣ и тащилъ оттуда арбузъ или два, смотря по размѣру. И подобный подвигъ или оканчивался совершенно благополучно, или имѣлъ результатомъ раздавшіеся откуда то издали старческіе хриплые крики: «ахъ ты разбойникъ этакой! Постой! Вотъ я тебя! Погоди!» Разбойникъ, не обращая на эти обычныя угрозы на малѣйшаго вниманія, спокойно усаживался на козлы, арбузъ съѣдался, а преслѣдователь спокойно оставался на своемъ мѣстѣ. Причиною отсутствія излишняго раздраженія съ обѣихъ сторонъ въ подобныхъ случаяхъ была невѣроятная дешевизна спорнаго предмета. Стоимость арбузовъ и дынь измѣрялась въ тѣхъ мѣстахъ копѣйками.

Сады саратовскіе представляютъ изумительное явленіе, съ которымъ я могъ довольно близко ознакомиться. Отецъ мой, потерявъ свою вѣрную подругу, подъ конецъ жизни переселился въ Саратовъ и на скопленные гроши купилъ садъ, лежавшій близъ города, почти на берегу Волги. Я посѣщалъ иногда отца въ его уединеніи и невольно изучилъ и его пріютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ саратовскіе сады. Вездѣ садъ забава, игрушка; здѣсь садъ цѣлое состояніе. Отецъ мой заплатилъ за свой садъ около 25,000 р. ас. и были годы, въ которые онъ получалъ дохода или аренды за съемъ яблоковъ по три тысячи руб. серебромъ. И это еще былъ садъ изъ маленькихъ. Мнѣ указывали въ Саратовѣ са-

ды больше въ десять разъ. Въ этомъ саду, какъ и во всѣхъ другихъ, былъ весьма помѣстительный домъ со всевозможными службами. Весь садъ засаженъ рядами маленькихъ яблонь, площадь, на которой онъ расположенъ, была почти ровная, съ легкимъ наклономъ съ одной стороны, возвышенной. Садъ былъ защищенъ не большою рощицей, въ которой единственно можно было найти нѣкоторую тѣнь и прохладу. Въ саду устроенъ былъ также «чигирь», постоянно дѣйствующій механизмъ топорной работы, очень схожій съ тѣмъ, которымъ въ Петербургѣ очищаютъ каналы, съ тою разницею, что здѣсь дѣйствуетъ паровая сила, а тамъ сила лошадей, вѣчно ворочающихъ придѣланный приводъ; здѣсь черпаками извлекается со дна и выбрасывается въ особо приготовленныя барки грязь, а тамъ такими же черпаками, только деревянными, захватывается изъ устроеннаго внизу бассейна или колодца вода, поднимается вверхъ, выливается въ устроенный вверху бассейнъ и оттуда, посредствомъ желобковъ, разливается по всему саду и наполняетъ ямочки, сдѣланныя вокругъ каждаго дерева, чтó и составляетъ главное условіе жизненности и процвѣтанія сада, ибо безъ чигиря, т. е. безъ поливанья мгновенно все омертвѣетъ. Тамъ ежедневно большія массы бабъ поденщицъ, вѣчно разсыпанныхъ по саду очищаютъ деревья и исполняютъ вообще множество трудныхъ и копотливыхъ работъ, безъ которыхъ успѣхъ невозможенъ. За то когда садъ вашъ побѣлѣетъ, т. е. когда всѣ деревья покроются цвѣтомъ и еще во всемъ саду нѣтъ ни одного яблока—промышленники или съемщики начинаютъ уже васъ атаковать ежедневно

своими предложеніями по части сдачи сада и даютъ тысячи, когда еще ничего нѣтъ. Торгъ оканчивается единственно на основаніи надеждъ, представляемыхъ однимъ цвѣтомъ, надеждъ, совершенно непонятныхъ для неспеціалистовъ, но нетолько совершенно ясныхъ для спеціалистовъ, а никогда имъ неизмѣняющихъ. Вы видите, когда придетъ пора, что̀ даютъ эти маленькія яблони, какими плодами и въ какомъ ужасающемъ количествѣ покрываются онѣ и какъ всѣ малѣйшія вѣтви каждой яблони поддерживаются безчисленными подпорками, безъ которыхъ эти вѣтви неминуемо обломились бы подъ страшнымъ бременемъ ихъ плодовъ.

Садъ моего отца не былъ такого капитальнаго достоинства, какъ другіе большіе сады, но, доставляя старику средства къ жизни, онъ, въ тоже время, представлялъ самую комфортабельную во всѣхъ отношеніяхъ дачу. Въ саду былъ весьма помѣстительный домъ со всѣми принадлежностями: сараями, погребами, и другими службами. По пріѣздѣ моемъ туда, я помѣстился въ этомъ домѣ. Какъ отцовскій садъ, богатый своей безъискуственной силой, не походилъ на прилизанныя петербургскія дачи, такъ точно и личности, составлявшія наше общество, не сходствовали съ столичными господами, сколько изящными, столько же сухими и холодными. Почти все время мы проводили среди зелени, со всѣхъ сторонъ обступавшей домъ и дни наши шли тихо, мирно, пріятно, однимъ словомъ по деревенски.

Вслѣдъ за моимъ пріѣздомъ я объявилъ однажды что 25 іюля, въ день именинъ моей жены, дамъ балъ съ илюминаціей. Объявленіе это взволновало весь городъ.

Жена моя имѣла надобность въ какой то туалетной безделкѣ и, для пріобрѣтенія ея, отправилась въ городъ къ модисткамъ. Двѣ или три изъ нихъ, къ которымъ она адресовалась, отвѣчали, что такой вещи нѣтъ готовой и сдѣлать ее скоро не могутъ, потому что онѣ завалены большими заказами, по случаю предстоящаго большого бала. «Гдѣ будетъ балъ?» спросила жена». «У пріѣзжихъ изъ Петербурга», отвѣчали онѣ. Я видѣлъ, что дѣло приняло оборотъ не шуточный и долженъ былъ волею-неволею заняться приготовленіями къ празднику.

Началось съ того, что я собралъ толпу людей, которая должна была изготовить безчисленное множество разноцвѣтныхъ фонарей и разнообразныхъ щитовъ. Въ тоже время мнѣ рекомендовали какого то талантливаго столяра, который по моимъ идеямъ построилъ весьма изящную галерею для танцовъ. Ангажированы были лучшіе повара, лучшіе офиціанты и музыканты. Наконецъ наступило 25-го іюля. Въ теченіе утра постоянно пріѣзжали къ намъ съ поздравленіями. Приглашенія на балъ разсыпались самымъ обильнымъ образомъ. Съѣздъ былъ назначенъ въ 8 часовъ вечера. Пріемъ гостей происходилъ во внутреннихъ компатахъ. Въ назначенный часъ садъ заблисталъ безчисленными огнями. Отъ дома, къ танцовальной галереѣ въ саду, вела особо сдѣланная деревянная открытая галерея, живописно илюминованная. Танцовальная галерея представляла мóре огня. Надъ входами съ четырехъ сторонъ горѣли щиты. Деревья обвѣшаны были разноцвѣтными фонарями, лужайки усыпаны шкаликами и плошками. Когда все было готово, я далъ знать отцу. Онъ взялъ подъ руку мою жену и черезъ рядъ внутрен-

нихъ комнатъ двинулся къ входу въ садъ. За нимъ потянулось все общество попарно. Съ приближеніемъ длиннаго польскаго, двери мгновенно распахнулись и массы огня ослѣпили всѣхъ. Южная ночь была, какъ говорится, чернѣе воронова крыла. Погода сначала стояла тихая до такой степени, что ни одинъ листочекъ не колыхался. Я мысленно благодарилъ за такую удачу небо, которое одной дождливой тучкой могло уничтожить всѣ мои затѣи. Польскій прошелъ подъ звуки оркестра, по расчищеннымъ и приготовленнымъ дорожкамъ сада и затѣмъ вошелъ въ танцовальную галерею, гдѣ и начались танцы.

Едва кончилась первая кадриль, какъ явилось обстоятельство, грозившее уничтожить не только весь праздникъ, но и пріютъ моего отца. Въ то время, какъ я занятъ былъ какими то распоряженіями, старшая сестра моя торопливо подошла ко мнѣ съ словами: «посмотри, что это?»

Я взглянулъ по направленію, которое она мнѣ указывала и ужаснулся. Изъ самаго огромнаго щита, укрѣпленнаго на главномъ входѣ въ танцовальную галерею и освѣщаемаго изнутри, валилъ дымъ и, въ тоже время, на полъ лились струи стеарина. Я мгновенно сообразилъ страшную опасность. Галерея вспыхнула бы какъ щепка, но она была соединена и съ домомъ, такъ что по крытой аллеѣ огонь мгновенно перешелъ бы на всѣ жилыя строенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, что до воспламененія щита остается одна минута и требовать лѣстницъ для снятія и отдѣленія его отъ галереи некогда. Я, не столько по расчету, сколько въ припадкѣ отчаянія, бросился въ галерею,

сдѣлалъ страшный прыжокъ вверхъ, какого не дѣлалъ ни одинъ балетный солистъ, схватилъ щитъ и сбросилъ его на полъ, не смотря на то, что онъ укрѣпленъ былъ гвоздями и веревками. На низринутаго врага бросилась толпа слугъ и гостей, сволокла его на траву и потушила. Мѣсто на полу, на которомъ онъ оставилъ значительные слѣды, мгновенно было вычищено и балъ закипѣлъ съ новою силою.

Я былъ вдвойнѣ доволенъ, сознавая, что отвратилъ напасть, грозившую празднику, но и сильнѣйшую опасность для всего отцовскаго дома и, въ тоже время, явилъ торжественно опытъ моей находчивости и силы. Балъ заключился ужиномъ въ той же галереѣ. Туземный поваръ хотѣлъ отличиться и подалъ такое пирожное, какого я не видывалъ: какой то за̀мокъ съ башнями, въ которомъ всѣ окна были илюминованы. При ближайшемъ разсмотреніи, штука оказывалась простою: надѣлавъ въ этомъ зданіи дырочекъ, въ видѣ окошекъ, онъ ухитрился поставить внутрь зажженную свѣчу, свѣтъ которой пробиваясь въ эти дырочки, производилъ замѣчательный эфектъ. Солнце уже всходило, когда гости начали разъѣзжаться.

Съ наступленіемъ сумерекъ, мимо нашего сада начали шмыгать экипажи, наполненные городскими жителями. Число этихъ экипажей постоянно увеличивалось. Такъ какъ входъ въ садъ, особенно подъ прикрытіемъ ночи не былъ затруднителенъ, то во время бала всѣ аллеи кишили народомъ. Ясно было, что владѣльцы экипажей хотѣли ближе разсмотрѣть подробности праздника.

Однимъ словомъ, планъ мой удался и осуществился са-

мымъ блистательнымъ образомъ. Въ мое время рѣдко можно было встрѣтить чиновнаго человѣка, который бы не былъ владѣльцемъ имѣнія, т. е. помѣщикомъ. Дѣло естественное, что дворяне большею частью владѣли имѣніями. Не удивительно также, что чиновная аристократія пріобрѣтала имѣнія. Удивительно то, что чиновная мелюзга тоже покупала имѣнія и владѣла ими. Какой нибудь секретарь, столоначальникъ, протоколистъ изъ семинаристовъ, какъ только почувствуетъ въ своемъ карманѣ солидный остатокъ отъ нахапанныхъ кривдою и неправдою грошей, тотчасъ затѣваетъ купить имѣніе и благополучно покупаетъ, преимущественно на имя жены, въ томъ соображеніи, что замаранный тысячами бездѣльничествъ, подавляемый разными плутнями, имъ совершонными, онъ по справедливости долженъ ожидать постоянно, что не сегодня, завтра, его по меньшей мѣрѣ выгонятъ изъ службы и упекутъ подъ судъ, а имѣніе отберутъ. На этотъ то случай эти рыцари чести всегда пріобрѣтали имѣнія и дома на имя жены. «Если самъ пропаду», думали они, справедливо ожидая каждый день суда и расправы, то покрайности дѣтки будутъ имѣть кусокъ хлѣба!» Провозглашая эти нѣжности, такого рода пріобрѣтатели хорошо знали, что ихъ «дѣточки», когда выростутъ, будутъ также большими кровопійцами и, по примѣру папеньки, сами съумѣютъ нахватать, только въ бо̀льшемъ еще размѣрѣ. Вообще, когда кто нибудь покупалъ имѣніе или домъ на имя жены, можно было безошибочно заключить, что покупатель не чистый человѣкъ, что деньги, на которыя дѣлается покупка, имѣютъ подлѣйшій источникъ и что у будущаго помѣ-

щика и совѣсть нечиста и сердце не спокойно. Какъ бы то нибыло, но въ то время было удобно и возможно всякое пріобрѣтеніе подобнаго рода. Если цѣлыя семьи живыхъ, но крѣпостныхъ людей раздирались, такъ сказать, на части, сынъ уводился въ одну часть земного шара, а дочь въ другую, съ надеждою никогда уже не свидѣться въ этомъ мірѣ, и все это цѣною самыхъ ничтожныхъ суммъ, во всякомъ случаѣ не превосходящихъ того размѣра, какой требовался при покупкѣ лошадей, собакъ, коровъ, то что же препятствовало подобному раздиранію имѣній, т. е. земельныхъ единицъ? Откуда могли происходить и эта чудовищная мелкопомѣстность и эта, еще болѣе чудовищная чрезполосность, которыя такъ характеристически знаменуютъ нашъ сельскій бытъ? Во время моихъ частыхъ путешествій по родной землѣ мнѣ много разъ и во многихъ мѣстахъ показывали такія деревни, гдѣ крестьянскихъ домовъ было столько же, сколько и помѣщичьихъ. Однимъ словомъ, всѣ провинціальные чиновники дѣлались помѣщиками, пріобрѣтая части, соотвѣтственныя положенію ихъ кармана. Лѣтомъ, бывало, въ праздничный день, городъ рѣшительно пустѣлъ; все разъѣзжалось по своимъ имѣніямъ; оставалась одна шушера, самый низшій сортъ приказныхъ, которые думали уже не о пріобрѣтеніи имѣній, а преимущественно о пріобрѣтеніи полуштофа или косушки знаменитаго въ мое время пѣнника.

Былъ другой, едва ли еще не болѣе простой способъ распространенія этой жалкой отрасли помѣщиковъ. Онъ заключался въ томъ, что маломальски порядочный чиновникъ, когда задумывалъ жениться, расчитывалъ

«поять за себя» непремѣнно дочь помѣщика, а вмѣстѣ съ нею и часть имѣнія сего помѣщика. Большею частію претензіи его направлялись именно къ тѣмъ помѣщикамъ, о происхожденьи которыхъ я говорилъ выше. При необычайномъ обиліи невѣстъ, постоянно господствовавшемъ въ быту этихъ маленькихъ помѣщиковъ и при величайшей скудости въ провинціальныхъ, сколько нибудь порядочныхъ, женихахъ, сдѣлки заключались скоро и безпрепятственно, и родитель невѣсты изъ маленькаго имѣнія отдѣлялъ маленькую часть своему зятю. Хотя часть эта состояла изъ двухъ, трехъ, дворовъ, но зять тоже становился помѣщикомъ и въ праздничный день преважно отправлялся на крестьянскихъ клячахъ «въ свою деревню».

Этимъ путемъ создались имѣнія и въ семьяхъ нашихъ саратовскихъ родныхъ, т. е. въ семьѣ дяди и тетки. У тетки былъ сынъ, изъ довольно порядочныхъ, провинціальныхъ чиновниковъ. Это тотъ самый господинъ Плотовъ, который женился, когда ему было лѣтъ семнадцать и взялъ жену тринадцати лѣтъ. Взялъ онъ ее изъ семьи Казариновыхъ, порядочной и состоятельной. Звали эту дѣвушку Евлампіей Сергѣевной. Она была существомъ добрымъ и кроткимъ и, по провинціальнымъ обычаямъ того времени, совершенно безгласнымъ передъ своимъ мужемъ и повелителемъ. Въ приданое за ней дали часть казариновскаго имѣнія, которое называлось: Глядковкой. Поѣздки туда и поѣздки не однократныя и веселыя, я помню живо. «Глядковка» отстояла отъ Саратова въ 50-ти верстахъ; но переѣздъ туда совершался въ одну «пряжку». «Пряжка», какъ и «кормежка», слова чрезвы-

чайно многозначительныя для всѣхъ, кто помнитъ еще прежнія грунтовыя дороги и наслаждался счастіемъ путешествія «на долгихъ». Кто испыталъ это, тотъ не можетъ не знать, что тогда вопросъ о «пряжкѣ» дѣлался самымъ насущнымъ для несчастнаго путника. «Пряжка» означала переѣздъ отъ одного пункта до другого, отъ одной «кормежки» до другой. Не тотъ переѣздъ, который дѣлается на почтовыхъ лошадяхъ отъ станціи до станціи, краткій и быстрый, но переѣздъ, установленный возовыми ямщиками, занимающимися возкою кладей и возчиками «на долгихъ», переѣздъ, нескончаемо длинный и убійственный по медленности и скукѣ. Какъ «кормежка», такъ и «пряжка», въ нѣкоторыхъ случаяхъ, служили мѣрою самаго пути. Если напр. путникъ спроситъ возницу, «а сколько будетъ отсюда до Чембара?» «Да кормежки двѣ» отвѣтитъ онъ, или «въ двѣ пряжки, поди, чай не уѣдешь». Здѣсь и «кормежка» и «пряжка» имѣютъ совершенно одинаковое значеніе. Двѣ «пряжки» означаютъ, что надо два раза запречь лошадей, чтобъ совершить тотъ путь. Самые сборы къ поѣздкѣ въ Глядковку, какъ и всѣ провинціальные сборы, исполнены были суеты и споровъ. Послѣ ранняго обѣда длинное шествіе открывалось. Я всегда ухитрялся усаживаться на козлахъ того экипажа, который заложенъ былъ знаменитою тройкою «гнѣдыхъ», рядомъ съ знаменитымъ «Петрушкой». Смотрѣть на его искусное управленіе лошадьми, на степенную рысь знаменитаго коренника, весьма скромнаго по наружности, не представляющей никакихъ признаковъ той поразительной быстроты, которая прославила его на всю губернію, смотрѣть на извиванія лѣ-

вой пристяжной, на ея безпрерывные скачки и прыжки, на вьющійся по воздуху хвостъ, было для меня величайшимъ наслажденіемъ.

На половинѣ пути былъ какой то «изволокъ», т. е. ложбина между двухъ пригорковъ, покрытыхъ лѣсомъ; на днѣ ложбины протекалъ маленькій ручей. Здѣсь мы постоянно останавливались на перепутьи и дѣлали отдыхъ. Прислуга ставила самоваръ и переносила на лугъ изъ экипажей всѣ принадлежности къ чаю. Старшіе располагались на избранномъ мѣстѣ, которое покрывалось коврами. Мелкота, т. е. дѣти, какъ воробьи, разбѣгались по окрестности съ крикомъ, визгомъ и шумомъ. Едва только окончательно займется эта ложбина, раздается пѣсня, этотъ вѣрный спутникъ, другъ и утѣшитель всего моего рода. Запѣвалой былъ всегда мой дядя Иванъ. Онъ всегда запѣвалъ любимую свою пѣсню: «вечоръ поздно изъ лѣсочка», пѣсню, въ которой говорится, какъ баринъ, встрѣтивъ крестьянскую дѣвушку, былъ пораженъ ея красотой и предложилъ ей руку и сердце. Дядя запѣвалъ ее съ величайшими выкрутасами, продолжавшимися несравненно долѣе, чѣмъ того требовали музыкальныя условія, такъ что хористы должны были долго ожидать момента, когда и они должны выступить. Во всемъ этомъ было мало музыкальнаго или вокальнаго достоинства, но много и своеобразнаго, когда солидный, почтенный, пожилой человѣкъ съ посѣдѣвшими баками, съ классической лысиной, запѣваетъ полухриплымъ голосомъ простую русскую пѣсню и претендуетъ произвести на общество впечатлѣніе своими кудрявыми выкрутасами. За этой пѣсней шелъ безчисленный рядъ другихъ и увлече-

ніе ими было такъ сильно, что сдвинуть публику съ этого пункта представлялось дѣломъ весьма затруднительнымъ. Всѣ припасы уложены, всѣ экипажи поданы, а пѣніе все таки упорно продолжалось, и только соображенія, безпрерывно повторяемыя, что мы можемъ запоздать въ пути, останавливали дальнѣйшіе порывы любителей. Длинный поѣздъ трогался вновь и уже позднимъ вечеромъ достигалъ мѣста назначенія, т. е. Глядковки. Маленькій господскій домъ поступалъ въ распоряженіе старшихъ; все остальное на походную ногу располагалось по амбарамъ, сараямъ, сѣноваламъ и т. п.

Когда пожилому человѣку съ ослабѣвшимъ зрѣніемъ представятъ исписанный листъ бумаги и не дадутъ очковъ, онъ увидитъ только, что тутъ что-то написано, но что именно—сказать не въ состояніи, ибо все сливается въ одну сплошную и темную массу. Нѣчто подобное я испытываю при воспоминаніи о владѣніяхъ дяди Ивана. Знаю, что у него были владѣнія, но гдѣ, какія— все это сливается, въ моей памяти, въ одну сплошную массу. Могу только сказать, что въ отношеніи своихъ имѣній онъ дѣйствовалъ, какъ это ни странно, также точно, какъ въ отношеніи своихъ лошадей, т. е. безпрестанно продавалъ и безпрестанно покупалъ: сегодня купитъ, а завтра продастъ. Очевидно, что у него были неодолимыя комерческія наклонности. Помню, что въ имѣніи этого дяди я и сыновья его разъѣзжали верхомъ по полямъ, въ сопровожденіи людей и борзыхъ собакъ и искали зайцевъ, что тамъ, вмѣстѣ съ старшими, мы ѣздили на охоту за утками, и въ полѣ сами варили изъ застрѣленныхъ утокъ какую то кашицу, которая казалась

необычайно вкусною. Помню даже, что именно тамъ мы любили играть, когда оставались въ комнатахъ, въ «волчокъ», не тотъ усовершенствованный и преглупѣйшій волчокъ, который теперь предлагаютъ вамъ въ петербургскихъ магазинахъ, который можно запустить разъ и неподвижно смотрѣть, когда онъ повертится, сколько ему вздумается, и упадетъ тоже когда случится, а волчокъ, который едвали не слѣдуетъ назвать «великороссійскимъ»; этотъ волчокъ, который пускается тоже посредствомъ тонкой бичевки, намотанной на его конецъ, но подхлестываемый особыми тонкими бичами или кнутиками, не смѣлъ падать, когда ему вздумается и долженъ былъ стоять и визжать хоть три дня, если вы сами этого хотите. Игра эта, полезная со стороны моціона, представлялась мнѣ всегда очень забавною и требующею нѣкоторой ловкости. Мы ухитрялись принимать участіе въ этой игрѣ по нѣскольку человѣкъ разомъ и, сколько тутъ было крику, шума, гама, особенно въ тѣ моменты, когда волчокъ, противу общаго желанія, выказывалъ наклонность къ паденью. Горе было тому изъ участниковъ, который могъ его поддержать, но не поддержалъ.

Къ числу замѣчательныхъ «лѣтнихъ» явленій провинціальнаго нашего быта безспорно должно отнести пензенскую ярмарку. Развитіе желѣзныхъ дорогъ, новыхъ, болѣе правильныхъ основаній торговли и развитіе еще многаго поколебало прежнее значеніе ярмарокъ въ нашемъ царствѣ, значеніе, въ былыя времена необъятное. Пензенская ярмарка не имѣла той громадной извѣстности, которая принадлежала Макарьевской, Коренной и другимъ знаменитымъ ярмаркамъ, приводившимъ въ дви-

женіе торговыя дѣла и обороты всей Россіи; но въ своемъ тѣсномъ районѣ она была событіемъ чрезвычайно многознаменательнымъ. Городъ Пенза приходилъ положительно въ волненіе, и дни ярмарки были какими то исключительными, праздничными и торжественными. Ярмарка называлась «Петропавловскою», ибо открывалась въ день Петра и Павла, 29 іюня. Располагалась она въ нижней части города, гдѣ оканчивались идущія съ горы главныя улицы: Московская, Троицкая и др., занимая довольно обширную площадь. Въ центрѣ этой площади, въ обыкновенное, не ярмарочное время, были какія то жалкія деревянныя постройки, не обращавшія на себя, по свой бѣдности, ни малѣйшаго вниманія. Во время ярмарки эти постройки образовывали ярмарочные ряды, которые покрывались сверху полотномъ, а внизу устилались свѣжею зеленою травою, такъ что въ цѣломъ представляли нѣчто живое. Гулять по этимъ рядамъ было пріятно, особенно въ слѣдствіе таинственнаго полусвѣта, образуемаго полотняными навѣсами. Ряды эти, по обѣимъ сторонамъ, обставлялись разнообразными товарами, не безъ нѣкотораго искуства; все блестѣло и било въ глаза самымъ эфектнымъ образомъ. Покрытыя травою дороги рядовъ, и боковыя отдѣленія ихъ постоянно были наполнены массами народа. Массы эти образовывались нетолько городскими жителями, но еще въ бо́льшей степени семействами помѣщиковъ, съѣзжавшимися на это время въ Пензу со всѣхъ уѣздовъ. Съѣзжались они подъ видомъ пріобрѣтенія и запаса разныхъ домашнихъ и хозяйственныхъ принадлежностей; но здѣсь была и тайная цѣль сбыта. Главнѣйшимъ предметомъ его были

дочери невѣсты, расплождавшіяся неимовѣрно въ провинціальномъ быту, такъ что предложеніе значительно превышало спросъ. Ярмарка, въ отношеніи помѣщичьихъ дочерей-невѣстъ, имѣла такое же значеніе, какъ въ Петербургѣ Духовъ-день въ Лѣтнемъ-саду для невѣстъ купеческихъ, т. е. выставку дѣвицъ и осмотръ ихъ женихами. По окружности центра ярмарки располагались разнородныя принадлежности ея: въ одномъ мѣстѣ устраивались жалкіе балаганы съ жалчайшими фиглярами, которые только и умѣли ѣсть паклю и затѣмъ вытягивать изъ своей глотки тоненькія разноцвѣтныя ленточки. Нѣкоторые изъ этихъ фокусниковъ были дворовые люди мѣстныхъ жителей, усвоившіе себѣ эту премудрость. Въ другомъ мѣстѣ, довольно обширное пространство занимали бѣдныя женщины съ своими походными кухнями или жаровнями, гдѣ неустанно изготовлялись и подавались съ пылу горячія «аладьи», составлявшія любимѣйшее лакомство средняго класса. Съ моими маленькими товарищами я много разъ забѣгалъ въ эти дымящіяся клѣтушки и съ дѣтскимъ апетитомъ глоталъ горячія аладьи. Далѣе шла конная ярмарка, любимѣйшее мѣсто русскаго народа, гдѣ идетъ постоянная борьба продавца съ покупателемъ, изъ которыхъ одинъ употребляетъ всѣ средства, чтобъ надуть, а другой ограждаетъ себя всѣми мѣрами, чтобъ не быть надутымъ; гдѣ надъ постояннымъ гуломъ и говоромъ стоитъ громче всего самая непозволительная божба съ призываніемъ всѣхъ святыхъ, гдѣ безпрестанно раздается хлопанье по рукамъ, означающее окончаніе торговой сдѣлки, которая тѣмъ не менѣе далека отъ окончанія. Въ томъ отдѣлѣ конной ярмарки, гдѣ дѣй-

ствуютъ цыганы, всѣ подробности ея принимаютъ бóльшее оживленіе и представляются занимательнымъ спектаклемъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является плутъ цыганъ, исполняющій свою обычную роль съ необычайнымъ талантомъ. Надо видѣть, сколько клятвъ разсыпаетъ онъ, чтобъ выманить у покупателя лишній грошъ; сколько истязаній и явныхъ и тайныхъ употребляетъ онъ, чтобъ заставить свою заморенную клячу не только казаться бодрою, но и выдѣлывать такія штуки, которыя несомнѣнно говорили бы о ея горячности и неудержимости.

Едва открывалась ярмарка, между ею и городомъ устанавливалось самое оживленное движеніе. Одни двигались туда, другіе оттуда. Обычное, спокойное и степенное положеніе городскихъ жителей нарушалось и замѣнялось положеніемъ озабоченнымъ и напряженнымъ. Самый порядокъ обѣдовъ и, что гораздо важнѣе, послѣобѣденныхъ сновъ совершенно исчезалъ и замѣнялся какою то походною случайностью. Само собою разумѣется, что этимъ чрезвычайнымъ переворотамъ подчинялась и жизнь моего семейства. Всѣ бѣгали или ѣздили на ярмарку по нѣскольку разъ въ день. Начало ярмарки ознаменовывалось для меня тѣмъ, что мнѣ вручался въ полное и безотчетное мое распоряженіе полтинникъ, настоящій серебряный полтинникъ! котораго теперь нигдѣ не найти. Я не думаю, чтобы какой нибудь концесіонеръ, ухитрившійся отъ сооруженія желѣзной дороги положить себѣ въ карманъ чистый десятокъ милліоновъ, чувствовалъ себя богаче и счастливѣе меня, когда я укладывалъ въ свой карманъ мой полтинникъ. Голова

моя наполнялась безчисленными и разнообразными соображеніями по вопросу о томъ, куда истратить эту монету и какія сокровища достойны того, чтобъ ихъ обмѣнять на мой полтинникъ? Съ этимъ полтинникомъ я гордо ходилъ по ярмаркѣ, въ полномъ сознаніи, что мнѣ стóитъ только захотѣть, и я могу купить любую вещь. Когда первые порывы восхищенія проходили, дѣло принимало болѣе практическое направленіе, и полтинникъ, дробясь на части, уходилъ на балаганы, гдѣ ѣли паклю и выпускали ленты, на аладьи, пряники, мороженое и т. п. Все суетилось, ярмарочные ряды наполнялись народомъ, навезенныя изъ уѣздовъ невѣсты чинно расхаживали, но мое семейство никакихъ запасовъ не дѣлало, да и дѣлать ихъ было незачѣмъ, ибо на ярмаркѣ не было ничего такого, чего бы нельзя было купить въ пензенскихъ лавкахъ. Когда мы ходили по ярмаркѣ вмѣстѣ съ отцомъ, онъ заходилъ въ лавки, гдѣ были обширные склады донскихъ и кавказскихъ винъ и пробовалъ вино, называвшееся «цымлянскимъ» и замѣнявшее въ нашемъ простомъ быту, въ торжественныхъ случаяхъ, «шампанское», потому что оно также шипѣло и хлопало при откупориваніи. Къ нашей семьѣ дѣлались на ярмаркѣ запасы исключительно по этой части. Ярмарочное время ознаменовывалось также въ нашей семьѣ появленіемъ апельсиновъ. Дороги очень они были въ то время и подавались у насъ съ особенною торжественностью, не иначе, какъ разрѣзанными на нѣсколько частей и непремѣнно въ сопровожденіи стеклянной посуды съ мелкимъ сахаромъ.

ГЛАВА VIII.

Болтуны на словахъ и на бумагѣ.—Зимнія явленія провинціальной жизни.—Балы и вечера.—Осипъ и полтинники.—Музыка и танцы: кадриль, экосезъ, гросфатеръ, матрадуръ.—Пѣніе.—Гладковскій театръ.—Чтеніе.—Посылка присяжныхъ въ Петербургъ.

Я знаю многихъ, которые великолѣпно плаваютъ по волнамъ петербургскаго житейскаго моря единственно при посредствѣ искуства болтать всякій вздоръ и болтать безконечно. Значенія серьезнаго у нихъ никакого нѣтъ; чинишки у нихъ самые паскудные; нетолько звѣздъ, но и самомалѣйшаго крестика у нихъ и заводу нѣтъ; происхожденія они не только не знатнаго, но даже неизвѣстнаго; ничего они замѣчательнаго не написали, ничего серьезнаго не сдѣлали; никакихъ должностей не занимали и занимать не могутъ. Между тѣмъ живутъ эти господа припѣваючи, со всѣми знакомы, всюду бываютъ и, что удивительно, всѣмъ пріятны. Въ ряду моихъ пріятелей есть такія личности и, конечно, я могъ бы поименовать ихъ, еслибъ это было прилично. На чемъ же основано ихъ благоденствіе? Единственно на необычайномъ искуствѣ болтать, болтать всюду, всегда, при всякомъ случаѣ, днемъ, ночью, въ церкви, театрѣ, на Невскомъ, на балѣ, болтать безсодержательно, но забавно, на томъ искуствѣ, которымъ такъ владѣютъ французы, но которое такъ рѣдко у насъ и, вѣроятно потому, такъ высоко и цѣнится. Одаренные этимъ искуствомъ, они

большею частію писать не любятъ, да и не умѣютъ. Всякое письменное занятіе имъ ножъ острый; даже едва ли они въ состояніи поддерживать письменную кореспонденцію, за исключеніемъ той, гдѣ дѣло идетъ о займѣ денегъ, или о приглашеніи къ кокоткамъ и тому подобныхъ предметахъ. Казалось бы, что̀ можетъ быть легче перенесенія на бумагу сотой части той забавной болтовни, которою они занимаются. Если болтовня эта интересна въ разговорѣ, то она должна быть также интересна и въ письменномъ изложеніи. Не тутъ то было! Говорить — сколько угодно, хоть три дня сряду, писать — ни зачто. Не по нашей части! У меня же дѣло выходитъ на оборотъ; сдѣлать словесный, серьезный докладъ съ разными выводами и соображеніями — наше дѣло. Сказать публично спичь какой нибудь, пожалуй; даже при коротенькихъ свѣтскихъ визитахъ бросить десятокъ, другой остроумныхъ, веселыхъ фразъ, тоже не превосходитъ нашихъ силъ. Но въ виду продолжительной бесѣды, въ виду необходимости болтать нѣсколько часовъ сряду ни о чемъ,—тутъ я совершенно уничтожаюсь. Собесѣдникъ я вообще плохой. Если представить, что я сошелся бы съ другимъ собесѣдникомъ такого же склада, мы были бы въ состояніи просидѣть цѣлый вечеръ, не раскрывая рта. И что хуже всего: именно сознаніе безсилія своего въ этомъ отношеніи, сознаніе обязанности непремѣнно говорить, поддерживать бесѣду, когда для этого нѣтъ умѣнья, а потому и расположенія, окончательно портитъ дѣло и родитъ какія то жалкія потуги, отъ которыхъ самому стыдно. Чрезвычайно впрочемъ рѣдко, прорываются и у меня вдохновенныя минуты, когда вдругъ,

не вѣдомо откуда исполняешься такимъ веселымъ настроеніемъ, что все общество заражается всепобѣждающимъ весельемъ, и потомъ долго вспоминаетъ это увлеченіе. Но эти рѣдкія минуты, находившія на меня также неожиданно, какъ они были неожиданны для другихъ, я рѣшительно не въ состояніи призвать въ извѣстное время. Всегда тὸ особенно хорошо, что внезапно и вдохновенно. Болтовня тѣхъ болтуновъ, о которыхъ я говорилъ выше, имѣетъ постоянство и правильность; но именно эти свойства и придаютъ ей однообразіе, монотонность. Въ концѣ концовъ она теряетъ свою цѣну, начинаетъ надоѣдать. Попробуйте посмотрѣть двадцать разъ къ ряду знаменитѣйшую пьесу, знаменитѣйшаго изъ мастеровъ, навѣрное вы будете обходить самый театръ, гдѣ она дается. Сознаніе, что я не умѣю поддерживать свѣтскую болтовню, сильно конфузитъ меня и дѣлаетъ еще скучнѣе. Но не то на бумагѣ. На бумагѣ я дѣлаюсь невольно болтуномъ, превосходящимъ всѣхъ говорящихъ болтуновъ. Если мнѣ удалось преодолѣть мою великороссійскую лѣнь, тутъ уже положительно удержу нѣтъ! Предо мной открывается какое то безграничное море всякой всячины, которую я считаю себя обязаннымъ исчерпать до дна. Предметы начинаютъ двоиться, троиться, десятериться и я не успѣваю подбирать ихъ, считая однако совершенно необходимымъ подобрать ихъ всѣ. Сознаніе мѣры окончательно исчезаетъ и я становлюсь тѣмъ «дядюшкой болтушкой», котораго такъ геніально олицетворялъ нѣкогда знаменитый Мартыновъ и отличительная черта котораго, прекрасно схваченная авторомъ, заключалась въ томъ, что начавъ говорить о чемъ нибудь, онъ никакъ не могъ кончить, ибо

перескакивалъ съ предмета на предметъ, которые цѣплялись у него безконечной чередой. Мнѣ становится досадно, что моя рука не подбираетъ и сотой доли того, чѣмъ полны голова и память. Эта несоразмѣрность умственной и физической работы дала мнѣ даже основаніе вопросить однажды уважаемаго нашего историка: «Скажите, почтеннѣйшій Сергѣй Михайловичъ, какимъ образомъ ученые или литературные люди справляются съ матеріальною стороною своихъ работъ? Вотъ вы напр., имѣете различныя должности, различныя занятія и, въ тоже время, постоянно выпускаете томы вашей исторіи. Ка̀къ вы это дѣлаете, и какъ это дѣлаетъ Тьеръ и другіе ученые люди, т. е. когда и какъ вы пишете? стенографически что ли, или диктуете? Я самъ чиновникъ и слѣдовательно тоже письменный человѣкъ, хотя на другомъ полѣ, но ужасаюсь массы письма, т. е. физическаго труда, который нуженъ для одной только книги. Я понимаю, что у ученаго или даровитаго человѣка можетъ храниться въ головѣ запасъ знаній или творчества на десять томовъ, но ка̀къ осуществить ихъ физически, ка̀къ передать бумагѣ или печати, что̀ обусловливается уже извѣстнымъ пространствомъ времени и чего сократить по нашей волѣ невозможно? Скажите мнѣ, какъ вы, при всѣхъ вашихъ текущихъ занятіяхъ, успѣваете столько писать и издавать? Я этого не понимаю и не понимаю именно со стороны матеріальной. Какъ вы пишете? неужели также, какъ и мы простые люди, т. е. перомъ, по бумагѣ, чернилами, всѣми словами или изобрѣтена для этого какая нибудь особая механика?» Скромный историкъ не сообщилъ мнѣ однако ничего новаго. «Я пишу, сказалъ онъ, обыкновен-

нымъ образомъ и могу свободно, въ теченіи года, приготовить одинъ томъ». Приготовить свободно одинъ томъ, да еще томъ исторіи, требующій для каждой страницы соображеній, справокъ, ссылокъ! Для меня это непостижимо. И изъ какого матеріала дѣлаются эти люди? Я только хотѣлъ выразить ту мысль, что судьба, отнявъ у меня возможность быть свѣтскимъ болтуномъ, сдѣлала меня письменнымъ болтуномъ, и что если свѣтскіе болтуны успѣваютъ подбирать все то, что хотятъ сказать, то я испытываю большія неудобства и затрудненія подбирать на бумагу, посредствомъ письма, самой скучной операціи, все то, что память неутомимо поставляетъ.

Въ ряду явленій зимняго пензенскаго сезона, прежде всего надо поставить самое обыкновенное, самое общеизвѣстное и самое безъинтересное явленіе—это то, что мы часто ходили въ гости «чай пить!» и къ намъ ходили часто гости «чай пить!» При подобныхъ взаимныхъ посѣщеніяхъ, чай, собственно, имѣлъ только значеніе заглавія, точно такъ напр., какъ настоящая моя болтовня имѣетъ заглавіемъ: «Половодье.» Какъ «половодье» прикрываетъ тысячу подробностей, не имѣющихъ съ этимъ событіемъ ничего общаго, такъ точно и «чай» покрывалъ множество съѣстныхъ и питейныхъ наслажденій, которыми такъ любили заниматься провинціалы того времени, и которые вообще занимали едва ли не первое мѣсто въ ихъ простой, бѣдной другими развлеченіями и удовольствіями жизни. Начиналось съ того, что къ «чайку» прибавлялась значительная доля «ромку.» Съ окончаніемъ этой операціи выпивалось по рюмочкѣ, по двѣ, по три какого нибудь не дорогого винограднаго вина и преиму-

щественно, сколько помню, мадеры, которая была въ большомъ ходу и большомъ почетѣ. Затѣмъ, въ концѣ бесѣды, устраивалась довольно капитальная закуска, предъ которой выпивалось по рюмочкѣ какой нибудь знаменитой настойки изъ безчисленнаго ряда настоекъ разныхъ наименованій, ибо каждый старался непремѣнно перебить своею настойкой всѣ другія, а во время закуски, выпивалось опять по рюмочкѣ, по двѣ, «винограднаго.» Результатомъ всѣхъ этихъ занятій было то, что гости, сытенькіе, раскраснѣвшіеся, подвыпившіе, отправлялись въ самомъ отличномъ расположеніи духа домой и, послѣ продолжительныхъ изъявленій благодарности, обращенныхъ къ радушнымъ хозяевамъ, говорили: «къ намъ милости просимъ! не забывайте!» Все это было очень просто. Такъ текла тихая провинціальная жизнь того времени и того круга, къ которому принадлежала моя семья. Но это мирное теченіе по временамъ волновалось особыми празднествами, устраиваемыми каждымъ семействомъ въ тѣ или другіе дни, особенно ими чествуемые. Такъ напр., дни именинъ главныхъ членовъ семьи всегда праздновались болѣе или менѣе торжественно. Наступленіе подобнаго дня было событіемъ, если не для всего города, то непремѣнно для всего того кружка, къ которому принадлежало семейство, совершающее празднество. Весь этотъ кружокъ непремѣнно зналъ, что въ такой то день будетъ рожденіе Анны Семеновны, а въ такой то—именины Александра Павловича. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ, чтò въ эти дни тамъ произойдетъ, т. е. какого рода торжество и, что всего важнѣе было для насъ, дѣтей: съ танцами или безъ танцовъ. Такъ какъ во всѣхъ семьяхъ были непремѣнно кучи дѣ-

тей и какъ для нихъ ничего немогло быть выше возможности напрыгаться до изнеможенія, то танцы большею частію сопровождали эти праздники, и всѣ эти Васиньки, Машеньки, Ванички, Катеньки заранѣе предавались тревожнымъ и, въ тоже время, пріятнымъ ожиданіямъ, съ примѣсью таинственнаго расчета поразить другихъ ловкостью въ танцахъ, новымъ платьемъ или чѣмъ нибудь другимъ, расчета, забирающагося въ самыя молоденькія головки, въ самыя юныя сердца. Само собою разумѣется, подобные дни и торжества, существовали, конечно, и въ нашей семьѣ и я живо помню приготовленія къ нимъ и самый ходъ ихъ. Когда еще мы жили на Троицкой улицѣ, въ маленькомъ домикѣ и въ маленькомъ помѣщеніи, дѣло начиналось съ того, что родительская кровать, занимавшая едва ли не бо́льшую половину этого помѣщенія, разбиралась и убиралась. Потомъ, вымывалось и вычищалось самымъ тщательнымъ образомъ все, что только можно было мыть и чистить. Мои сестры суетились ужасно. Дунька и Сашка метались изъ конца въ конецъ, какъ угорѣлыя, забрасываемыя безчисленными приказаніями со всѣхъ сторонъ. Изъ лавокъ доставлялись кульки съ виномъ или сластями, пріобрѣтенные личнымъ распоряженіемъ отца. На кухнѣ, въ день праздника, производилась самая усиленная стряпня, плоды которой должны были образовать «вечерній столъ.» Изъ числа этихъ произведеній знаменитые «розанцы,» съ вареньемъ по рединѣ, съ утра переносились въ парадныя комнаты и устанавливались наверху большого шкафа, замѣнявшаго шифоньерки, бюро и другія хитрости мебельнаго искуства, въ ожиданіи того момента, когда

они должны будутъ предстать на съѣденіе. На меня возлагалась обязанность заготовить вино для моихъ маленькихъ товарищей и запрятать его до времени или въ маленькомъ нашемъ саду, или въ другомъ уютномъ мѣстѣ. И я совершенно добросовѣстно и отчетливо исполнялъ эту священную обязанность. Въ то время, въ пензенскихъ лавкахъ продавалось какое то дешевое вино—бѣлое и красное, штофами. Судя по крайней его дешевизнѣ, это былъ «чихирь», пріобрѣтаемый въ большихъ количествахъ туземными купцами на ярмаркѣ отъ кавказскихъ торговцевъ.

Важнѣйшимъ вопросомъ во всѣхъ вечерахъ былъ вопросъ о бальной музыкѣ, подъ которую мы должны были выплясывать. Само собою разумѣется, что о какихъ нибудь оркестрахъ мы не смѣли и думать, по скудости кармана и помѣщенія. Незабвеннымъ и единственнымъ музыкантомъ нашего кружка былъ Осипъ, личность любопытная, забракованный или изгнанный осколокъ какого нибудь большого оркестра, какихъ было много у тогдашнихъ большихъ помѣщиковъ. Единственный Осипъ съ его единственной скрипкой, большею частію небритый и нечесаный и всегда «въ подпитіи,» нанимался на наши вечера. Цѣна его трудовъ разъ на всегда была опредѣлена въ полтинникъ, и никогда не возбуждала не только споровъ, но даже и разговоровъ. Человѣкъ этотъ былъ поразителенъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ могъ играть цѣлый вечеръ и не уставать: мускулы его были стальные! Въ тоже время, онъ могъ цѣлый вечеръ пить и находиться только «въ подпитіи», но никакъ не пьянѣть окончательно— отъ привычки постоянно пить. Всевозможныя пьесы для танцовъ онъ зналъ въ безчисленномъ множествѣ и не-

смотря на то, что пилилъ только на одной скрипкѣ, танцовать подъ звуки ея было ловко и весело! Когда признавалось нужнымъ придать празднику болѣе торжества, тому же Осипу, и за такой же полтинникъ, поручалось пригласить въ сотрудницы флейту, которая и соперничала своими выкрутасами съ его скрипкой, производя визгъ, по всей вѣроятности, невозможный по примѣненію къ законамъ музыкальнаго искуства, но увлекательный для тѣхъ, кто выпрыгивалъ подъ этотъ визгъ. А если празднество предполагалось довести до крайней степени торжественности, тогда тому же Осипу поручалось пригласить, за такой же полтинникъ, еще контрбасъ. Скрипка, флейта и контрбасъ представляли крайнее великолѣпіе, и особенно контрбасъ. Самое протаскиваніе этой машины въ наше маленькое помѣщеніе и устанавливаніе ея сопровождалось величайшей суетней, шумомъ, толками, спорами. Когда устанавливаніе это совершалось, мы, дѣти, съ чувствомъ какого то уваженія смотрѣли на эту машину и съ нетерпѣніемъ ожидали вечера, когда она должна была рявкнуть и наполнить этимъ ревомъ нашу крошечную залу.

Когда наступалъ извѣстный день и часъ, по всѣмъ столамъ и всюду, гдѣ только было можно, разставлялись подсвѣчники и зажигались свѣчи въ усиленномъ количествѣ, такъ что освѣщеніе нашего жилища на это время казалось блестящимъ и ослѣпительнымъ. Все семейство, большіе и малые, окончательно и празднично одѣтые, принимали выжидательное положеніе, которое не было продолжительно, ибо въ нашемъ кругу любили собираться рано. Скоро пріѣзжало одно семейство, потомъ другое

и салонъ быстро наполнялся. Все это размѣщалось какъ умѣло и гдѣ могло. Дѣти начинали щебетать. Большіе погружались въ чаепитіе. Мущины подливали въ чай значительную долю ромку, и углублялись въ серьезную бесѣду, любители составляли партіи въ карты. Потомъ раздавалось настроеніе инструментовъ, затѣмъ звуки вальса, и вся мелкота, дѣвочки и мальчики, принимались вертѣться.

Зала, сильно освѣщенная, наполненная народомъ, зала, гдѣ раздается музыка, была для меня какимъ то раемъ. Эта зала какъ то перерождала меня. За дверьми ея я былъ однимъ человѣкомъ, когда же вступалъ въ нее, становился совершенно другимъ. Меня посѣщало какое то вдохновеніе. Я выросталъ въ собственныхъ своихъ глазахъ. Мнѣ казалось, что нѣтъ и быть не можетъ никого ни лучше, ни ловчѣе меня. Съ непостижимою самоувѣренностью я подходилъ къ дамамъ и приглашалъ на танцы, увѣренный, что не онѣ мнѣ, а я имъ дѣлаю величайшее одолженіе, ибо танцовать съ ловкимъ изъ ловкихъ кавалеровъ для нихъ великое счастіе. Я видѣлъ съ гордостью, какую цѣну пріобрѣталъ въ ихъ глазахъ. Отъ меня зависѣло выбрать ту или другую и пронести ее въ вальсѣ, такъ что она сама изумлялась своей ловкости. Дамы права выбора не имѣли и должны были идти съ тѣми, кто ихъ приглашаетъ, должны были путаться съ неловкимъ кавалеромъ на виду у всѣхъ. Ловкій кавалеръ мгновенно отличается дамами. Въ ихъ ласковыхъ улыбкахъ, въ ихъ привѣтливыхъ взглядахъ читаетъ онъ свое торжество; отъ неловкаго онѣ отбиваются всевозможными средствами, ссылаясь на болѣзнь, усталость и т. п. Однимъ словомъ

между ловкимъ кавалеромъ и неловкимъ лежитъ цѣлая бездна. Я былъ ловкій изъ ловкихъ.

Во времена моего дѣтства эта глупая, лѣнивая манера передвигать ноги съ такою вялостью, какая неумѣстна даже въ простой походкѣ, исполняя «французскую кадриль,» не существовала. Нынѣшніе танцы жалкая пародія на прежніе. Во всякомъ искуствѣ, какое бы оно ни было, хотя бы искуство танцовать, талантовъ всегда мало. Между тѣмъ большинство не только хочетъ танцовать, но даже создать танцы на свой ладъ, въ чемъ и успѣваетъ именно потому, что оно большинство. Я помню, во времена моей молодости, каждый бездарный танцоръ всегда ненавидѣлъ вальсъ именно потому, что нигдѣ не требовалось столько ловкости, силы и граціи. Между тѣмъ, когда всѣ вальсировали, не могли же и они оставаться столбами и тоже должны были пускаться въ вальсъ, больше «на ура,» чѣмъ съ увѣренностью преодолѣть это трудное для нихъ дѣло. Но ноги ихъ уподоблялись шестамъ, лишеннымъ быстроты и гибкости, и эти бѣдные вальсёры никакъ не могли ни согласоваться съ тактами музыки, ни держаться въ общемъ теченіи. Они вѣчно отставали, выбивались на средину, гдѣ и оканчивали свои неудачные опыты. У всѣхъ дурныхъ танцоровъ вальсъ, этотъ живой, граціозный, поэтическій танецъ представлялся самымъ безобразнымъ. Въ то время, когда всѣ уносились вихремъ съ оживленными лицами, съ горящими глазами, на физіономіи этихъ несчастливцевъ ясно было написано не удовольствіе, не наслажденіе, не увлеченіе, а какое то мучительное выраженіе чрезмѣрной, не посильной работы, и еще болѣе тревожнаго опасенія, что вотъ сей-

часъ или его сшибутъ, или онъ съ кѣмъ нибудь столкнется и произведетъ общій скандалъ. Въ тоже время, по неумѣнію во-время подбирать свои деревянныя ноги и слѣдовать сколько законамъ искуства, столько же и тактамъ музыки, эти господа создавали какой то свой особенный вальсъ, медленный и неуклюжій, и когда всѣ другіе летали въ три темпа, установленные для вальса, они, презирая законъ музыки, едва успѣвали выдѣлывать только два темпа. И эти господа, въ силу большинства, начали создавать танцы, подходящіе для себя и то, что представлялось дѣломъ неумѣнья, возвели въ правила, подлежащія общему вѣденію и исполненію. Такъ точно дикій вальсъ въ два темпа, дающій имъ возможность не танцовать, а двигаться, какъ на лыжахъ, получилъ право гражданства, такъ что и всѣ тѣ, которые умѣли танцовать должны были точно также двигаться. Подобное превращеніе и по тѣмъ же причинамъ произошло съ кадрилью, мазуркой и съ другими танцами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіе этого искуства, какое существовало во время моего дѣтства, повидимому, совсѣмъ исчезло, за совершенною ненадобностью. Да и чему тутъ учить? Двигаться автоматически немножко впередъ, немножко назадъ, немножко въ бокъ — всякій съумѣетъ. Въ доказательство, что тутъ учить серьезно и основательно рѣшительно нечему, можно привести петербургскіе танцклассы, гдѣ тысячи лакеевъ, горничныхъ, кухарокъ и вообще «меньшихъ братій» всякого рода и названія, вытанцовываютъ на славу, никогда неучившись и не истративъ гроша на это ученье. Не знаю, можно ли найти солдатика, который при случаѣ не отхваталъ бы «кадрель.» Даже и учители танцовальные какъ будто пе-

ревелись. Рѣдко появится въ газетахъ объявленіе, что артистъ императорскихъ театровъ выучиваетъ въ пять уроковъ всѣмъ танцамъ, по дешевой цѣнѣ. Учителя держатся еще при заведеніяхъ, но когда приходится видѣть практическіе опыты ихъ ученія, они возбуждаютъ только улыбку сожалѣнія.

И въ мое время, усердствовали и выпрыгивали въ танцахъ преимущественно дѣти, и если присоединялся къ нимъ кто нибудь изъ большихъ, это навѣрное былъ или завзятый любитель танцовъ или господинъ, немного подгулявшій. Большіе не прыгали, но только двигались. Я какъ теперь вижу предъ собой двухъ знаменитѣйшихъ танцоровъ того времени. Это были—красавецъ архитекторъ Экертъ, который безвременно погибъ наканунѣ своей свадьбы, и Николай Алексѣевичъ Акимовъ, одинъ изъ jeunesse dorée тамошнихъ мѣстъ. Оба они были весьма большихъ размѣровъ и, казалось по этому, танцы должны были составлять для нихъ дѣло довольно затруднительное. Но какъ они танцовали! какъ двигались! Во всякомъ дѣлѣ существуетъ на одномъ концѣ бездарность и безобразіе, а на другомъ совершенство. Эти господа въ дѣлѣ танцовъ достигали совершенства.

Есть безспорно тысячи предметовъ, которые идутъ впередъ; но также безспорно есть предметы, которые идутъ назадъ. Я позволю себѣ замѣтить, что танцы, по моему убѣжденію, принадлежатъ къ послѣднему разряду. Прежніе, полные жизни, танцы исчезли и замѣнились танцами, менѣе веселыми и увлекательными. Самая манера танцовать, прежде живая, одушевленная, замѣнилась манерою скучнѣйшею, какого то мертвеннаго движенія.

*

Самыми любимыми и потому употребительнѣйшими танцами того времени были: русская кадриль, экосезъ, гросфатеръ и знаменитый матрадуръ. О русской кадрили самая память исчезла, и даже я, завзятый плясунъ того времени, затрудняюсь привести отличительныя черты и характеръ этого танца. Могу сказать только, что въ ней безпрерывно вальсировали; всѣ фигуры, отъ которыхъ въ нынѣшней французской кадрили отдѣлываются лѣнивымъ шарканьемъ, исполнялись вальсомъ. Никакое движеніе не могло дѣлаться иначе, какъ посредствомъ вальса, такъ что въ общемъ видѣ русская кадриль требовала и особой ловкости и усиленной работы, а съ окончаніемъ ея всѣ участвовавшіе, запыхавшись и раскраснѣвшись, должны были долго отдыхать.

Экосезъ былъ прелестнѣйшій танецъ. Всѣ пары, т. е. кавалеры и дамы, устанавливались рядами другъ противъ друга, образуя живую аллею,—дамы по одной сторонѣ, кавалеры по другой. Очередная пара обязана была, повертѣвшись съ парами, стоящими на мѣстѣ, летѣть по этой аллеѣ въ одинъ конецъ, потомъ возвращаться, опять летѣть, пока не перевертится поочередно со всѣми парами, образующими аллею. Есть вещи, которыя трудно передавать въ описаніяхъ и которыя надо видѣть, чтобы понять ихъ достоинства или недостатки. Сюда конечно относятся и танцы. Сколько бы я ни описывалъ ихъ, въ умѣ читателя не составится рельефнаго впечатлѣнія. Сколько я ни читалъ изображеній, какъ солнце восходитъ или заходитъ, какъ при этомъ природа просыпается или засыпаетъ, какъ солнечные лучи позлащаютъ то и то,— ничего изъ такого описанія не выходило. Томительное

напряженіе, съ которымъ, очевидно, сдѣлано авторомъ это изображеніе, отражается и на читателѣ, который нетолько не приходитъ въ восхищеніе, на что конечно авторъ и расчитывалъ, подбирая разныя «жалкія слова», но напротивъ со скукой и досадой думаетъ, когда онъ кончитъ эту дребедень? «Трели соловья дивно раздавались въ засыпающей природѣ»! продолжаетъ авторъ, расчитывая очаровать читателя, а читатель вовсе не думаетъ очаровываться. Между спящей природой и экосезомъ хотя нѣтъ ничего общаго по существу, но въ затрудненіи изобразить на словахъ то и другое, притомъ изобразить рельефно, есть много общаго. Я и теперь помню, какъ напр. стройная, ловкая пара, кавалеръ и дама, взявшись за руки, быстро и граціозно скользятъ, въ полуоборота, по этой аллеѣ, достигаютъ конца, поворачиваются, летятъ въ верхъ аллеи, вертятся—кавалеръ съ другой дамой, а дама съ другимъ кавалеромъ и, опять взявшись за руки, мчатся на конецъ аллеи и т. д. Тутъ требовалось менѣе работы, чѣмъ при исполненіи напр. русской кадрили; но здѣсь требовалась непремѣнно грація, украшающая всѣ движенія человѣка. На мои глаза, едвали будетъ когда такой танецъ, какъ экосезъ, гдѣ женская красота, женская грація могли бы проявляться болѣе выгоднымъ и осязательнымъ образомъ, и я не понимаю, какъ дамы могли допустить исчезновеніе такого танца, который былъ созданъ для того, чтобы выставлять женскую красоту и въ особенности женскій станъ въ болѣе привлекательномъ видѣ, и промѣняли это простое, невинное, средство на шиньоны, турнюры и т. п.

штуки, которыя производятъ отвращеніе, какъ грубое искаженіе природы.

Знаменитый гросфатеръ начинался тѣмъ, что образовывалась точно такая же аллея, какъ и въ экосезѣ, т. е. кавалеры устанавливались въ одну линію, а дамы въ другую, каждый кавалеръ противъ своей дамы. Прежде всего эти пары брались за руки и длинной змѣеобразной вереницей начинали подъ печальные, какъ будто погребальные звуки музыки, ходить по разнымъ направленіямъ и даже по разнымъ комнатамъ, если таковыя имѣлись, потомъ возвращались на мѣсто и устанавливали аллею. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла было сходство съ экосезомъ. Также точно очередная пара, вертѣлась съ парами, стоящими въ аллеѣ, неслась по ней до конца, а музыка между тѣмъ изъ мотонной и печальной, превращалась въ веселую и почти бѣшеную. На возвратномъ пути той пары, которая пронеслась въ конецъ аллеи, начинались головоломныя штуки, составляющія черту, отличающую гросфатеръ отъ экосеза. Нѣкоторыя изъ этихъ штукъ считались обычными и общеустановленными; но здѣсь допускались всевозможныя фантазіи и изобрѣтательность. Тотъ, кто выдумаетъ штуку, болѣе мудреную и головоломную, пріобрѣталъ право на общую признательность. Всѣ эти штуки, и общепринятыя и вновь изобрѣтаемыя, направлены были исключительно на кавалеровъ и на испытаніе ихъ ловкости. Вотъ одна изъ нихъ, постоянно бывшая въ ходу. Пара, спустившаяся внизъ по аллеѣ, на возвратномъ пути растягивала платокъ такимъ образомъ, что одинъ конецъ его бралъ кавалеръ, а другой оставался въ рукахъ дамы; дама возвращалась внутри

аллеи, а кавалеръ по внѣшней ея сторонѣ, такъ что платокъ, который они держали, образовывалъ барьеръ, чрезъ который всѣ мущины должны перепрыгивать. Это то перепрыгиваніе и составляло предметъ общаго веселія. Само собою разумѣется, что каждый хотѣлъ перещеголять и прыгнуть выше другого и это соперничество имѣло иногда послѣдствія, неожиданныя ни для героя, ни для зрителей. Платокъ въ рукахъ очередной пары поднимался все выше; одни храбро скакали, другіе требовали снисхожденія. Все это производило топотъ, стукъ, хохотъ. Когда одна пара кончитъ свое дѣло, несется по аллеѣ другая и, на возвратномъ пути, предлагаетъ кавалерамъ новую штуку, стараясь о томъ, чтобъ она была еще труднѣе, еще головоломнѣе. Опять шумъ и хохотъ. Когда всѣ пары исполнятъ такимъ образомъ свои обязанности, музыка прекращаетъ бѣшеный мотивъ и снова начинаетъ печально завывать, а всѣ участники опять образуютъ змѣинообразное шествіе по разнымъ направленіямъ, или по разнымъ комнатамъ, потомъ снова устанавливаются, образуютъ аллею и снова начинается таже исторія. И именно, обаятельною силою веселья, гросфатеръ держался долго и упорно, во всякомъ случаѣ дольше экосеза. Помню, что когда я оперился уже въ Петербургѣ и съ тою же самоувѣренностью танцовалъ на здѣшнихъ балахъ и вечерахъ, въ то время когда объ экосезѣ и помину уже не было, гросфатеръ, хотя изрѣдка, исполнялся еще въ нѣкоторыхъ домахъ, преимущественно послѣ ужина, имѣющаго магическое свойство подстраивать всѣхъ на веселый ладъ и исполнялся, большею частью, при участіи почтенныхъ лицъ съ напуд-

ренными природою головами, лицъ, на которыхъ до ужина нельзя было смотрѣть иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ.

Обыкновенно въ срединѣ, или во второй половинѣ нашихъ провинціальныхъ вечеровъ, провозглашался и исполнялся матрадуръ, для танцоровъ того времени бывшій чѣмъ то въ родѣ майскаго парада для гвардейскихъ войскъ, экзамена для гимназистовъ, скачки съ препятствіями для благородныхъ ѣздоковъ и т. п. Все слабое, что могло еще болтаться съ грѣхомъ пополамъ въ другихъ танцахъ, отпадало, и на арену выступали только дѣйствительные богатыри. Едва раздавались первые музыкальные звуки, все общество получало какой то толчокъ и принимало выжидательное положеніе, въ высшей степени напряженное, какъ будто имѣло совершиться нѣчто необычайное. Старики и почтенные люди оставляли карты и велемудрыя рѣчи, преимущественно о недостаткахъ и промахахъ мѣстной администраціи, рѣчи, большею частію опозиціоннаго характера и приближались къ мѣсту дѣйствія. На лицахъ ихъ выражалось выжидающее впечатлѣніе. Дѣятели устанавливались съ особою торжественностію. По суетливости и озабоченности, съ которыми дѣлались эти предварительныя распоряженія, видно было, что должно произойти нѣчто, выходящее изъ ряду вонъ. Испытанные уже въ этомъ дѣлѣ кавалеры подбирали себѣ испытанныхъ дамъ, преимущественно танцовали мальчики и дѣвочки, большимъ почти не было здѣсь мѣста, и если нѣкоторые становились, то скорѣе для пополненія комплекта, чѣмъ для самостоятельныхъ дѣйствій. Установленіе и вообще первые приступы къ

матрадуру сходствовали съ тѣми же пріемами, какъ въ экосезѣ и гросфатерѣ. Точно также образовалась аллея, каждый кавалеръ становился противъ своей дамы и повертывался не съ чужою, какъ въ экосезѣ и гросфатерѣ, а съ своею дамою; послѣ этого поворота дѣйствующая пара не уносилась по аллеѣ, а расходилась другъ противъ друга; кавалеръ отбрасывался въ одну сторону, а дама въ другую, противуположную и этотъ то моментъ былъ самымъ занимательнымъ для зрителей и самымъ труднымъ для дѣятелей. Именно тутъ дама и кавалеръ должны были другъ предъ другомъ выказать всѣ сокровища своего искуства, всѣ плоды таланта. Тутъ именно пріобрѣталась пальма первенства маленькими танцорами. Тутъ не было уже заботы о граціи, всѣ заботы сосредоточивались исключительно на томъ, чтобъ навертѣть ногами такихъ узловъ, которые изумили бы публику и озадачили другихъ состязателей. И тутъ являлись истинные художники. Тогдашніе танцмейстеры, вмѣстѣ съ правилами мазурокъ, кадрилей, вальсовъ и т. п., внушали своимъ ученикамъ таинства всевозможныхъ антраша и различныхъ другихъ техническихъ хитростей. Эту сторону танцовальнаго искуства они разработывали довольно усердно, сколько потому, что она болѣе рельефно выставляла плоды и результаты ихъ занятій, столько и потому, что сами родители болѣе поощряли ее, видя тутъ дѣйствительно нѣчто необычайное. Всевозможныя кадрили не могли занимать ихъ. Но когда Ваничка или Соничка начнетъ выдѣлывать антраша, родительское сердце не можетъ не испытывать радостнаго чувства. При первыхъ пробахъ танцмейстера на этомъ полѣ, без-

дарные ученики отпадали; даровитые же усиліями танцмейстера доводились до возможнаго совершенства. Они знали, что всякій успѣхъ будетъ немедленно приложенъ къ дѣлу и немедленно вызоветъ и одобреніе публики и зависть соперниковъ, а это два такіе двигателя, которые столь же могущественны, какъ въ старости, такъ и въ ранней юности. Ктому же самый процесъ достиженія совершенства не представлялъ ничего отталкивающаго. Я самъ, бывало, въ отчаяніи предъ какимъ либо неодолимымъ фокусомъ, вставалъ ночью и попрыгивалъ съ цѣлію одолѣть задачу. Я много ночей не спалъ, разбирая «мысленно» узлы и петли, которыхъ не могъ одолѣть практически и какъ ни странно это, достигалъ иногда успѣха, именно при содѣйствіи умственныхъ пріемовъ. О! если бы всѣ другіе предметы нашего воспитанія изучались также усердно, охотно и весело, какъ мы предавались изученію танцовъ! какіе бы мы всѣ были умники! Въ результатѣ выходило то, что большая часть моихъ сверстниковъ достигала значительнаго совершенства и была замѣчательными танцорами, даже въ смыслѣ техническомъ. Я не помню, какъ и назывались эти техническія хитрости и подвожу ихъ подъ одно общее названіе: «антраша», но помню что мы, такъ сказать, сыпали ими на каждомъ шагу, и во всевозможныхъ танцахъ. Танцуемъ ли мы кадриль, мазурку, и пр., гдѣ вовсе и не требуется никакихъ спеціальныхъ украшеній, мы непремѣнно находили случай и возможность обильнаго размѣщенія ихъ. Несешься напр. въ мазуркѣ и на какомъ нибудь поворотѣ припрыгнешь и сдѣлаешь ногами какой нибудь вензель. Эти вензеля и антраша были самою

занимательною частью танцовъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для нашихъ стариковъ. Въ матрадурѣ все это высшее искуство такъ сказать концентрировалось; поэтому то старики и почтенные люди обступали насъ съ живѣйшимъ интересомъ.

Старики и почтенные люди между тѣмъ, во время своихъ велемудрыхъ бесѣдъ, не переставали выпивать то по рюмочкѣ этого, то по рюмочкѣ того, не говоря уже о томъ, что во время продолжительнаго чаепитія не забывали подливать къ чаю значительную долю ромку. Результатъ былъ тотъ, что во второй половинѣ вечера они пріобрѣтали уже довольно веселое настроеніе и рѣчи ихъ становились громче и оживленнѣе. Въ антрактахъ между танцами кто нибудь изъ нихъ начиналъ мурлыкать какую нибудь пѣсню; другой подтягивалъ, затѣмъ являлось общее желаніе пѣнія, безъ котораго въ то время никакое веселье было не возможно. Подобно тому, какъ при началѣ матрадура почтенные люди сосредоточивались во кругъ него, такъ и теперь они приближались къ оркестру и требовали, чтобъ онъ сопровождалъ ихъ вокальныя предпріятія. Знаменитому Осипу объяснялось, чего общество ожидаетъ и требуетъ, т. е. какія пѣсни должны быть исполнены. Со стороны музыки въ этомъ отношеніи не оказывалось никакихъ препятствій. Тогдашніе музыканты обязывались въ равной степени знать всевозможные танцы и пѣсни, ибо на каждомъ тогдашнемъ вечерѣ положительно столько же пѣли, сколько и танцовали. И здѣсь дѣло начиналось всегда солиднымъ образомъ, съ претензіями на изящество исполненія. Прежде всего исполнялась какая нибудь томная пѣсня,

напр.: «Среди долины ровныя» или «Винятъ меня въ народѣ, любить мнѣ не велятъ». Тѣ, которые считали себя тенорами, немедленно уходили въ высь невообразимую. Мой отецъ, неизмѣнно убѣжденный, что онъ большой знатокъ пѣнія и владѣетъ сильнымъ басомъ, устанавливался подлѣ контрбаса, переговаривался предварительно съ его владѣльцемъ, снабжая его спеціальными наставленіями, потомъ оттягивалъ губы, принимая свирѣпый и угрожающій видъ и пѣлъ, приписывая густые и глубокіе звуки, издаваемые контрбасомъ, своему басу, далеко не богатырскому. Протяжныя, томныя и заунывныя пѣсни смѣнялись веселыми и живыми; эти пѣсни смѣнялись танцами, потомъ танцы, въ свою очередь, смѣнялись опять пѣснями, и т. д.

Молодежь, послѣ каждаго танца, бѣгала въ садъ и освѣжалась виномъ, а старики и почтенные люди, послѣ каждой пѣсни, выпивали то по рюмочкѣ того, то другого, такъ что подъ конецъ вечера, веселье естественное, смѣшавшись съ искуственнымъ, принимало громадные размѣры и въ шумѣ его слышались задушевныя изъясненія, которыми сводились старые счеты или разбивались окончательно взаимныя недоумѣнія. На этомъ же вечерѣ дѣлались приглашенія на другой вечеръ, тѣми или другими знакомыми. Затѣмъ шелъ ужинъ, въ заключеніе котораго являлись тѣ знаменитые «розанцы,» съ вареньемъ посрединѣ, которые заготовлялись съ утра и цѣлый день ожидали своей чреды. Тутъ же откупоривалось съ обычнымъ хлопаніемъ и разливалось «цымлянское.» Послѣ ужина всѣ, веселые и радостные, разъѣзжались, чтобы чрезъ день или два собраться вновь гдѣ нибудь на подобную

пирушку. Такъ шла наша незатѣйливая, но безконечно веселая провинціальная жизнь, чуждая роскоши и претензій, но полная радостей.

Никто изъ читателей не будетъ, конечно, ожидать отъ меня изображенія общественныхъ увеселеній въ Пензѣ. Какія общественныя увеселенія могли быть въ глухомъ провинціальномъ городѣ, въ двадцатыхъ годахъ, когда и теперь еще наши провинціи крайне скудны по этой части? Между тѣмъ, именно въ Пензѣ, и въ то время, существовалъ театръ, оригинальный, замѣчательный, театръ крѣпостной, безспорно самый рѣдкій изъ всевозможныхъ театровъ. Въ числѣ помѣщиковъ пензенской губерніи, весьма многочисленныхъ, былъ Василій Григорьевичъ Гладковъ. Фигура его, не въ обиду будь сказано, была крайне непривлекательна и носила печать праздной и безпутной жизни небольшихъ помѣщиковъ того времени. Онъ очень походилъ на цыгана. Чорный и красный, чорный отъ природы, красный, или лучше сказать багровый, отъ постоянныхъ кутежей, Гладковъ былъ небольшого роста, немножко пузатъ, съ большою головою, покрытою курчавыми волосами. Во всѣхъ его манерахъ было что то ухорское, отталкивающее. Видно было, что онъ не остановится ни передъ какимъ скандаломъ. Нечего и говорить, что онъ былъ постоянно «въ подпитіи.» На склонѣ горы, которая вела отъ присутственныхъ мѣстъ къ Преображенской церкви, стояло громадное, запущенное, невзрачное деревянное зданіе. Это было жилище Гладкова и его театръ; по всей вѣроятности оно досталось ему въ такомъ же видѣ отъ его предковъ. Описывать внутреннее расположеніе этого безобразнаго зданія незачѣмъ. Тутъ, какъ

во всѣхъ театрахъ, были ложи, кресла и неизбѣжный рай, съ которымъ я прежде всего познакомился. Труппа состояла частію изъ крѣпостныхъ людей Гладкова, частію изъ мѣстныхъ чиновниковъ. Въ первомъ отдѣлѣ, звѣздою первой величины былъ Григорій или «Гришка,» отчаяннѣйшій изъ всѣхъ существовавшихъ трагиковъ, даже внѣ сцены наводившій на всѣхъ трепетъ своимъ видомъ, ибо постоянно ходилъ съ растрепанными, всклоченными и нечесанными волосами, небритой бородой и постоянно, какъ и баринъ его, былъ «въ подпитіи.» Онъ имѣлъ громадную репутацію въ средѣ мѣстныхъ любителей театра и на сценѣ дѣйствительно былъ ужасенъ. Всѣхъ ролей, которыя онъ исполнялъ, я не могу вспомнить, но въ то время была въ большомъ ходу и часто исполнялась драма: «Отецъ и дочь,» гдѣ Григорій наводилъ ужасъ на всѣхъ зрителей. Самое появленіе его на сцену было чрезвычайно эфектно. Сцена представляла дремучій лѣсъ; шумѣла буря, сверкала молнія и, въ это время, Григорій, въ качествѣ сумасшедшаго отца, блѣдный и страшный, неистово врывался на сцену, въ цѣпяхъ, начиналъ ревѣть, потрясать цѣпями и ворочать глазами страшнѣйшимъ образомъ. Онъ вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ и вкусамъ мѣстныхъ гражданъ, и многіе признавали въ немъ дѣйствительный талантъ, только не разработанный правильно и подавленный почти безпрерывнымъ пьянствомъ. Во второмъ отдѣлѣ также звѣздою первой величины, затмѣвавшею дарованіе Григорія, былъ Бурдаевъ, тоже трагикъ, что не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію при первомъ взглядѣ на эту замѣчательную фигуру. Рѣдко можно встрѣтить личность трагика, по самой внѣшности

своей такъ полно отвѣчающую этому званію. Такая внѣшность была у Василія Андреевича Каратыгина. Бурдаевъ не былъ такого громаднаго роста, но во всемъ остальномъ рѣшительно родной братъ Каратыгина. Лицо его было такое же, только совершенно блѣдное, точно мраморъ; на лицѣ такія же глубокія черты или полосы. Прибавьте къ этому великолѣпный голосъ, густой, звучный и чрезвычайно мелодическій, несравненно лучше, чѣмъ тотъ глухой и сиплый голосъ, какимъ владѣлъ покойный Каратыгинъ. Трагичность Григорія была искуственная, напускная, зависѣвшая отъ ворочанья глазъ, всклочиванія волосъ, потрясанія цѣпями и т. п. Трагичность Бурдаева была естественная и потому благородная и изящная. За исключеніемъ костюма, Бурдаевъ внѣ сцены, и Бурдаевъ на сценѣ представлялъ мало различія. Онъ былъ столоначальникъ гражданской палаты и вообще человѣкъ весьма почтенный. Мѣсто это, при всей незначительности, доставляло ему достаточныя средства, такъ что онъ не имѣлъ никакой необходимости добавлять ихъ посторонними заработками. Служеніе его драматическому искуству едва ли не было совершенно безкорыстно и истекало вовсе не изъ нужды, но изъ любви къ театру. Денежные сборы гладковскаго театра были крайне ничтожны, ибо ложи и кресла разсылались большею частію даромъ и слѣдовательно плата артистамъ должна была упадать до грошей, т. е. такой степени, которая вовсе не соотвѣтствовала ни служебному, ни общественному положенію Бурдаева, а если бы въ кассѣ театра и очутилась незначительная сумма, Гладковъ ни по своимъ средствамъ, ни по своимъ правиламъ, не удержался бы положить эту вы-

ручку въ свой собственный карманъ. Однимъ словомъ, Бурдаевъ былъ царь пензенской сцены и первѣйшій экземпляръ труппы, образовавшейся изъ мѣстныхъ чиновниковъ, въ которой эти господа мѣнялись какъ въ панорамѣ, ибо чуть ли не каждый пробовалъ свой талантъ и, когда его не оказывалось, уступалъ мѣсто другому. Не многіе удерживались тамъ постоянно, успѣвъ пріобрѣсти любовь публики. Въ числѣ этихъ счастливцевъ былъ одинъ изъ нашихъ родственниковъ, Кандагаровъ, комикъ, умѣвшій не дурно пѣть. Этотъ Кандагаровъ былъ первымъ виновникомъ знакомства моего, еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, съ райкомъ гладковскаго театра. «Приходи въ театръ и жди меня у кассы, я тебя проведу», скажетъ бывало Кандагаровъ, и вотъ заберешься спозаранку въ театръ и ждешь съ волненіемъ радостной минуты. Вдругъ среди толпы осаждающей кассу, появляется Кандагаровъ, совсѣмъ уже закостюмированный, намазанный, какъ чучело, набѣленый и нарумяненный, возьметъ меня за руку и поведетъ въ самый верхъ, казавшійся мнѣ тогда дѣйствительнымъ раемъ.

Само собою разумѣется, что въ театральной труппѣ были актрисы драматическія и комическія, пѣвицы, танцовщицы, однимъ словомъ весь женскій персоналъ; но этотъ отдѣлъ былъ уже чисто крѣпостной. Первую пѣвицу называли Сашкой, первую танцовщицу Машкой и въ этотъ женскій отдѣлъ не поступали личности изъ среды мѣстныхъ гражданъ, да это было и невозможно при пьяномъ и развратномъ распорядителѣ театра.

Представить отчетъ о томъ, на какой степени стояли сценическія достоинства гладковскаго театра, я не въ со-

стояніи, потому что въ дѣтскіе годы объ этомъ достоинствѣ я не могъ и судить. Мнѣ было всегда весело и пріятно быть въ театрѣ и смотрѣть, что̀ дѣлается на сценѣ; я видѣлъ, что и другимъ точно также было весело. Видѣлъ, что давались трагедіи, комедіи и дивертисменты—самая любимая часть представленія для тогдашней публики. Пензенская публика удовлетворялась гладковскимъ театромъ несравненно болѣе, чѣмъ петербургская своимъ театромъ.

Александринскій театръ,—явленіе, по истинѣ замѣчательное въ столицѣ. Петербургъ смѣло можетъ выдержать сравненіе съ любымъ изъ европейскихъ городовъ; но александринскому театру стоило бы большого труда выдержать сравненіе даже съ гладковскимъ театромъ, если бы тотъ существовалъ до сихъ поръ. Кто первый трагикъ александринскаго театра? Ленидовъ, что ли, или Нильскій! Развѣ это настоящіе артисты? Это просто работники, чиновники, которыми можетъ быть всякій другой. Гдѣ у насъ комики? Ужъ не Озеровъ ли или Алексѣевъ? Въ теченіи многихъ лѣтъ я слѣжу за александринскимъ театромъ и преклоняюсь передъ непостижимымъ упорствомъ, съ которымъ онъ пребываетъ въ послѣднее время въ излюбленной имъ сферѣ бездарности и, какъ зачумленный организмъ, не только не привлекаетъ къ себѣ ничего новаго и даровитаго, но даже выбрасываетъ все даровитое, что въ немъ прежде было. А кто не помнитъ, какіе сильные таланты въ немъ прежде были: Каратыгины, Брянскіе, Сосницкіе, Мартыновы, Максимовы; тамъ была Асенкова, тамъ была несравненная Вѣра Самойлова, высокоталантливая Линская. Конечно, многіе изъ нихъ отошли къ праотцамъ и удержать ихъ было не во власти

человѣческой! Но Павелъ Васильевъ, единственный артистъ поддерживавшій этотъ театръ и привлекавшій публику? онъ, благодаря Бога, здравствуетъ; гдѣ же онъ? И потомъ, что же дѣлаетъ администрація нашего театра? Развѣ можно сидѣть сложа руки, смотрѣть равнодушно, какъ смерть поочередно похищаетъ талантливыхъ артистовъ и нисколько не заботиться о замѣщеніи ихъ другими? Вѣдь этимъ путемъ можно лишиться всѣхъ артистовъ, не только талантливыхъ. Надо искать другихъ артистовъ и замѣщать убылыхъ новыми. Русская земля не клиномъ сошлась. Стоитъ только поискать—въ ней все найдется. Давно ли у насъ не было ни инженеровъ, ни адвокатовъ, ни судей. Все нашлось, когда надобность явилась. Нашлись даже русскіе акробаты, воздухоплаватели. Одинъ только александринскій театръ не находитъ хорошихъ артистовъ и не находитъ, конечно, потому, что не ищетъ, довольствуясь старымъ хламомъ. Тутъ нѣтъ нетолько слѣдованія по пути прогреса, но является очевидное шествіе въ совершенно противуположную сторону. Любопытно, что александринскій театръ нетолько не замѣчаетъ своего рачьяго шествія, но равнодушенъ къ безчисленнымъ нападкамъ, укоризнамъ, совѣтамъ, которые постоянно сыплятся на него въ печати и въ обществѣ. Въ ряду общественныхъ учрежденій нѣтъ ни одного, которое бы удостоивалось подобнаго пренебреженія, подобныхъ укоровъ со стороны общества. Нельзя встрѣтить человѣка, который бы не счелъ своимъ долгомъ ругнуть александринскій театръ. Но равнодушный къ внушеніямъ прогреса, сей знаменитый театръ равнодушенъ въ той же степени къ укорамъ общества. Ничто не беретъ

его! все ему, какъ съ гуся вода! Какъ кирпичи, изъ которыхъ построенъ александринскій театръ, остаются неподвижными, такъ и труппа его артистовъ не поддается никакому движенію, въ смыслѣ улучшенія и совершенствованія. Александринскій театръ думаетъ о томъ только, чтобъ у него была труппа; а о томъ, какая эта должна быть труппа, ему и дѣла нѣтъ.

Еще болѣе замѣчательно обстоятельство, что драматическій театръ въ Петербургѣ, и такой же театръ въ Москвѣ, находятся подъ однимъ управленіемъ, а между тѣмъ, сравнивая ихъ достоинства, можно заключить, что московскій театръ находится въ иностранномъ государствѣ—такое совершенство представляетъ этотъ театръ. Я видѣлъ почти всѣ европейскія сцены, и такихъ талантливыхъ артистовъ, какими блистаетъ московскій театръ, немного и въ Европѣ. Васильева 1-я, Ѳедотова, Никулина—истинныя художницы. Если бы такой талантъ, какъ Ѳедотову или Никулину, привезти изъ за моря, и на каждой верстѣ ея шествія гремѣть въ газетахъ: «ѣдетъ чудо! приближается!» тогда восхищенію на разные лады и тоны не было бы предѣловъ. Если бы александринскій театръ только на 10% пріобрѣлъ той талантливости, которая бьетъ обильнымъ ключомъ въ Москвѣ, и то для петербуржцевъ было бы большое благо. Между тѣмъ, какъ московскіе жители смотрятъ Самарина, Шумскаго, петербуржцы должны наслаждаться игрою Душкиныхъ, Марковецкихъ. Въ московскій театръ ѣдешь, чтобъ испытать величайшее удовольствіе. Послѣ посѣщенія петербургскаго театра всегда является какая то досада, злоба даже на кого-то. Большею частію эта досада обрушивается на без-

дарныхъ исполнителей; но они тутъ мало виноваты. Виноватыхъ тутъ надо искать выше. Исполнители предлагаютъ то, что̀ могутъ, что̀ у нихъ есть. Отъ распорядителей репертуарной части зависитъ оцѣнить это предложеніе и опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли оно достоинству императорскаго театра или нѣтъ. Ясно, что оцѣнка эта дѣлается съ снисходительностью, превосходящею всякую мѣру. Если наконецъ достигнута будетъ свобода частныхъ театровъ, о которой такъ давно и такъ много пишутъ и толкуютъ, нынѣшнимъ артистамъ александринскаго театра придется плохо. Можно съ увѣренностью сказать, что едва ли кто нибудь изъ частныхъ предпринимателей рѣшится пріобрѣсти ихъ таланты для своего театра.

Вообще можно допустить, что русскій театръ въ Петербургѣ можетъ быть хуже французскаго, нѣмецкаго или вообще другихъ театровъ въ Европѣ. Но почему петербургскій русскій театръ несравненно хуже московскаго, тогда какъ оба они находятся въ одинаковыхъ условіяхъ и въ одномъ управленіи—этого понять невозможно. Скорѣе можно было ожидать явленія, совершенно обратнаго, на томъ основаніи, что въ Петербургѣ находится главное, сильное и самостоятельное управленіе, а въ Москвѣ управленіе второстепенное, подчиненное, зависимое. Между тѣмъ это второстепенное управленіе поставило свой театръ на высокую степень совершенства. На моихъ глазахъ московскій театръ потерялъ знаменитѣйшихъ своихъ членовъ: Садовскаго, Живокини, Колосову. Это были существенныя и тяжелыя потери; но театръ не упалъ и удержался на прежней высотѣ. На мѣсто убылыхъ онъ

принялъ другихъ талантливыхъ, хотя и не въ той степени, артистовъ: Берга, Макшеева.... На александринской сценѣ положительно нѣтъ ни одного актера, равнаго имъ по таланту, тамъ есть только люди, исполняющіе должность актеровъ, точно также, какъ и мы, не будучи вовсе актерами по призванію, тоже исполняли бы ихъ, если бы начальство приказало, или если бы мы сами не нашли другого ремесла для добыванія хлѣба, точно также наконецъ, какъ должности арабовъ исполняются иногда вовсе не арабами. Отчего, наконецъ, русскій театръ въ Москвѣ держится на высотѣ своего значенія, а театръ въ Петербургѣ сдѣлался предметомъ всеобщихъ нареканій? отчего московскій театръ пріобрѣтаетъ въ свой составъ новыхъ талантливыхъ артистовъ, а петербургскій театръ ограничивается застарѣлою и захудалою толпой своихъ плохихъ артистовъ и ни зачто не хочетъ освѣжить свою труппу принятіемъ въ нее молодыхъ талантовъ съ провинціальныхъ и частныхъ сценъ? Предоставляю желающимъ углубляться въ эти неразрѣшимые вопросы и обращаюсь къ воспоминаніямъ о гладковскомъ театрѣ.

Какъ это сдѣлалось—не могу сказать, но съ теченіемъ времени театръ этотъ подпалъ подъ вліяніе моего отца. Сблизился ли съ моимъ отцомъ Гладковъ, оказалъ ли ему отецъ какія либо существенныя услуги—незнаю; только двери театра открылись настежъ предъ моимъ отцомъ. Предъ каждымъ представленіемъ являлся непремѣнно посланный отъ Гладкова къ отцу съ любезнымъ письмомъ и значительнымъ числомъ билетовъ на ложи и кресла, которые уже отъ отца раздавались его знакомымъ. Билеты на ложи большею частію отсылались къ содержательни-

цѣ женскаго пансіона Ломбардъ, въ слѣдствіе чего вечеромъ, въ день представленія, ложи наполнялись множествомъ молодыхъ дѣвушекъ. Посланнымъ большею частью бывалъ самъ косматый Григорій, который почти всегда участвовалъ въ самомъ представленіи, въ какой нибудь раздирательной роли. По этому поводу отецъ говорилъ ему: «смотри потѣшь, братъ Гриша! не ударь лицомъ въ грязь»!—«Зачѣмъ же, батюшка Антонъ Матвѣевичъ, возражалъ Григорій, не въ первые! Постараемся»! Затѣмъ ему вручался полтинникъ, самая употребительная монета того времени, и Григорій удалялся, чтобы вечеромъ съ громомъ и молніей явиться на сценѣ трагическимъ героемъ. Случалось часто, что передъ представленіемъ отецъ бралъ меня съ собою и мы предварительно заходили къ Гладкову, въ его довольно грязноватое жилище, гдѣ онъ знакомилъ насъ съ закулисною стороною театра, вызывалъ для ближайшаго нашего разсмотрѣнія Машку—танцовщицу, или Катьку—пѣвицу, которыя и являлись предъ нами уже костюмированныя, набѣленыя, нарумяненыя и вообще закрашенныя до крайней степени. Съ приближеніемъ начала спектакля мы оставляли внутреннія комнаты Гладкова и занимали мѣста, которыя отецъ оставлялъ за собою. Въ оркестрѣ исполнялось нѣчто въ родѣ увертюры, занавѣсъ взвивался и на сценѣ начиналось объявленное представленіе. Въ одно время съ нимъ, начиналось всегда неизбѣжное представленіе передъ сценой, гдѣ главнымъ и единственнымъ артистомъ являлся самъ хозяинъ театра, Гладковъ. Публика хорошо знала поведеніе и привычки его, наклонность ко всевозможнымъ скандаламъ и слѣдила за нимъ съ вниманіемъ,

едва ли не бо̀льшимъ, чѣмъ то, какое отдавалось представленію на сценѣ. Возгласы сценическіе смѣшивались съ возгласами Гладкова. Въ то время, когда какой нибудь царь или герой, въ лицѣ Бурдаева, или крѣпостного Григорія, ревѣлъ на кого нибудь изъ своихъ подданныхъ, Гладковъ, нисколько не стѣсняясь, изрыгалъ громы на этого царя или героя и называлъ его дуракомъ или скотиной, смотря потому, чего онъ заслуживалъ, вслѣдствіе эстетической оцѣнки главнаго хозяина и начальника. Этого мало. Часто по окончаніи какого нибудь явленія, Гладковъ, на виду всѣхъ, бурно срывался съ своего мѣста и грозно летѣлъ на сцену. Всѣ знали, что этотъ неистовый полетъ имѣлъ цѣлію немедленную расправу съ тѣмъ, или другимъ артистомъ, посредствомъ пощечинъ и зуботычинъ и что даже какой нибудь Ифигеніи или другой важной персонѣ женскаго пола не избѣжать подобной расправы, что̀ и подтверждалось заплаканными глазами и раскраснѣвшимися щеками этой особы, когда она снова появлялась на сценѣ. По условіямъ того времени, удаль должна была выражаться всевозможными скандалами, производящими въ публикѣ шумъ и толки. Гладковъ и дѣлалъ эти скандалы, постоянно бывшіе предметомъ общихъ толковъ. Дѣлать скандалы онъ былъ обязанъ тѣмъ болѣе, что былъ отставнымъ гусаромъ, а отставные гусары кажется отъ сотворенія міра признаны исключительными спеціалистами и мастерами въ этой отрасли человѣческой дѣятельности.

Скандалы, совершаемые Василіемъ Гладковымъ я разсказывать не буду, потому что они были безчисленны, а еще болѣе потому, что большею частью грязны и ни-

сколько не остроумны. У Василія Гладкова былъ братъ Александръ, служившій тоже въ гусарахъ и нерѣдко появлявшійся въ Пензѣ. Появленіе его всегда сопровождалось увеличеніемъ мѣстныхъ скандаловъ, весьма понятнымъ, ибо они производились уже двумя Гладковыми. Какъ мало остроумны были эти скандалы, приведу одинъ примѣръ. Александръ Гладковъ возвѣщалъ свое прибытіе слѣдующимъ образомъ: онъ усаживался на дрожки такъ, что головой упирался въ спину кучеру, а ноги клалъ на спинку сидѣнья и такимъ образомъ принималъ лежачее положеніе съ задранными вверхъ ногами. Въ рукахъ онъ держалъ палку и постоянно размахивалъ ею. Въ такомъ видѣ онъ разъѣзжалъ по городу и громко распѣвалъ непристойныя пѣсни. Можно понять степень безсилія мѣстныхъ полицейскихъ властей, когда онѣ не могли остановить такого публичнаго безобразія. Другой пасажъ происходилъ тоже на моихъ глазахъ. Я сказалъ уже, что гладковское жилище стояло на склонѣ горы; спускъ этотъ былъ весьма крутой, неразработанный, для экипажей вовсе недоступный, а для пѣшеходовъ требовавшій величайшей осторожности. 6 августа церковь Преображенія празднуетъ свой храмовой праздникъ. Въ тоже время, во имя перваго Спаса, кругомъ церкви, т. е. въ самомъ низу горы, выставлялось безчисленное множество столиковъ съ яблоками всевозможныхъ сортовъ и качествъ. Въ провинціи существовалъ обычай, что въ большой праздникъ всѣ стекаются въ церковь, которая сооружена во имя этого праздника. Такъ точно было всегда и 6-го августа: Церковь Преображенія была не только полна, но даже окру-

жена народными массами. Въ тоже время, сверху горы видно было все, что происходило внизу, а снизу все, происходившее на верху горы. Въ одинъ изъ подобныхъ дней я, а со мной и большая часть пензенскихъ гражданъ, собравшихся у Преображенской церкви, видѣли слѣдующій пасажъ этихъ удальцовъ: Александръ Гладковъ вышелъ изъ дома въ сопровожденіи нѣсколькихъ пріятелей. Всѣ они на краю горы смотрѣли внизъ. Толпы, находившіяся внизу, смотрѣли вверхъ, зная обычное стремленіе Гладковыхъ къ скандаламъ и, въ тоже время видя, что компанія, на верху, находится въ крайне веселомъ настроеніи, ожидали какого нибудь необычайнаго событія. Ожиданія оправдались. Александръ Гладковъ схватываетъ вдругъ кого то изъ пріятелей и вмѣстѣ съ нимъ пускается бѣжать внизъ. Гора была вовсе не удобна для подобнаго опыта. Рыцари тотчасъ упали и кубаремъ, одинъ за другимъ, покатились внизъ. Они накатились на безчисленные столики, уставленные вокругъ церкви бѣдняками и преимущественно женщинами. Столики повалились, тысячи яблоковъ разсыпались и покатились по наклоннымъ дорожкамъ. Въ тоже время раздался визгъ, пискъ, ругань и плачъ бѣдняковъ, потерявшихъ надежды, связанныя съ ихъ бѣдною торговлею. Удальцы же, какъ послѣ выиграннаго сраженія, довольные и веселые, съ шумомъ и хохотомъ возвратились во свояси.

Если случались зимніе дни, или лучше сказать, зимніе вечера, когда мы не ходили въ гости и къ намъ не приходили гости, когда мы не давали баловъ съ музыкантомъ Осипомъ, гросфатерами и матрадурами и когда не давалось такихъ баловъ ни у кого изъ нашихъ знако-

мыхъ—тогда вечера эти посвящались чтенію. Во времена моего дѣтства, чтеніе едвали не составляло главнаго удовольствія моихъ согражданъ. Всѣ постоянно спрашивали другъ у друга: нѣтъ ли книжки почитать? Непостижимо, изъ какого источника добывались эти книжки, а добывались онѣ въ громадномъ количествѣ. И какія книжки! Чего только я не прочиталъ въ моемъ раннемъ дѣтствѣ! Само собою разумѣется, что всѣ эти «Лолоты и Фанфаны», всѣ эти «Алексисы или домики въ лѣсу» проглочены были мною на первыхъ порахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что едва ли изъ переводныхъ романовъ Жанлисъ или Радклифъ есть какой нибудь, котораго бы я не прочелъ. Но я читалъ и такія книги, которыя нынче составляютъ рѣдкость. Я читалъ напр. съ неизъяснимымъ наслажденіемъ Аріосто: «Влюбленный Роландъ» и «Неистовый Роландъ», огромную книгу въ толстомъ кожанномъ переплетѣ, во многихъ томахъ. Когда я спрашивалъ сыновей своихъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, читали ли они эту книгу, они отвѣчали: нѣтъ! Когда я совѣтовалъ имъ отыскать ее и прочитать, они отвѣчали, что найти ее теперь не возможно. Въ Пензѣ, во время моего дѣтства, книгъ подобнаго содержанія было много и я жадно проглатывалъ все, что мнѣ попадалось. Изображеніе рыцарскихъ подвиговъ, перемѣшанное съ различными волшебствами, съ которыми герои должны были бороться на каждомъ шагу, плѣняло мое дѣтское воображеніе до такой степени, что всюду мерещились мнѣ боевые кони, латы, шлемы, щиты, копья, и удивительно, что подъ обаятельнымъ вліяніемъ этихъ повѣствованій, не явилось на моей ро-

динѣ чего нибудь въ родѣ второго Дон-Кихота. Я помню, что былъ совершенно поглощенъ этимъ міромъ и потихоньку старался уподобить толстыя палки копьямъ и самъ уподобиться какому нибудь рыцарю. Какъ и откуда попали эти книги на мою родину, не знаю, но еслибы можно было собрать ихъ во едино, онѣ могли бы составить не шуточную библіотеку, исключительно рыцарскаго содержанія.

Пока я поглощалъ эти, случайно добываемыя книги, у моего семейства образовался довольно обильный и солидный источникъ для полученія книгъ и чтенія болѣе современныхъ произведеній. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ существовала знаменитая въ то время типографія Селивановскаго. Въ этой типографіи, чрезъ посредство моего отца, дѣлался заказъ безчисленнаго множества громаднѣйшихъ счетныхъ книгъ, для всѣхъ казначействъ пензенской губерніи. Заказъ этотъ, повидимому, былъ дѣломъ довольно серьезнымъ и выгоднымъ для Селивановскаго. А какъ въ то время каждый, пользующійся выгодами отъ какого нибудь дѣла, считалъ долгомъ удѣлять ту или другую часть этихъ выгодъ, въ томъ или другомъ видѣ, пособникамъ или посредникамъ дѣла, то и Селивановскій считалъ справедливымъ и полезнымъ дѣлать посильныя любезности моему отцу. Были ли любезности другого рода, не знаю, но книгами надѣлялъ насъ Селивановскій обильно. При каждомъ случаѣ онъ высылалъ намъ книги въ большомъ количествѣ и разумѣется самаго разнороднаго содержанія, начиная отъ книги Ѳомы Кемпійскаго, «о подражаніи Іисусу» до «Странника» Вельтмана, производившаго въ провинціи

положительный фуроръ при своемъ появленіи. Намъ даже трудно было помѣщать книги, высылаемыя Селивановскимъ: два или три сундука биткомъ были набиты, а книгъ, не вошедшихъ туда, все еще много. Эти сундуки, полные книгъ, были большимъ благомъ не только для меня и всего семейства, но и для всего города, покрайней мѣрѣ для того, довольно обширнаго, кружка, къ которому принадлежало мое семейство. Со всѣхъ концовъ шли къ намъ за книгами и, разумѣется, никто не получалъ отказа. Я читалъ неустанно, и если чтеніе это, не направляемое систематически, не могло принести большей пользы, тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ громаднымъ удовольствіемъ, которое оно доставляло мнѣ, незамѣтно обогащало мою память такими свѣдѣніями, которыя не могутъ быть лишними ни для кого. На этомъ то книжномъ богатствѣ основывалось и устроивалось вечернее чтеніе, въ зимніе дни, моимъ отцомъ....

Онъ обыкновенно пристраивался къ большому столу, за которымъ мы обѣдали и пили чай, а кругомъ усаживалъ всю семью. Всѣ мы пристально смотрѣли на него. Читалъ онъ прекрасно: громко, внятно и толково. Многія мѣста, не вразумительныя для нашего дѣтскаго пониманія, онъ разъяснялъ. Вниманіе наше разумѣется зависѣло отъ предмета чтенія. Если дѣло шло о какихъ нибудь рыцаряхъ и разбойникахъ, мы чрезвычайно оживлялись и въ глазахъ нашихъ свѣтилось любопытство. Если шло что нибудь серьезное, особенно духовное, что преимущественно любилъ читать отецъ, мы скоро начинали, какъ говорится, «клевать носомъ». Строгій отецъ покрикивалъ на насъ, мы пріободрялись сколько могли,

выпучивали глаза и особенно усиленно смотрѣли на отца, не столько изъ вниманія къ чтенію, сколько изъ опасенія получить неожиданный щелчокъ; но это напряженное состояніе не могло продолжаться: не смотря на всѣ наши усилія, дремота неодолимая брала свое и мы снова начинали клевать носомъ. Дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что отецъ, послѣ многихъ покрикиваній, видя совершенную тщету ихъ, а главное мучительное положеніе, которое мы испытывали, окончательно объявлялъ намъ, что мы дураки и затѣмъ прогонялъ насъ изъ-за стола. При наступленіи другого чтенія, мы постоянно упрашивали отца выбрать изъ Селивановскаго запаса что нибудь по веселѣе и по забавнѣе; что нибудь въ родѣ «Лолоты», «Алексиса» и т. п. и понятно, что при совершенномъ различіи нашихъ воззрѣній на литературу, просьбы эти удовлетворялись нелегко. Если намъ было не очень весело слушать мудрыя наставленія, «о подражаніи Христу», то съ другой стороны и отцу, въ угоду своей мелюзги, еще болѣе скучно было читать какія нибудь росказни о похожденіяхъ «Алексиса», или «Фанфана». Какъ бы то ни было, но чтеніе, если не ежедневное, то все таки довольно постоянное, руководимое моимъ отцомъ, входило въ кругъ обычныхъ нашихъ занятій, въ зимнее время, и длинные вечера, ничѣмъ другимъ не занятые, отдавались преимущественно этому занятію.

Само собою разумѣется, что оно нисколько не препятствовало мнѣ проглатывать всѣ тѣ книги, которыя удавалось мнѣ вылавливать на сторонѣ. Какъ неводъ, закинутый въ рѣку, вмѣстѣ съ рыбой вытаскиваетъ много

грязи и разной дряни, такъ точно и я, отыскивая интересныя сочиненія рыцарскаго и волшебнаго содержанія, попадалъ на такія отвратительныя книги, о которыхъ даже теперь вспомнить стыдно! Какія нечистыя силы могли заносить эти гнойные наросты литературы, украшенные ужасными рисунками, въ нашу мирную, добродѣтельную Пензу, и еще въ доброе старое время,—понять невозможно. Такъ какъ эти книжонки большею частію были на французскомъ языкѣ, то появленіе ихъ на моей родинѣ можно объяснить тѣмъ, что тому или другому изъ туземныхъ недорослей удавалось побывать гдѣ нибудь заграницей и онъ, прежде всего, заботился пріобрѣсти тамъ подобныя книжонки, для того, чтобы, по возвращеніи на родину, предъявить ихъ другимъ туземнымъ недорослямъ, какъ несомнѣнное доказательство своего окончательнаго просвѣщенія.

Какъ бы то нибыло, эти книжонки имѣли дурное вліяніе на нравственность современной мнѣ молодежи.

Однимъ изъ весьма важныхъ явленій въ зимнемъ періодѣ нашего провинціальнаго существованія, было отправленіе присяжныхъ въ Петербургъ и потомъ возвращеніе ихъ на родину. Присяжными назывались счетчики при уѣздномъ казначействѣ. Они продавали гербовую бумагу, принимали и выдавали, по приказанію казначея, мелкія суммы, отворяли и запирали кладовую, вносили туда и выносили мѣдныя деньги. Почему эти счетчики назывались «присяжными», не знаю. Быть можетъ они давали какую нибудь особую «присягу» при вступленіи въ эту должность. Въ должность эту поступали заслуженные отставные унтер-офицеры изъ лучшихъ

людей; присяжные въ Пензѣ, во время моего дѣтства, были увѣшаны множествомъ крестовъ и медалей и постоянно разсказывали о сраженіяхъ, въ которыхъ они бились. При пензенскомъ казначействѣ такихъ счетчиковъ или присяжныхъ было четыре; но я въ особенности помню двухъ, болѣе ловкихъ, надежныхъ и распорядительныхъ. Это были: Новохацкій, толстенькій, маленькаго роста, хохолъ, большой краснобай, по виду большой плутъ, и какъ всѣ плуты, бойкій и распорядительный. Въ ряду пензенскихъ присяжныхъ онъ былъ первымъ нумеромъ. Эти же присяжные были домашними людьми казначея и сильно помогали ему въ различныхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Они покупали что нужно, нанимали кого нужно, привозили и отвозили что нужно, однимъ словомъ были чѣмъ то въ родѣ дополнительной, но болѣе почетной и благонадежной прислуги казначея. И именно по отношенію къ этого рода дѣятельности, я помню Новохацкаго; онъ вѣчно болтался въ нашемъ домѣ и вѣчно разсуждалъ. Другой присяжный былъ Симоновъ, въ противуположность Новохацкому, личность неимовѣрно мрачная и враждебная Новохацкому, въ силу того неизмѣннаго правила, по которому двѣ личности, дѣйствующія на одномъ полѣ, непремѣнно становятся врагами, будь это сановники, актеры и даже лакеи. Симоновъ былъ довольно высокій, но сгорбленный старикъ, съ длинными бакенбардами и бровями до того густыми и нависшими надъ глазами, что ихъ почти не было видно.

Пензенское казначейство обязано было разъ въ годъ отправлять своихъ присяжныхъ въ Петербургъ, за полу-

ченіемъ громаднаго количества гербовой бумаги для всей пензенской губерніи на цѣлый годъ. Миссія эта возлагалась преимущественно на Симонова и Новохацкаго, какъ на людей болѣе распорядительныхъ и благонадежныхъ и отправленіе ихъ приводило въ волненіе городъ. Во первыхъ, какъ ни бѣдны были сношенія такой отдаленной провинціи съ столицей, но все таки они были. Нѣкоторые изъ пензяковъ служили тамъ, другіе воспитывались. Понятно, что туземные родственники ихъ надѣляли присяжныхъ письмами, словесными наставленіями передать то, сказать вотъ это, а частью и разными посылками. Но главная тяжесть, взваливаемая на присяжныхъ, состояла въ безчисленныхъ порученіяхъ по части покупокъ. Едвали оставалось въ Пензѣ самое скромнѣйшее семейство, которое не желало бы воспользоваться случаемъ и не поручало присяжнымъ тоже купить и привести чего нибудь изъ столицы. Разумѣется предметы этихъ покупокъ были разнообразны до безконечности; но вслѣдствіе суматохи, происходившей при этомъ случаѣ въ моемъ собственномъ семействѣ, я съ достовѣрностью могу сказать, что выписывались преимущественно—странное дѣло!—снѣтки. Какую сласть находили мои земляки въ этой ничтожной рыбешкѣ, непостижимо, но не подлежитъ сомнѣнію, что они признавали ее самою главною и необходимою статьею привоза. За снѣтками шли—тоже странно—ножницы! Англійскія ножницы считались какою то драгоцѣнностью. За ножницами—иголки разныхъ сортовъ и нумеровъ. Это требованіе менѣе странно, ибо шитье всевозможныхъ родовъ было постояннымъ и обычнымъ занятіемъ всего жен-

скаго пола пензенской губерніи, какъ и всякаго провинціальнаго города. Когда присяжные отправлялись, Пенза погружалась въ ожиданія; когда они возвращались, Пенза вновь волновалась и погружалась въ разборъ и оцѣнку вывезенныхъ товаровъ.

Впослѣдствіи, когда я переселился въ Петербургъ и сдѣлался уже тамошнимъ гражданиномъ, событіе посылки присяжныхъ приняло для меня другое, обратное значеніе. Въ ожиданіи прибытія ихъ, я тоже суетился и волновался, потому что старался приготовить какъ можно больше и какъ можно разнообразнѣе петербургскихъ подарковъ, для отправленія на родину. Съ самаго момента вступленія моего въ Петербургъ, мною овладѣло неодолимое стремленіе доставлять моимъ старикамъ удовольствіе. Меня радовала мысль, какъ они будутъ развертывать каждую вещь, ахать, восхищаться, хвалить, благодарить и, главное, удивляться, на какія средства я пускаюсь въ такую роскошь, потому что средства мои были дѣйствительно самыя жалкія и мнѣ приходилось подвергать себя значительнымъ лишеніямъ, лишь бы только поразить и удивить моихъ родныхъ. При составленіи транспорта было непремѣннымъ правиломъ, чтобы рѣшительно никто изъ моей семьи не остался безъ подарка и каждый членъ ея непремѣнно получилъ свою долю. Отправивъ этотъ транспортъ, я наслаждался прежде всего умосозерцаніемъ тѣхъ радостныхъ впечатлѣній, какія посланныя мною вещи должны произвести на мою семью. Потомъ наступало полученіе писемъ отъ родныхъ, перечитываніе ихъ, составленіе на нихъ отвѣтовъ, исполненныхъ горячихъ чувствъ. Од-

нимъ словомъ, вся эта процедура составляла, особенно на первыхъ порахъ, самую занимательную страницу моей петербургской жизни, гдѣ у меня не было ни родныхъ, ни знакомыхъ. По этому матеріально, физически я былъ въ Петербургѣ, но думою и сердцемъ жилъ въ Пензѣ, въ родной моей семьѣ. Петербургъ и всѣ его явленія не могли меня особенно интересовать, потому что я былъ бѣденъ и не опытенъ. Въ жизни каждаго подарки роднымъ, вопреки логикѣ, приносятъ бо̀льшее счастіе не тому, кому они дѣлаются, а тому, кто ихъ дѣлаетъ.

ГЛАВА IX.

Набожность нашего семейства.—Прощенный день.—Великій постъ.—Церковное пѣніе.—Наступленіе весны.—Страстная недѣля.—Свѣтлый праздникъ.

Такъ текла наша скромная провинціальная жизнь. Надобно сказать, что надъ всѣми явленіями этой жизни, какъ тѣми, которыя я такъ нескладно разсказалъ, такъ и тѣми, которыя разсказывать не считалъ нужнымъ, господствовала величайшая набожность. Мое семейство, по преимуществу, было семейство христіанское.

Что̀ бы мы ни дѣлали, ни предпринимали въ нашей семьѣ, любовь и благодарность Богу стояли всегда впереди всего. И въ началѣ дѣла, и послѣ дѣла всегда былъ

Богъ. Отсюда понятно, что исполненіе всѣхъ обязанностей, требуемыхъ нашею религіею, сопровождалось у насъ суровою строгостью. Всѣ мы, братья и сестры, изъ родительскаго дома вынесли христіанскія начала. Нѣтъ вліянія, которое могло бы удержать насъ, напримѣръ, отъ посѣщенія храма въ тотъ день, когда это нужно и должно и когда такое посѣщеніе дѣлалось нашимъ отцомъ. Что бы ни было, а въ воскресный день семья наша должна быть въ церкви. Какъ строгъ былъ мой отецъ въ этомъ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, такъ точно строги и его дѣти къ своимъ. И правы тѣ, которые утверждаютъ, что семья—самая лучшая нравственная школа для дѣтей. Если во мнѣ есть что нибудь порядочное, то потому, что мой отецъ и моя мать были истинно порядочными людьми. Если семья не можетъ дать образованія, то сдѣлать человѣка человѣкомъ—можетъ только семья, и исключительно она.

Чтобъ рельефнѣе обрисовать мой семейный бытъ и въ этомъ отношеніи, разскажу, какъ мы проводили великопостное время, особенно мнѣ памятное. Говорить о томъ, что время масляницы, предшествующее великопостному времени, полно было величайшихъ кутежей — едвали нужно. Гдѣ же масляница обходится безъ веселья? И кому это не извѣстно? Веселье начиналось большею частью съ утра, т. е. съ блиновъ. Приглашеніями на блины наполнялся самый воздухъ. Сегодня одни знакомые говорили: «завтра къ намъ на блины»! Завтра другіе повторяли тоже самое. И такъ шла нескончаемая череда. Блины служили конечно только предлогомъ. Это были просто обѣды и обѣды провинціальные, съ ужасающимъ

количествомъ ѣды и такимъ же количествомъ выпивки въ различныхъ видахъ. Мы, дѣти, ютились больше въ домѣ дяди-исправника, гдѣ было много всего: много дѣтей, много людей всякого возраста, много лошадей и много веселья въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Когда было свѣтло, мы большею частью катались; лошади безпрерывно то закладывались, то откладывались. Съ наступленіемъ сумерекъ начинались пѣсни и всевозможныя игры, рядъ которыхъ, при содѣйствіи нянекъ, мамокъ, горничныхъ, казался нескончаемымъ. Хохотъ, визгъ, дѣтскіе крики и возгласы, какъ говорится, стономъ стояли. Счастью нашему не было предѣловъ и если оно прекращалось, то потому единственно, что насъ въ извѣстный часъ силой развозили, несмотря на всѣ наши протесты, по домамъ. Послѣднее воскресенье рѣзко дѣлилось на двѣ половины: первая, утренняя, отдавалась усиленному кутежу и веселью, вторая, послѣобѣденная, отличалась уже какимъ то колебаніемъ, подобнымъ тому, какое испытываетъ раскутившійся господинъ, желая остепениться. Онъ уже сознаетъ, что пора кончить, но винные пары, гнѣздящіеся въ организмѣ, все еще покачиваютъ его понемногу со стороны на сторону. Утренняя ѣда и въ особенности утреннія питья продолжаютъ еще свое дѣйствіе, но каждый уже сознаетъ необходимость борьбы съ этимъ дѣйствіемъ, сознаетъ, что наступила пора настраивать физіономію на постный ладъ, наступила пора всеобщаго умерщвленія плоти.

Врядъ ли я ошибусь, предположивъ, что въ полунѣмецкомъ Петербургѣ едва ли имѣютъ понятіе объ этомъ обычаѣ; покрайней мѣрѣ, въ теченіи сорока лѣтъ, кото-

рые я болтаюсь здѣсь, я не только не видалъ, но даже не слыхалъ ничего подобнаго. Обычай этотъ еще въ дѣтствѣ моемъ производилъ на меня глубокое впечатлѣніе. Каждый, вступая въ область великихъ дней, искалъ необходимаго самоочищенія и прежде всего, по закону Христа, прощалъ всѣмъ и самъ испрашивалъ прощенія у всѣхъ. Обычай этотъ, въ мое время, исполнялся моими земляками весьма отчетливымъ образомъ.

Тотчасъ послѣ обѣда, въ это воскресенье, начинались всеобщіе разъѣзды, которые можно назвать «прощальными». Къ намъ во дворъ (подъѣзды большею частью были со двора), въѣзжали одни сани за другими; въ комнатахъ нашихъ одни знакомые уходили, другіе входили. Только и слышалось: «простите меня, батюшка Антонъ Матвѣевичъ и вы, матушка Анна Ѳедоровна»! «Богъ проститъ»! слышалось въ отвѣтъ. «И вы насъ простите»! Потомъ отецъ говорилъ: «мама! надо и намъ съѣздить проститься» и при этомъ указывалъ, куда именно слѣдовало съѣздить. Повидимому съѣздить «проститься» означало нѣчто въ родѣ почета, подобнаго тому, который отдается праздничными визитами, когда говорятъ: надо съѣздить «поздравить». Въ концѣ вечера, когда всѣ знакомые приняты, когда всѣ поѣздки по знакомымъ сдѣланы, происходила трогательная семейная картина: всѣ мы, т. е. дѣти, шли въ спальню, гдѣ насъ ожидали отецъ и мать, становились предъ ними на колѣни и тоже говорили: «простите насъ»! Всегда со слезами они обнимали насъ, цаловали, выговаривали намъ за особенно замѣтные проступки, благословляли, опять цаловали, опять крестили, потомъ обнимали и отпускали по нашимъ уг-

ламъ и кроватямъ. Само собою разумѣется, что чрезъ тотъ же процесъ проходила и вся наша прислуга.

Затѣмъ наступалъ чистый понедѣльникъ. Событіе, совершенно незамѣтное въ шумномъ, многолюдномъ и набитомъ всевозможными національностями Петербургѣ, но сразу перевертывавшее провинціальный русскій, православный городъ. Путешественникъ, проѣхавшій чрезъ Пензу во время масляницы и потомъ вернувшійся туда великимъ постомъ, положительно не узналъ бы города, до такой степени сильно и мгновенно мѣнялась его физіономія. Улицы, полныя экипажей и народныхъ массъ, были совершенно пусты. Видъ людей, вчера еще веселый и оживленный, былъ скучный, унылый, какой то мертвенный. Самая одежда ихъ была великопостная, какъ будто приберегавшаяся именно для этихъ печальныхъ дней. Однимъ словомъ, жизнь, кипѣвшая недавно ключомъ, веселье, царствовавшее всюду, щегольство и франтовство, которыми каждый старался перебить другого, исчезали совершенно и замѣнялись величайшею тишиною, скромностью и смиреніемъ. Какъ будто дѣйствительно все житейское, со всѣми страстями и увлеченіями, отлагалось въ сторону и всѣ проникались единственно благоговѣніемъ къ тѣмъ событіямъ, о которыхъ долженъ повѣдать наступившій великій постъ. Церковные колокола перезванивали такимъ заунывнымъ, печальнымъ образомъ, что одинъ этотъ звонъ самъ по себѣ наводилъ тоску и уныніе. Такого мрачнаго звона не услышишь въ теченіи цѣлаго года. Церкви наполнялись народомъ. Къ утренней службѣ шли тѣ, кто избралъ первую недѣлю для говѣнія. Къ вечернямъ первой недѣли

шли, можно сказать, всѣ, чтобъ слушать чтеніе и великолѣпное пѣніе «ефимонъ», знаменитыхъ и по содержанію и по музыкальной композиціи, принадлежащей любимѣйшему и даровитѣйшему нашему композитору духовныхъ пѣснопѣній, Бортнянскому. Я сомнѣваюсь, чтобъ можно было найти между русскими человѣка, который бы не зналъ всѣхъ этихъ «ефимонъ» и самъ сомнительнымъ баритономъ или плохимъ теноромъ, не мурлыкалъ про себя: «Возопихъ всѣмъ сердцемъ моимъ къ щедрому Богу». Какъ ни сильно уже надоѣлъ я моими росказнями по части пѣнія, но никакъ не могу удержаться, чтобы не сказать еще нѣсколько словъ на ту же тему. Я постоянно утверждалъ, что наше православное богослуженіе, чтобы дѣйствовать на души и сердца, должно непремѣнно сопровождаться стройнымъ пѣніемъ. Только гармоническіе звуки могутъ какъ будто отворять намъ небо. Какъ бы ни была душа настроена возвышенно и религіозно, вашъ слухъ, вкусъ, ваши эстетическія чувства остаются при васъ и вы не можете не испытывать ужаса и отвращенія, услыхавъ безобразное «козлодраніе» какого нибудь необразованнаго дьячка. Самый смыслъ пѣснопѣній, какъ бы дивенъ онъ ни былъ, для васъ исчезаетъ. Какъ бы ни были прекрасны слова, дурное выраженіе совершенно уничтожаетъ ихъ. Вы не понимаете уже самаго смысла святой пѣсни. Вы поражаетесь ужаснымъ пѣніемъ и невольно увлекаетесь подробностями и оттѣнками его безобразія. И чѣмъ вы развитѣе, чѣмъ болѣе вашъ вкусъ обработанъ, тѣмъ сильнѣе ваши мученія. Вы теряете нетолько прекрасное настроеніе, но и простое хладнокровіе. Вы начинаете

сердиться, волноваться. Ужасный дьячокъ или пономарь дѣлается личнымъ, заклятымъ врагомъ вашимъ. Вамъ кажется уже, что это онъ для васъ собственно такъ отвратительно поетъ. Вы забываете, что онъ точно также поетъ и для всѣхъ и иначе пѣть не можетъ. Вы начинаете мысленно бранить его, да ужь кстати и тѣхъ, кто завѣдуетъ этимъ дѣломъ, удивляетесь и негодуете, какъ можно допускать подобное безобразіе.

Впрочемъ та истина, что для нашихъ церквей, для нашего богослуженія, стройное пѣніе составляетъ первѣйшую и неотъемлемую необходимость, слишкомъ ясна и осязательна, чтобы нужно было ее доказывать. Именно въ силу ея, конечно, и существуютъ пѣвческіе хоры всюду, гдѣ только есть для этого средства. Но такое приложеніе этой истины къ дѣлу слишкомъ примитивно. Хорошо, когда какой нибудь церковный староста, изъ богатыхъ купцовъ, подъ вліяніемъ ли соревнованія съ другими старостами, изъ такихъ же богачей, или вообще изъ честолюбія, найметъ хоръ пѣвчихъ и дастъ для этого необходимыя деньги, или какой нибудь гвардейскій полкъ образуетъ пѣвчихъ изъ своихъ солдатъ и поставитъ стройный хоръ въ свою полковую церковь. Все это прекрасно, но такой порядокъ далеко не всюду приложимъ. Онъ приложимъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ богатыхъ городахъ; но онъ не можетъ имѣть примѣненія въ городахъ небогатыхъ, а тѣмъ болѣе въ нашихъ селахъ и потому тамъ происходитъ невообразимое козлодраніе. Наши горожане и мужички привыкли къ нему точно также, какъ они умѣютъ привыкать рѣшительно ко всему, и оно ихъ не ужасаетъ. Но что̀ было

бы, если бы ввести въ такую церковь, подъ предлогомъ ознакомленія съ нашимъ богослуженіемъ, какого нибудь иностранца? вѣдь позоръ бы вышелъ для насъ ужасный. Вообще переходъ отъ большихъ хоровъ къ козлодранію самъ по себѣ указываетъ на ненормальное положеніе этого дѣла. Я убѣжденъ, что если нельзя имѣть повсюду большихъ хоровъ, то всюду можно имѣть сколько нибудь приличное пѣніе. А если его нѣтъ, въ этомъ виновато наше духовенство. Его равнодушіе къ этому дѣлу заслуживаетъ справедливыхъ укоризнъ. Я говорилъ уже, что тамъ, гдѣ архіерей любитъ пѣніе и занимается своимъ хоромъ, тамъ этотъ хоръ достигаетъ совершенства; а тамъ, гдѣ архіерей не занимается этимъ дѣломъ, архіерейскій хоръ падаетъ. Успѣхъ всякаго дѣла зависитъ отъ того, занимаются имъ или нѣтъ. А что въ нашемъ духовенствѣ вовсе не занимаются дѣломъ церковнаго пѣнія, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и это то равнодушіе составляетъ предметъ справедливой досады. Найметъ староста какой нибудь хоръ—ладно; нѣтъ хора, и то хорошо! Никакой личной энергіи, никакой заботы! Между тѣмъ приложи здѣсь нѣкоторую заботливость, дѣло приняло бы другой видъ.

Приведу два примѣра. Когда я управлялъ громаднымъ имѣніемъ князя А. И. Барятинскаго, въ курской губерніи, я видѣлъ разительнѣйшій примѣръ тому, что можетъ сдѣлать личная заботливость священника. Въ главномъ селеніи этого имѣнія, Ивановскомъ, было нѣсколько церквей и, разумѣется, нѣсколько священниковъ. Главнымъ изъ нихъ былъ отецъ Григорій, любитель и знатокъ пѣнія. Онъ устроилъ тамъ великолѣпный

хоръ и единственно своими трудами. Большихъ пѣвчихъ онъ набралъ изъ бывшихъ дворовыхъ людей; маленькихъ изъ мѣстнаго сельскаго училища. Самъ отецъ Григорій неотступно занимался съ ними, дѣлая множество спѣвокъ въ опредѣленные дни. Во время службы онъ самъ выходилъ изъ алтаря, становился съ пѣвчими и пѣлъ съ ними. Пѣніе было въ высшей степени изящное и доставляло истинное наслажденіе даже знакомымъ съ лучшими петербургскими хорами. Противъ этого примѣра могутъ возразить безпечные священники: «Гдѣ намъ взять дворовыхъ людей, изъ которыхъ отецъ Григорій составилъ основаніе своему хору. Да и гдѣ мы возьмемъ мальчиковъ? У насъ нѣтъ никакого сельскаго училища. Дайте намъ все это, такъ и мы сдѣлали бы тоже самое, что отецъ Григорій, а можетъ быть еще и почище». Эта извѣстная пѣсня всегда и всѣми поется, въ отвѣтъ на укоризны въ безпечности. Но вотъ другой примѣръ изъ моего дѣтства. Я говорилъ уже, что вблизи нашего жилища, стоялъ Дѣвичій монастырь, гдѣ постоянно пищали монашенки или клирошанки, какъ называли тѣхъ, которыя поютъ. Женское пѣніе при церковномъ богослуженіи, пискливое и жидкое, для знатоковъ не можетъ представлять ничего пріятнаго и потому мы мало ходили въ церковь монастыря. Съ другой стороны, внизу по горѣ, была Рождественская церковь. Въ этой церкви было два дьячка: басъ, бѣлокурый и немножко рябоватый, съ косичкой, а другой—теноръ. Эти два дьячка были истинными художниками и прославились своимъ пѣніемъ, которое многіе приходили и пріѣзжали нарочно слушать. Мой отецъ, знатокъ этого дѣла,

постоянно восхищался ими. «Экій молодецъ этотъ бѣлый! какъ онъ ловко тутъ беретъ!» часто говорилъ онъ и, по соперничеству со всѣми басами, начиналъ выдѣлывать голосомъ тѣ мѣста, гдѣ бѣлый дьячекъ особенно ловко «беретъ»! Я не понимаю, какъ это дѣлается, что семинаристы, изъ которыхъ исключительно набираются наши дьячки и пономари, съ малолѣтства начинающіе въ своихъ школахъ распѣвать всевозможные псалмы, не выучиваются пѣть и поютъ такъ отвратительно. Не могу этого объяснить ничѣмъ другимъ, какъ совершенною небрежностью къ дѣлу пѣнія со стороны тѣхъ, кто поставленъ надъ семинаристами. Они повидимому думаютъ, что надо готовить только митрополитовъ и архіереевъ, забывая, что въ такую вышину только не многимъ удается забраться, а большинство разсѣевается по Руси, въ качествѣ священниковъ, діаконовъ, дьячковъ и пономарей, что всѣмъ этимъ лицамъ совершенно необходимо умѣнье хорошо пѣть и умѣнье это не безполезно даже для самихъ митрополитовъ и архіереевъ, ибо и имъ также доводится пѣть, хоть и рѣдко. И искуство это нетрудное и неголоволомное, особенно для русскаго человѣка, который самъ по себѣ, и безъ всякого принужденія, все поетъ. Казалось бы надобно немножко, чуть-чуть только помочь естественному влеченію направиться на истинный путь. Кто понимаетъ дѣло, тотъ знаетъ, что́ могутъ сдѣлать два порядочные голоса, толково управляемые. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить рождественскіе дьячки. Вѣдь не были же они въ какой нибудь консерваторіи, а пѣли прекрасно. Конечно, тутъ имѣла значеніе природная способность къ пѣнію,

но кажется мало можно найти между русскими людьми такихъ, которые не были бы одарены этою способностью. Всѣмъ извѣстна быстрота, съ какою образуются наши полковые музыкальные хоры. Солдатъ, котораго берутъ въ хоръ, рѣшительно ничего не понимающій, въ шесть мѣсяцевъ становится музыкантомъ. Потомъ, кому изъ насъ не случалось видѣть нашихъ рабочихъ, вдвоемъ или втроемъ, распѣвающихъ пѣсни. Они конечно не имѣютъ понятія, что такое теноръ и басъ; еще менѣе понимаютъ они, что̀ такое въ гармоническомъ пѣніи первый голосъ и что̀ второй; поютъ себѣ, какъ Богъ на душу положитъ!—не зная ни нотъ, ни дѣленія—и почти никогда не попадаютъ въ чужой голосъ, т. е. никогда одинъ не будетъ пѣть въ унисонъ другому, вѣчно одинъ вверху, другой внизу; эта самодѣльная гармонія поражаетъ знатока. Откуда она идетъ и какъ создается—объяснить невозможно. При такихъ условіяхъ и богатыхъ матерьялахъ, вложенныхъ въ русскую натуру, наши дьячки и пономари не умѣютъ пѣть сносно, и выноситъ ихъ, исключительно, наша меньшая братія, которая, какъ извѣстно, всегда и все выноситъ.

Этой первой и главной чертѣ великопостнаго настроенія пензенскихъ гражданъ, т. е. учащенному посѣщенію храмовъ Божіихъ соотвѣтствовала и другая черта, имѣвшая самое сильное и непосредственное вліяніе на мой молодой организмъ. Черта эта называлась «усмиреніемъ» или умерщвленіемъ плоти. Какъ усмирялась эта плоть въ другихъ отношеніяхъ, я по малолѣтству не могъ знать; но въ отношеніи собственно пищи, это «смиреніе плоти» дало мнѣ себя знать хорошо. Всѣ посты вооб-

ще въ провинціи соблюдались и исполнялись съ суровою отчетливостью. Съ наступленіемъ великаго поста въ нашемъ семействѣ, да и во всѣхъ другихъ семействахъ Пензы, водворялось такое сухоядѣніе, что вспомнить страшно. Не только гуси, любимое наше блюдо, даже лещи совершенно исчезали съ нашего, вообще небогатаго стола и все замѣнялось капустой разныхъ видовъ и грибами разныхъ сортовъ. Справедливость требуетъ сказать, что и эти вещи въ нашемъ семействѣ приготовлялись удовлетворительно, какъ приготовляются въ провинціи вообще всѣ яства, составляющія главный предметъ заботливости туземныхъ хозяекъ; но всетаки постоянно грибы да капуста, капуста да грибы—это было не легко. Только въ день Благовѣщенія, да въ Вербное воскресенье допускался у насъ рыбный столъ, который мы встрѣчали съ радостью и провожали съ сожалѣніемъ, какъ рѣдкость и драгоцѣнность. Были еще какіе то дни, въ которые допускалось «разрѣшеніе вина и елея», но льготы въ эти дни были самыя слабыя и незначительныя. Вообще, если бы въ то время командировать въ наше семейство самаго суроваго инока съ Аѳонской горы, для разсмотрѣнія нашихъ дѣйствій по части сухоядѣнія, то и онъ не нашолъ бы, какъ говорится, «гдѣ иголочки подпустить». Понятно, что среди этого строгаго поста приходилось намъ, дѣтямъ, вспомнить, волею неволею, о прошедшемъ масляничномъ «чревоугодіи», и о предстоящихъ впереди куличахъ и окорокахъ.

Эти отличительныя черты нашего великопостнаго быта дополнялись третьею чертою, равносильною имъ по смертельной скукѣ. Этою чертою было усиленное чтеніе

книгъ исключительно духовнаго содержанія. Точно также отецъ усаживалъ насъ вокругъ большого стола, и начиналъ читать, а мы начинали на него усиленно смотрѣть, какъ галчата. Въ нашемъ смотрѣніи не трудно было замѣтить примѣсь чего то тоскливаго, страдальческаго, чего, при всемъ стараніи и при всемъ страхѣ передъ суровымъ отцомъ, мы никакъ не могли скрывать. И дѣйствительно, если въ обычное время мы любили только слышать, какъ доблестные рыцари дерутся между собой, а все остальное наводило на насъ одуряющую скуку, то понятно, какъ мало радостно было для насъ чтеніе книгъ духовнаго содержанія, да еще большею частью на славянскомъ языкѣ. Но отецъ, подъ вліяніемъ самыхъ великопостныхъ побужденій, не ограничивался однимъ чтеніемъ. Мѣста, особенно трудныя для пониманія или особенно замѣчательныя, онъ разъяснялъ своими словами, и эти минуты были особенно полны для насъ самыхъ тревожныхъ волненій. Въ то время, когда онъ читалъ, наше дѣтское воображеніе могло уноситься свободно и безнаказанно совсѣмъ въ другія сферы и увлекаться предметами, несравненно болѣе занимательными, чѣмъ житіе какого нибудь святого; но когда отецъ клалъ книгу и начиналъ, смотря пристально на насъ, толковать намъ то или другое мѣсто, мы должны были мгновенно бросать страны, гдѣ летало наше воображеніе, усиленно смотрѣть на отца и принимать по возможности такой видъ, что мы не только внимательно слушаемъ его толкованія, но и совершенно понимаемъ то, что онъ старается внѣдрить въ наши понятія. Этого мало. Онъ не ограничивался одними толкованіями, но часто испытывалъ силу

и объемъ нашихъ дѣтскихъ умовъ и спрашивалъ, чтò значитъ напр.: это или вотъ это мѣсто? Подобныя минуты обрушивались преимущественно на меня, какъ на старшаго. И я выходилъ еще довольно благополучно изъ испытаній такого рода. Въ этомъ отношеніи, особенно живо помню я слѣдующее обстоятельство. Есть какой то стихъ, псаломъ или ирмосъ, который оканчивается словами: «обоя же на тебѣ устроишася». Отецъ потребовалъ отъ меня объяснить, что значатъ эти слова и какъ перевести ихъ смыслъ по русски? Задача была не легкая для моего дѣтскаго мышленія. Кàкъ я разрѣшилъ ее—не помню, но если она крѣпко врѣзалась въ моей памяти, то именно въ слѣдствіе трудностей, съ которыми было связано это разрѣшеніе. Вообще эта черта нашего великопостнаго истязанія, ни по значенію, ни по скукѣ, не уступала той чертѣ, гдѣ играли роль грибы, капуста и другія соотвѣтственныя яства, едва выносимыя дѣтскимъ желудкомъ.

Всю эту мрачную и скучную картину прорѣзывало свѣтлымъ радостнымъ лучемъ наступленіе весеннихъ дней и постепенное, медленное торжество ихъ надъ умирающей и исчезающей зимой. Понятно, что чѣмъ скучнѣе были дни, которые мы проводили, тѣмъ живѣе было ожиданіе другихъ, веселыхъ дней. Ожиданіе свѣтлаго праздника и весны какъ-то сливалось въ одно. Казалось безъ весны и свѣтлый праздникъ не придетъ. Кромѣ того, для наступленія праздника существовалъ извѣстный срокъ, но никакихъ видимыхъ, матеріальныхъ признаковъ его приближенія не было. Весна высылала тысячи предвѣстниковъ, знаменующихъ ея радостное шествіе и

приближеніе. Прежде всего самые лучи солнца стали говорить, что весна идетъ. Потомъ день жаворонковъ, день 9-го марта объявлялъ, что первые вѣстники весны прилетѣли или должны прилетѣть. Потомъ день Алексѣя Божія человѣка, 17 марта (съ горъ вода) возвѣщалъ, что солнце начало растоплять лучами снѣжную пелену, вслѣдствіе чего эта пелена стала расплываться въ тысячи маленькихъ ручейковъ. Наконецъ 25-е марта, день Благовѣщенія, указывалъ на то, что точно такой же день будетъ и въ Свѣтлое воскресенье. Всѣ эти дни были станціями, выводившими насъ изъ сумрачнаго періода и приближавшими къ періоду радостному. Слѣдить за этимъ отраднымъ движеніемъ было для насъ наслажденіемъ.

Если въ Петербургѣ, сдѣлавшемся второю моею родиною, измѣненія, совершающіяся въ природѣ, переходы отъ одного сезона къ другому, не обращаютъ на себя почти никакого вниманія, то въ провинціи они составляютъ предметъ самыхъ живыхъ толковъ. Оно и понятно. Здѣсь неустанныя работы дворниковъ, подтягиваемыхъ распорядительною петербургскою полиціею, дѣлаютъ то, что слѣды дождя и снѣга большею частью тотчасъ исчезаютъ и даютъ только возможность петербургскимъ дамамъ приподнимать свои платья, нестолько для спасенія ихъ отъ мокроты, сколько для того, чтобы выставить свои ножки. Если даже раздастся надъ Петербургомъ громовый ударъ, онъ едва ли слышится всѣми жителями въ толстыхъ стѣнахъ каменныхъ домовъ. Съ наступленіемъ весны, петербуржцы, нисколько не измѣняя своихъ привычекъ, замѣчаютъ мимоходомъ, что дворники занимаются усиленнымъ скалываніемъ ледяной ко-

ры, покрывающей улицы, «дѣлаютъ весну»—и только. Этотъ переходъ никогда не бываетъ предметомъ ихъ вниманія.

Не то въ провинціи. Тамъ природа сливается съ людьми и люди сливаются съ природою. Тамъ люди живутъ не въ четвертыхъ этажахъ, откуда не видно, чтó дѣлается на землѣ, а въ деревянныхъ, большею частію маленькихъ и низенькихъ домахъ, стоящихъ на самой землѣ, такъ что вы изъ вашихъ оконъ можете пожать руку любому изъ знакомыхъ на улицѣ. Потомъ, тамъ нѣтъ ни мостовыхъ, ни тротуаровъ. Въ Пензѣ естественныя грунтовыя дороги большею частью пролегали во всей ихъ первобытной неприкосновенности; и только на горѣ, въ самой аристократической части города, было нѣсколько булыжныхъ камней, а въ замѣнъ тротуаровъ, настлано кое-гдѣ по двѣ деревянныхъ доски, которыя были такъ удобны и пріятны, что жители предпочитали постоянно идти подлѣ этого тротуара, чѣмъ подниматься на скачущія и прыгающія доски. Понятно, что пензенскіе граждане не могли, если бы и хотѣли, не видѣть малѣйшихъ явленій природы, ибо всѣ эти явленія врывались въ ихъ жилища, задѣвали ихъ за живое и находились съ ними въ постоянномъ соприкосновеніи. Пензенскіе граждане только на зиму должны были закупориваться въ своихъ жилищахъ, спасаясь отъ холода, тѣснясь въ своихъ маленькихъ помѣщеніяхъ и съ тоскою посматривая на окна, покрытыя толстыми морозными узорами. Лѣтомъ они постоянно жили на открытомъ воздухѣ, въ теплѣ и свѣтѣ, въ своихъ садахъ и бесѣдкахъ. Понятно, какъ стѣснительна была для нихъ зимняя, замкнутая жизнь,

лишенная удобствъ, которыми она скрашивается въ Петербургѣ, въ сравненіи съ радостною жизнью весной и лѣтомъ. Понятно также, какими отрадными впечатлѣніями наполнялась душа пензяка, при появленіи признаковъ наступленія весны.

Я живо помню и эти признаки и эти впечатлѣнія. Такъ какъ Пенза стоитъ на горѣ, то самымъ существеннымъ признакомъ наступленія весны было появленіе ручейковъ, несущихся съ горы по всѣмъ направленіямъ, сначала маленькихъ, потомъ болѣе значительныхъ и шумныхъ. Мы, дѣти, съ наслажденіемъ слѣдили, какъ ручьи усиливались, а снѣжный покровъ начиналъ синѣть, рыхлѣть и опускаться. Разрушеніе его было особенно замѣчательно въ нашемъ саду и мы придумывали особенные способы для измѣренія степени этого разрушенія: устраивали запруды, ставили нѣчто въ родѣ мельничныхъ колесъ и вообще производили различныя затѣи, казавшіяся намъ важнымъ дѣломъ. Съ горы, на которой, въ ряду другихъ, стояло наше жилище, видны были всѣ окрестности и мы съ радостью замѣчали, что, вмѣсто бѣлыхъ, они становились синими, потомъ темными. Когда случался ночной морозъ, ручьи прекращались и все скрѣплялось, мы приходили въ отчаяніе и намъ казалось, что зима опять забирала свою силу; но когда намъ объясняли, что это даже лучше, ибо ночной морозъ выжимаетъ жидкость и тѣмъ помогаетъ веснѣ уничтожить зимній покровъ земли, мы радовались. Между тѣмъ солнечные лучи съ каждымъ днемъ дѣйствовали сильнѣе. Городскія улицы окончательно чернѣли и покрывались грязью. Грязь это вводила насъ въ заблужденіе. Намъ

казалось, что это уже настоящая земля, тогда какъ она находилась еще подъ ледяной корой, покрытой слоемъ черной верхней грязи. Эта ледяная кора, неразбиваемая, и нераскалываемая, какъ это дѣлается петербургскими дворниками, лежала чрезвычайно долго и упорно. Закрывая землю и сдерживая ее въ мерзломъ состоянiи, она мѣшала ей «отходить». Какъ «отходитъ» земля я только и видѣлъ на родинѣ. Дѣло въ томъ, что когда земля, подъ влiянiемъ солнечныхъ лучей, одолѣетъ внутреннее промерзанiе, тогда на поверхности ея появляется и долго стоитъ густѣйшiй паръ. Народъ говоритъ тогда: «земля отошла». Вообще явленiе это напоминаетъ выздоровленiе страждущаго человѣка, посредствомъ обильнаго пота. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступала грязь ужасная, невообразимая. До этой минуты, съ грѣхомъ пополамъ, можно было и ходить и ѣздить по ледяной корѣ, покрывавшей землю и даже по самой землѣ, но съ того времени, какъ земля «отошла», она превращалась въ мягкое тѣсто до глубины невѣдомой. Тутъ и хожденiе и ѣзда становились не только неудобными, но даже не безопасными. Тутъ обозначались мѣста непроходимыя и непроѣздныя. Я самъ не рѣдко видѣлъ экипажи, всосанные грязью и брошенные хозяевами «до просухи». Вообще надо было всѣмъ ожидать этой просухи, т. е. той поры, когда земля снова отвердѣетъ, но уже не силой морозовъ, а силою весеннихъ лучей и потомъ лѣтнихъ жаровъ...

Перiоды этой просухи были тоже предметомъ общаго вниманiя, ибо съ ея только появленiемъ начинались движенiе, жизнь и радость. Прежде всего просуха эта проявлялась: «тропинками». Ихъ можно уподобить нашимъ

проселочнымъ дорогамъ. Понадобилось человѣку поѣхать въ какое нибудь мѣсто. Дороги нѣтъ, а ѣхать надо. Вотъ онъ и ѣдетъ такъ называемой цѣлиной, какъ говорится: на ура. Проѣхалъ. Понадобилось другому ѣхать туда же, или по близости. Онъ ѣдетъ по слѣду перваго. Тоже дѣлаетъ третій, четвертый и т. д. Вотъ и образуется проселочная дорога. Тоже и съ тропинками. Кругомъ грязь невылазная, а идти надо. Человѣкъ, осмотрѣвъ внимательно предлежащее пространство и, замѣтивъ на немъ всѣ благопріятныя и неблагопріятныя для его предпріятія точки, начинаетъ шагать и, при каждомъ шагѣ, останавливаться и вновь соображать дальнѣйшій путь. Мало помалу опасная мѣстность пройдена и герою остается только по возможности освободиться отъ грязи, приставшей къ его ногамъ по колѣни. Какъ бы ни былъ малозначителенъ, малозамѣтенъ слѣдъ перваго предпринимателя въ этомъ отношеніи, слѣдъ этотъ все таки есть, и второй индивидуумъ, которому необходимо преодолѣть тоже пространство, идетъ непремѣнно по слѣду перваго. Тоже дѣлаетъ третій, четвертый и т. д., такъ что передъ вами хотя продолжаетъ красоваться грязнѣйшее пространство, но чрезъ него можно уже пройти довольно сухо, ибо тамъ уже есть тропинка, т. е. отпечатавшіяся на грязи глубокія ступни первыхъ предпринимателей, въ которыя надо ловко попадать, чтобы не углубиться въ первобытную грязь; другія ступни, постоянно увеличивающіяся въ числѣ, наконецъ образуютъ уже непрерывною цѣпью дорожку, хотя все еще влажную и углубленную въ почву. Эти-то тропинки, появляющіяся то здѣсь, то тамъ и постоянно увеличивающіяся въ числѣ, и состав-

ляли первые пути пензенскихъ жителей, драгоцѣнные уже потому, что они задолго предшествовали всѣмъ другимъ путямъ, зависящимъ отъ окончательной просушки всей мѣстности, на которой стоитъ Пенза, а это было такое явленіе, которое достигалось весьма поздно, да кажется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе не достигалось.

Такъ обыкновенно шла наша великопостная жизнь и доходила наконецъ до страстной недѣли.

Наступленіе ея ознаменовывалось иногда духовнымъ торжествомъ, едва ли даже многимъ извѣстнымъ. Торжество это изображало въ дѣйствіи «шествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ». Оно происходило не каждый годъ непремѣнно, по состоянію ли здоровья архіерея, или по другимъ причинамъ. Я помню одно изъ подобныхъ торжествъ, совершившееся въ весьма ненастную погоду, подъ дождемъ и снѣгомъ. Въ вербную суботу вся Троицкая улица, гдѣ мы жили, занималась на необозримое протяженіе всѣми воспитанниками семинаріи. Семинаристы располагались попарно и по росту, маленькіе становились впереди, старшіе позади. Линія образовывалась безконечная, такъ что въ то время, когда маленькія пары были въ нагорной части улицы, самыя старшія, замыкаемыя уже всѣмъ духовенствомъ съ архіереемъ въ центрѣ, были еще въ низменной, весьма отдаленной отъ первой части. Во всѣхъ процесіяхъ я всегда стоялъ или шолъ подлѣ маленькихъ пѣвчихъ, сходныхъ со мною по лѣтамъ. По обѣимъ сторонамъ линіи, образуемой такимъ образомъ участниками торжества, стояли массы народа. Всѣ ждали, когда эта линія двинется въ путь, что̀ зависѣло отъ прибытія на предна-

значенное мѣсто самого архіерея, долженствующаго, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, изображать Спасителя. Наконецъ наступалъ извѣстный моментъ, вся линія на безконечномъ ея протяженіи начинала двигаться по направленію къ собору, снизу вверхъ, и въ тоже время безчисленное множество голосовъ начинало пѣть: «днесь благодать Святаго Духа насъ собра» и т. д. Моментъ открытія этого движенія и начала пѣнія былъ торжественный, но потомъ шествіе и пѣніе значительно утрачивали свою стройность. Подъ снѣгомъ и дождемъ, въ грязи, да еще по пути въ гору, трудно было наблюдать и удерживать въ шествіи то равненіе, которое, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, было единственнымъ условіемъ успѣха. Еще труднѣе было удерживать въ пѣніи одинъ и тотъ же темпъ, когда одни пѣвцы поютъ на горѣ, а другіе подъ горой, на разстояніи чуть не версты отъ первыхъ. Всѣ эти неблагопріятныя условія, вѣроятно, были причиною, что это торжество, довольно сложное въ своихъ частностяхъ, происходило не ежегодно.

Число говѣльщиковъ на страстной недѣлѣ чрезвычайно увеличивалось. Мое семейство тоже всегда говѣло на страстной недѣлѣ, и ка́къ говѣло! не по петербургски. Исповѣдь совершалась не на скорую руку, но съ такими предварительными приготовленіями, которыя наполняли душу страхомъ, смиреніемъ и раскаяніемъ. Мы вполнѣ вѣрили, что если не раскаемся глубоко, искренно, и подойдемъ къ святой чашѣ съ душой, въ которой еще есть что нибудь нехорошее, нечистое, то насъ дѣйствительно, буквально «огнь опалитъ!» Священникъ для

исповѣди приходилъ всегда къ намъ на домъ и прежде исповѣдовалъ дѣтей, а потомъ уже старшихъ. Человѣкъ, хорошо намъ извѣстный, въ этомъ моментъ превращался для насъ въ грознаго судію и мы съ трепетомъ приближались къ нему, сознавая, что отъ него зависитъ допустить насъ къ причастію и не допустить. Когда оканчивалось говѣнье и мы удостоивались причащенія, лица наши сіяли, мы какъ то хорошѣли. Всѣ мои семьяне испытывали тѣже чувства и также высказывали ихъ.

Между тѣмъ, въ храмы Божіи ходили не только одни говѣющіе; туда стремились рѣшительно всѣ, клали земные поклоны и всюду слышалось: «Боже! очисти мя грѣшнаго!» Пропустить ту или другую службу на страстной было для каждаго или преступленіемъ или несчастіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пѣніе въ теченіи страстной недѣли также много содѣйствовало этому набожному настроенію. Можно ли было пропустить обѣдню, гдѣ исполняется: «да исправится молитва моя»! иногда большими пѣвчими, иногда маленькими, потомъ: «нынѣ силы небесныя! и т. д. Можно ли не идти къ заутрени или всенощной, гдѣ поются: «се женихъ грядетъ въ полунощи» или «чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшеннымъ!» Можно ли не быть въ церкви въ великую пятницу, въ великую суботу?

Хожденіе въ церковь смѣнялось, въ теченіи всей страстной недѣли, усиленнымъ хожденіемъ по лавкамъ. Лавки постоянно были набиты народомъ, хотя трудно понять, почему именно страстная, поздняя уже недѣля, была временемъ усиленной купли и продажи. Всѣ обновы для дѣтей изготовлялись преимущественно на страст-

ной. «Остаточки» были въ большомъ спросѣ. И отецъ мой, входя въ лавку, послѣ обмѣна привѣтствій съ хозяиномъ, спрашивалъ: «а нѣтъ ли небольшого остаточка того то?» Русскій людъ чрезвычайно любитъ «остаточки»; любовь эта основывается на томъ, что «остатокъ» можно пріобрѣсти несравненно выгоднѣе, чѣмъ такую же часть отъ цѣлаго куска. Покупателю кажется, что «остаточекъ» для купца уже вещь безполезная и для него выгодно сбыть ее за что бы то ни стало. Соображеніе это, можетъ быть, и было вѣрно въ первое время, когда вздумали обращать вниманіе на «остаточки;» но купцы, конечно быстро поняли эту слабость охотниковъ до дешевыхъ покупокъ и стали ловить ихъ на эту удочку. Извѣстно, что въ Москвѣ, а теперь и въ Петербургѣ есть, въ данное время, послѣ пасхи, особая торговля, именно «остатками». Лавки въ это время наполняются преимущественно барынями, неукротимыми любительницами рыться въ товарахъ и торговаться до истощенія силъ. Но ловкіе торговцы, за положительною невозможностью имѣть столько настоящихъ и дѣйствительныхъ остатковъ, чтобы образовать изъ нихъ особую, хотя и кратковременную торговлю, прибѣгаютъ къ простому вспомогательному средству, т. е. берутъ болѣе залежавшіеся куски товаровъ и разрѣзывая на малыя части, предлагаютъ ихъ охотникамъ и преимущественно охотницамъ, въ видѣ остатковъ и непремѣнно дешевыхъ. Мое одѣяніе сооружалось преимущественно тоже изъ остатковъ.

Хлопоты съ пріисканіемъ соотвѣтственныхъ остатковъ смѣнялись хлопотами съ дешевыми портными. Переговоры отца съ этими артистами были продолжительны и здѣсь

главнѣйшею чертою мнѣній и настояній со стороны моего отца было то, чтобы мой сертучокъ или мои штанишки сдѣланы были непремѣнно посвободнѣе, пошире, подлиннѣе, съ запасцомъ, на томъ основаніи что «мальчикъ, дескать, ростетъ». Этотъ запасъ явно посягалъ на стройность моего стана, свободу движеній и манеръ, грацію, рѣшительно невозможную въ широчайшемъ сертукѣ и длинѣйшихъ штанахъ. Но всякіе протесты съ моей стороны по этой части, разумѣется, были совершенно безполезны. Я ухитрялся однако потомъ искуство портного довершить собственнымъ искуствомъ. Я или вооружался самъ ножницами и собственноручно подрѣзывалъ штаны, или входилъ въ тайный союзъ съ «Дунькой», или «Сашкой» для того, чтобъ ушивать всѣ тѣ мѣста, которыя находилъ безобразно широкими. Въ немудрой области искуства мѣстнаго дешеваго портного, наше дополнительное домашнее искуство оставалось незамѣченнымъ и благополучно сходило съ рукъ. Той же системы держался я, и даже въ усиленной степени, когда, въ слѣдствіе моего возрастанія, приговоромъ родителей постановлено было носить мнѣ фраки, къ которымъ вообще я чувствовалъ тогда величайшее отвращеніе. Фалды этихъ первоначальныхъ фраковъ, созидаемыхъ подъ личнымъ наблюденіемъ моего отца и разумѣется, всегда съ запасцомъ, я урѣзывалъ самымъ свирѣпымъ образомъ, стараясь довести ихъ до той степени краткости, которая казалась мнѣ наиболѣе приличною.

Само собою разумѣется, что хлопоты подобнаго рода, едва ли не болѣе суетливые, происходили и въ женской половинѣ нашего семейства. Тамъ тоже пріискивали «ос-

таточки», кроили, шили, примѣривали и вообще значительно шумѣли и спорили. Видно было, что считалось непреложнымъ правиломъ, чтобы къ свѣтлому празднику всѣ безъ исключенія имѣли непремѣнно обновы. Понятно, что каждый хлопоталъ и суетился, чтобъ не остаться въ обидѣ, точно также, какъ понятно, что страстная была именно тѣмъ временемъ, когда всѣ распоряженія особенно оживлялись, усиливались и сводились результаты всѣхъ распоряженій ,сдѣланныхъ предварительно.

Постоянное хожденіе въ церковь и по лавкамъ за остаточками, переговоры съ портными, хлопоты на женской половинѣ моей семьи, однимъ словомъ вся эта суета, возникавшая на страстной, неимовѣрно увеличивалась двумя обстоятельствами: приведеніемъ самаго жилища нашего въ возможное совершенство—и кухни въ такое состояніе, чтобы она съ блескомъ могла выдержать трудныя и многочисленныя обязанности съ наступленіемъ святой недѣли. Усовершенствованіе нашего жилища, если только не препятствовало иногда слишкомъ раннее наступленіе святой, начиналось большею частью выставленіемъ зимнихъ рамъ и возстановленіемъ на лѣтнее положеніе всѣхъ тѣхъ частей, которыя, подъ вліяніемъ зимняго сезона, оставались въ запущенномъ положеніи. Распоряженіе это, ежегодно повторяемое и вообще принадлежащее къ числу самыхъ обыкновенныхъ въ провинціальной жизни, повидимому не можетъ представлять ничего особеннаго. И дѣйствительно, для петербургскаго жителя въ этомъ распоряженіи не можетъ быть ничего занимательнаго. Не то было для провинціаловъ, или вѣрнѣе сказать: для дѣтей провинціаловъ. Просидѣть мѣсяцевъ

шесть въ полутемныхъ комнатахъ съ окнами, вѣчно покрытыми ледяною корою, исписанною узорами издѣлія русскаго мастера, именуемаго «морозомъ» и потомъ видѣть, что зимнія рамы отняты, лѣтнія отворяются и возобновляется радостное знакомство съ возраждающейся природой,—это одно изъ высокихъ наслажденій, которыми судьба вознаграждаетъ провинціаловъ за отсутствіе столичныхъ наслажденій. Но отнятіе зимнихъ рамъ составляетъ только эпоху, съ которой начинаются безконечныя, слѣдующія затѣмъ распоряженія по убранству внутренняго жилища. Исчислять подробно эти распоряженія безполезно. Достаточно сказать, что моется рѣшительно все, что только можно мыть: рамы, полы, столы и т. д.; чистится все, что только можно чистить: ризы на образахъ, серебро, самовары, подсвѣчники и всевозможная посуда, какого бы металла ни была. Въ этихъ хлопотахъ никто не остается празднымъ. Печеніе и жареніе шло неустанно и неутомимо. Область окороковъ, куличей, яицъ, создаваемая опытными и знающими руками Натальи, возникала, росла, украшалась и принимала наконецъ стройный видъ. Понятно, что всѣ эти экстренныя дѣла и распоряженія ставили нашъ внутренній семейный бытъ въ исключительное положеніе, лишали его обыкновенной спокойной систематичности и уподобляли походному положенію. Питаніе наше, и дотолѣ весьма скудное, на страстной недѣлѣ не только достигало вящей скудости, но утрачивало даже свой обычный ходъ. Систематическіе обѣды большею частью прекращались. Ни господамъ не было времени серьезно пообѣдать, ни Натальѣ не было времени заниматься приго-

товленіемъ этихъ скудныхъ обѣдовъ и отрываться отъ другихъ, болѣе важныхъ и капитальныхъ приготовленій. Питаніе наше, въ теченіи этой недѣли, было случайное, отрывочное. Съѣлъ булку или калачъ—и баста! Выпилъ стаканъ чаю съ хлѣбомъ—и того лучше. Всѣ какъ-то сознавали, что переживается вовсе не такое время, чтобъ думать объ обѣдахъ. Также было и во всѣхъ другихъ семействахъ средней руки, гдѣ нѣтъ большихъ помѣщеній, многочисленной и разнообразной прислуги и вообще значительныхъ средствъ всякого рода. Люди нашей среды однимъ своимъ видомъ ясно говорили, что они переживаютъ именно страстную недѣлю. Ходили они въ старыхъ изношенныхъ платьяхъ, какъ бы расчитывая окончательно доносить ихъ въ это печальное время и нисколько не заботились о внѣшнемъ изяществѣ. Вообще видъ ихъ былъ очень непредставительный. Представители мужской половины, казалось, въ теченіи этой недѣли, вовсе не брились и мало чесались. Если тутъ безъ сомнѣнія было христіанское смиреніе, желаніе примѣнить свой видъ къ тѣмъ повѣствованіямъ, которыми занимались ежедневно наши церкви, то можно съ вѣроятностію предполагать, что тутъ же имѣла значеніе и та бѣдность средствъ въ семействахъ нашей среды. Если всѣ руки, находящіяся въ семьѣ, до такой степени были заняты, что даже самые обѣды отмѣнялись и замѣнялись системою отрывочнаго и случайнаго сухоядѣнія, съ единственною цѣлью утоленія, по возможности, голода, то понятно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ было странно и думать о красотѣ шевелюры, глянцовитости своей бороды и отнимать для этого время,

необходимое для другихъ, несравненно важнѣйшихъ занятій.

Великая субота, наконецъ, была днемъ, въ который вся эта напряженная дѣятельность начинала стихать и всѣ дѣятели могли уже видѣть результаты ея и любоваться ими. Субота посвящалась такъ сказать проведенію окончательныхъ штриховъ по картинѣ, приготовленной для радостной встрѣчи Свѣтлаго воскресенья. Все было вымыто и вычищено, все разставлено, распредѣлено, приготовлено. Суета прекращалась. Работники съ наслажденіемъ любовались результатами своихъ трудовъ и только изрѣдка обмѣнивались дополнительными, уже не имѣвшими существеннаго значенія, замѣчаніями относительно достиженія вящаго совершенства. Въ этой затихающей постепенно суетѣ, въ этой водворяющейся тишинѣ приближался вечеръ суботы, совершенно отличный, по сопровождающимъ его явленіямъ, отъ подобныхъ вечеровъ въ Петербургѣ. Начать съ того, что петербуржцы не спятъ до того момента, когда надо отправляться въ церковь, т. е. до 12-ти часовъ. Понятно, что одна возня съ туалетами поглощаетъ большую часть суботняго вечера. Другая часть посвящается приготовленію и украшенію стола, на которомъ должны появиться всѣ богатства для разговѣнія. Мимоходомъ припоминаю, что не разъ эти «разговѣнья» превращались на моихъ глазахъ, и разумѣется при сильномъ участіи съ моей стороны, въ положительное пиршество съ шампанскимъ и пѣснями, прекращавшееся съ наступленіемъ минуты, когда надобно было дѣлать офиціальные и обязательные визиты. У насъ, въ Пензѣ ни приготовленій къ богатому разговѣ-

нію, ни пиршествъ не было, а въ приготовленіяхъ къ Свѣтлому воскресенью царствовало благоговѣніе. Съ наступленіемъ суботняго вечера, прежде всего, зажигались повсюду лампадки и тихій ихъ свѣтъ освѣщалъ чистыя, обновленныя наши комнаты. Всѣ домашніе принимали благоговѣйный видъ, ходили и говорили тихо, какъ будто имѣло совершиться нѣчто необычайное. На особо приготовленныхъ столахъ располагалось систематически платье каждаго члена, новое и свѣжее, для того, чтобы въ извѣстную минуту каждый зналъ, гдѣ что найти, мгновенно одѣться и быть готовымъ. Наши постели постилались чистымъ бѣльемъ. Когда все это было сдѣлано и приготовлено, отецъ отдавалъ приказъ: ложиться спать. У насъ и заводу не было дожидаться заутрени не спавши, и отправляться туда въ полудремотномъ состояніи, какъ въ Петербургѣ. Мы укладывались въ постели съ неизъяснимымъ чувствомъ полнѣйшаго счастія. Чувство это создавалось, прежде всего, сознаніемъ, что чрезъ нѣсколько часовъ наступитъ великій праздникъ, который будетъ продолжаться много дней, и что въ теченіи этихъ дней мы только будемъ ѣсть и постоянно веселиться, а ученье и всѣ обязательныя занятія отодвинутся въ сторону. Это радостное чувство еще болѣе усиливалось, когда, поглядывая изъ подъ одѣяла на кучки новаго платья, разложенныя на столахъ, мы предавались мечтамъ, какъ будемъ поразительно прелестны въ нашихъ новыхъ костюмахъ, и какъ Ваничка такой-то или Машенька такая-то будутъ поражены блескомъ этихъ костюмовъ и красотою, которую они намъ придадутъ. Въ этихъ мечтаніяхъ мы сладостно засыпали. Сонъ былъ,

конечно, не продолжителенъ, но крѣпокъ. Часа чрезъ три или четыре насъ будили, не безъ затрудненій. Когда строгій голосъ отца окончательно пробуждалъ насъ, мы, прежде всего, были поражены множествомъ свѣчей, разставленныхъ по всѣмъ столамъ и комодамъ. Потомъ, при взглядѣ въ окна, мы видѣли, что улицы освѣщены плошками, хотя разставленными въ весьма умѣренномъ количествѣ, что вообще составляетъ въ провинціи явленіе рѣдкое и крайне торжественное. Но самое сильное впечатлѣніе производилъ на насъ сильнѣйшій звонъ колоколовъ во всѣхъ церквяхъ, звонъ съ необычайною силою врывавшійся въ комнаты, неограждённыя каменными и толстыми стѣнами.

Придя въ себя отъ глубокаго сна, протеревъ окончательно глаза, заливаемые необычнымъ свѣтомъ, оглушаемые страшнымъ колокольнымъ звономъ, мы бросались къ своимъ платьямъ, быстро одѣвались и, подъ предводительствомъ отца, отправлялись въ соборъ. Я не помню, чтобы въ день Свѣтлаго воскресенья мы были когда нибудь въ другой церкви.

Пензенскій соборъ раздѣлялся на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Нижняя церковь была довольна сумрачная и низкая, верхняя напротивъ свѣтлая и высокая. Въ теченіи зимы служба совершалась въ нижней церкви. Тамъ же совершалась и вся великопостная служба. Было принято правиломъ, совершать переходъ изъ нижняго собора въ верхній именно въ заутреню Свѣтлаго воскресенья. Начало заутрени, т. е. великопостная ея часть совершалась въ нижнемъ соборѣ; послѣ обхода церкви съ пѣснію: «Воскресеніе твое!» все духовенство, хоругви,

народъ поднимались въ верхній соборъ, гдѣ и продолжалась заутреня. Мы всегда приближались къ собору именно въ ту минуту, когда совершался этотъ многознаменательный переходъ. Вмѣстѣ съ народными волнами мы входили въ верхній соборъ, чистый, бѣлый, свѣтлый. Церковь блистала тысячами огней. Лица у всѣхъ были радостныя. Хоръ гремѣлъ: Христосъ воскресе! Архіерей, архимандриты, священники, въ богатыхъ облаченіяхъ, предшествуемые діаконами, ходили по всѣмъ направленіямъ и тоже возвѣщали народу: Христосъ воскресе! Въ концѣ заутрени знакомые радостно обнимались, цаловались съ тѣми же словами. Эти слова наполняли воздухъ.

ГЛАВА X.

Мое дѣтство. — Первая благонравная половина. — Первые учители. — Мои пораженія въ области французскаго языка и успѣхи въ танцовальномъ искуствѣ. — Первая любовь. — Пансіонъ г-жи Ломбардъ. — Шкафтъ и Калпашниковъ. — Разладъ теоріи съ практикою.

Плана въ моихъ разсказахъ собственно нѣтъ никакого. Цѣль ихъ — припомнить что можно изъ старыхъ временъ моей дѣтской провинціальной жизни. Если я назвалъ настоящее мое произведеніе «половодьемъ»,

съ цѣлью изобразить мое потопленіе и спасеніе, то потому, что водная пучина и физическая, матерьяльная борьба съ ней представляется для читателя несравненно яснѣе и положительнѣе, чѣмъ отвлеченная пучина пороковъ, которую я расчитываю изобразить въ отдѣлѣ, посвященномъ моему дѣтству и въ которой я тоже утопалъ, подобно многимъ моимъ сверстникамъ. Какъ въ водной пучинѣ, такъ и въ этой одни спаслись, другіе погибли. Я принадлежу къ числу спасенныхъ отъ обоихъ пучинъ. И если я спасся отъ водной пучины, то другая пучина могла оставить мнѣ жизнь, но отнять то, что дороже жизни: человѣческое достоинство, честь, благородство.

Отъ начала, удачнаго или неудачнаго, часто зависитъ все дѣло. Хорошее начало—счастіе, нехорошее—истинное несчастіе. Начните дурно пѣть—никакъ не поправитесь. Сбейтесь въ началѣ доклада вашему начальнику—бѣда! Я не совсѣмъ вѣрю пословицѣ, что «конецъ всему дѣлу вѣнецъ»! По моему, часть могущества, относимаго этимъ изрѣченіемъ исключительно «къ концу», надобно, по справедливости, отнести «къ началу», уже потому собственно, что безъ хорошаго начала трудно ожидать и хорошаго конца. Я раздѣлю мое дѣтство на двѣ половины: одну хорошую, юнѣйшую, и другую болѣе зрѣлую и порочную.

Я сказалъ уже, что моими первоначальными учителями были семинаристы мѣстной семинаріи, разумѣется старшихъ классовъ т. е. философы и богословы. Учители этого рода были конечно самые дешевые, и потому самые доступные для небогатыхъ семействъ. По всей вѣроятности самая многочисленность ихъ, превосходящая мѣст-

ныя потребности, образовывала между ними сильную конкуренцію и удешевляла цѣну ихъ уроковъ до крайней степени. Всѣхъ личностей, которыя работали надъ моимъ образованіемъ, я конечно припомнить не могу; но въ общихъ чертахъ это были люди скромные, бѣдные, знающіе основательно дѣло, за которое брались, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ свою репутацію, какъ хорошій учитель, а плохой и малознающій не могъ попасть ни въ одинъ домъ. Помню только хорошо и отчетливо одного изъ моихъ учителей, Ивана Ивановича. Его наружность дышала кротостью и смиреніемъ, голосъ былъ тихій и гармоническій, манеры смиренныя. Онъ очень долго былъ моимъ учителемъ. По выпускѣ изъ семинаріи онъ тотчасъ былъ сдѣланъ священникомъ Казанской церкви въ самой Пензѣ, но продолжалъ заниматься со мной. Его вѣроятно теперь уже нѣтъ на свѣтѣ. Но я былъ бы счастливъ, если бы перейдя границу 80-ти лѣтъ, рѣдко и немногими счастливцами достижимую, онъ могъ прочитать эти строки и видѣть подтвержденіе истины, которую онъ, какъ служитель алтаря, часто провозглашалъ православнымъ, что память о добрыхъ людяхъ и добрыхъ дѣлахъ не умираетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ему отрадно было бы видѣть, что одинъ изъ безчисленныхъ мальчиковъ, которыхъ онъ когда-то училъ, спѣшитъ воспользоваться первою возможностью, чтобы сказать о немъ доброе слово.

Прописи говорятъ, что «корень ученья горекъ, но плоды его сладки». Хотя мнѣ и не суждено было достигнуть обильныхъ и сладкихъ плодовъ моего ученья, но за то я слишкомъ хорошо испыталъ, что корень ученья дѣйстви-

тельно очень горекъ. Часы, въ которые совершалось это ученіе, безъ преувеличенія можно назвать самыми тяжелыми, скучными и мучительными часами въ моей жизни. Думаю, что чувства, которыя я испытывалъ во время моего ученія, испытывали и всѣ мои сверстники. Найти такого мальчика, который бы съ радостію садился за учебную книгу, не легко. Вообще не найдено еще средства лишить ученье смертельной скуки и томленія; сдѣлать науку занимательною — предоставляютъ вообще искуству учителей. У меня былъ прекрасный, добрѣйшій и искуснѣйшій учитель, но не смотря на это, скука и томленіе во время ученія достигали ужасающихъ размѣровъ. Самое приближеніе времени ученія наводило тоску. Играешь, напримѣръ, бѣгаешь веселый, спокойный, вдругъ раздается колоколъ къ вечернѣ, т. е. часъ роспуска семинаристовъ, и появленія одного изъ нихъ, въ качествѣ учителя, въ нашъ домъ, часъ моего ученія — кончено! все пропало: и веселье и спокойствіе. На мѣсто ихъ мгновенно водворялись тоска, невыносимое безпокойство, смертное томленіе. Я совершенно чуждъ учебнаго міра, но не могу не знать, не читать, что въ немъ совершаются громадныя реформы, направленныя къ той цѣли, чтобъ ученики проглатывали какъ можно болѣе премудрости и чтобы заведенія наши поставляли настоящихъ мудрецовъ. Все это прекрасно; но мнѣ кажется, что увеличить собственно объемъ обученія не представляетъ ничего особенно премудраго. Вотъ премудрость: соразмѣрить этотъ объемъ обученія съ силами мальчиковъ, не дѣлая ихъ мучениками, а главное, отнять у обученія свойства ненавистной каторжной работы. Быть

можетъ это чрезвычайно трудно; я даже убѣжденъ въ этомъ, хотя заниматься подобнымъ вопросомъ повидимому считаютъ неприличнымъ; но я гласно заявляю, что если когда нибудь судьба приведетъ меня войти въ составъ учебной части (извѣстно, что судьба совершаетъ самыя невѣроятныя вещи) я тотчасъ образую десять спеціальныхъ комисій для изслѣдованія этой задачи и назначу громадную премію за болѣе удовлетворительное разрѣшеніе ея. Кто знаетъ! Можетъ быть, какъ нибудь и доберутся до сути и найдутъ подходящій секретъ. Это будетъ истинная заслуга для человѣчества и совершившій ее никогда не умретъ въ благодарной памяти потомства.

Разсказывать о томъ, кѝкъ и чему меня учили семинаристы, было бы безполезно: и тогда предѣлы моего обученія были крайне скромны, да и впослѣдствіи немного расширились. Замѣчу только странную психическую черту, проявлявшуюся во мнѣ во время этого ученья, и подтверждающую вполнѣ мое мнѣніе о хорошемъ началѣ. Дѣло въ томъ, что когда учитель придетъ, станетъ спрашивать урокъ и все начнется хорошо, тогда и дальнѣйшее движеніе и самый конецъ были тоже хороши. Но если въ самомъ началѣ случалась какая либо запинка, мною тотчасъ овладѣвало непостижимое состояніе. Меня охватывалъ какой то столбнякъ. Я молчалъ все остальное время и вывести меня изъ этого молчаливаго состоянія не было никакихъ средствъ. Ни ласки, ни угрозы, ничто не помогало. Добрѣйшій Иванъ Ивановичъ, несмотря на безконечную кротость и доброту, терялъ терпѣніе. Откуда и отчего происходило такое состояніе, я и

теперь объяснить не могу. Знаю только, что здѣсь не было никакой болѣзненной причины, хотя повидимому, нѣкоторые и, какъ мнѣ кажется, мой отецъ, предполагали ея существованіе. Мнѣ просто казалось невозможнымъ послѣ того, какъ я замолчалъ, произнести слово, но почему такъ казалось, рѣшительно не знаю. Самый сильный двигатель—предстоящій гнѣвъ строгаго отца не могъ разбить моего непонятнаго молчанія. Легко представить, какъ пріятно было доброму Ивану Ивановичу сидѣть часа два передъ совершеннымъ истуканомъ, постоянно убѣждать его въ неприличіи и непостижимой странности такого поведенія, употреблять ласки, угрозы и тысячи другихъ средствъ для того, чтобъ вырвать у меня какое нибудь слово и видѣть всѣ свои усилія совершенно напрасными. Но нелегко представить, что всѣ эти подвиги съ моей стороны оставались совершенно безнаказанными, что̀ на мои собственные глаза представляется едва ли еще не болѣе страннымъ и непостижимымъ. Дѣйствовала ли тутъ безконечная доброта Ивана Ивановича или, дѣйствительно, нѣкоторое сомнѣніе моихъ родителей; не кроется ли въ моемъ странномъ молчаніи, въ самомъ дѣлѣ, признаковъ непонятной и неразгаданной болѣзни,—я не знаю, во всякомъ случаѣ не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что эта странная черта не могла не вредить моему, и безъ того скудному, образованію.

Изъ ряда предметовъ этого образованія, выдвигались самымъ рельефнымъ образомъ два предмета: обученіе Французскому языку и танцовальному искуству. Пружиною, выдвигавшею эти предметы изъ общаго уровня, нѣтъ сомнѣнія, было человѣческое тщеславіе, такъ не-

удержимо стремящееся щегольнуть, прихвастнуть, какъ говорится «задать тону» передъ другими. Задать тону успѣхами въ законѣ Божіемъ напримѣръ, въ граматикѣ и т. п. рѣшительно невозможно уже потому, что невозможно дать имъ какое либо публичное проявленіе. Но если десятилѣтній сынишка бойко болтаетъ по французски, или восьмилѣтняя дочь прекрасно танцуетъ русскіе танцы, которые, въ мое время и въ моей средѣ, не только не были въ такомъ загонѣ, какъ нынче, но едва ли не были на первомъ планѣ,—публика непремѣнно раскроетъ ротъ отъ изумленія, разсыплетъ тысячу похвалъ и комплиментовъ и предастся завистливымъ толкамъ. Вотъ это то раскрываніе публикою рта отъ изумленія составляло и прежде, составляетъ теперь и конечно будетъ составлять всегда, суетную цѣль суетныхъ стремленій человѣчества. Съ глубокою признательностью я долженъ сказать, что мои недостаточные родители дѣлали по части моего образованія все, что было доступно ихъ ограниченнымъ средствамъ. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что сдѣлать изъ меня приличнаго, по обстоятельствамъ того времени, человѣка, не хуже другихъ, было главною ихъ цѣлью, стоявшею впереди всего; но ничего нѣтъ удивительнаго, что въ стремленіи къ этой цѣли они подверглись тоже могущественному вліянію человѣческаго тщеславія и на успѣхи во французскомъ языкѣ и въ танцовальномъ искуствѣ обращали болѣе вниманія, чѣмъ на успѣхи въ законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ и другихъ серьезныхъ предметахъ. Это, въ нѣкоторой степени, подтверждается и тѣмъ, что по части преодолѣнія французскаго языка и танцовальнаго искуства, я живо

помню многія черты, тогда какъ никакихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ изученіе граматики, ариѳметики рѣшительно не помню, за исключеніемъ того только, что именно въ этой области я больше всего отличался все тѣмъ же непостижимымъ молчаніемъ.

Изученіе французскаго языка особенно памятно мнѣ по безчисленнымъ и разнообразнымъ несчастіямъ и пораженіямъ, которыя мнѣ было суждено испытывать и переносить, тогда какъ въ отдѣлѣ танцовъ я только и дѣлалъ, что пожиналъ лавры. Природа, отпустивъ мнѣ громаднѣйшій запасъ способности по части выдѣлыванія ногами всевозможныхъ штукъ и узоровъ, надѣлила меня совершенною бездарностью по части филологической, и если воспоминанія о танцахъ, полныя блестящихъ успѣховъ, тѣшатъ мое самолюбіе, то воспоминанія по части французскаго языка имѣютъ совершенно противуположныя свойства и говорятъ исключительно о самыхъ тяжелыхъ минутахъ моего дѣтства. Если можно отыскать въ этихъ воспоминаніяхъ свѣтлую точку, ею была одна изъ мѣстныхъ красавицъ, о которыхъ я говорилъ выше, Раиса Максимова; ей суждено было, несмотря на ея ангельскія свойства, наносить мнѣ самыя тяжкія, самыя позорныя пораженія.

Первое наше жилище въ Пензѣ, какъ я уже говорилъ, было жилище въ Рождественской улицѣ, въ домѣ частнаго пристава. Самъ приставъ, нашъ хозяинъ, былъ худой, болѣзненный господинъ, съ сильнымъ чахоточнымъ румянцемъ на щекахъ. Это былъ человѣкъ добрый, кроткій, мягкій. Его супругу звали Глафирою; она была женщина красивая и милая. И свойства этихъ людей,

и самое положеніе ихъ, для всѣхъ небезполезное, были причиною, что у нихъ завелся большой кругъ знакомства. Весьма часто бывало у нихъ семейство Максимовыхъ, пріобрѣвшее особую извѣстность двумя красавицами дочерьми: Раисой и Машенькой. Раиса была старшею сестрой и независимо отъ красоты, дѣвушкой и умной и значительно образованной. Мѣрою образованія, самою осязательною, если не всегда вѣрною, и тогда считалось умѣнье говорить по французски. Раиса Максимова прекрасно говорила на этомъ языкѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что очаровательная дѣвушка превращалась для меня въ мучительницу....

Дѣло въ томъ, что мои учители изъ семинаріи обязывались учить меня, между прочимъ, и по французски, и на этотъ предметъ обращалось особенное вниманіе. Понятно, въ какой степени философъ или богословъ семинаріи, напитанный насквозь латинскими и греческими премудростями, ученіемъ о духовномъ краснорѣчіи и другими возвышенными предметами, самъ неслыхавшій никогда французскаго слова, былъ силенъ по этой части. Между тѣмъ сдѣлка устанавливалась. Родители, въ сердечной простотѣ, думали, что человѣкъ, нанимающійся въ учители, долженъ все знать и всему учить. Ктому-же спеціальныхъ учителей, не изъ семинаристовъ, было крайне мало и они были крайне дороги. Семинаристы, ищущіе учительскихъ мѣстъ, съ своей стороны, соображали, что если они будутъ отказываться отъ обученія предметамъ, мало имъ знакомымъ и держаться только предметовъ, отлично ими изученныхъ, но къ сожалѣнію вовсе ненужныхъ, въ родѣ греческаго и латинскаго язы-

ковъ, вошедшихъ въ моду только въ послѣднее время, то они и вовсе останутся безъ мѣстъ, т. е. безъ заработковъ, столь необходимыхъ при ихъ крайней бѣдности, ибо со стороны отцовъ ихъ, большею частью дьячковъ и пономарей, особенно сильныхъ подкрѣпленій ожидать рѣшительно невозможно. Въ силу этихъ соображеній и, въ тоже время, надѣясь на несомнѣнную опытность свою въ педагогическихъ пріемахъ, семинаристы принимали на себя обязанность учить мѣстныхъ мальчугановъ всему, чему желаютъ родители, а и въ томъ числѣ и французскому языку. Такъ точно обязались они учить этому языку и меня. Не трудно понять, что если посредствомъ книгъ, т. е. разныхъ учебниковъ, словарей, самоучителей они могли добираться до нѣкоторой возможности понимать прочитанное, то со стороны практики и разговора на французскомъ языкѣ, должно было происходить нѣчто ужасное, способное поставить дѣйствительнаго француза въ тупикъ и изумленіе. И сами учители и ихъ ученики находили спасеніе отъ этой позорной стороны именно въ отсутствіи всякого контроля, ибо сами родители произвести этого контролированія были не въ состояніи, а произвести его другими способами рѣдко представлялось возможнымъ.

На бѣду мою и моихъ родителей, въ области изученія мною французскаго языка явился именно такой исключительный случай. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что появленію его содѣйствовало не столько желаніе провѣрить мои знанія по этой части и результаты трудовъ моихъ учителей, сколько опять таки желаніе проявить суетное тщеславіе, заѣдающее человѣчество на

всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и во всѣхъ формахъ и видахъ. Причиною появленія и этого случая и этихъ тщеславныхъ побужденій была именно прелестная Раиса Максимова. Два факта, одинъ, что она говоритъ по французски, а другой, что я учусь тоже по французски, столкнулись въ чьей то головѣ. Изъ этого столкновенія родилась мысль совершить травлю или единоборство французовъ. Непостижимымъ мнѣ кажется согласіе, данное на это Иваномъ Ивановичемъ. Еще болѣе непостижимо мое собственное согласіе, повидимому вовсе несоотвѣтствующее той природной конфузливости, которая заставляла меня молчать по два часа, когда мы были съ глазу на глазъ съ моимъ учителемъ. Согласіе наше могло быть вырвано настояніями родителей, разнородными убѣжденіями, что это будетъ очень мило, что никакой бѣды не произойдетъ, если я ошибусь и т. п. Въ то же время я думалъ, что это можетъ быть вовсе не такъ трудно, какъ мнѣ кажется, что можетъ быть даже она окажется слабѣе, а я сильнѣе; наконецъ меня подталкивала надежда, что я доставлю можетъ быть дѣйствительное утѣшеніе родителямъ и прослыву французомъ. Но чего я разгадать самъ не могу: пораженный сегодня въ битвѣ, я лезъ на другую; пораженный въ другой, не затруднялся ринуться въ третью и т. д. Что̀ заставляло молчать мое самолюбіе, сильное и крайне щекотливое, но которому наносились тяжкіе удары? понять рѣшительно не возможно.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: становилось извѣстнымъ, что въ такой то день Раиса будетъ у нашихъ хозяевъ. Отецъ или мать говорили: «Васинька!

ты знаешь, что Раисанька придетъ въ четвергъ; поговори же съ ней по французски». Ожиданіе этого дня становилось для меня значительно тревожнымъ и мою тревогу съ живѣйшимъ участіемъ раздѣлялъ Иванъ Ивановичъ. Мы старались вооружиться самымъ солиднымъ образомъ, заучивали множество французскихъ словъ и фразъ, вели съ нимъ, въ видѣ репетиціи, примѣрные разговоры и вообще усиливались достигнуть степени непобѣдимости. Когда наступалъ часъ, мое волненіе увеличивалось; всѣ заученныя предварительно слова и фразы начинали безобразно прыгать въ головѣ и я, уже въ самомъ началѣ, предчувствовалъ печальный исходъ битвы. Когда я приближался къ моему прелестному, и въ то же время страшному непріятелю, я еще довольно сносно произносилъ первую изъ приготовленныхъ нами фразъ. Но тѣмъ дѣло и кончалось. Когда Раиса отвѣчала, я уже ничего не понималъ и не зналъ, какое именно орудіе изъ заготовленнаго нами арсенала слѣдуетъ выдвинуть впередъ, становился въ тупикъ, молчалъ и позорно краснѣлъ. Начало было еще хуже, когда мнѣ не удавалось произнести и первой приготовленной фразы, а Раиса начинала атаку своей фразой. Этой фразы я большею частью не понималъ и, въ то время, когда она смотрѣла на меня съ милой выжидающей улыбкой, я тоже смотрѣлъ на нее, но съ глупѣйшей улыбкой, которая появляется на лицѣ человѣка въ минуту величайшаго конфуза, когда онъ вполнѣ видитъ позоръ своего положенія и сознаетъ совершенную невозможность благополучнаго исхода.

Неудачи наши происходили главнѣйше отъ двухъ причинъ. Вопервыхъ мы съ Иваномъ Ивановичемъ, въ при-

готовительныхъ занятіяхъ, вырабатывали одинъ планъ, предначертывали извѣстный путь, такъ что для успѣха представлялось совершенно необходимымъ, чтобы въ этой битвѣ непріятель не только зналъ нашъ планъ, но и слѣдовалъ ему самымъ неукоснительнымъ образомъ. Между тѣмъ, непріятель рѣшительно не имѣлъ понятія о томъ, къ чему мы готовы и шелъ самовольно по другому плану и тѣмъ самымъ, въ началѣ дѣла, уже сбивалъ насъ съ толку. Другою причиною, быть можетъ не столь существенною, было то, что выговоръ Раисы вовсе не подходилъ къ нашему; ея выговоръ былъ свѣтскій, тогда какъ нашъ духовно-семинарскій, отчего однѣ и тѣ же слова становились обоюдно непонятными. Послѣ подобнаго пораженія французскій языкъ отлагался въ сторону; я, Раиса и другіе сверстники предавались дѣтскимъ играмъ и прелесть ихъ была причиной, что горесть пораженія не только ослаблялась, но совершенно исчезала, такъ что при слѣдующемъ подходящемъ случаѣ, я опять шелъ въ битву, какъ будто никакихъ пораженій и не было. Когда я передавалъ Ивану Ивановичу результаты моихъ свиданій съ непріятелемъ, онъ задумывался, соображая повидимому причины этихъ печальныхъ результатовъ и затѣмъ мы съ нимъ предавались еще болѣе усиленному заучиванію французскихъ фразъ и словъ, въ надеждѣ, что на будущій разъ милость Божія насъ не оставитъ. Но надежда эта почти никогда не оправдывалась и мы испытывали новыя пораженія. Вообще мы съ Иваномъ Ивановичемъ въ нѣкоторой степени походили на тѣхъ австрійскихъ генераловъ, которые самымъ тщательнымъ образомъ и вполнѣ согласно правиламъ и зако-

намъ военнаго искуства, разставляютъ пѣхоту, кавалерію батареи и ждутъ непріятеля. Непріятель появляется и начинаетъ атаку, но совершенно не въ томъ порядкѣ, въ какомъ его ожидали и даже не согласно съ военными правилами. Австрійцы, изумленные и сбитые съ толку, приходятъ въ конфузъ и обращаются въ бѣгство.

Меня вознаграждали за пораженіе на этомъ поприщѣ— успѣхи въ дѣлѣ чисто матерьяльномъ, въ дѣлѣ, гдѣ работали мои ноги и гдѣ не требовалось участіе головы. Хоть это не очень лестно для моихъ умственныхъ силъ, но я обѣщалъ говорить то, что было въ дѣйствительности, и добросовѣстно исполняю это. Въ Пензѣ существовалъ чуть ли не единственный пансіонъ для дѣвицъ г-жи Ломбардъ. Она, разумѣется, была француженка, женщина добрая, любимая пензенскимъ обществомъ. Самою главною и дѣятельною ея помощницею была дочь ея, смуглая, умная дѣвушка. Пансіонъ этотъ, какъ говорится, былъ биткомъ набитъ. Не только тамъ были всѣ городскія дѣвушки, достигшія періода образованія, но туда же свозили своихъ дочерей и всѣ помѣщики пензенской губерніи. Въ числѣ предметовъ, которымъ тамъ обучали этихъ барышень, танцы, разумѣется, стояли далеко не на послѣднемъ планѣ. Мой отецъ старался, какъ говорили тогда, «оболванить» свое дѣтище. Само собою разумѣется, что думать о помѣщеніи въ женскій пансіонъ мальчика было безразсудно, но отецъ мой ухитрился придумать другую штуку. Въ пансіонѣ существовалъ, въ извѣстные дни и часы, танцовальный классъ. Какія отношенія имѣлъ мой отецъ къ г-жѣ Ломбардъ, не знаю, но онъ добился согласія ея присылать меня въ пансіонъ собственно на танцовальные

классы. Для меня вспоминать объ этомъ сладкомъ періодѣ, впрочемъ чрезвычайно краткомъ, тоже, что вспоминать о пролетѣвшей молодости, о промотанномъ богатствѣ, о подругѣ законной или не очень законной, признавшей, по безвкусію своему, болѣе пріятнымъ дѣлить жизнь съ другимъ и т. д. Воспоминанія эти въ то же время и горьки потому, что все это было, да прошло, а настоящее, когда чувствуется уже недостатокъ живыхъ ощущеній и излишество сѣдыхъ волосъ, куда какъ не похоже на это золотое прошедшее.

Само собою разумѣется, что мнѣ соорудили костюмъ, примѣненный къ предстоящимъ занятіямъ и башмаки, которыхъ я дотого никогда не носилъ. Костюмъ мой казался мнѣ великолѣпенъ. Вступленіе мое въ пансіонъ на первый разъ было совершено въ сопровожденіи моего отца. Я былъ ослѣпленъ не столько моремъ свѣта, разлитаго въ танцовальной залѣ, сколько необычайнымъ обиліемъ прелестныхъ дѣвушекъ. Потомъ, въ эти дни меня отправляли уже одного. Танцмейстеромъ тамъ былъ Брюмъ, тоже французъ, высокій и довольно плотный господинъ, кривой на одинъ глазъ. Это былъ начальникъ далеко не суровый, вѣроятно потому, что я скоро проявилъ богатыя способности въ дѣлѣ танцовъ и доставлялъ ему, какъ даровитый ученикъ, одно удовольствіе. Всѣхъ новичковъ онъ становилъ вдоль стѣны, гдѣ они должны были выстаивать довольно продолжительное время «въ первой позиціи», «во второй» и т. д. потомъ переходить къ «батманамъ» и другимъ спеціальнымъ штукамъ, имѣющимъ главною цѣлію выламываніе ногъ въ примѣненіи къ танцовальному дѣлу. Оно, какъ и вся-

кое другое, однимъ давалось скоро, другимъ туго, а нѣкоторымъ вовсе не давалось. Были несчастливцы, возбуждавшіе смѣхъ или сожалѣніе, какъ въ области пѣнія, гдѣ являются бездарности, которыя не могутъ взять вѣрно и правильно ни одной ноты. Я быстро пошелъ по пути успѣховъ и былъ единственный мальчикъ въ огромной толпѣ дѣвочекъ. Если для меня было пріятно разсматривать ихъ, то безъ сомнѣнія и для нихъ было не безъинтересно разсматривать единственный экземпляръ мужского пола, подходящій къ нимъ по возрасту. Всѣ предварительныя «позиціи», «батманы», «глисады», «шассе» я изучилъ скоро и признанъ былъ достойнымъ участія въ самыхъ танцахъ, которые происходили во второй половинѣ вечера, послѣ прохожденія всѣхъ спеціальныхъ и предварительныхъ экзерцицій.

Вслѣдъ за допущеніемъ меня къ участію въ настоящихъ танцахъ, совершились такія обстоятельства, передъ изложеніемъ которыхъ я становлюсь въ тупикъ. Я, еще довольно не отесанный мальчикъ, лѣтъ 12-ти, влюбился. Пропустить этотъ періодъ въ моей ранней жизни, когда именно эта жизнь во всѣхъ ея обстоятельствахъ и явленіяхъ и составляетъ исключительно предметъ моихъ разсказовъ, значило бы въ нѣкоторой степени измѣнить истинѣ. Для устраненія замѣшательства въ танцахъ, Ломбардъ придумала поручить меня руководству Дунечки Мартыновой. Это была не красавица, но дѣвушка чрезвычайно стройная, умная и бойкая. Въ то же время это была одна изъ лучшихъ танцорокъ. Она принялась за исполненіе возложеннаго на нее порученія самымъ энергическимъ образомъ и начала съ того, что совершенно

забрала меня въ свои руки, въ полнѣйшую команду. Она относилась ко мнѣ, какъ къ своему подданному, обращалась со мною, какъ съ мальчикомъ, отданнымъ ей въ полную власть. Я принадлежу къ довольно крупной породѣ человѣчества и сдвинуть меня съ мѣста не совсѣмъ легко. Такимъ же я былъ и мальчикомъ, по отношенію къ моимъ сверстникамъ. Между тѣмъ Дунечка Мартынова, дѣвочка однихъ лѣтъ со мною, вертѣла мною, какъ мячикомъ. Она не пускалась въ словесныя наставленія, а просто своими крошечными ручками толкала меня, куда было надо, или двигала, куда слѣдуетъ. Эти толканія и перетаскиванія меня съ мѣста на мѣсто, суровыя и, въ то же время, милыя гримасы, эта постоянная наша неразлучность въ танцахъ сблизили насъ чрезвычайно. Для меня было необходимо постоянно думать о ней; для моихъ глазъ необходимо постоянно смотрѣть на нее. Я былъ полонъ глубочайшею любовью, выяснять которую не берусь, сознавая безплодность моихъ усилій. Сколько въ жизни довелось мнѣ прочитать романовъ и въ нихъ сколько разнородныхъ выраженій любви! Но нигдѣ и никогда не встрѣчалъ я ничего, что̀ бы объясняло и выражало тѣ чувства, которыя я испытывалъ въ то время. Это было сумасшествіе. Это была самая сильная страсть. Я убѣжденъ, что если бы Дунечка умерла, я тоже тотчасъ бы умеръ. Если бы, смотря изъ окна четвертаго этажа, Дунечка сказала: «прыгни внизъ, если любишь меня», я мгновенно и съ радостью ринулся бы внизъ. Я съ жадностью ждалъ дня, когда можно ѣхать въ пансіонъ и видѣть ее; злился на время, что оно такъ медленно ползетъ. Когда наступалъ радостный день, я облекался въ

свой танцовальный костюмъ, съ восторгомъ летѣлъ на мѣсто дѣйствія и еще съ большимъ восторгомъ поступалъ въ команду моего очаровательнаго командира. Власть этой дѣвушки надо мной полна была такой неизъяснимой сладости, что я нерѣдко умышленно притворялся не понимающимъ или разсѣяннымъ, чтобъ только чувствовать прикосновеніе ея маленькихъ ручекъ, видѣть прелестныя гримасы, которыя появлялись на ея лицѣ, въ слѣдствіе усилій перетащить мгновенно такого чурбана, какъ я. Другихъ дѣвочекъ для меня какъ будто вовсе не существовало, хотя въ числѣ ихъ были поразительныя красавицы.

Изъ множества случаевъ, относящихся къ этимъ красавицамъ, приведу одинъ, вполнѣ романтическій, не сочиненный, какъ большая часть романтическихъ случаевъ, а дѣйствительный. Въ числѣ воспитанницъ пансіона была одна прелестная дѣвочка Безсонова. Кто былъ ея отецъ, не знаю. Кончила ли она уже свое воспитаніе и жила въ деревнѣ, или была тамъ во время одного изъ праздничныхъ періодовъ, когда распускаютъ всѣхъ воспитанницъ по домамъ, тоже не знаю. Но вотъ что тогда говорила вся Пенза. Именно въ то время, когда Безсонова жила въ деревнѣ, чрезъ эту деревню проѣзжалъ какой то богатый путешественникъ,—всего вѣроятнѣе какой нибудь изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. У путешественника или помѣщика сломался экипажъ и онъ долженъ былъ остановиться. На господскомъ дворѣ тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ это событіе и путешественникъ былъ приглашенъ въ барскія комнаты, а экипажъ отданъ въ починку. Конецъ былъ тотъ, что прежде нежели эки-

пажъ былъ приведенъ въ порядокъ, сердце путешественника пришло въ совершенный безпорядокъ: онъ страшно влюбился въ Безсонову и тотчасъ предложилъ ей, какъ принято выражаться, руку и сердце....

Моя первая любовь была полна такого обаянія, такой силы, какихъ потомъ я уже никогда не испытывалъ. Но всѣмъ влюбленнымъ суждено всегда подвергаться самымъ тяжелымъ ударамъ судьбы, направленнымъ къ тому преимущественно, чтобъ потушить священный пламень въ сердцахъ любящихся, и изображеніе этихъ ударовъ почти исключительно составляетъ существенный предметъ всевозможныхъ романовъ. Чѣмъ больше сочинитъ авторъ подобныхъ ударовъ, чѣмъ больше нагородитъ всевозможныхъ препятствій для благополучнаго исхода любви, обурѣвающей героевъ, чѣмъ лучше и искуснѣе уничтожитъ постепенно эти препятствія и очиститъ совершенно дорогу для соединенія пылающихъ сердецъ, тѣмъ пріобрѣтаетъ бо́льшую славу. Въ ряду этихъ вымышленныхъ ударовъ и препятствій, разлука, конечно всегда невольная, независящая отъ воли любовниковъ, занимаетъ едва ли не главное мѣсто. Дѣло въ романахъ большею частью идетъ такъ, что любовники постоянно стремятся къ соединенію, а судьба постоянно разлучаетъ ихъ. Секретъ сочиненія романовъ собственно весьма нехитрый и напоминаетъ нѣсколько гимнастику шведской системы, гдѣ больной субъектъ стремится сдѣлать то или другое движеніе, а другой субъектъ, къ нему приставленный, ему препятствуетъ, т. е. одинъ субъектъ хочетъ поднять руку вверхъ, а другой осаживаетъ ее, хотя не сильно, внизъ. Я долженъ былъ также испытать

тягчайшій ударъ, именно въ видѣ разлуки, поразившей мое молодое сердце и еще въ отрочествѣ познакомившей меня съ такимъ безграничнымъ несчастіемъ, сильнѣе и ужаснѣе котораго я въ то время и представить не могъ.

Дѣло въ томъ, что въ пансіонѣ Ломбардъ, какъ и во всѣхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, существовало правило, по которому, при наступленіи большихъ праздниковъ: святой недѣли и рождества, всѣ воспитанницы распускались по домамъ, къ своимъ родителямъ. Само собою разумѣется, что тѣ, у кого родители жили по деревнямъ, отправлялись въ эти деревни, откуда къ извѣстнымъ срокамъ, заблаговременно, пріѣзжали за ними или сами родители или довѣренныя отъ нихъ лица. На это время пансіонъ почти совершенно пустѣлъ, и въ немъ оставались только не многія и то по какимъ либо исключительнымъ причинамъ. На второй годъ моего поступленія въ пансіонъ Ломбардъ, приближались рождественскіе праздники. Изъ деревень стали являться родители воспитанницъ и понемногу разбирать и увозить ихъ. Вопросъ о томъ, возьмутъ ли Дунечку въ деревню, или она, на мое счастье, останется въ пансіонѣ, что случалось съ нѣкоторыми воспитанницами, давно уже началъ разъѣдать меня и я съ трепетомъ ожидалъ его разрѣшенія тоскливо слѣдя за отъѣздомъ то той, то другой изъ воспитанницъ. Неясныя надежды, смутные расчеты на исключительныя, экстренныя обстоятельства, благопріятныя моимъ завѣтнымъ мечтаніямъ,—все это разомъ рухнуло.

Дунечка Мартынова тоже уѣхала въ деревню—и свѣтъ какъ будто потемнѣлъ въ моихъ глазахъ. Мною овладѣло

невыносимое томленіе. Всѣ мои чувства сосредоточились въ непрерывномъ, мучительномъ ожиданіи ея возвращенія. Удовольствія и забавы, разсыпаемыя передо мною рождественскими праздниками, не имѣли для меня никакой цѣны. Въ этомъ безпримѣрно тоскливомъ состояніи единственнымъ свѣтлымъ лучомъ была другая надежда, ставшая на мѣсто первой, надежда что Дунечка возвратится, и все пойдетъ по прежнему. По мѣрѣ того, какъ воспитанницы стали возвращаться, я сталъ оживать. Я ежедневно, съ невыразимымъ чувствомъ счастія и страха, ждалъ, что вотъ взойдетъ мое солнце! Если сегодня не пріѣхала, завтра пріѣдетъ непремѣнно, думалъ я, а уже послѣ завтра всенепремѣнно. Но Дунечка не пріѣзжала. Мои сомнѣнія, мои невольные, безотчетные страхи стали увеличиваться. Если я скажу, что среди этой истомы, я получилъ ударъ кинжаломъ прямо въ сердце, это будетъ слишкомъ слабо. Разнеслось извѣстіе, что Дунечка не вернется въ пансіонъ.... Я отказываюсь отъ всякой попытки выразить чувства, которыя возбудило во мнѣ это извѣстіе. Я убѣжденъ, что никакое вообраѫеніе не можетъ представить всей горечи ихъ. Мнѣ казалось, что я потерялъ все, хотя не могъ отдать себѣ отчета, что̀ такое это все. Люди лишаютъ себя жизни отъ наплыва невыносимаго несчастія. Если я остался живъ,—значитъ моя бѣда была еще выносима, но припоминая мое тогдашнее положеніе, я думаю, что это было не совсѣмъ такъ. Если я не лишилъ себя жизни, то конечно потому, что былъ малъ и такая рѣшительная мѣра не могла придти въ мою юную голову; но громадность моего несчастія подавляла меня въ невыразимой степени

и, для прекращенія смертельной моей тоски, если бы мнѣ указали тогда тотъ или другой способъ этого прекращенія, я не остановился бы ни передъ чѣмъ. Я рыдалъ цѣлыя ночи на пролетъ, плакалъ днемъ всюду, гдѣ только можно было плакать, не возбуждая посторонняго вниманія и любопытства; я не могъ удерживаться отъ слезъ даже въ присутствіи моихъ родителей и страшно похудѣлъ. Все мнѣ сдѣлалось противно. Отецъ и мать съ тревожнымъ участіемъ спрашивали меня, что съ тобою? отчего ты скученъ? Отчего слезы на глазахъ? Само собою разумѣется, что я не могъ объяснить имъ истины, потому что и самъ плохо ее понималъ, а сказать просто, что скучаю и плачу оттого, что Дунечка не пріѣхала, и тогда, какъ ни былъ я малъ, казалось мнѣ чрезвычайно глупымъ. Я отдѣлывался обычными отвѣтами: «нездоровится,» «голова болитъ» и т. п. Между тѣмъ все говорило самымъ яснымъ и положительнымъ образомъ, что я, не смотря на ранній мой возрастъ, страдалъ первою, самою страстною любовью, тою любовью, о которой многіе говорятъ, но которую не многіе испытываютъ.

Гдѣ-то теперь моя Дунечка? Я убѣжденъ, что она давно уже сдѣлалась счастливой супругою, прекрасною матерью и нисколько не похожа на героинь нашихъ модныхъ современныхъ романовъ.

Романистъ представляетъ вамъ напримѣръ портретъ счастливца по всѣмъ статьямъ: и богатъ, и здоровъ, и въ большей чести даже. Кажется все обстоитъ благополучно и никакой тѣни не замѣтно, а между тѣмъ у этого счастливца жена, которую онъ безъ памяти любитъ, его терпѣть не можетъ, а страстно любитъ другого и, того и

гляди, не сегодня, завтра скажетъ благовѣрному нѣчто о сліяніи душъ, о грушѣ, разрѣзанной на двѣ половины, или что нибудь въ этомъ родѣ и вспорхнетъ, и улетитъ въ другія области, въ другіе климаты съ своимъ возлюбленнымъ. Иногда, и едвали нечаще даже, это порханіе, это улетаніе совершается и безъ всякихъ прелюдій и предисловій. Всѣ эти предисловія выдумалъ, какъ кажется, нашъ талантливый романистъ Авдѣевъ, точно также какъ ему же принадлежитъ изобрѣтеніе какихъ то идеальныхъ мужей, которые не только не поражаются подобными предисловіями, но относятся къ нимъ равнодушно и даже любезно. У него дѣла эти, въ сжатомъ видѣ, происходятъ такъ. Жена, задумавшая бросить своего мужа, непремѣнно считаетъ нужнымъ лично объявить ему объ этомъ, большею частію, слѣдующимъ образомъ: «прощай, мой другъ. Я тебя терпѣть не могу. Я полюбила полковника Брызгалова и уѣзжаю съ нимъ. Прощай. Не сердись. Ты понимаешь, что любовь всесильна и бороться съ нею невозможно». «Хорошо, мой другъ, спокойно отвѣчаетъ мужъ: съ любовью дѣйствительно ничего не подѣлаешь. Отправляйся съ Богомъ. Я подожду. А позволь спросить: долго ты думаешь прожуировать съ полковникомъ, чтобъ мнѣ знать, хоть приблизительно, время твоего возвращенія?» «Ахъ Боже мой! Какъ же я могу это знать!» капризно возражаетъ благовѣрная. «Какой ты право, смѣшной! Развѣ это можно знать? Самъ согласись!» Удивительный мужъ спѣшитъ погасить капризную вспышку улетающей жены: «дѣйствительно этого опредѣлить нельзя, и я не постигаю, какъ не могъ сообразить неумѣстности моего вопроса, говоритъ онъ: но все равно. Успокой-

ся и отправляйся съ Богомъ. Возвращайся, когда хочешь... Я буду ждать тебя и завтра и черезъ годъ, и черезъ пять лѣтъ, все съ тѣми же чувствами. Наслаждайтесь, наслаждайтесь! А я подожду. Съ любовью, дѣйствительно, ничего не подѣлаешь.» И вотъ что замѣчательно: въ романахъ Авдѣева нѣкоторыя жены, бросившія мужей, и улетѣвшія съ любовниками, а потомъ брошенныя своими любовниками, дѣйствительно возвращались къ мужьямъ—и что еще болѣе замѣчательно, если только вѣроятно: встрѣчались ими съ распростертыми объятіями: «Наконецъ-то возвратилась!» восклицаютъ эти дивные мужья, по сказаніямъ г. Авдѣева. «Слава Богу! Какъ я радъ! А какъ давно уже я тебя жду!» «Нельзя было раньше! замѣчаетъ супруга: самъ согласись!» «Да, конечно! торопливо говоритъ супругъ: странно, что я опять не сообразилъ. Ну, успокойся, моя милая! Будемъ жить по прежнему, въ ожиданіи новаго полковника, или чего нибудь въ этомъ родѣ. Богъ не безъ милости!»

Послѣ мученій, которыми надѣлила меня моя первая, и такъ скоро разбитая, любовь, наступила, хотя и нескоро, но все въ той же области танцовальнаго искуства, пора удовольствій, тѣмъ болѣе великихъ, что они, безъ особеннаго, исключительнаго случая, никогда не могли быть доступны для меня, при обычномъ теченіи нашей небогатой жизни. Дѣло въ томъ, что когда послѣ рождественскихъ праздниковъ всѣ воспитанницы возвратились въ пансіонъ Ломбардъ, и только моя Дунечка исчезла съ горизонта, дѣла пошли тамъ прежнимъ обычнымъ порядкомъ. Въ извѣстные дни я по ночамъ про-

должалъ плакать, по утрамъ страшно скучалъ, а по вечерамъ все таки долженъ былъ танцовать. Успѣхи мои въ этомъ дѣлѣ продолжали возрастать, такъ что въ этой отрасли знаній человѣческихъ я могъ бы добиться званія профессора, если бы такіе професора существовали, а отецъ мой нашелъ приличнымъ обратить меня въ вѣчнаго плясуна.

Между тѣмъ въ пансіонѣ, и именно въ области танцовъ, совершилось довольно замѣчательное событіе. Прежній танцмейстеръ, французъ Брюмъ исчезъ и явился новый Скоробогатовъ. Онъ былъ совершенною противуположностью Брюму. Тотъ былъ высокъ; этотъ чрезвычайно маленькаго роста; Брюмъ былъ довольно солиднаго, и такъ сказать, увѣсистаго сложенія; Скоробогатовъ легокъ, какъ перышко; Брюмъ—человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ виду довольно почтенный; Скоробогатовъ имѣлъ видъ совершеннаго мальчика, и былъ изъ воспитанниковъ театральнаго училища. По отношенію къ дѣлу, т. е. изученію танцовъ, Брюмъ держался болѣе степенности и граціи; Скоробогатовъ и самъ прыгалъ, и заставлялъ прыгать всѣхъ воспитанниковъ; при немъ получила наибольшее развитіе система изученія всевозможныхъ антраша разныхъ родовъ и видовъ. Мой исключительный талантъ, признаваемый Брюмомъ, былъ также признанъ и Скоробогатовымъ и получилъ бо̀льшее развитіе посредствомъ изученія самыхъ хитросплетенныхъ прыжковъ. Въ итогѣ, едва я не усвоилъ себѣ рѣшительно весь запасъ его знаній. Если въ области брюмовской солидности и граціи могли быть у меня соперники, то въ дѣлѣ скоробогатовскихъ прыжковъ и

вензелей, я оставилъ за флагомъ всѣхъ соперниковъ. Такъ шли дѣла во все продолженіе остальной зимы и дошли до наступленія весенняго и лѣтняго времени.

По принятымъ въ пансіонѣ порядкамъ и обычаямъ, съ наступленіемъ этого времени, всѣ воспитанницы распускались до осени по домамъ и деревнямъ и пансіонъ пустѣлъ. Но передъ этимъ роспускомъ всегда производилась слѣдующая операція. Кто нибудь изъ помѣщиковъ, разумѣется болѣе богатыхъ, у котораго были дочери въ пансіонѣ, законтрактовывалъ танцмейстера къ себѣ въ имѣніе на все лѣто, съ обязательствомъ учить танцамъ не только его дочерей, но всѣхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, которые тамъ будутъ собираться, сколько-бы ихъ ни было. Послѣ предварительныхъ торговъ и заключенія условій, танцмейстеръ скрывался изъ города и водворялся въ имѣніи заподрядившаго его барина. Въ то же время, всѣ сосѣдніе и окрестные помѣщики испрашивали и получали право присылать туда, для изученія танцовъ, своихъ сыновей и дочерей. Такимъ образомъ, въ томъ имѣніи, куда переселялся танцмейстеръ, образовывался тоже маленькій танцовальный пансіонъ и работы ему было достаточно. Утративъ окончательно свое божество, незабвенную Дунечку, я совершенно безучастно слѣдилъ за разъѣздомъ другихъ воспитанницъ, ибо для меня было все равно, которая возвратится и которая не возвратится. Еще менѣе могъ я интересоваться тѣмъ, къ какому помѣщику уѣзжаетъ самъ танцмейстеръ, и что онъ тамъ будетъ дѣлать?

Такъ наступили весна и лѣто послѣ понесенной мною потери. Однажды, въ прекрасный лѣтній день, въѣз-

жаетъ къ намъ на дворъ красивый тарантасъ, запряженный тройкою прекрасныхъ лошадей. Тарантасъ съ кучеромъ остался на дворѣ, а посланный вошелъ въ комнаты и подалъ отцу письмо, приблизительно, такого содержанія: что «вы, дескать, были всегда добры ко мнѣ, почтеннѣйшій Антонъ Матвѣевичъ, и надѣюсь, не откажете на сей разъ въ моей просьбѣ; у насъ собирается много дѣтей, такъ что одному Скоробогатову становится затруднительно управляться съ ними. Между тѣмъ, сынъ вашъ прекрасно танцуетъ и, по общему нашему съ Скоробогатовымъ соглашенію, было бы обоюдопріятно, если бы вы нашли возможнымъ отпустить вашего сына къ намъ на нѣсколько недѣль» и т. д.

Письмо это писалъ и тарантасъ за мною прислалъ Калпашниковъ, личность весьма замѣчательная. Это былъ великолѣпнѣйшій самородокъ изъ того слоя русскихъ простыхъ людей, изъ котораго выходятъ Губонины, Кокоревы и другіе подобные имъ дѣятели, люди, не получившіе никакого образованія, но одаренные умственными силами. Калпашниковъ былъ первоначально простымъ крестьяниномъ одного изъ шуваловскихъ имѣній, въ пензенской губерніи; потомъ онъ былъ бурмистромъ этого имѣнія, управляющимъ, главноуправляющимъ всѣхъ шуваловскихъ имѣній въ пензенской губерніи, наконецъ откупщикомъ, комерціи совѣтникомъ, потомъ страшнымъ богачомъ; богачомъ до такой степени, что женился нѣсколько разъ на великолѣпныхъ барыняхъ дворянскихъ фамилій, и отдавалъ своихъ дочерей за великолѣпныхъ господъ генеральскаго ранга. Въ моментъ присылки Калпашниковымъ къ намъ таран-

таса и письма, онъ былъ управляющимъ шуваловскихъ имѣній, и жилъ въ селеніи «Шкафты», отстоящемъ отъ Пензы верстахъ въ 40. Этихъ «Шкафтовъ» было впрочемъ нѣсколько: верхній, нижній и кажется средній.

По прочтеніи письма, отецъ и мать, значительно изумленные требованіемъ, въ немъ изложеннымъ, пустились въ продолжительныя совѣщанія, гдѣ разумѣется вопросъ о томъ: пустить ли сынка на нѣсколько недѣль изъ родительскаго дома, или не пускать? былъ главнѣйшимъ вопросомъ. Понятно, съ какимъ живымъ любопытствомъ я слѣдилъ за этими преніями и ожидалъ, къ какому результату они будутъ приведены. Но Калпашниковъ былъ одною изъ могущественныхъ единицъ сельскаго міра, могущественною не по чину и званію, а по пространству и богатству ввѣренныхъ ему имуществъ и, слѣдовательно, по размѣру побочныхъ доходовъ, причитающихся казначейству, доходовъ, о формѣ и существѣ которыхъ я говорилъ выше. Отказать ему было трудно, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда просьба его, въ то же время, имѣла свойство большой любезности. Много разъ вздохнули мои родители, нѣсколько разъ проговорили: «Богъ милостивъ!» и наконецъ рѣшили меня отпустить. Снабдивъ меня необходимыми принадлежностями по части гардероба, а еще болѣе пространными наставленіями, какъ вести себя и какъ беречь, по русскому обычаю, благословивъ меня тысячу разъ и въ силу того-же обычая всплакнувъ немножко, усадили меня въ тарантасъ и отправили.....

Сознаніе, что это ѣду я, что прекрасный тарантасъ и прекрасныя лошади везутъ именно меня, и что я не со-

ставляю на этотъ разъ малозначительнаго предмета изъ числа рухляди, сопровождающей кого нибудь другого, наполняло меня какимъ-то горделивымъ чувствомъ. Когда я открылъ свое шествіе, солнце стало уже клониться къ закату, дорога шла большею частью лѣсомъ, и солнечные лучи прихотливо золотили деревья и отражались въ морѣ листвы. Путь былъ очень продолжителенъ, но мнѣ непріятно было думать, что онъ кончится, ибо съ его окончаніемъ должно было кончиться мое горделивое чувство наслажденія, исходящее изъ сознанія моей самостоятельности, дотолѣ ни въ чемъ и никогда мною не испытанной.

Меня привезли въ какой-то изъ «Шкафтовъ». Калпашниковъ, котораго я дотолѣ никогда не видалъ, поразилъ меня своею личностію, до такой степени она была представительна. Это былъ истинный баринъ, прекрасной, даже величественной наружности, манеры его полны были достоинства, обхожденіе привѣтливое, и чрезвычайно пріятное. Ни малѣйшихъ признаковъ, что этотъ господинъ еще не много лѣтъ тому назадъ принадлежалъ къ крестьянской средѣ и носилъ мужицкіе зипуны, рѣшительно не существовало. Помѣщеніе онъ занималъ прекрасное, обширное, обставленное на барскую ногу. Комнатъ было бездна, прекрасно меблированныхъ. Комфортъ и даже изящество чувствовались всюду. Тотчасъ замѣтно была присутствіе здѣсь женщины, и женщины изящной, и несомнѣнное ея на все вліяніе, такъ рѣзко отличающееся отъ мужского вліянія. И дѣйствительно, мнѣ тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Калпашниковъ женатъ, а когда я увидѣлъ его жену, то снова былъ по-

раженъ. Это была женщина довольно полная, среднихъ лѣтъ, но чрезвычайно красивая, симпатичная, прекрасно образованная. Мнѣ называли дворянскій почтенный родъ, изъ котораго она происходила, но я забылъ его. Вообще вся обстановка, которою былъ окруженъ Калпашниковъ, полна была богатства, приличія и достоинства. По этой обстановкѣ должно было заключить, что тутъ процвѣтаетъ какой нибудь помѣщикъ изъ древнихъ столбовыхъ дворянъ, располагающій большими средствами. А здѣсь жилъ простой управляющій, вчера еще бывшій крѣпостнымъ своего довѣрителя, даже не дворовымъ человѣкомъ, который, болтаясь и прислуживая въ господскихъ комнатахъ, могъ нахвататься тамъ и господскихъ манеръ, но простой крестьянинъ, мужикъ.

Передать то блаженство, которое ожидало меня въ «Шкафтѣ», не возможно. Все время, которое я провелъ тамъ, можно уподобить одному изъ тѣхъ прекрасныхъ сновидѣній, которыя иногда посѣщаютъ насъ и, улетая, заставляютъ невыразимо сожалѣть о нихъ, а потомъ ожидать и надѣяться опять такихъ же сладкихъ сновъ. Блаженство это слагалось изъ двухъ главныхъ элементовъ: во первыхъ, роскошной обстановки, которая окружала меня, мальчика небогатой семьи, не только не испытавшаго дотолѣ никакой роскоши, но даже мало видѣвшаго роскошь, въ какихъ бы то ни было проявленіяхъ; а во вторыхъ, изъ той свободы, которая такъ безгранично раскинулась предо мной, и которую человѣчество, по справедливости, ставитъ выше всевозможныхъ благъ, охотно жертвуя жизнью, лишь бы добыть или завоевать ее. Только такое сочетаніе этихъ двухъ элемен-

товъ и могло создать мое блаженство. Блаженство это было полно именно потому, что въ моихъ прекрасныхъ комнатахъ меня спрашивали не объ урокахъ, а только о томъ, не угодно ли мнѣ чего нибудь. Въ заключеніе великолѣпнаго обѣда, всегда стояла какая нибудь затѣя: поѣздка верхомъ, катанье въ лодкахъ, рыбная ловля и т. п. Самымъ бѣднымъ изъ этихъ безконечно разнообразныхъ удовольствій были только танцы, болѣе или менѣе обязательно исполняемые, въ которые я погруженъ былъ въ этотъ блаженный, этотъ незабвенный періодъ.

Изображать отдѣльныя черты этого періода я не буду, предпочитая обратиться къ содѣйствію воображенія читателя, согласно совѣту князя А. И. Барятинскаго. Онъ постоянно говорилъ, что никогда не должно исчерпывать предмета до самаго дна, и непремѣнно надо что нибудь оставлять, что̀ читатель могъ бы дополнить собственнымъ воображеніемъ. Весь періодъ, проведенный мною въ «Шкафтѣ», представляется сотканнымъ изъ безчисленныхъ и разнообразныхъ удовольствій, но онъ пролетѣлъ съ тою же быстротою, съ какою всегда летитъ время, полное радостей и наслажденій. Три или четыре недѣли, въ началѣ казавшіяся безконечными, мелькнули какъ «мигъ единый!» Тотъ же тарантасъ, и та же тройка повезли меня назадъ. Едва ли нужно говорить, что чувства, овладѣвшія мною на этомъ обратномъ пути, далеко не были похожи на тѣ, когда я ѣхалъ величаво туда, и предо мною развивалась безконечная цѣпь предстоящихъ удовольствій.

Какъ на пути въ Шкафтъ я мысленно перебиралъ

ожидающія меня радости, такъ на обратномъ пути не могъ не взглянуть на то, что ожидаетъ меня дома. Радость тамъ была одна: свиданіе съ семьей, которую я такъ любилъ и такъ давно не видалъ; затѣмъ открывалось безконечное поле обыкновенной, простой, небогатой жизни, на которомъ мелькали Иванъ Ивановичъ, Наталья, Дунька, пѣгій нашъ конь, долгуша и т. д.; При всей безконечной любви къ родному очагу, первое время моего возвращенія въ родительскій домъ я не могъ не испытывать невольнаго сожалѣнія о мірѣ утраченномъ, гдѣ было такъ много веселья и радостей. Но волны времени все приносятъ и все уносятъ. Онѣ принесли мнѣ жгучую страсть къ Дунечкѣ, онѣ же и унесли; потомъ принесли тоску по незабвенномъ періодѣ «шкафтскаго» блаженства и тоже унесли. Потомъ этими волнами времени я, мальчикъ изъ бѣднаго провинціальнаго семейства, перенесенъ былъ изъ глухой провинціи въ великолѣпный Петербургъ.

Подобно тому, какъ я оставилъ Пензу и перенесся въ другую сферу, такъ и Калпашниковъ оставилъ всевозможные «Шкафты» и перенесся тоже въ сферу откуповъ, процвѣтавшую въ то время блистательнѣйшимъ образомъ. Въ этой сферѣ онъ, повидимому, развернулъ всѣ силы своего природнаго ума. По своимъ дѣламъ, онъ часто бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ я постоянно съ нимъ видѣлся. При этихъ свиданіяхъ я не могъ не видѣть, что онъ, какъ говорится, все лезетъ въ гору, цвѣтетъ и богатѣетъ. Если и въ «Шкафтѣ» онъ имѣлъ уже весьма достопочтенный видъ, то въ Петербургѣ, во время подобныхъ пріѣздовъ, внѣшній видъ его былъ еще внушительнѣе и величавѣе. Помѣщенія онъ здѣсь занималъ

роскошныя; лица, его посѣщавшія, были весьма почтенныя, украшенныя регаліями. Я очень любилъ бывать у него, такъ какъ онъ былъ самый пріятный человѣкъ. Къ глубокому сожалѣнію, при петербургскихъ нашихъ свиданіяхъ я узналъ, что жена его, первая или вторая, не знаю, та прелестная, красивая и симпатичная женщина, которая была нашей веселой и радушной хозяйкой, во время пребыванія моего въ Шкаптѣ, уже умерла и, при тѣхъ же свиданіяхъ, узрѣлъ другую его жену, роскошную женщину еще бо̀льшей красоты, чѣмъ ея предшественница. Смотря на Калпашникова, какъ на истиннаго героя своего рода, махнувшаго изъ крестьянъ въ комерціи совѣтники, изъ избы въ богатѣйшія палаты, отъ мужицкихъ бѣдныхъ грошей въ миліонеры, я и тогда уже, въ молодые мои годы, предавался различнымъ недоумѣніямъ и соображеніямъ по части человѣческаго благополучія и преимущественно по части способовъ къ его достиженію.

Какой же самый лучшій, самый надежный способъ къ достиженію превосходства предъ другими людьми по части благополучія? спрашивалъ я самого себя. Разумѣется наука, образованіе, трудъ, отвѣчалъ я себѣ. Кто больше знаетъ, тотъ больше и имѣетъ. Это ясно! Зачѣмъ же существуютъ университеты, лицеи и тысячи другихъ учебныхъ заведеній? Разумѣется для того, чтобъ распространять науку, знаніе, для того, чтобъ давать образованіе тѣмъ, кто его жаждетъ. Какъ поучишься лѣтъ до двадцати, а то и до двадцати пяти, да пройдешь всѣ науки, то разумѣется будешь знать не въ примѣръ больше того, кто или вовсе не учился, или учился мало.

А если ты знаешь больше другого, то и цѣна тебѣ другая, и средствъ у тебя больше для твоего благополучія. Ясно. Вѣдь не для другихъ же ты трудился и учился! Все это я говорилъ самому себѣ, основываясь на законахъ здраваго разсудка, на книгахъ и словахъ тѣхъ, кого считалъ умнѣе себя. Но въ то самое время, какъ я говорилъ все это, въ моемъ умѣ мелькали смутные факты изъ практическаго положенія вещей. Практика говорила несовсѣмъ такъ. На практикѣ можно было видѣть много людей образованныхъ и ученыхъ, но далекихъ отъ земного благополучія и перебивающихся кое какъ, со дня на день; въ то же время можно было видѣть людей, не образованныхъ и не ученыхъ, но блаженствующихъ и ворочающихъ громадными капиталами, не наслѣдственными, не упавшими съ неба, не найденными на землѣ, но капиталами, нажитыми ими самими, какъ говорится «благопріобрѣтенными».

Что сей сонъ означаетъ? спрашивалъ я себя, и самъ же старался уничтожить возникшее недоумѣніе слѣдующимъ объясненіемъ: «земля наша велика и обильна, но порядку въ ней все-таки и доселѣ мало. Торговля напримѣръ. Развѣ тутъ есть какой нибудь настоящій порядокъ? Ничуть не бывало. У насъ порядокъ самый примитивный: купи за грошъ, продай за два. Кто этой премудрости не пойметъ? Зачѣмъ тутъ наука и образованіе? Совсѣмъ не нужно. Это будетъ нужно, когда наша торговля получитъ правильное направленіе и правильное развитіе. Теперь этого ничего нѣтъ. Одинъ продаетъ, другой покупаетъ, вотъ и все. Тутъ еще простому человѣку сподручнѣе, чѣмъ ученому. Вотъ простые люди и занима-

ются этимъ дѣломъ. Чѣмъ больше онъ покупаетъ по грошу, а продаетъ по два, тѣмъ болѣе остается въ его карманѣ барыша и къ концу года эти нажитые гроши уже составятъ извѣстный капиталецъ. Чѣмъ больше живетъ подобный торговецъ, тѣмъ больше вливается въ его карманъ этихъ годовыхъ капитальцевъ, которые наконецъ образуютъ уже громаднѣйшій капиталъ. Штука очень простая. Вотъ дѣло другое, когда въ какомъ либо предпріятіи торговомъ, промышленномъ и т. д. требуется наука, знаніе,—тутъ уже простой человѣкъ отходи въ сторону, снимай шапку и давай дорогу ученому. Тутъ ужъ безъ науки и знанія ничего не подѣлаешь».

Это дополнительное объясненіе казалось мнѣ довольно дѣльнымъ. Казалось такъ и быть должно и иначе быть не можетъ. Вдругъ являются на свѣтъ Божій Губонины, Поляковы и производятъ своими дѣлами и операціями небывалый шумъ и трескъ, сбиваютъ совершенно съ толку. Я понималъ доселѣ, что простой человѣкъ можетъ пріобрѣсти большую силу въ дѣлѣ простой торговли, придерживаясь простѣйшей системы, покупая по грошу, а продавая по два, и сдѣлается не только богачомъ, но и знаменитостью своего рода, подобно Овсянникову и прочимъ. Понятно также, что простой человѣкъ могъ прославиться и обогатиться, подобно Кокоревымъ, Воронинымъ и другимъ, въ винномъ дѣлѣ, гдѣ умѣнье подливать побольше воды въ вино считалось едва ли не главнымъ искуствомъ, обезпечивающимъ успѣхъ дѣла. Но Губонины, Поляковы и другіе пошли путемъ, совершенно имъ не принадлежащимъ и идутъ нетолько не конфузясь, но совершенно спокойно и съ возрастающимъ

успѣхомъ.... Они ринулись именно въ сферу, требующую самыхъ разнородныхъ знаній: топографическихъ, геодезическихъ, архитектурныхъ, комерческихъ, финансовыхъ и пр. Они сдѣлались, послѣ тесанія камней, послѣ содержанія почтовыхъ клячъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ строителями россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Если бы они немедленно провалились на этомъ чуждомъ имъ поприщѣ, моя теорія, изложенная выше, сохранилась бы въ неприкосновенной цѣлости. Но они не только не провалились, а сдѣлались знаменитѣйшими, самыми надежными изъ всѣхъ строителей нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Они пріобрѣли довѣріе правительства, сочувствіе русскаго общества. Если бы они изобрѣли новый, какой нибудь упрощенный способъ строенія желѣзныхъ дорогъ, моя теорія все-таки могла бы спастись. Но никакихъ новыхъ способовъ они не изобрѣтали и не прилагали, а строятъ дороги также, какъ на всемъ земномъ шарѣ, т. е. при содѣйствіи научныхъ знаній. Они, совершенно простые и неученые люди, командуютъ полками инженеровъ, архитекторовъ и спеціалистовъ всевозможнаго рода. Канцеляріи ихъ не уступаютъ министерскимъ. Въ числѣ кандидатовъ, ищущихъ у нихъ мѣстъ, есть генералы и разные почтенные люди. Они всѣмъ руководятъ, направляютъ всѣ дѣйствія спеціальныхъ людей, контролируютъ ихъ и вообще цвѣтутъ и благоденствуютъ! Все это уже окончательно разбиваетъ мою теорію и я самъ сознаю совершенную необходимость положить ее въ карманъ, за совершенною негодностью. Къ чему же можетъ она служить, проповѣдуя старую истину о превосходствѣ и могуществѣ научныхъ

*

свѣдѣній, когда предъ нашими глазами люди, совершенно чуждые всякихъ научныхъ знаній, ворочаютъ десятками милiоновъ, командуютъ полками людей, обогащенныхъ разнообразными научными знаніями, изъ которыхъ каждаго, по своему капризу, могутъ лишить мѣста и посадить на пищу св. Антонія. И эти богачи блаженствуютъ въ то время, когда люди, до двадцати лѣтъ упорно учившіеся, если не попали еще въ сонмъ служащихъ у того или другого изъ желѣзнодорожныхъ строителей, то ждутъ этого блаженства со дня на день! Что же я долженъ поставить на мѣсто моей выброшенной теоріи? Не знаетъ ли этого читатель?

ГЛАВА XI.

Вторая половина моего дѣтства.—Правда и ложь.—Раннее пьянство.—Чиновники казначейства.—Ступени разврата.—Замѣчательная личность Антонова и его вліяніе на подрастающее поколѣніе.—Кулачные бои.—Посѣщеніе Пензы императоромъ Александромъ.—Первая холера.

Теперь я долженъ перейти къ другой половинѣ моего дѣтства, безобразной и порочной. Но нужно ли говорить объ этомъ? едва ли это интересно. И потомъ, разоблачивъ свое бѣдное происхожденіе и бѣдное образованіе, зачѣмъ еще разсказывать міру о грязныхъ болотахъ, въ которыхъ пришлось купаться съ раннихъ лѣтъ. Всѣ на-

противъ украшаютъ истину въ отношеніи самихъ себя. Спросите кого хотите, о его возрастѣ, о его лѣтахъ. Непремѣнно убавитъ. Коснитесь размѣра его средствъ, тоже убавитъ. Такъ и во всемъ эти современные господа, слѣдуя Талейрану, понимаютъ, что слово дано человѣку именно для того, чтобы затемнять истину, особенно когда она касается насъ самихъ. Люди, всегда старающіеся украшать истину, когда дѣло касается ихъ самихъ, съ наслажденіемъ готовы расписывать черными красками истину, касающуюся до другихъ. Если ты сдѣлалъ гадости на грошъ, люди, и особенно пріятели, повернутъ дѣломъ такъ, какъ будто гадостей здѣсь на сто рублей. И въ то время, когда ты самъ забылъ объ этихъ пустякахъ, за плечами у тебя разсказываются о тебѣ самыя невообразимыя вещи, изъ которыхъ образуется извѣстный снѣжный комъ.

Не смотря на всѣ эти доводы, я разсудилъ такъ: если я предпринялъ разсказать мое дѣтство, то долженъ разсказать все, что было. Прибавлять, пропускать что нибудь значило бы отступать отъ истины, а я этого никогда не дѣлалъ. Я говорилъ уже выше, что по моимъ убѣжденіямъ сама природа дѣлаетъ насъ такими, бѣлыми или черными, правдивыми или лживыми, добрыми или злыми. Но въ то же время извѣстно, что наше воспитаніе, образованіе, наши собственныя усилія, должны быть направляемы къ тому, чтобы развивать и укрѣплять въ насъ хорошія, природныя свойства и ослаблять или, если можно, уничтожать противуположныя. Съ этой точки зрѣнія, я не могу не сказать, что правда хороша не только въ нравственномъ

отношеніи, но и чрезвычайно полезна въ матеріальномъ, во всѣхъ явленіяхъ нашего жизненнаго обихода и что тѣ люди, которые въ своихъ дѣйствіяхъ предпочитаютъ ложь правдѣ, прежде всего вредятъ самимъ себѣ.

Самые искусные лгуны могутъ солгать «съ успѣхомъ», т. е. получить существенную выгоду отъ своей лжи раза три—четыре въ жизни, не больше. Это милое свойство ихъ не печатается, не публикуется въ газетахъ, но тѣмъ не менѣе мгновенно распространяется и дѣлается извѣстнымъ повсюду; они лишаются всякого довѣрія; и что̀ бы ни говорили, даже еслибы и правду, никто имъ не вѣритъ. Жизнь, гдѣ впереди всего становится общее недовѣріе къ ихъ словамъ, къ ихъ завѣреніямъ, дѣлается тяжкою для нихъ и морально и матеріально.

Посмотрите на человѣка вѣрнаго правдѣ. Какой контрастъ! Онъ бѣденъ, у него ничего нѣтъ, онъ незнатенъ, у него нѣтъ сильныхъ связей, но въ немъ сидитъ громадная сила правды и его всѣ уважаютъ, ему всѣ вѣрятъ. Жизнь вообще, а петербургская въ особенности можетъ представить тысячи примѣровъ того и другого.

Въ своей собственной жизни я припоминаю маленькаго чиновника моего, родственника, Мура, правдиваго въ высшей степени. Я готовъ былъ отдать ему все мое состояніе, хотя зналъ, что у него нѣтъ никакого матерьяльнаго обезпеченія; но я зналъ, что у него есть обезпеченіе нравственное, его честность и правдивость. Я зналъ, что если онъ проситъ и беретъ, то значитъ умѣетъ отдать. Если бы онъ не зналъ, ка̀къ и чѣмъ отдать, то скорѣе бросился бы въ Неву, прежде чѣмъ сталъ

бы просить и занимать. Это, конечно, былъ рѣдкій экземпляръ, но не единственный.

Съ другой стороны я зналъ много лицъ богатыхъ и высокорожденныхъ, въ которыхъ правда, казалось бы, должна водвориться и процвѣтать. Но довѣріе къ ихъ словамъ было несчастіемъ для тѣхъ кто увлекался ими, особенно въ дѣлахъ денежныхъ, въ дѣлахъ какого бы то ни было интереса. Казалось, вся цѣль этихъ господъ заключалась въ томъ, чтобъ завлечь и получить что нибудь. Понятіе о томъ, чтобъ сдержать свое слово, охранить свое достоинство, отдать,—для нихъ не существовало. Слова ихъ: «надѣюсь, черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ возвращу непремѣнно», имѣли только то значеніе, чтобъ отдалить непріятные переговоры съ людьми, которыхъ они обманывали. Разумѣется кредитъ ихъ падалъ, довѣріе къ ихъ словамъ исчезало. Не смотря на ихъ дѣйствительное богатство, хотя запутанное, они не могли достать ни одного рубля, а если доставали, при содѣйствіи многоразличныхъ комисіонеровъ, только и существующихъ посредствомъ ловли рыбы въ самой мутной водѣ, то за этотъ рубль обязывались, посредствомъ векселей, закладныхъ, сохранныхъ записокъ и другихъ изобрѣтенныхъ на подобные случаи бумагъ, заплатить пять и иногда десять рублей. Конецъ отгадать не трудно. Состояніе приходило въ совершенное разстройство,—довѣріе окончательно уничтожалось и человѣкъ съ хорошимъ ярлыкомъ хорошей фамиліи, хорошаго общества, обращался въ тряпку; этому человѣку никто уже не вѣрилъ, на него начинали посматривать съ опасеніемъ, съ оттѣнками презрѣнія. Отчего же такая метаморфоза? да просто

отъ того, что здѣсь не было правды. Примѣровъ печальныхъ послѣдствій, къ которымъ ведетъ ложь, того или другого сорта, ложь подъ тѣмъ или другимъ соусомъ, я видѣлъ множество; но примѣра, чтобы ложь принесла когда нибудь добрые плоды,—не знаю ни одного. Временной успѣхъ она быть можетъ и принесетъ, но въ концѣ непремѣнно привлечетъ бѣдствія матерьяльныя и моральныя.

Все, что я говорю, похоже на проповѣдь, но я вовсе не увлекаюсь стремленіемъ блеснуть плохимъ краснорѣчіемъ, на тему совершенно избитую; мнѣ хотѣлось только, на основаніи безчисленныхъ опытовъ, подтвердить мысль, что правда не только почтенна въ моральномъ отношеніи, но и полезна въ матерьяльномъ. Я прожилъ много лѣтъ, но при всѣхъ усиліяхъ моей памяти не могу привести ни одного случая, чтобы правда принесла мнѣ вредъ, покрайней мѣрѣ видимый и осязательный для меня. Это убѣжденіе сопровождало всѣ мои поступки. Но для того чтобы служить правдѣ, никогда не измѣнять ей, необходимо одно маленькое условіе: чтобы мы были вообще порядочными людьми. Если у васъ и обозначатся какіе нибудь грѣшки дѣтства и юности, вамъ ихъ простятъ за правду вашихъ словъ и дѣйствій во времена зрѣлаго возраста, какъ надѣюсь, простятъ и мнѣ грѣхи моего дѣтства и моей юности. Только не совсѣмъ порядочный человѣкъ поставленъ въ необходимость совершать различныя маневры, искусно лавировать, чтобъ не столкнуться съ истиною, не всегда лестною для него.

Приведу два примѣра, сюда подходящіе. Въ молодости я былъ очень старообразенъ. Когда бывало, въ кругу

товарищей, зайдетъ рѣчь о нашихъ лѣтахъ и я объявлялъ, что мнѣ 22 года, на всѣхъ лицахъ появлялись подозрительныя улыбки и многіе, не церемонясь, возражали: «экъ хватилъ любезный! Тебѣ навѣрно лѣтъ 30». Такое мнѣніе, конечно, было для меня не очень лестно; но недовѣріе къ моимъ словамъ было для меня невыносимо. Я рѣшился, при всѣхъ подобныхъ вопросахъ, прямо говорить, что мнѣ 30 лѣтъ и говорилъ это всюду и всѣмъ въ теченіи лѣтъ пяти. Потомъ я женился въ Москвѣ. Во время женидьбы мнѣ было дѣйствительно 30 лѣтъ, что̀ и значилось по всѣмъ актамъ и документамъ, при этомъ случаѣ предъявленнымъ. Когда мы возвратились въ Петербургъ, одна изъ знакомыхъ дамъ спрашиваетъ молодую жену мою: «сколько лѣтъ теперь Василью Антоновичу? «Жена отвѣчаетъ—30. «Что̀ вы! восклицаетъ дама, помилуйте! Да онъ ужъ лѣтъ пять говоритъ, что ему 30 лѣтъ. Скажите какой хитрый! Я думала, что при свадьбѣ обнаружится его настоящій возрастъ, а онъ и здѣсь схитрилъ. Каковъ!» и т. п. За то когда я сталъ старъ и объявлялъ всѣмъ, кому это интересно было знать, что мнѣ уже 60 лѣтъ, никто не вѣрилъ.

Другой примѣръ слѣдующаго содержанія. У меня есть небольшое состояніе и, въ то же время, умѣнье располагать своими средствами. Отъ этого происходитъ, что у меня, при небольшихъ средствахъ, хорошая квартира, хорошая прислуга, хорошіе экипажи, хорошія лошади и т. д., а отъ этого, въ свою очередь, происходитъ то, что меня считаютъ человѣкомъ несравненно болѣе богатымъ, чѣмъ въ дѣйствительности, и я не только не протестую, но даже поддерживаю это заблужденіе, не понимая тѣхъ,

кто, сидя на богатствѣ дѣйствительномъ, плачутъ отъ бѣдности, притворяются во всемъ и всегда «казанскими сиротами» и трепещутъ при малѣйшемъ поползновеніи со стороны кого нибудь ближе познакомиться съ ихъ состояніемъ. Я готовъ каждому встрѣчному разсказать, въ чемъ именно состоитъ мое богатство и даже, какъ оно составилось. Мнѣ кажется, что всѣ тѣ, которые прячутъ свое богатство, или уменьшаютъ его, дѣлаютъ это именно потому, что затруднительно понять и разъяснить, какъ оно составилось. ВъТифлисѣ напримѣръ, въ мое время, блестящая свита блестящаго намѣстника, свита богатая, аристократическая, владѣвшая искуствомъ мгновенно спускать всѣ деньги, какія бы къ нимъ ни приходили, и не имѣвшая понятія объ искуствѣ задерживать ихъ, большею частью страдала безденежьемъ и нерѣдко прибѣгала къ моей помощи. Ясно, что если Инсарскій никогда не прибѣгалъ къ помощи друзей, а они нерѣдко прибѣгали къ его помощи, то онъ долженъ быть очень богатъ. Многіе такъ думали и говорили. Я не противорѣчилъ этому и не находилъ ни повода, ни удовольствія прикидываться «казанскимъ сиротой». Помню даже такой случай. Былъ праздникъ какой то. Въ одномъ изъ загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ была давка страшная. Гуляя по ярко освѣщеннымъ алеямъ, я замѣтилъ, что двѣ французскія кокотки—гдѣ ихъ нѣтъ!—внимательно и привѣтливо посматриваютъ на меня и перешептываются между собою. Въ этомъ шопотѣ я ясно могъ разслышать: C'est un richard! Очевидно было, что эта фраза относилась ко мнѣ и нисколько не была для меня непріятна, хотя въ тоже время я не могъ не пожалѣть о заблужденіи

француженокъ, какъ въ томъ, что я вовсе не richard, такъ и въ томъ, что онѣ, во всякомъ случаѣ, и не по моему вкусу и не по моему карману.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать, что я такъ много жилъ и дѣйствовалъ, и у меня должна была давно уже образоваться та или другая репутація. Какая эта репутація,—хорошая или скверная, я не знаю точно также, какъ и никто не знаетъ собственной своей репутаціи. Въ этомъ отношеніи я видѣлъ много разъ поразительныя явленія. Я видѣлъ людей, которыхъ повидимому, всѣ встрѣчали съ выраженіемъ дружбы, сочувствія и которыхъ, какъ только они отвертывались, тутъ же, безъ замедленія, называли ихъ настоящими, далеко нелестными именами. Къ этому разряду принадлежатъ люди, стоящіе въ главѣ сомнительныхъ предпріятій, концесіонеры, учредители всевозможныхъ банковъ, люди умные, ловкіе и почти всѣмъ нужные, но въ тоже время не обладающіе большими добродѣтелями и, при извѣстномъ оборотѣ дѣла, готовые пустить съ сумою всѣхъ, съ кѣмъ обмѣниваются любезными фразами. Для обозначенія этихъ людей и ихъ дѣятельности, создалась даже особая кличка въ русскомъ языкѣ: «плутократъ, плутократія». Этимъ людямъ сегодня всѣ охотно пожимаютъ руки, а завтра, при извѣстномъ оборотѣ дѣла, и въ переднюю не пустятъ. Такимъ образомъ ни я, и ни кто другой, не можетъ знать собственной репутаціи; но всякій знаетъ и долженъ знать, что у него къ закату дней непремѣнно образуется та или другая репутація, если онъ сколько нибудь выдвигался, такъ или иначе, впередъ и не оставался въ темныхъ рядахъ меньшей братіи и въ скромной области ея дѣятель-

ности. Если репутація такимъ образомъ создалась и установилась, измѣнить, передѣлать ее уже трудно, даже почти невозможно.

Общество, создающее эти репутаціи—тысячеглавое чудовище. Личныхъ объясненій вести съ нимъ невозможно. Вотъ почему всякое дурное дѣло чрезвычайно опасно по отношенію къ репутаціи, по отношенію къ приговору общества. Разъ попасть на дурное замѣчаніе обществу, на «эту зарубку», какъ говоритъ Любимъ Торцовъ—что̀ надо дѣлать, чтобъ исправить общественное мнѣніе? Тутъ именно, какъ говорится «ничего не подѣлаешь». Останется только сожалѣть, ка̀къ это дернуло, прости Господи, вломиться въ какое нибудь скверное дѣло, да напредки остерегаться подобныхъ дѣлъ. При такихъ убѣжденіяхъ, я думаю, что и моя репутація, какая бы она ни была, останется непоколебленною, если я разскажу, какъ шло мое дѣтство. Вообще всѣ мои разсказы будутъ имѣть только то послѣдствіе, что въ моемъ формулярѣ, въ моей біографіи можно будетъ прибавить еще одну черту, въ такомъ напримѣръ родѣ: жилъ, служилъ и плохо писалъ. Но тутъ еще большой бѣды нѣтъ.

Всякое измѣненіе въ разсказѣ о моемъ дѣтствѣ было бы отступленіемъ отъ истины, искаженіемъ правды, чего я не могу допустить. Если бы я сдѣлалъ это, у меня вышли бы не воспоминанія о прошедшемъ, а сочиненіе о прошедшемъ. Между тѣмъ о ремеслѣ сочинительства я не имѣю ни малѣйшаго понятія. Какъ оно производится и есть ли у меня къ этому дѣлу способность, не вѣдаю. Въ моихъ запискахъ нѣтъ и малѣйшей тѣни сочинительства. Составляя ихъ, я какъ будто переписывалъ что-то. Физи-

ческій трудъ, т. е. процессъ писанія стоялъ у меня на первомъ планѣ, трудъ тѣмъ болѣе тяжелый, что онъ усложнялся моими неразборчивыми каракулями. Я самъ сознаю, что увѣренія въ моей правдивости въ глазахъ читателей могутъ казаться сомнительны, но знаю тоже, что многіе изъ нихъ обладаютъ тактомъ, который дастъ имъ полную возможность видѣть, гдѣ настоящая правда и гдѣ сочинительство. Этотъ же тактъ заставитъ ихъ довѣрять и моимъ словамъ.

Главною, капитальною чертою во время моего дѣтства было пьянство. Оно царило на моей родинѣ съ поразительнымъ могуществомъ, увлекало рѣшительно всѣхъ, разумѣется за исключеніемъ личностей, составляющихъ аристократическій кружокъ, жизнь и наслажденія которыхъ мнѣ были неизвѣстны. Но какъ все имѣетъ свои степени и подраздѣленія, то и пьянство моей родины имѣло свои степени и подраздѣленія. Люди, стоящіе на верху средняго круга, въ родѣ моего отца, пили очень осторожно, въ тѣсныхъ пріятельскихъ сходкахъ, преимущественно въ дни праздниковъ и различныхъ имeнинъ и хотя въ концѣ этихъ дней приходили въ состояніе весьма некрасивое, но это состояніе оставалось, такъ сказать, въ секретѣ, не выставлялось публично, ибо подгулявшіе чрезъ мѣру господа, или сами, или при содѣйствіи своихъ женъ, исчезали потихоньку по своимъ конурамъ. Люди, слѣдующіе за этими лицами, которыхъ можно назвать ихъ помощниками, хотя они носили многоразличныя названія, люди, расчитывающіе не сегодня, — завтра занять мѣста ближайшихъ своихъ начальниковъ, пили уже много безцеремоннѣе, но все таки, въ виду этой

цѣли, старались держаться нѣкоторыхъ приличій, нѣкоторой умѣренности, старались всевозможно спасаться отъ гибельной въ мірѣ служебномъ атестаціи: «способенъ и достоинъ, но нетрезваго поведенія», атестаціи, разумѣется полагающей преграду и конецъ всякимъ видамъ и расчетамъ на дальнѣйшее служебное преуспѣяніе. Затѣмъ большинство, остальная часть служебнаго міра, пьянствовала уже безъ всякой мѣры и безъ всякихъ видовъ и расчетовъ. Впрочемъ расчетъ былъ одинъ: достать гдѣ нибудь и какъ нибудь на выпивку. Пьяницъ очень знаменитыхъ и пьяницъ менѣе знаменитыхъ, которые считались людьми, окончательно потерянными и сами о себѣ были того же мнѣнія, было безчисленное множество и я могъ бы насчитать многихъ и назвать ихъ по имени, если бы это къ чему нибудь послужило и не было оскорбительно для ихъ памяти. О простомъ народѣ говорить нечего: онъ вездѣ одинъ. Нѣтъ денегъ—работаетъ; досталъ деньги—прогулялъ! Впрочемъ сферу нашихъ меньшихъ братій я мало зналъ и потому въ разсказахъ моихъ ей не отведено большого мѣста. Мнѣ суждено родиться, жить и дѣйствовать въ мірѣ чиновниковъ, и явленіями этого міра преимущественно полны мои воспоминанія.

Близко познакомился я съ порокомъ пьянства, когда мнѣ было лѣтъ 13 не болѣе; но я припоминаю случай, когда былъ, какъ говорится «мертвецки» пьянъ, будучи только лѣтъ семи или восьми; это еще невѣроятнѣе, а между тѣмъ совершенно справедливо. Дѣло было такъ давно, что я самъ не могу припомнить всѣхъ подробностей, сюда относящихся; но сущность его была слѣдующая. Въ томъ домѣ, гдѣ мы жили, какая то простая женщина родила

ребенка и, по существовавшему тогда обычаю, лежала вмѣстѣ съ ребенкомъ въ банѣ, какъ всегда находившейся въ саду или въ огородѣ. Кому принадлежалъ домъ, въ которомъ это происходило, намъ ли принадлежала женщина, которая родила, не помню; но мнѣ захотѣлось «посмотрѣть ребеночка». Кто-то изъ домашнихъ повелъ меня къ роженицѣ, которая и показала мнѣ ребеночка. Въ тоже время, чуть ли не подгулявшая уже сама, она начала обнимать меня, и приговаривать: «да какой же ты добренькій, какой миленькій! и т. д. Чѣмъ же мнѣ тебя угощать, мой голубчикъ? Вѣдь ничего нѣтъ для тебя. Вотъ горе то! Развѣ винца выкушаешь крошечку, мой миленькій? Выкушай маленько. Выпей мой золотой»! Съ этими словами изъ стоящаго подлѣ нея полуштофа, она налила вина и дала мнѣ. «А ты вдругъ, мой золотой! разомъ! наставляла меня моя просвѣтительница: вдругъ то не такъ горько». Я исполнилъ ея наставленіе и черезъ нѣсколько минутъ совершенно одурѣлъ. Скоро послѣ этого перваго и памятнаго мнѣ опыта пришелъ мой учитель. Когда мнѣ надо было читать, я ничего не могъ разобрать, въ глазахъ моихъ все спуталось, слилось, потемнѣло. Когда мнѣ предстояло писать, я сталъ выводить какія то каракули громаднѣйшихъ размѣровъ. Послѣдствія этого не трудно угадать: тошнота, рвота, медицинскія пособія и головомойка отъ всѣхъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что случай этотъ, чрезвычайно глупый и безобразный, произведеніе глупой и пьяной бабы, не могъ имѣть никакого глубокаго значенія; но тѣмъ не менѣе, мнѣ онъ объясняетъ многое. Если роженица, не оправившаяся еще отъ родовъ, лежитъ уже въ подпитіи, съ полуштофомъ

подъ бокомъ, и находитъ возможнымъ влить въ восьмилѣтняго ребенка полстакана сивухи, одинъ этотъ фактъ, самъ по себѣ, говоритъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла.

Первымъ сознательнымъ уже шагомъ по этому доступному пути я долженъ считать тѣ штофы, которые заготовлялись мальчишками на вечерахъ или балахъ, задаваемыхъ ихъ родителями и роспивались въ тихомолку, въ укромныхъ мѣстахъ, а въ особенности тѣ дополненія чистой водкой, которыя дѣлались, когда штофы опорожнялись. Стремленія къ удальству, столь свойственныя мальчишкамъ, дѣлали насъ въ этомъ отношеніи дерзкими и отчаянными. Подъ вліяніемъ этихъ стремленій, мы скоро стали выказывать презрѣніе къ штофамъ, наполненнымъ бѣлымъ и краснымъ виномъ, стали называть это вино «квасомъ», старались опорожнить ихъ какъ можно скорѣе и перейти къ водкѣ. Когда мы переходили къ этому нектару, намъ казалось, что мы становимся «большими» и «молодцами». Каждый старался перещеголять другого и такимъ образомъ изъ шалости, свойственной дѣтскому возрасту, мы пріобрѣтали пагубныя привычки. Мы были способны еще мальчишками пить водку всюду, гдѣ намъ ее предлагали, гдѣ представлялся къ тому случай. Этой способностію мы, съ чувствомъ величайшаго самодовольства, старались заявить, что мы уже почти совсѣмъ большіе, а если еще неокончательно большіе, то уже совсѣмъ молодцы. Этимъ стремленіемъ къ молодечеству отлично пользовалась среда, насъ окружающая и подъ ея давленіемъ я сдѣлалъ второй, еще болѣе капитальный шагъ, по этой широкой дорогѣ.

Законы, управляющіе отношеніями однихъ людей къ

другимъ, вездѣ одинаковы. Люди менѣе сильные, непремѣнно извиваются предъ людьми болѣе сильными. И это явленіе существуетъ вездѣ, во всѣхъ сферахъ, всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ мѣстностяхъ. Эти извиванія однихъ передъ другими происходятъ въ деревняхъ и столицахъ, и въ купечествѣ, и въ чиновничествѣ, вездѣ, гдѣ только есть люди и человѣческія общества. Они не зависятъ ни отъ климата, ни отъ системы гражданскаго устройства, ни отъ государственнаго богатства или бѣдности. Они зависятъ исключительно отъ свойствъ, присущихъ человѣчеству, требующихъ непремѣнно, чтобы слабый изгибался предъ сильнымъ, бѣдный предъ богатымъ и т. п. Само собою разумѣется, что формы этого изгибанія бываютъ разнообразны, смотря по сферѣ, гдѣ происходятъ эти изгибанія, по цѣли, которой хотятъ достигнуть и т. п. Примѣры, сравненія, указанія въ этомъ отношеніи могутъ быть безконечны; но можно ли представить себѣ такое явленіе, чтобы гдѣ нибудь и когда нибудь подчиненные не извивались предъ своимъ начальникомъ? Такого явленія положительно представить невозможно. Если вы не хотите, или не умѣете извиваться предъ начальникомъ— вы достойны сожалѣнія. Будущность ваша мрачна и чревата многими бѣдствіями. Еще не открыто такой земли, даже самомалѣйшаго островка, гдѣ бы можно было обойтись безъ искуства извиваться предъ начальникомъ. Вы можете быть малограмотнымъ, даже малоблагороднымъ, но все это ничего, если только умѣете извиваться, ибо это искуство все дополнитъ, все прикроетъ. Напротивъ, какъ бы вы ни были умны, просвѣщенны, добродѣтельны даже, но если не умѣете извиваться, дѣло выходитъ

дрянь—и вы скоро это узнаете практически, познавъ заблужденіе, въ которомъ пребывали, полагаясь на одни ваши безспорныя достоинства и пренебрегая искуствомъ не хитрымъ, но многополезнымъ—искуствомъ извиванія и изгибанія.

Подчиненные моего отца, т. е. казначейскіе чиновники хорошо понимали эту истину и тоже извивались понемножку, по мѣрѣ надобности и умѣнья. Это извиванье имѣло множество формъ, изъ которыхъ каждая и пускалась въ ходъ, когда наступалъ подходящій случай. Въ числѣ этихъ формъ есть одна, которой и я грѣшный иногда занимался подъ гнетомъ бѣдности и незначительности; это именно—восхищеніе дѣтьми начальника и всевозможныя ласки, имъ разсыпаемыя. Сколько мнѣ доводилось восхищаться разными мальчиками и дѣвочками, большею частію некрасивыми и вовсе недостойными никакой похвалы, когда они выводились на показъ и по приказанію маменьки читали, путаясь и шепеляя какую-нибудь изъ крыловскихъ басень. «Ахъ какая прелесть! восклицалъ я, какая удивительная память! Позвольте, душечка, васъ расцѣловать.» Такое поведеніе, конечно, не отличалось правдивостью, но свѣтскія отношенія имѣютъ свои условные законы, въ силу которыхъ самые невозможные комплименты, самыя безконечныя любезности, которымъ не вѣритъ ни тотъ, кто ихъ говоритъ, ни тотъ, кто ихъ слушаетъ, составляютъ главное проявленіе свѣтскости и ея лучшее украшеніе. Только при соблюденіи этихъ законовъ вы можете надѣяться, что послѣ вашего ухода, объ васъ скажутъ: «Какой пріятный человѣкъ!» Если бы вамъ вздумалось въ эти свѣтскія

отношенія внести строгую правдивость, въ слѣдъ вамъ были бы произнесены отзывы совершенно противоположнаго свойства. Въ силу-то этихъ свѣтскихъ, совершенно исключительныхъ законовъ, и я никакъ не могъ глупому человѣку сказать: «однако вы порядочный дуракъ!» или сказать некрасивой барынѣ: «что это, сударыня, какъ вы дурны!» Напротивъ, свѣтскіе законы исполнялись мною весьма тщательно и совершенно безукоризненно. Я сознавалъ, что льстивый оттѣнокъ моихъ любезностей вреда никакого сдѣлать не можетъ, а людямъ глуповатымъ и барынямъ некрасивымъ доставитъ великое удовольствіе. Но возвращаюсь къ моимъ землякамъ, подчиненнымъ моего отца.

Милая группа! Какъ живо она стоитъ передо мною!

Первымъ и главнымъ сотрудникомъ моего отца, въ должности бухгалтера, былъ Андреевъ, Семенъ Михайловичъ, вообще прекрасный и достойный человѣкъ, не безъ примѣси оригинальности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Прежде всего онъ считался страстнымъ обожателемъ старшей моей сестры Ѳеоктисты, никогда, впрочемъ и ничѣмъ не проявившій ни своихъ чувствъ, ни тѣмъ менѣе какихъ либо матримоніальныхъ поползновеній. На видъ онъ былъ очень неказистъ: маленькій человѣкъ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и рѣдкими волосами въ скобку. Вообще онъ походилъ скорѣе на мѣщанина, чѣмъ на чиновника. Этому много содѣйствовали разныя странности, которыя онъ допускалъ въ своемъ костюмѣ. Такъ напримѣръ онъ чуть ли не постоянно носилъ плисовые шаровары и красные или яркіе и пестрые платки на шеѣ. Вся фигура его отдавала чѣмъ-то славя-

нофильскимъ. Онъ былъ неукротимымъ любителемъ церковнаго пѣнія и, какъ человѣкъ почтенный, солидный и въ нѣкоторой степени даже значительный, совершенно завладѣлъ клиросомъ Преображенской церкви, въ приходѣ которой жилъ. Ни малѣйшихъ знаній по части пѣнія онъ не имѣлъ вовсе, да и вкуса тоже. Всѣ его старанія и заботы направлены были единственно къ тому, чтобъ пѣть выше и громче. Отъ этого происходило ужасное пѣніе. Онъ завербовывалъ въ свой оригинальный хоръ всѣхъ, кто только могъ громко кричать. Охотниковъ, разумѣется изъ чиновнаго міра было въ избыткѣ; но онъ не гнушался и другими званіями. Такъ онъ залучилъ въ число своихъ хористовъ какого-то двороваго человѣка съ свирѣпымъ видомъ, огромнѣйшей головой, покрытой необычайно густыми, стоячими черными волосами и всѣмъ возвѣщалъ, что это удивительнѣйшій басъ. Этотъ басъ дѣйствительно ревѣлъ, какъ быкъ, причемъ свирѣпая его фигура достигала крайней степени свирѣпости, но толку все таки никакого не выходило, потому что ни самъ басъ, ни распорядитель хора не имѣли ни малѣйшаго понятія объ изяществѣ пѣнія. Этотъ удивительный басъ въ то же время былъ знаменитымъ кулачнымъ бойцомъ, знаменитымъ потому особенно, что онъ изобрѣлъ и употреблялъ особые пріемы въ этомъ искуствѣ, для другихъ почему-то недоступные. Главнѣйшимъ изъ этихъ пріемовъ былъ тотъ, что онъ бросался на противника, если бой происходилъ одинъ на одинъ, или на противниковъ, если бой происходилъ стѣна на стѣну «бычкомъ», говоря спеціальнымъ языкомъ, т. е. наклонялъ свою огромную голову и какъ тараномъ разилъ враговъ и, въ тоже время,

поднятыми вверхъ кулаками осыпалъ ихъ безчисленными ударами, подобно ударамъ, производимымъ при молотьбѣ цѣпами по разостланнымъ подъ ними снопамъ. Хотя этотъ пріемъ и былъ извѣстенъ всѣмъ другимъ бойцамъ, однако держаться противъ него они не могли и головастый боецъ всегда почти оставался побѣдителемъ.

За Андреевымъ, по табели о рангахъ, слѣдовалъ Акимовъ, журналистъ казначейства, не тотъ Акимовъ, который какъ я говорилъ выше, принадлежалъ къ мѣстной jeunesse dorée и великолѣпно танцовалъ, но совсѣмъ другой, и не изъ тѣхъ журналистовъ, которые издаютъ журналы, даже не изъ тѣхъ, которые въ министерствахъ ведутъ входящіе и исходящіе и разные другіе реестры, а журналистъ, записывающій въ двухъ громаднѣйшихъ книгахъ, приходной и расходной, всѣ поступленія и всѣ выдачи и потомъ разносящій эти статьи по другимъ безчисленнымъ спеціальнымъ книгамъ. Этотъ Акимовъ былъ, въ противуположность съ маленькимъ и неказистымъ Андреевымъ, чрезвычайно представителенъ, высокъ ростомъ, красивъ лицомъ, хотя оно было сильно усѣяно рябинами, хорошо сложенъ, хорошо одѣвался, однимъ словомъ имѣлъ право на званіе bel homme'а и безъ сомнѣнія покорилъ не одно женское сердце изъ пензенскаго прекраснаго пола. Онъ тоже пѣлъ и любилъ пѣть. Но пѣніе его было противоположно пѣнію славянофила въ плисовыхъ шароварахъ Андреева, который только зналъ различіе между громкимъ голосомъ и негромкимъ, но другими различіями вовсе не занимался и едва ли зналъ, какимъ именно голосомъ самъ кричитъ. Акимовъ пѣлъ, напротивъ, съ большимъ вкусомъ и чрезвычайно пріят-

но. У него былъ чрезвычайно нѣжный теноръ или даже tenorino. Въ Петербургѣ многіе еще помнятъ свѣтскаго красиваго пѣвца Андреева, который тоже владѣлъ чрезвычайно высокимъ и нѣжнымъ теноромъ. Пензякъ Акимовъ и по голосу, и по манерѣ пѣть, былъ родной братъ Андреева, который, быть можетъ, и теперь еще, въ томъ или другомъ отдѣлѣ нашего необъятнаго царства, чаруетъ пѣніемъ своихъ слушателей. Акимовъ не пѣлъ нигдѣ на клиросѣ, — для этого онъ считалъ себя слишкомъ изящнымъ; но когда въ концѣ великаго поста онъ начнетъ распѣвать, гдѣ случится, священныя пѣсни: «На крестѣ Твоемъ» или «Тебѣ на водахъ», — все бѣжало слушать его. Голосъ его нѣжный и высокій, какъ говорится, хваталъ за сердце. Пѣніе его, должно быть, сходствовало съ пѣніемъ знаменитаго тургеневскаго пѣвца и также могло вызывать мечту о бѣлой лебеди съ распущенными крыльями на берегу моря.

Андреевъ и Акимовъ были людьми значительными и носили отдѣльныя наименованія, присвоенныя имъ штатами и положеніями. Остальные чиновники казначейства представляются мнѣ въ одной сплошной группѣ. Въ этой второстепенной группѣ я припоминаю моего соперника Супрунова. Это былъ необычайно высокій и, въ тоже время, необычайно тонкій господинъ. Происходила ли его худоба отъ свойства его организма или отъ какой нибудь болѣзни, не знаю, только онъ чрезвычайно походилъ на молодую, тонкую и высокую березу, хотя былъ довольно красивъ и молодъ. Онъ тоже пѣлъ весьма толково и пріятнымъ баритономъ. Но онъ мнѣ дорогъ особенно по воспоминаніямъ о нашемъ соперничествѣ. Дѣло

въ томъ, что физическая сила на моей родинѣ, во время моего дѣтства, имѣла большую цѣну, и большое значенiе. При оцѣнкѣ добродѣтелей какого нибудь индивидуума, чуть ли не прежде всего принималось во вниманiе, силенъ онъ или несиленъ? Человѣкъ сильный пользовался большими привилегiями сравнительно съ человѣкомъ не сильнымъ. На извѣстнаго силача смотрѣли всѣ съ особымъ уваженiемъ, какъ будто онъ можетъ отдубасить каждаго ни за что ни про что, точно также, какъ смотрятъ съ уваженiемъ на каждаго извѣстнаго богача, какъ будто онъ возьметъ, да и раздастъ всѣмъ сiю минуту по сту тысячъ. Такое значенiе, такое превосходство физической силы было впрочемъ явленiемъ, весьма естественнымъ въ такой средѣ, гдѣ люди съ малолѣтства прiучаются бороться, драться на кулакахъ, тянуться на палкахъ, поднимать большiя тяжести и т. п. въ такомъ городѣ, гдѣ маленькiе мальчики вѣчно дерутся на улицѣ при встрѣчахъ, гдѣ каждый изъ взрослыхъ, повидимому солидныхъ чиновниковъ, или по туземному «приказныхъ», уже отцовъ семейства, непремѣнно кулачный боецъ, готовый въ тотъ или другой храмовой праздникъ принять личное и дѣятельное участiе въ любимой народной забавѣ. По мѣрѣ того, какъ я сталъ подростать, во мнѣ стала проявляться замѣчательная физическая сила. Само собою разумѣется, что этотъ даръ природы не могъ оставаться безъ употребленiя и я подвергалъ его всевозможнымъ опытамъ, увлекаясь наслажденiемъ удивлять зрителей. Въ числѣ этихъ опытовъ самымъ употребительнымъ и безвреднымъ считалось: тянуться на палкахъ. Процесъ этотъ производился слѣдующимъ образомъ.

Два человѣка садятся на полъ, другъ противъ друга. Ноги одного упираются въ ноги другого. Тамъ, гдѣ ноги сходятся, кладется толстая палка. Соперники берутся за нее, стараясь установить палку такимъ образомъ, чтобы она ни на волосъ не переходила за срединную линію, ни въ ту, ни въ другую сторону. Тогда дается знать посредствомъ извѣстныхъ: «разъ, два, три»! съ словомъ: три! соперники начинаютъ тянуть палку, каждый въ свою сторону. Мускулы страшно напрягаются, глаза наливаются кровью, лицо дѣлается багровымъ. Тотъ, кто перетянулъ палку въ свою сторону и вмѣстѣ съ тѣмъ приподнялъ вцѣпившагося въ нее противника, считался побѣдителемъ. Счастье, когда этотъ вопросъ рѣшается скоро, т. е. когда одинъ изъ соперниковъ владѣетъ силою бо̀льшею чѣмъ противникъ и скоро перетягиваетъ къ себѣ палку; тутъ ничего опаснаго нѣтъ, потому что никакихъ чрезмѣрныхъ усилій не требуется у побѣдителя; но когда въ подобномъ опытѣ встрѣчаются двѣ силы равномѣрныя, тогда споръ длится долго, весь организмъ приходитъ въ крайнее напряженіе и какъ многіе опыты говорятъ, подвергается серьезной опасности. Когда мнѣ было лѣтъ четырнадцать, я уже схватывался со многими старше меня, въ подобныхъ опытахъ, и не безъ успѣха. Мы вѣчно тянулись на палкахъ съ длиннымъ Супруновымъ и я постоянно оставался побѣдителемъ. Участниковъ или посредниковъ, которыхъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ являлось всегда множество, очень забавляло, что маленькій мальчикъ перетягиваетъ взрослаго и длинноногаго. Самъ Супруновъ недоумѣвалъ, ка̀къ это случается, что онъ побѣждается почти ребенкомъ,

на котораго онъ нѣсколько презрительно посматривалъ съ своей необъятной вышины. Побѣжденный сегодня, онъ завтра опять охотно вступалъ въ новое состязаніе, въ надеждѣ на лучшій результатъ, но результатъ оставался тотъ же и недоумѣніе его было то же. Въ то время, когда мы усаживались на полу и старались выровнять палку, хлопотъ и споровъ было множество, чтò весьма понятно, ибо уравнять мои короткія руки и ноги съ его длиннѣйшими руками и ногами дѣйствительно было затруднительно, такъ что вѣчно побѣждаемый Супруновъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе именно въ этой невозможности достигнуть совершенной равномѣрности нашихъ рукъ и ногъ.

Замѣчательною и дорогою для меня личностью былъ тутъ еще чиновникъ Потатуевъ, человѣкъ весьма преклонныхъ лѣтъ, съ маленькой лысинкой, и тѣми бѣлокуренькими волосами, которые какъ будто не сѣдѣютъ никогда, или, сѣдѣя, остаются все такими же бѣлокурыми. Это былъ образецъ кротости и смиренія. Его всѣ любили и я особенно. Онъ вѣчно корпѣлъ надъ бумагами и вѣчно что то писалъ своимъ нетвердымъ почеркомъ. Человѣкъ онъ былъ много, но какъ то тихо и смиренно испивающій, такъ что трудно было различить, когда онъ выпилъ и когда нѣтъ; онъ молчаливо и смирно торчалъ на своемъ мѣстѣ и вѣчно писалъ. Видимымъ послѣдствіемъ его испиваній было то, что рука его стала вздрагивать и вообще начинала чрезвычайно замѣтно дрожать, когда кто нибудь приближался и начиналъ смотрѣть, чтò и кàкъ онъ пишетъ. Поэтому онъ не могъ терпѣть ни этого приближенія, ни въ особенности этого смотрѣнія,

и при всей кротости, капризно говорилъ: ну что вы смотрите? Чего не видали? Отойдите Бога ради! Только мѣшаете! Онъ владѣлъ непостижимымъ богатствомъ самыхъ разнородныхъ разсказовъ и замѣчательнымъ умѣніемъ разсказывать. Для меня не было выше наслажденія, какъ слушать, когда онъ поведетъ разсказъ своимъ тихимъ, кроткимъ голосомъ. Читалъ ли онъ много, слышалъ ли самъ въ дѣтствѣ много, только нельзя было не удивляться сколько обилію, столько же и разнообразію его разсказовъ. Онъ разсказывалъ о разбойникахъ, волшебникахъ, сраженіяхъ, привидѣніяхъ, обо всемъ, что такъ тѣшитъ и наполняетъ юное воображеніе. Я очень любилъ его и за его тихость и за его разсказы и во имя этой любви тащилъ его, разумѣется вмѣстѣ съ другими, на моихъ молодыхъ плечахъ, на кладбище, когда онъ сдѣлался первой жертвой въ нашемъ городѣ, при появленіи тамъ первой холеры.

Бѣляевъ, съ его замѣчательно толстыми губами и разнородными талантами извѣстенъ уже читателю. Это былъ нѣчто въ родѣ экзекутора казначейства или чиновника особыхъ порученій при казначействѣ. Въ существѣ это былъ чрезвычайно юркій, распорядительный для небольшихъ дѣлъ, очень смѣтливый русскій человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые хотя звѣздъ съ неба не хватаютъ, но чрезвычайно полезны во всякомъ хозяйствѣ, во всякомъ родѣ неголоволомной дѣятельности.

Въ группѣ казначейскихъ чиновниковъ я припоминаю еще, хотя смутно, Ѳомина. Личность эта была крайне бѣдная и забитая. На видъ онъ былъ очень грязноватъ, ходилъ вѣчно въ одномъ и томъ же длиннополомъ, значи-

тельно истасканномъ и потертомъ сертукѣ толстаго синяго, но уже побѣлѣвшаго сукна, и это упорство его въ одѣяніи объяснялось просто неимѣніемъ ничего другого, что̀ бы могло смѣнить знаменитый синій сертукъ и дать ему нѣкоторый отдыхъ. Ѳоминъ былъ довольно высокаго роста, съ большой головой, покрытой густыми, стоячими волосами. Видъ онъ имѣлъ замѣчательный по своей странности—видъ человѣка, испуганнаго чѣмъ то и не имѣющаго силъ побѣдить чувство испуга и придти въ нормальное положеніе. Казалось, онъ только что сейчасъ отбился отъ цѣлой стаи волковъ и ждетъ, что они снова атакуютъ его, потому что постоянно озирался кругомъ. Вообще это былъ человѣкъ крайне ограниченный и составлялъ нѣчто въ родѣ казначейскаго баласта, безъ котораго никакое учрежденіе и нигдѣ обойтись не можетъ. Сказать что нибудь замѣчательное объ немъ рѣшительно невозможно, за исключеніемъ развѣ того, что онъ блистательно оправдывалъ знаменитое изрѣченіе Чацкаго, «чтобы имѣть дѣтей, кому ума не доставало». У Ѳомина было множество дѣтей разныхъ возрастовъ и разнаго пола. Если онъ имѣлъ странный видъ, то едва ли не отъ безпримѣрнаго количества своихъ потомковъ и если постоянно озирался, то едва ли не изъ опасенія, что вотъ-вотъ явится еще новый его потомокъ!

Двѣ самыя замѣчательныя личности изъ казначейскихъ чиновниковъ я приберегъ къ концу, чтобъ ими закончить галерею моихъ портретовъ. Замѣчательными я ихъ называю потому, что это были личности типическія, существовавшія не только въ предѣлахъ моего милаго родного городка, но существующія во всѣхъ дру-

гихъ городахъ, и даже въ столицахъ. Эти личности можно назвать: непонятыми натурами, или не признанными талантами и, вслѣдствіе этой несправедливости, сбившіяся, или вѣрнѣе, спившіяся съ кругу. Возьмите напримѣръ Норкина. Чрезвычайно благообразный, умный отъ природы, и безспорно никому неуступающій, а многихъ превосходящій по части знаній и, въ то же время, горькій пьяница. Не смотря на то, что пьянство было его нормальнымъ состояніемъ, его любили и уважали за умъ, за знанія, за его изрѣченія, расходившіяся по городу и всегда вызывавшія сожалѣніе, что такой человѣкъ пропадаетъ ни за что. «Вотъ умъ, говорили о Норкинѣ, министерскій! Далеко бы пошелъ, если бы не заливалъ за галстукъ!» Куда бы пошелъ Норкинъ, сказать, конечно, никто не можетъ, но самъ онъ былъ, и не безъ основанія, полонъ глубокаго убѣжденія о своемъ превосходствѣ передъ другими и, по всей вѣроятности, это убѣжденіе съ одной стороны, а съ другой мелочность, ничтожность окружающей среды и, въ то же время, невозможность выбиться изъ нея и были причиною, по которой Норкинъ пошелъ тѣмъ путемъ, куда вступаютъ у насъ на Руси почти всѣ, встрѣченные жизненными неудачами разнаго рода. Мой отецъ, человѣкъ справедливый, не только не тѣснилъ Норкина, чего бы онъ заслуживалъ по его поведенію и истекающей отсюда небрежности къ службѣ, но тоже уважалъ его и не столько начальнически, сколько христіански журилъ и укорялъ за то, что онъ талантъ, Богомъ ему данный, зарываетъ въ землю. Норкинъ имѣлъ свой собственный домикъ за рѣкой. При домикѣ, по обыкновенію, былъ садъ, необычайно изобильный пло-

дами земными. Я часто бѣгалъ къ нему и объѣдался великолѣпными его вишнями, которыя бралъ прямо съ дерева.

Другая личность была едва ли еще не болѣе замѣчательна, но къ сожалѣнію назвать ее ни по имени, ни по фамиліи не могу, потому что забылъ. Начать съ того, что онъ пришелъ въ Пензу и въ казначейство совсѣмъ не изъ той духовной области, откуда исходили почти исключительно всѣ тогдашніе чиновники. Онъ пришелъ, какъ говоритъ Островскій въ одной изъ своихъ комедій, «изъ невѣдомыхъ странъ», изъ какого то полка и чуть ли еще не кавалерійскаго. Кàкъ и почему этотъ переходъ совершился — незнаю; но только этотъ кавалеристъ сдѣлался личностью, чрезвычайно интересною не только въ самомъ казначействѣ, но и во всемъ городѣ, ибо почти постоянно былъ пьянъ и постоянно разсказывалъ самыя забавныя и веселыя исторіи. Это былъ разскащикъ истинно удивительный, не тотъ разскащикъ сказокъ, какимъ былъ Потатуевъ, но разскащикъ, самъ видавшій виды и прошедшій, какъ говорится, огонь, воду и мѣдныя трубы. Норкинъ говорилъ всегда величаво, торжественно, съ богословскимъ оттѣнкомъ и часто приводилъ слова священнаго писанія, кавалеристъ говорилъ всегда любезно и чрезвычайно весело. Норкинъ, когда говорилъ, походилъ на священника, читающаго проповѣдь, или на учителя, объясняющаго задачу своимъ ученикамъ. Кавористъ старался казаться типомъ свѣтскаго человѣка изъ военныхъ людей, разбитнымъ, веселымъ и забавнымъ. И дѣйствительно, когда говорилъ Норкинъ, слушатели молчали и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ внимали его рѣченіямъ. Когда говорилъ что нибудь ка-

валеристъ, кругомъ все смѣялось. Вокругъ него почти всегда была большая толпа и, само собою разумѣется, всюду, гдѣ только было можно, я всегда старался присоединиться къ этой толпѣ. Разнообразіе его разсказовъ было безконечно и онъ постоянно пестрилъ ихъ поговорками, пословицами, даже французскими фразами. Однимъ словомъ это былъ очень милый, хотя почти постоянно пьяный господинъ, и мнѣ очень жаль, что мои воспоминанія о немъ омрачаются одною странною и въ высшей степени непріятною чертою. Однажды лѣтомъ, на крыльцѣ присутственныхъ мѣстъ, кавалеристъ разсказывалъ что то. По обыкновенію кругомъ его стояла толпа и весело хохотала. Въ числѣ этой толпы былъ и я, тогда еще мальчишка, едва ли лѣтъ 14. Послѣ одного изъ его разсказовъ, въ толпѣ завязался разговоръ. Между прочимъ, и я позволилъ себѣ сказать что то. Неудачно ли я сказалъ вообще, или что нибудь оскорбительное для кавалериста, только едва я произнесъ свои слова, какъ онъ приблизился ко мнѣ и, гладя меня по головѣ, сталъ говорить: «ну, ты братъ, еще молодъ очень, молодо-зелено» и т. д. Ничего непріязненнаго ни въ словахъ, ни въ движеніяхъ его рѣшительно не было, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ присутствія цѣлой толпы, мнѣ и слова его и дѣйствія (поглаживаніе по головѣ) показались очень обидными, я вспыхнулъ и въ то время, когда онъ поглаживалъ мою голову, нанесъ ему сильнѣйшій ударъ въ бокъ. Онъ покатился на полъ и сталъ стонать и охать. Произошла всеобщая суматоха. Ждали сильнѣйшей схватки, но кавалеристъ не нашелъ удобнымъ почему то вступить со мною въ единоборство, а предпочелъ —

странное дѣло! — на другой день подать на меня жалобу въ уѣздный судъ. Такимъ образомъ я еще въ юности рисковалъ быть обвиненнымъ, какъ принято нынѣ выражаться, «въ оскорбленіи дѣйствіемъ». Въ уѣздномъ судѣ были многіе знакомые моего семейства, которые, въ слѣдствіе не соблюденія какой то формальности, ухитрились возвратить моему врагу его жалобу съ надписью. Затѣмъ вступились въ дѣло обоюдные наши пріятели и, доказавъ кавалеристу какъ странно и неприлично для него тягаться съ мальчикомъ, окончательно смягчили его и вся эта исторія осталась совершенно неизвѣстною моему строгому отцу, чего, конечно, я болѣе всего побаивался.

Всѣ эти господа, слѣдуя неуклонно законамъ извиванія предъ начальствомъ въ различныхъ формахъ и видахъ и будучи въ полной зависимости отъ уѣзднаго казначея, осыпали безконечными и самыми разнообразными ласками его сынка. Въ числѣ этихъ ласкъ самою употребительною была та, что меня постоянно зазывали къ себѣ эти господа подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ: «Приходите къ намъ сегодня», говорилъ одинъ. «Не зайдете ли завтра къ намъ»? говорилъ другой. — При этомъ каждый изображалъ, какія прелести произойдутъ, если я приду и зайду. Удовлетворяя этимъ приглашеніямъ, я приходилъ и заходилъ. Какія прелести происходили при этомъ случаѣ, я изображать не буду, но долженъ сказать, что главною чертою этихъ приглашеній и посѣщеній были разныя питія и въ особенности «водочка». Если сами хозяева обрѣтали въ ней величайшее наслажденіе, то понятно, не могли и предполагать, чтоб она не могла доставлять и мнѣ тоже наслажденіе. Иногда дѣло начи-

налось довольно прилично, чаемъ, сластями, и т., но заключеніе все таки сводилось на утѣшительницу моихъ земляковъ — водку. Къ этому надо прибавить, что многіе и не были въ состояніи предложить что нибудь другое. Какъ ни бѣденъ чиновный труженикъ, водка у него всегда есть. Если не начто купить этого нектара, чиновникъ, особенно передъ праздниками бѣжитъ къ щедрому откупщику или заступающему его мѣсто, проситъ, умоляетъ и непремѣнно добываетъ даровую четверть, или полведра, смотря по его значенію или степени услугъ, которыя онъ можетъ оказать откупу. Отсюда происходило, что какъ бы ни начинался вечеръ, къ концу его непремѣнно слышали привѣтливое приглашеніе: «не выкушаете-ли хоть немножко! Это очень здорово. Мы люди бѣдные, намъ нечѣмъ васъ угощать, хоть и рады бы всей душой. Выкушайте, душечка! Покажите, что вы насъ любите и не брезгаете нами!» Отсюда же происходило, что, слушая эти трогательныя пѣсни, сначала поломаешься, а потомъ и выкушаешь... Водка, со стороны собственно вкуса, казалась мнѣ, да вѣроятно и многимъ другимъ, величайшею гадостью; но даже и въ то время, когда мы распивали наши штофы «винограднаго» и, въ случаѣ истребленія ихъ, дѣлали дополненія ихъ водкою, мы уже не могли не замѣчать какой то чудодѣйственной ея силы, которая, составляетъ главный источникъ ея могущества. Дѣло въ томъ, что нѣсколько капель этой горчайшей жидкости, съ трудомъ и отвращеніемъ проглоченныя, измѣняли совершенно человѣка, или вѣрнѣе сказать мальчишку, какими мы тогда были. Капли эти вносили въ наши жилы, въ нашу кровь

огонь, жизнь, самоувѣренность, веселье, однимъ словомъ полнѣйшее счастье. Человѣкъ, который былъ скученъ, дѣлался необычайно веселымъ; лѣнивый и неповоротливый дѣлался неугомоннымъ и вертѣлся, какъ волчокъ; мнительный и трусливый становился храбрецомъ, готовымъ совершить всякое безуміе, если только не сдерживать его. Этого мало. Человѣкъ некрасивый становился красивѣе, глаза горѣли огнемъ, всѣ черты лица получали величайшее одушевленіе. Съ этой стороны водка, не смотря на мудрѣйшіе трактаты и сочиненія о вредѣ пьянства, различныя предписанія и даже правительственныя мѣропріятія, едва-ли когда нибудь утратитъ свое могущество. Съ этой точки она истинно, какъ французы называютъ ее—«вода жизни». Можно ли даже требовать, чтобы въ то время, когда существуетъ это чудодѣйственная влага, православные или вовсе не прикасались къ ней, или прикасались умѣреннымъ образомъ. Уничтожить могущество водки невозможно. Если и можно ослабить его въ нѣкоторой степени, то единственнымъ средствомъ. Надобно такъ распорядиться, чтобы большинство, а въ томъ числѣ и большинство нашей меньшой братіи, могло замѣнить водку шампанскимъ, которое въ извѣстныхъ дозахъ производитъ тоже оживляющее дѣйствіе. Замѣна водки шампанскимъ можетъ быть достигнута несравненно скорѣе, чѣмъ замѣна водки чаемъ, о чемъ такъ усердно хлопочатъ современные благодѣтели рода человѣческаго. Да и трудностей тутъ особенныхъ нѣтъ. Стоитъ только развить благосостояніе большинства до такой степени, чтобы оно могло пить не водку, а шампанское и стоитъ

приладить къ этой цѣли финансовую, или тамъ экономическую что ли, сторону нашей земли, въ чемъ также не можетъ встрѣтиться особенныхъ затрудненій.

Но въ то время, о которомъ я говорю, вообще не очень любили думать, а тѣмъ менѣе думать о какихъ либо реформахъ, которыя нынѣ представляются неизлечимою эпидеміею и какъ будто стоятъ въ воздухѣ. Тогда всѣ были довольны существующимъ положеніемъ дѣлъ, потихоньку, хотя нельзя сказать, чтобы умѣренно, попивали водочку и пріучали къ этому мирному занятію своихъ потомковъ. Въ качествѣ потомка, я морщился, дѣлалъ гримасы, но все таки выпивалъ, въ полномъ и несомнѣнномъ убѣжденіи, что какъ ни горька, какъ ни противна на вкусъ эта влага, она непремѣнно принесетъ мнѣ веселье и чѣмъ я буду болѣе пить, тѣмъ мнѣ будетъ веселѣе; къ этому вѣрному соображенію постоянно присоединялось свойственное отрочеству и юности стремленіе ровняться съ большими во всемъ, въ чемъ можно. Если я уже былъ силенъ, какъ большой, перетягивалъ на палкѣ Супрунова, если однимъ ударомъ кулака повергъ на землю веселаго кавалериста, то я не видѣлъ причинъ, почему не могъ и пить, какъ большой. Стоило только попривыкнуть маленько. Я и попривыкалъ и преуспѣвалъ въ этомъ нехитромъ искуствѣ, при руководствѣ и содѣйствіи казначейскихъ чиновниковъ. Въ то же время я становился уже какъ бы непремѣннымъ членомъ ихъ міра, ихъ компаніи. И я полюбилъ этотъ міръ, эту компанію. Собирается кто нибудь на ружейную охоту— я тутъ; отправляются ли на рыбную ловлю и я съ ними; затѣвается ли какое нибудь катанье, или отдаленная

прогулка, безъ меня дѣло не обойдется. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ охотахъ, ловляхъ, поѣздкахъ, прогулкахъ, на первомъ планѣ стояла выпивка. Моихъ пріятелей не очень заботило, много ли они поймаютъ или убьютъ на этихъ охотахъ; но главною и общею ихъ заботою было то, чтобъ хорошо выпить и обезпечить эту статью всевозможными средствами. Отсюда понятно, какую школу прошелъ я въ сообществѣ этихъ господъ, какія полезныя свѣдѣнія тамъ пріобрѣлъ; съ какими явленіями ознакомился въ ранней юности и какъ удовлетворительно развратился со всѣхъ сторонъ.

Всего конечно не перескажешь, да и пересказывать не стóитъ, но нельзя не сказать, что въ этомъ же сообществѣ я вошелъ въ трактирный міръ и позналъ всѣ красоты его. Съ одной стороны извѣстной квадратной площадки, въ центрѣ города, съ той стороны, отъ которой начиналась и шла внизъ Московская улица и которая называлась «верхнимъ базаромъ» потому, что тамъ торговали разною съѣстною дрянью, стоялъ грязнѣйшій трактиришка, заведеніе самое наимерзѣйшее изъ всѣхъ заведеній подобнаго рода. Между тѣмъ этотъ трактиръ былъ самымъ любимымъ пріютомъ всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ и любовь эту конечно ничѣмъ другимъ объяснить нельзя, какъ единственно близостью этого вертепа отъ присутственныхъ мѣстъ и возможностью для чиновниковъ бѣгать туда быстро и незамѣтно по нѣскольку разъ въ день. Трактиръ помѣщался въ ветхомъ домѣ, имѣвшемъ однако два этажа. Нижній этажъ занимался кухнею и нѣсколькими столами для посѣтителей и былъ въ распоряженіи хозяина—отца, простого мужичка съ не-

объятною лысиной и длиннѣйшей бородой. Для меня не было выше наслажденія, какъ въ сообществѣ казначейскихъ чиновниковъ и разумѣется по настоятельному приглашенію ихъ, обставленному разными успокоительными соображеніями, посѣщать эту конуру. Лысый старикъ любезно съ нами раскланивался, затѣмъ покрывалъ одинъ изъ грязныхъ столовъ грязнѣйшею скатертью, разсыпалъ по ней множество ложекъ, ножей и вилокъ и чрезъ нѣсколько минутъ ставилъ среди стола дымящуюся чашу или сковороду съ заказанной закуской. Въ тотъ же моментъ появлялась драгоцѣнная влага, которая разливалась въ какіе то специальные трактирные стаканчики и обходила присутствующихъ. Влага быстро исчезала и тогда веселый кавалеристъ запѣвалъ тоже спеціально трактирную пѣсню: «сложимся по грошику, купимъ мы винца»...

Влага вновь появлялась, опять исчезала, и опять появлялась. Бесѣда разгаралась, становясь постепенно живѣе, занимательнѣе, веселѣе. Я не могу сказать, что̀ тутъ было особенно завлекательнаго, но помню очень хорошо, что я не только не уклонялся отъ подобныхъ приглашеній, но даже поджидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ.

Верхняя половина сего «кафе-ресторана» была въ завѣдованіи хозяина—сына, молодого парня, одного изъ тѣхъ мошенниковъ, какими были всегда содержатели кабаковъ и дрянныхъ трактировъ, всегда готовые надуть и ограбить. Половина эта считалась, или покрайней мѣрѣ называлась «чистой», хотя въ дѣйствительности, со стороны грязноватости и запущенности могла поспорить съ любою конюшнею. Она была постоянно набита отребьемъ человѣчества. Пунктомъ привлеченія былъ дряннѣйшій

бильярдишка съ разорваннымъ и покрытымъ безчисленными пятнами сукномъ, съ кривыми расколотыми шарами; одни изъ отребья бились на бильярдѣ, другіе смотрѣли на битву. Любителей этой игры вездѣ множество. Попробуйте зайти въ извѣстные часы къ Доминику, когда играетъ тамъ Погуляевъ, или другая знаменитость, вы нетолько не найдете мѣста, но едва доберетесь до мѣста битвы, до такой степени оно окружено и обставлено любителями и знатоками. Въ Пензѣ, конечно, не было ни Доминика, ни Погуляева, но тоже были свои герои и свои мѣстные любители и знатоки.

Въ началѣ, когда я изрѣдка заходилъ въ эту верхнюю половину, я рѣшительно не могъ понять, чѣмъ именно такъ привлекательна бильярдная игра? Мнѣ она казалась скучнымъ и даже безсмысленнымъ шарокатаніемъ. Удовольствіе катать шары, а еще менѣе удовольствіе смотрѣть, какъ другіе катаютъ, долго оставалось для меня непостижимымъ. Но когда, съ теченіемъ времени, понемногу и постепенно, мнѣ стали объяснять суть и законы игры, и когда въ особенности я самъ взялъ въ руки кій и сдѣлалъ нѣсколько пробныхъ ударовъ, мои недоумѣнія стали разсѣеваться и я сталъ понимать, что тутъ дѣйствительно можно обрѣсти существенное удовольствіе. Съ этой минуты я быстро пошелъ по пути изученія этой достославной науки и постепеннаго усовершенствованія въ ней. Дѣло скоро приняло такой видъ, что я сдѣлался записнымъ любителемъ бильярдной игры. Можно безъ преувеличенія сказать, что она совершенно меня поглотила. Все свободное время, когда только было можно, я проводилъ въ трактирахъ и

самъ игралъ, или смотрѣлъ на игру другихъ по нѣскольку часовъ, прихватывая сюда значительную часть и времени несвободнаго. Всѣ денежныя крохи, какія попадались въ мой карманъ, шли на бильярдную игру, и для меня рѣшительно уже не существовало другой игры, не только высшей, но даже сколько нибудь подходящей къ этому удовольствію. Клопштосы, дублеты, накаты, подходы, карамболи, оттяжки наполнили мое воображеніе. Подобно тому, какъ въ дѣлѣ танцовальнаго искуства я отдавалъ часть ночного времени, предназначеннаго для сна, на обдумываніе средствъ къ лучшему исполненію того или другого антраша, такъ точно въ дѣлѣ бильярдной игры посвящалъ заботливыя думы всѣмъ этимъ клопштосамъ, дублетамъ и т. п. Особеннаго совершенства въ этомъ искуствѣ я всетаки не достигъ, хотя потомъ, когда былъ уже членомъ англійскаго клуба, знаменитый Павелъ и зачислилъ меня въ какой то, довольно почетный изъ своихъ, не совсѣмъ удобопонятныхъ «пятковъ». Къ числу хорошихъ игроковъ я не принадлежалъ, хотя въ юности отдалъ этому дѣлу много времени и много стараній. Совѣстно вспомнить, но не хочу скрывать, что я посвящалъ этимъ стараніямъ такія минуты, которыя могли бы быть употреблены на что нибудь болѣе серьезное и полезное. Такъ я живо помню, что когда отецъ мой задумалъ отправить меня въ Петербургъ и совѣщался по этой части съ присланнымъ отъ Дубенскаго въ Пензу петербургскимъ чиновникомъ и когда этотъ чиновникъ выразилъ желаніе взглянуть на меня въ подлинникѣ, меня стали разыскивать по всему городу и не разыскали. Именно въ этотъ моментъ я

игралъ на бильярдѣ въ какомъ то отдаленномъ трактирѣ.

Перiодъ моего сообщества съ казначейскими чиновниками, обогатившiй меня громадными знанiями, все таки представляется совершенно ничтожнымъ по сравненiю съ перiодомъ «антоновскимъ». Антоновскимъ я называю этотъ перiодъ потому, что въ теченiи его царилъ всевластно и всемогущественно надъ всею туземною молодежью Антоновъ. Въ Антоновѣ было что то апостольское. Апостоломъ онъ былъ по превосходству надъ людьми, по моральной силѣ, вложенной въ него, и которой все молодое покорялось охотно и добровольно. Ученики его также считали его совершенствомъ и безусловно вѣровали въ него, какъ послѣдователи апостоловъ вѣровали въ нихъ. Для юношей онъ былъ царь, отецъ, наставникъ, учитель. И между тѣмъ ученiе его вело не къ совершенству, а въ противоположную сторону. Это былъ одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ самородковъ, которыхъ кажется въ состоянiи производить только русская земля. Въ отношенiи физическомъ это былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ: высокаго роста, прекрасно сложенный, съ хорошими манерами. Лицо его имѣло плѣнительное выраженiе ума, доброты и достоинства. Онъ былъ бѣлокуръ, волосы вились на головѣ, завитой лучшимъ изъ всевозможныхъ куаферовъ—самой природой. Глаза у него были чисто голубые, не тѣ зеленовато сѣрые, или синеватые, которые зачастую слывутъ тоже за голубые; голосъ нѣжный и прiятный. Ротъ, когда онъ говорилъ, принималъ какую то милую форму, улыбка была симпатична въ высшей степени. Дѣлать изображенiя не кистью, а

словами, разумѣется такъ, чтобъ онѣ выходили живыми и вѣрными—чрезвычайно трудно и моя попытка обрисовать внѣшнюю сторону личности Антонова подходитъ подъ то же правило, но красота Антонова выходила изъ ряду вонъ, и много содѣйствовала его странному могуществу надъ молодежью.

Говорятъ, что физическая красота вовсе не нужна мужчинѣ. Кто не слыхалъ тысячу разъ избитой фразы: «если мужчина не много лучше чорта, то и ладно!» Я никогда не раздѣлялъ этой велемудрой фразы и считалъ ее неудачной попыткой на неудачное остроуміе. Гдѣ же и кому не нужна красота? Развѣ она не нужна даже лошади, коровѣ, собакѣ? А если она полезна этимъ животнымъ, то какъ же не будетъ нужна человѣку, мужчинѣ? Этимъ могутъ утѣшать себя одни уроды. Если бы такое воззрѣніе было сколько нибудь справедливо, не было бы на свѣтѣ столько парикмахеровъ, расточающихъ свое искуство на завиваніе, напомаживаніе, разглаживаніе мужскихъ головъ, усовъ, бородъ, ибо собственно для стрижки было бы достаточно и десятой части этихъ мастеровъ; тогда не было бы безчисленныхъ портныхъ, изъ которыхъ каждый обѣщаетъ сдѣлать, посредствомъ своего покроя, вашъ станъ стройнѣе, граціознѣе, представительнѣе и на эту удочку вытягиваетъ изъ кармана несравненно значительнѣйшую сумму противу той, какая бы понадобилась на сооруженіе простого, скромнаго платья, безъ всякихъ затѣй. Я положительно не вѣрю, чтобы можно было отыскать такого человѣка, который бы не желалъ быть хоть на волосъ по лучше, чѣмъ онъ есть. Такое желаніе свойственно всему че-

ловѣчеству и въ немъ нѣтъ ничего ни дурного, ни позорнаго. Оно свойственно не только людямъ молодымъ, людямъ средняго круга, не имѣющимъ никакихъ другихъ средствъ блеснуть и отличиться, кромѣ собственной фигуры, но даже людямъ старымъ и знатнымъ, которые, вслѣдствіе своей знатности и своей старости, могли обходиться безъ всякихъ прикрасъ своей внѣшности. Вспомните князя Чернышева. Какъ онъ былъ знатенъ и какъ былъ старъ! А между тѣмъ, какъ онъ завивался и подтягивался!

Въ отношеніи нравственномъ или, вѣрнѣе, въ отношеніи умственномъ, Антоновъ считался образованнѣйшимъ человѣкомъ среди гражданъ моего родного города. Само собою разумѣется, что я лично не былъ въ состояніи оцѣнить степень его образованности; но вотъ что разсказывали: онъ сошелся первоначально съ семинарскими философами и богословами, и быстро заимствовалъ у нихъ все, что они сами знали, но не остановился на этомъ и пошелъ впередъ своей дорогой, такъ что философы и богословы, у которыхъ онъ началъ учиться, скоро стали смотрѣть на своего ученика съ чувствомъ изумленія и уваженія. Въ то же время онъ считался самымъ сильнѣйшимъ дѣльцомъ между дѣльцами пензенскими. Служилъ онъ въ гражданской палатѣ столоначальникомъ. Слѣдовательно должность занималъ мизерную, не имѣющую никакого значенія. Тѣмъ не менѣе всѣ тѣ, кто имѣлъ большія дѣла, и не только въ гражданской палатѣ, но гдѣ бы то ни было, бѣжали къ Антонову, съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, какъ бѣгутъ нынѣ со всѣми дѣлами къ знаменитѣйшимъ нашимъ

адвокатамъ, или къ какому нибудь знаменитому врачу, разумѣется только съ меньшею увѣренностью въ успѣхѣ, ибо нѣтъ ни одной такой медицинской знаменитости, которая бы не отправила нѣсколько экземпляровъ на тотъ свѣтъ. Но какъ бы краснорѣчиво ни писалъ онъ просьбы, записки, доклады, какое бы удивленіе ни возбуждали эти записки и доклады своимъ безпримѣрнымъ искуствомъ, какъ бы много ни толковали, что Антоновъ выигралъ то или другое дѣло, считавшееся безнадежнымъ, все это болѣе или менѣе укладывалось въ рамки его спеціальности, какъ чиновника. Но онъ смѣло выходилъ изъ этихъ рамокъ и дѣйствовалъ на чуждыхъ ему поприщахъ съ тѣмъ же блескомъ. Такъ онъ считался сочинителемъ и его сочиненія ходили по рукамъ и читались на расхватъ. Многія поэтическія его произведенія я помню и могъ бы привести ихъ, но боюсь нарушить права литературной собственности.

Со стороны свѣтскихъ или лучше сказать общественныхъ талантовъ, Антоновъ также былъ для многихъ идеаломъ. Въ ряду этихъ талантовъ, на первомъ планѣ стояло умѣнье пѣть. Антоновъ владѣлъ прелестнымъ голосомъ, чистѣйшимъ теноромъ, и пѣлъ чрезвычайно пріятно, съ большимъ умѣньемъ. Даровитой натурѣ Антонова все было легко и доступно. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти спеціальныя музыкальныя знанія онъ исхитилъ у кого нибудь съ тою же ловкостью и быстротою, съ какою усвоилъ вообще всевозможныя знанія пензенскихъ богослововъ и философовъ. Пѣнію своему онъ постоянно акомпанировалъ на гитарѣ. Распѣвалъ онъ большею частью

свои, т. е. своего сочиненія пѣсни и романсы, которые потомъ распѣвались безчисленными его почитателями.

Никогда проявленіе силы и смѣлости не перестанетъ волновать сердца человѣческія и находить въ нихъ глубокое сочувствіе. Что такое знаменитыя Олимпійскія игры? Ничто иное, какъ проявленіе развитія физической силы, во всѣхъ родахъ и видахъ. Что такое гладіаторскіе бои, на которые собирались смотрѣть несмѣтныя массы народа? А рыцарскіе времена? Все это торжество и проявленіе физической силы. Знаменитѣйшій гладіаторъ тотъ, которому ничего не значитъ придушить другого гладіатора. Онъ дѣлается героемъ, любимцемъ народа. Знаменитѣйшій рыцарь тотъ, который съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ колотить другихъ рыцарей. Ѣдетъ одинъ рыцарь и встрѣчаетъ другого. Непремѣнно схватка. Особенность та только, что побѣдитель объявляетъ поверженному въ прахъ врагу, кто его возлюбленная и что именно во славу и честь этой возлюбленной онъ такъ его и отдубасилъ, что̀, однако, тому вовсе не интересно знать. И замѣчательно, что такой дикій порядокъ не только не подвергался критикѣ, но придалъ даже всей этой эпохѣ что то величавое. Когда хотятъ похвалить человѣка, говорятъ: «это рыцарь.» Когда хотятъ похвалить какой нибудь поступокъ, говорятъ: «это по рыцарски». Между тѣмъ и самъ рыцарь и его поступокъ, въ существѣ, отличались разбойническимъ характеромъ. А просвѣщенные мореплаватели, какъ называетъ англичанъ знаменитый Расплюевъ, эти передовые дѣятели на пути всевозможнаго прогреса, народъ, которымъ принято восхищаться, дѣятельность котораго служитъ образ-

цомъ всѣхъ другихъ народовъ! Развѣ физическая сила не пользуется у нихъ величайшимъ почетомъ? Развѣ боксъ, умѣнье угощать своего ближняго кулачными ударами, не составляетъ части необходимаго для каждаго англичанина воспитанія? Да наконецъ, что такое всѣ эти германскіе ландверы, ландштурмы, какъ не средства къ проявленію физической силы, передъ силами всѣхъ другихъ государствъ. И умно дѣлаютъ нѣмцы. Они поняли, что одними книгами, одними умственными силами сражаться не принято, что въ дѣйствительности нужна сила физическая, а не умственная, и что сильный дуракъ всегда побѣдитъ безсильнаго умника. Они положительно убѣдились, что бьетъ и побѣждаетъ тотъ, кто имѣетъ больше физическихъ средствъ. Они и распорядились такимъ образомъ, что у нихъ каждый человѣкъ сталъ солдатомъ. Когда войны нѣтъ, каждый занимается своимъ дѣломъ, шьетъ сапоги, приготовляетъ колбасы; какъ только война объявлена—каждый колбасникъ превращается мгновенно въ отличнаго солдата. Отъ этого произошло, что до настоящаго времени самымъ сильнымъ царствомъ считалась Франція, потому что она располагала бо́льшими средствами. Всѣ ея побаивались въ томъ убѣжденіи, что она, чего добраго, возьметъ да и отколотитъ всякого и ничего съ ней не подѣлаешь. Всѣ спрашивали ея наставленій и указаній: не позволите ли того, не разрѣшите ли этого? Наполеоны были рѣшительно земными владыками и на все, и на всѣхъ вліяли. Наконецъ произошло столкновеніе французовъ съ нѣмцами. Дѣло повернулось совершенно вверхъ дномъ. Когда нѣмцы выставили безчисленныя полчища

своихъ сапожниковъ и колбасниковъ, въ прежнія войны занимавшихся своимъ дѣломъ, а теперь превратившихся въ солдатъ, Наполеонъ увидѣлъ, что тутъ «ничего не подѣлаешь» и поспѣшилъ сдаться военно-плѣннымъ и отдать нѣмцамъ свою шпажонку. Теперь значенія у Франціи никакого нѣтъ. Все забрала себѣ Пруссія, превратившись въ Германію. Теперь за всевозможными приказаніями и разрѣшеніями не угодно ли ѣхать уже не въ Парижъ, а въ Берлинъ, и обращаться не къ Наполеонамъ подъ разными нумерами, а къ Вильгельму, или еще лучше къ его докладчику, знаменитому Бисмарку, ибо кому неизвѣстно, что вся сила всегда сидитъ въ докладчикѣ. Дипломаты на всѣхъ точкахъ земного шара, если и побаиваются кого нибудь, какъ побаивались прежде Наполеоновъ, то единственно Бисмарка.

Все это я говорю для того, чтобы уяснить двѣ простыя истины. Первая состоитъ въ томъ: чтобы стоять выше другихъ, надо превосходить ихъ силами; вторая истина, что эти силы не должны быть какія нибудь сверхъестественныя, а самыя обыкновенныя, въ родѣ солдатъ, пушекъ и денегъ. Если превосходство по этой части на вашей сторонѣ, вы будете царствовать на всей землѣ!

Возвращаюсь на родину и, говоря откровенно, съ чувствомъ нѣсколько тревожнымъ. Если на моей родинѣ существовали различные способы проявленія силы и молодечества, то впереди всѣхъ стояли, въ мое время, кулачные бои...

По этому случаю позвольте мнѣ сдѣлать, въ милліонъ первый разъ, маленькое отступленіе. Когда князь Барятинскій, назначенный намѣстникомъ кавказскимъ, прі-

ѣхалъ въ Тифлисъ, въ ряду множества гражданскихъ дѣлъ, задержанныхъ и запущенныхъ мнительностью его предмѣстника, предсталъ ему и громаднѣйшій по значенію и по сложности вопросъ объ амкарахъ, или амкарствахъ. Амкарства эти имѣли видъ нашихъ ремесленныхъ цеховъ, но учрежденныхъ народными обычаями и совершенно внѣ закона; они ввели въ свое устройство много порядковъ, стѣснительныхъ для общества, для публики. По всѣмъ родамъ ремеслъ, торговли, промышленности существовали свои отдѣльные амкарства, подъ вѣдѣніемъ своихъ старшинъ. Ихъ звали кажется «устабаши.» Существовало амкарство сапожниковъ, мясниковъ и такъ до безконечности. Всѣ эти амкарства, имѣли свои значки и знамена и, въ торжественные дни, двигались массами по улицамъ, съ своими знаменами, зурнами и приближались къ дому намѣстника. Принеся ему поздравленія, они тѣмъ же порядкомъ возвращались по своимъ мѣстамъ. Когда какой нибудь торжественный день намѣстникъ праздновалъ обѣдомъ или баломъ, амкары вновь шествовали къ дому намѣстника, въ сопровожденіи зурнъ и своихъ яствъ, и разсаживались по алеямъ сада, при домѣ намѣстника, а съ наступленіемъ вечера зажигали по рядамъ, ими образуемымъ, свои свѣчи. Въ концѣ обѣда или ужина, почетнѣйшіе и старѣйшіе изъ амкарскихъ старшинъ, входили съ своими чашами, наполненными виномъ, въ залы, приближались къ намѣстнику и говорили ему привѣтствіе. Когда намѣстникъ спускался въ садъ и проходилъ по алеямъ, усаженнымъ амкарами, радостныя восклицанія сливались съ неизбѣжными звуками зурны, выражая неподдѣльный восторгъ этихъ лю-

дей. Вообще эта внѣшняя сторона тифлискихъ амкарствъ представляла много оригинальнаго, и я рѣшительно понять не могу, что̀ было бы съ тифлискими праздниками, если бы отъ нихъ отнять участіе амкаровъ, шумное, но задушевное. Къ сожалѣнію, въ закулисной сторонѣ этого учрежденія общество встрѣчало много стѣснительныхъ условій. Едва ли не самое важное заключалось въ томъ, что каждое амкарство въ своемъ дѣлѣ, т. е. въ области своего ремесла, безнаказанно водворяло самую грубую монополію и пользовалось ею безнаказанно. Такъ напр. амкарство мясниковъ установитъ на нынѣшній день или на нынѣшнюю недѣлю продавать фунтъ мяса по такой то цѣнѣ, и весь Тифлисъ долженъ покоряться этому опредѣленію, какъ бы стѣснительно оно ни было; купить мяса внѣ амкарства было невозможно, и каждый изъ членовъ амкарства, если бы хотѣлъ, никакъ не смѣлъ продать копѣйкой дешевле, противу общеустановленной цѣлымъ амкарствомъ цѣны, подъ страхомъ чуть ли не погибели со стороны своихъ собратій. Не трудно понять, сколько сочиненій было написано на эту тему и сколько варіацій на ту же тему дѣлалось словесно въ самомъ обществѣ. Все это: и сочиненія, и доклады, и варіаціи нахлынуло на князя Александра Ивановича, при самомъ вступленіи его въ должность намѣстника. Ему предстояло рѣшить: быть или не быть амкарамъ. Князь отозвался, что видитъ вопросъ только съ одной стороны, со стороны порицаній амкарству; но что для правильнаго его разрѣшенія было бы полезно изслѣдовать и другую сторону, сторону пользы, какую приноситъ или должно было приносить амкарство, ибо нельзя допустить,

чтобы оно могло учредиться только для дурныхъ цѣлей. Изслѣдованіе это поручено было одному изъ знающихъ чиновниковъ и дѣйствительно доказало, что въ амкарствѣ много хорошаго и полезнаго. Одна изъ выдающихся по этой части черта заключалась въ томъ, что амкарства составляютъ единицы, чрезъ которыя самымъ быстрымъ и самымъ отчетливымъ образомъ исполняются всѣ правительственныя распоряженія и которыя такимъ образомъ составляютъ лучшихъ полицейскихъ агентовъ. Стоитъ сегодня объявить амкарскимъ старшинамъ то или другое распоряженіе и на завтра оно уже приведено въ силу и дѣйствіе. Въ то же время амкарства весьма ревниво слѣдили за внутреннимъ благоустройствомъ, уничтожали во внутреннемъ своемъ быту всевозможные безпорядки, помогали своимъ бѣднымъ и ставили ихъ на ноги. Однимъ словомъ, оказалось много хорошаго. Ясно, что князь не рѣшился уничтожить однимъ взмахомъ пера такое старинное учрежденіе и оно, кажется, существуетъ доселѣ. Во вниманіе къ нѣкоторымъ полезнымъ чертамъ амкарствъ, князь оставилъ ихъ неприкосновенными, а нѣкоторыя неудобныя черты въ отношеніи торговли и ремеслъ предоставилъ дѣйствію времени, и развитію правильныхъ торговыхъ началъ, конкуренціи и т. д.

Точно также, какъ называли амкарства учрежденіемъ эпохи варварства, кулачные бои называютъ просто варварствомъ. Я далекъ отъ мысли защищать кулачные бои, но не могу не выразить моего убѣжденія, что названіе варварства не совсѣмъ соотвѣтствуетъ существу любимой забавы нашего народа; я не претендую изображать

хорошую сторону этой забавы, но не вижу и затрудненій разсказать то, что знаю по этой части.

Кулачные бои имѣютъ двѣ формы: «одинъ на одинъ» и «стѣна на стѣну.» Бой «одинъ на одинъ» весьма простъ. При содѣйствіи посредниковъ, сводчиковъ, знатоковъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ всегда является множество, два извѣстные, знаменитые бойца, большіе пріятели, часто пришедшіе вмѣстѣ и нисколько не думавшіе о томъ, что имъ придется драться, соглашаются сдѣлать нѣсколько схватокъ. «Ну что, Митюха, говоритъ одинъ, давай чтоль?» «Пожалуй, отвѣчаетъ Митюха, отчего не потѣшить народъ!» Соперники снимаютъ съ себя верхнее платье, дружески обнимаются, цалуются и становятся на свои мѣста, одинъ противъ другого. Знатоки и посредники обступаютъ ихъ и начинаютъ внимательно слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ каждаго, ибо дѣло это имѣетъ свою школу, свои законы, свои условія, и бойцы въ эту минуту становятся чѣмъ то въ родѣ професоровъ этого искуства. Пріемы, ими употребляемые, дѣлаются потомъ предметомъ толковъ, критики и всевозможныхъ обсужденій. Пріемы новые или оригинальные вносятся въ народную хронику и на нихъ потомъ ссылаются, при послѣдующихъ случаяхъ, подобно тому, какъ какой нибудь исключительный судебный случай заносится въ юридическую хронику и служитъ потомъ предметомъ ссылокъ и указаній. Бойцы стоятъ въ принятыхъ обычаями позахъ, нѣсколько наклоненныхъ, съ готовыми кулаками. Они впиваются въ глаза другъ другу и стараются прочитать въ нихъ намѣренія противника. Одинъ, предпринимающій сдѣлать нападеніе, старается обмануть

противника относительно того, съ какой стороны и въ какой формѣ онъ намѣренъ произвести нападеніе и, устремляя усиленное вниманіе на одинъ пунктъ, повидимому угрожаемый нападеніемъ, избираетъ другой пунктъ, на который производитъ дѣйствительное нападеніе. Другой старается отгадать истинныя намѣренія противника, чтобы съ успѣхомъ встрѣтить и отразить нападеніе. Вообще работа ума и глазъ имѣютъ ту цѣль, чтобы угадать намѣренія противника и обмануть его относительно своихъ намѣреній. Говорятъ, львы и тигры тѣмъ и страшны, что чрезвычайно быстры въ своихъ движеніяхъ. Та же быстрота служитъ главнымъ условіемъ успѣха и въ кулачныхъ единоборствахъ. Бойцы стоятъ долго въ своихъ позахъ, изрѣдка дѣлая фальшивыя угрожающія движенія, съ цѣлью сбить съ толку противника. Вообще въ этихъ поединкахъ оборонительная система предпочитается наступательной. Въ оборонительной системѣ существовалъ великолѣпнѣйшій ударъ, спеціально называемый «съ тычка.» Дѣло въ томъ, что когда противникъ съ быстротою молніи бросается на васъ, надобно, чтобы вы тоже съ быстротою молніи, вытянули ваши руки съ сжатыми кулаками и направили ихъ, какъ двѣ желѣзныя балки, въ грудь противника. Результатъ почти всегда одинъ— противникъ падаетъ, или лучше сказать опрокидывается назадъ. По этому ожиданія первой схватки бываютъ весьма продолжительны и противники, сознавая, что именно отъ этой первой схватки зависитъ успѣхъ дѣла, долго собираются начать бой. Наконецъ, когда первая схватка состоялась, бойцы, какъ говорится, разгорячились, дальнѣйшія схватки учащаются и идутъ уже безъ

большихъ промежутковъ. Дѣло скоро уясняется. Посредники и судьи рѣшаютъ, на чьей сторонѣ побѣда, и ратоборцы, накинувъ свое верхнее платье, опять идутъ вмѣстѣ, совершенно дружески, какъ ни въ чемъ ни бывало, безъ малѣйшаго признака вражды и злобы, на выпивку, уготованную и предложенную имъ судьями и посредниками.

Гдѣ же тутъ варварство? Тутъ—молодечество, сила, смѣлость, спеціальное искуство, но и совершенная незлобивость, дружескія отношенія, ни на волосъ не нарушаемыя ни передъ боемъ, ни послѣ боя; тутъ—потѣха удалая, молодецкая, истинно русская, увлекавшая нѣкогда именитыхъ русскихъ людей и любимца Екатерины II, князя Орлова, этотъ идеалъ русской силы и отваги. И въ мое время она увлекала многихъ истинно почтенныхъ гражданъ моего родного города, увлекала даже самихъ полиціймейстеровъ, пріѣзжавшихъ разгонять народъ и уничтожать молодецкій бой.

Сознаюсь, что взглядъ мой крайне одностороненъ. Я упустилъ изъ виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Дѣйствительно, если бы наши молодцы дрались на мечахъ, шпагахъ, штыкахъ, пистолетахъ, ружьяхъ, и тому подобнымъ оружіемъ, какъ продолжаютъ драться порядочные люди на поединкахъ и въ сраженіяхъ,—тогда это еще походило бы на что нибудь порядочное, а если бы на мѣстѣ оставались мертвые и полумертвые, убитые и полуубитые съ прострѣленными головами, съ засѣвшими въ мозгу пулями, тогда бой этотъ можно было бы назвать даже почтеннымъ и благороднымъ. А то драться почти цѣлый день, безъ особенного вреда и увѣчья, и

потомъ возвращаться по домамъ беззаботными, веселыми, безъ малѣйшаго признака вражды и ненависти, какъ будто и драки то вовсе не было—дѣйствительно на это способны только варвары.

Бой «стѣна на стѣну» производился слѣдующимъ образомъ. Въ день храмового праздника, подлѣ той церкви, которая носила имя этого праздника: «Введенія», «Рождества», «Преображенья» и т. д., тотчасъ послѣ ранняго обѣда, приблизительно часа въ два или три, собирались толпы мальчишекъ. Гдѣ же мальчишки не подражаютъ большимъ? Такъ точно и здѣсь, эти, едва примѣтныя на землѣ точки, уже устроивали свой кулачный бой, тузили другъ друга по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, падали, кричали, шумѣли, бѣгали, опять падали въ одиночку и кучами. Точно также одна стѣна одолѣвала другую, съ торжествомъ и побѣднымъ крикомъ обращала ее въ бѣгство и гнала до тѣхъ поръ, пока на побѣжденной сторонѣ не являлась личность покрупнѣе и посильнѣе, подкрѣпляла ее, сосредоточивала кругомъ себя разбитыхъ и бѣгущихъ и превращала ее, въ свою очередь, изъ побѣжденной въ побѣдительницу, которая съ шумомъ, крикомъ и гамомъ начинала гнать и преслѣдовать непріятельскую сторону. Это былъ очень интересный и довольно продолжительный спектакль для взрослыхъ. Они весело слѣдили за битвами маленькихъ, регулировали ихъ своимъ руководствомъ и поощряли почти постоянными восклицаніями: «ну, маленькіе, смѣлѣе!» И маленькіе приходили въ азартъ, глаза ихъ блестѣли. Между тѣмъ, хотя медленно, но постепенно и незамѣтно, а главное, безъ всякого внѣшняго давленія и вліянія, бой

выросталъ. Происходило это оттого, что когда одна сторона одолѣвала и гнала другую, въ подкрѣпленіе послѣдней входили новые бойцы. Когда подкрѣпленная сторона начинала одолѣвать и гнать противницу, тамъ тоже являлись новые ратники. Мальчики, съ которыхъ началось дѣло, давно уже отстали отъ этого круга, и образовали свой отдѣльный кругъ, гдѣ бились уже все остальное время. Главный кругъ, хотя и значительно уже выросшій, долго еще отличался своею неустойчивостію, колебался изъ стороны въ сторону и не пріобрѣталъ окончательной стойкости. Въ этотъ самый интересный періодъ боя болѣе занимательнымъ явленіемъ было то, когда одна стѣна, одолѣвъ другую, гнала ее съ шумомъ, гамомъ и крикомъ, иногда на довольно большое разстояніе; бойцы, на бѣгу, схватывались, падали другъ на друга громадными кучами; вдругъ среди побѣжденной, разбитой, разсѣянной стѣны являлся какой нибудь извѣстный боецъ. Неподвижной скалой занималъ онъ извѣстный пунктъ и одинъ принималъ на себя волны побѣдившей стороны. Волны эти или разсѣкались на двое, подобно волнамъ моря, встрѣчающимъ гранитный утесъ, или ложились къ ногамъ могучаго бойца. Между тѣмъ разсѣянные остатки разбитой стѣны групировались около него, сила сосредоточивалась и наконецъ опрокидывалась на нападающихъ.

Такой моментъ не можетъ не быть дорогъ сердцу молодецкому. Онъ полонъ поэзіи. Я не видалъ большихъ дѣйствительныхъ сраженій, но думаю, что бѣгство одной стороны и преслѣдованіе другой должны имѣть много сходства съ бѣгствами и преслѣдованіями, о которыхъ

я разсказываю. Это смѣлое мнѣніе я основываю на томъ, что когда я служилъ на Кавказѣ, истинно боевые люди говорили мнѣ, что всѣ эти «движенія въ тылъ», «взятія во флангъ» и тому подобныя хитрости суть изобрѣтенія болѣе или менѣе искуснаго составителя реляціи, а въ дѣйствительности дѣла обдѣлываются преимущественно нашими солдатиками и даже не столько при содѣйствіи пуль и штыковъ, сколько при содѣйствіи прикладовъ, т. е. просто на просто въ рукопашную. Само собою разумѣется, что въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ поэзіи мало, и такихъ поэтическихъ моментовъ, чтобы одинъ молодецъ останавливалъ цѣлую стѣну нападающихъ, вовсе нѣтъ. Я видѣлъ на нашихъ народныхъ бояхъ много такихъ моментовъ, потому что не разъ бѣгалъ съ побѣдителями и улепетывалъ съ побѣжденными. Я любилъ эти моменты, да и можно ли не любить ихъ русскому человѣку, воображеніе котораго съ малолѣтства наполняется разсказами о чудо-богатыряхъ, изъ которыхъ каждый если махнетъ рукой въ одну сторону—улица, махнетъ въ другую—переулокъ, возьметъ кого нибудь за руку—рука прочь, возьметъ за ногу—ноги нѣтъ! Можно ли не любить проявленія громадной силы, поразительной смѣлости, безпримѣрной ловкости. Смотримъ же мы, да еще деньги платимъ за смотрѣніе, когда на театрѣ или въ циркѣ какой нибудь щедушный нѣмецъ, чтобъ не умереть съ голоду, своими маленькими пальцами выдѣлываетъ жалкія штуки съ своими фальшивыми гирями и шарами. Не любить этого можетъ только какой нибудь посинѣлый отъ худобы петербуржецъ, вѣсомъ весь въ 20 фунтовъ, и единственно потому, что все здоровое, свѣ-

жее, сильное противно его жалкой, изможденной натурѣ.

Я говорю, что это переходное состояніе боя бываетъ продолжительно и главнѣйше потому, что «знаменитости» являются на мѣсто дѣйствія весьма поздно, а когда являются, то долго еще ломаются и съ высока посматриваютъ на окружающія обстоятельства. Появленіе знаменитости на мѣстѣ боя производитъ тотъ же эфектъ, какъ появленіе Патти среди итальянскихъ пѣвцовъ. Прибытіе знаменитости на арену мгновенно дѣлается извѣстнымъ повсюду. Знаменитость окружается толпою знатоковъ и любителей. Все обращается въ ожиданіе. Всѣ засматриваютъ въ глаза «знаменитости» и ждутъ, что̀ она скажетъ или что сдѣлаетъ. Нѣкоторые даже позволяютъ себѣ проговаривать: «а что батюшка Семенъ Игнатьевичъ? не пора-ли?» Но знаменитость чрезвычайно ревнива къ своей славѣ. Во первыхъ она ни за что не позволитъ себѣ вступить въ дѣло, когда еще въ немъ не участвуетъ уже нѣсколько другихъ знаменитостей; во вторыхъ она никогда не войдетъ въ дѣло, если бой не получилъ уже нѣкоторую устойчивость. Впрочемъ всѣхъ спеціальныхъ условій, сопровождающихъ это повидимому простое, но въ существѣ весьма сложное дѣло, исчислять нѣтъ надобности. Дѣло въ томъ, что когда въ составѣ обѣихъ стѣнъ появится много знаменитостей, знаменитость скажетъ: «теперь кажется пора», скинетъ верхнее платье, и приблизится къ той стѣнѣ, которая все таки оказывается почему либо слабою. Боже сохрани, чтобъ знаменитость позволила себѣ стать на сторону стѣны преобладающей. Наблюденіе за равновѣсіемъ силъ на обѣихъ сторонахъ было

такъ сильно, что еслибы пришли на мѣсто боя вмѣстѣ двѣ знаменитости, два друга, и если бы при вступленіи ихъ въ бой существовало равенство въ обѣихъ стѣнахъ, тогда одинъ другъ входилъ въ составъ одной стѣны, а другой въ составъ другой и друзья угощали себя тяжеловѣсными кулаками безъ всякого отношенія къ ихъ дружбѣ.

Когда знаменитость приближалась къ слабѣйшей стѣнѣ, она оставалась нѣкоторое время позади стѣны и ожидала минуты, когда стѣна эта, подъ напоромъ сильнѣйшей, подастся назадъ... Въ этотъ именно моментъ «знаменитость» выступала на сцену. Всѣ силы противной стѣны обрушивались на новаго бойца. Но онъ стоялъ какъ скала. Какъ искусный косецъ, онъ косилъ направо и налѣво и сбитые имъ противники ложились грудами около него. Стѣна, на сторону которой онъ сталъ, получала крѣпость и устойчивость. Бой принималъ правильное теченіе. Одна стѣна, человѣкъ въ двѣсти-триста, билась съ другою стѣною равной силы и численности. Боковыя стѣны образовывались изъ любителей и знатоковъ, въ числѣ которыхъ постоянно находились лица весьма почтенныя и почетныя. Вся эта группа или громадная куча народа, съ кругомъ въ срединѣ, сохраняла большею частію, въ слѣдствіе уравненія силъ, почти неподвижное состояніе, и бѣгства одной стѣны и преслѣдованія со стороны другой, чѣмъ начинался бой, уже не было. Стоя внѣ этой народной кучи, можно было слышать тяжелые, глухіе удары, наносимые бойцами другъ другу.

Но какъ при всевозможныхъ стараніяхъ о равенствѣ силъ въ обѣихъ стѣнахъ, полнаго и окончательнаго рав-

новѣсія все таки достигнуть было невозможно, то время отъ времени стѣны подавались то въ ту, то въ другую сторону. При этихъ колебаніяхъ знатоки и любители, стоящіе съ боку и образующіе боковыя стѣны, невольно утрачивали свое нейтральное положеніе и попадàли въ составъ той или другой стѣны, а какъ скоро они попадали туда, то вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалась всякая возможность отличать въ нихъ знатоковъ и любителей и, для противной стороны, они представлялись такими же дѣятелями, какъ и всѣ другіе, образующіе стѣну; конечно это продолжалось одно мгновеніе и знатоки, наученные предшествовавшими опытами, спѣшили или укрыться въ заднихъ рядахъ, или занять опять боковое, нейтральное положеніе, но этого мгновенія было достаточно, чтобы знатоки и любители получили по нѣскольку тяжеловѣсныхъ тумаковъ. Люди, обыкновенно, весьма почтенные, они различно относились къ этому случаю, вовсе не входившему въ ихъ расчеты. Болѣе мирный и хладнокровный изъ нихъ скажетъ только: «ахъ чортъ его возьми! Экъ влѣпилъ», потретъ мѣсто, гдѣ пришелся ударъ, и тѣмъ дѣло оканчивалось. Болѣе горячіе и не равнодушные вообще къ ходу боя, мгновенно охватывались воинственнымъ жаромъ, какъ будто только и ждали для воспламененія его нѣсколькихъ ударовъ, и съ словами: «Ахь ты шельма! Постой»! мгновенно сбрасывали съ себя верхнее платье, бросались въ общую свалку и начинали хлестаться съ кѣмъ попало.

Читатель вѣроятно давно замѣтилъ, что къ разсказамъ моимъ о кулачныхъ бояхъ примѣшивается значительная доза личной симпатіи къ этой народной забавѣ. Чтò бы

обо мнѣ ни думали, я не могу отказываться отъ этой симпатіи. Я даже нахожу, что тутъ и варварскаго мало, а можетъ быть и вовсе нѣтъ. Бои, въ томъ видѣ, какъ я зналъ и видѣлъ ихъ, въ моей родной Пензѣ, были чрезвычайно занимательны и завлекательны. Не даромъ принималъ въ нихъ участіе почти весь городъ. Не даромъ народъ отстаивалъ ихъ отъ полицейскихъ придирокъ и дѣлалъ единственную уступку, что въ тѣхъ случаяхъ, когда придирки эти становились чрезъ чуръ докучливыми, переносилъ бой на окраины города, гдѣ всякія придирки теряли послѣднее значеніе и гдѣ не народъ уже побаивался полицейскихъ, а полицейскіе народа. Стало быть было же что нибудь пріятное народу въ этой забавѣ. Тутъ было проявленіе силы, удали, смѣлости, ловкости, быстроты, сообразительности, всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя украшаютъ человѣка, безъ которыхъ онъ дѣлается мокрою курицею, которыя составляютъ залогъ и основаніе побѣдъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ. Я убѣжденъ, что каждый боецъ былъ бы превосходнымъ солдатомъ. Подобно тому, какъ въ морскую службу берутъ людей изъ прирѣчныхъ и приморскихъ мѣстъ, въ расчетѣ на ихъ привычки и опытность, можно было бы въ солдаты набирать преимущественно бойцовъ.

Наши солдаты всегда были и будутъ великолѣпными солдатами, о чемъ, въ слѣдствіе многихъ практическихъ доказательствъ, весь міръ знаетъ. Но все таки простой мужикъ нашъ, изъ котораго дѣлается солдатъ, немножко походитъ на медвѣдя, а потому и въ солдатѣ иногда остается нѣчто, напоминающее, хотя въ незначительной степени, достопочтеннаго Мишку. Попадись ему въ лапы

супостатъ, конечно живъ не выйдетъ; но по части быстроты и ловкости, которыя требуются для того, чтобы его изловить, не думаю, чтобъ онъ представлялъ что нибудь образцовое. Потомъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что солдатикъ нашъ въ массѣ, подъ руководствомъ любимаго начальника, непобѣдимъ, но тоже не думаю, чтобы въ тѣхъ случаяхъ когда надобно было дѣйствовать ему самому, отдѣльно и самостоятельно, полагаясь единственно на свою смѣтливость, ловкость, быстроту, глазомѣръ, тоже вышло что нибудь образцовое. Прежніе бои чрезвычайно развивали человѣка. У хорошаго бойца становилось, вмѣсто двухъ, какъ будто четыре глаза, четыре руки, онъ все видѣлъ впереди, съ боку, сзади, все успѣвалъ предупреждать и отражать. Ловкость развивалась въ изумительной степени и не только становилась наравнѣ съ силой, но даже превосходила ее. Ловкій человѣкъ не будетъ бояться сильнаго; сильный долженъ остерегаться ловкаго. Такъ и въ народѣ говорили: «онъ не силенъ да ловокъ, какъ чортъ! Съ нимъ ничего не подѣлаешь»! Однимъ словомъ, бои были самородною, натуральною гимнастикою для народа. Во время моего дѣтства и юношества, я не знаю ни одного случая, чтобы на бояхъ или по поводу боевъ произошло какое нибудь несчастіе, напр. изувѣчили бы человѣка, крѣпко зашибли и т. п. Когда бой оканчивался, всѣ расходились по домамъ весело, дружески, какъ и сходились. Нигдѣ ни малѣйшихъ признаковъ вражды, ссоры, какого либо мщенія, какъ будто всѣ возвращаются не послѣ битвы, а послѣ веселаго спектакля.

Припоминаю случай, который лучше объяснитъ, какъ

сочувственно, легко и незлобиво относился нашъ народъ къ этой забавѣ. Въ сороковыхъ годахъ, когда я принялъ на себя завѣдованіе дѣлами князя Барятинскаго, я долженъ былъ отправиться въ курскія его имѣнія. Это было въ февралѣ. Когда я пріѣхалъ ночью въ Серпуховъ, мнѣ объявили, что Ока вскрылась, унесла всѣ плоты и паромы и мнѣ придется обождать «съ недѣльку». Къ счастію я успѣлъ занять лучшій нумеръ въ гостинницѣ, гдѣ и прожилъ болѣе недѣльки, такъ что Серпуховъ биткомъ набился наѣзжающимъ ежедневно народомъ, размѣщавшимся кое какъ во всѣхъ пустыхъ уголкахъ, какіе оказывались въ городѣ, пока ловили унесенные Окою паромы или строили новые. Всѣ мы терпѣли скуку невообразимую. Наступила масляница и, къ моему удивленію, открылись кулачные бои, о которыхъ я и забылъ уже. Никакихъ занятій, забавъ и развлеченій у насъ не было и потому я сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ этихъ боевъ и сошелся со многими мѣстными любителями и знатоками. Я помню, что одинъ изъ нихъ сдѣлалъ мнѣ однажды слѣдующее оригинальное предложеніе: «что же вы, батюшка сами то не позабавитесь? Все бы повеселѣе было, да и народъ васъ полюбилъ.» Это предложеніе показываетъ, какъ мирно и незлобиво тогда относились къ этому дѣлу, видя въ немъ ничто иное, какъ простую забаву... Бой устраивался и располагался на одной изъ широкихъ улицъ города, ведущихъ къ Окѣ. Однажды бой, послѣ колебаній то въ ту, то въ другую сторону, остановился противъ какого то трактира. Всю сцену я какъ теперь вижу. Трактиръ располагался внизу и состоялъ изъ двухъ половинъ, соединенныхъ

обширными и открытыми сѣнями. Чрезъ сѣни эти постоянно шмыгали изъ одной половины въ другую служители, или по трактирному «половые», въ бѣлыхъ рубашкахъ. Одинъ изъ этихъ половыхъ съ тарелкой въ одной рукѣ, на которой онъ долженъ былъ поднести кому-то бифстекъ или котлету и съ салфеткой въ другой, торопливо и озабоченно перелеталъ чрезъ эти сѣни. Вдругъ, на лету, онъ случайно взглянулъ въ бокъ и увидѣлъ кулачный бой. Мгновенно онъ ставитъ тарелку, кладетъ салфетку, сбѣгаетъ чрезъ нѣсколько ступень на улицу, бѣжитъ къ мѣсту боя и бросается въ самую свалку. Нахлеставшись до сыта, онъ, весь красный и запыхавшійся, вырывается изъ боя, бѣжитъ опять въ сѣни, быстро схватываетъ тарелку и салфетку и скрывается въ глубинѣ заведенія.

Потомъ бои эти имѣли свои законы и правила, тоже отличающіеся, можно сказать, рыцарскимъ характеромъ. Такъ напримѣръ, приближаясь къ мѣсту, гдѣ происходитъ бой, вы прежде всего, видите множество шапокъ различныхъ видовъ и формъ, постоянно бросаемыхъ изъ толпы къ верху. Что это значитъ? А то, что въ постоянныхъ свалкахъ и сшибкахъ люди безпрерывно падаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ съ нихъ шапки. Отыскать и поднять шапку самому нѣтъ никакой возможности и по тѣснотѣ и по суматохѣ, которою сопровождается дѣло. По этому никто объ этомъ и не заботится, изрѣдка только поглядывая къ верху. За то, каждый, кто наткнется ногами или, при паденіи, руками на шапку, обязанъ немедленно бросить ее къ верху и она постоянно будетъ летать къ верху дотолѣ, пока самъ хозяинъ, освободившись отъ

боевыхъ заботъ, отъ тычковъ и ударовъ, которые онъ разсыпалъ и которыми его осыпали, не схватитъ самъ своей шапки. Можно подумать, что такимъ образомъ шапка можетъ пропасть и быть присвоена другимъ? Никогда ничего подобнаго не бывало и быть не можетъ. Если бы такое поползновеніе было обнаружено со стороны какого нибудь несчастнаго, самъ народъ такъ распорядится съ нимъ, что онъ и другу и недругу закажетъ увлекаться подобными поползновеніями. А вотъ другой законъ: лежачаго не бить. Никакая заповѣдь такъ строго не исполняется, какъ эта, и нарушавшій ее карался тотчасъ и самымъ немилосерднымъ образомъ. Или попробуй вложить что нибудь въ перчатку для увеличенія силы удара. Народъ немедленно присудитъ и покараетъ.

Тутъ все, чего не можетъ не любить русскій человѣкъ, боготворящій богатырей и самъ стремящійся, при удобномъ случаѣ, попасть въ число ихъ. Тутъ есть огражденіе отъ всякой фальши, всякаго подвоха, гимнастика, которою теперь занимается вся Европа. Тутъ есть уподобленіе дѣйствительнымъ сраженіямъ, которыя, отличаются несравненно большимъ варварствомъ, но къ стыду человѣчества остаются главнымъ и единственнымъ средствомъ для огражденія славы и достоинства государства. Неужели только въ томъ варварство, что наши бои производятся кулаками? Неужели было бы лучше, если бы они производились ножами, дубинами, и вообще смертоносными орудіями? Надобно замѣтить, однако, что воззрѣнія мои относятся исключительно къ боямъ моей родины и только въ той безвредной формѣ, въ какой они

тамъ происходили. Очень можетъ быть, что въ другихъ мѣстахъ дѣло происходило совершенно иначе. Когда я служилъ на Кавказѣ, я видѣлъ тамъ тифлискіе бои. Это мерзость невообразимая, не представляющая ни малѣйшаго сходства съ боями моей родины. Начать съ того, что противныя стороны, располагаясь на пригородныхъ холмахъ, вооружены палками, что предвѣщаетъ, дѣйствительно, варварскую драку, тѣмъ болѣе естественную, что одну сторону составляли татары, а другую грузины. Это былъ вовсе не рыцарскій бой въ средѣ одноплеменнаго, дружескаго населенія, чуждаго вражды и всякихъ злыхъ намѣреній. Здѣсь напротивъ: татары и грузины за долго до дѣла угощали другъ друга всевозможными угрозами, осыпали бранью, потрясая палками. Послѣ схватки это враждебное настроеніе нисколько не уменьшалось и возвращеніе домой самаго мирнаго гражданина дѣлалось не безопаснымъ, такъ какъ враждебныя толпы, возвращаясь домой по тифлискимъ улицамъ, не переставали перебрасываться каменьями и каждый изъ этихъ камней могъ угодить въ голову мирнаго гражданина. Вотъ это уже истинное варварство! И только одинъ глупецъ можетъ не желать, чтобъ эти ужасные тифлискіе бои и всѣ, имъ подобные были искоренены и уничтожены.

Рядъ пензенскихъ знаменитостей боевого дѣла былъ чрезвычайно разнообразенъ и разнороденъ. Самою знаменитою личностью былъ въ мое время Шаровъ. Это вообще былъ очень почтенный человѣкъ, всѣми уважаемый. Служилъ онъ тоже въ гражданской палатѣ и занималъ должность надсмотрщика, въ то время значи-

тельную, очень доходную и вообще почтенную. Это былъ сильный брюнетъ съ прекраснымъ, симпатичнымъ лицомъ и курчавыми волосами. Складомъ онъ походилъ на наковальню: не очень высокаго роста, но крѣпость и сила его организацiи съ разу били въ глаза. Моментъ появленiя его на бой былъ радостнымъ для всѣхъ. Всѣ знали, что дѣло получитъ самое блистательное развитiе. Всѣ окружали его съ искренними привѣтствiями. «А мы уже думали, что вы, батюшка Василiй Ивановичъ, не будете, что васъ что нибудь задержало; сами знаете, что безъ васъ и дѣло не въ дѣло».... говорили ему любители. Шаровъ только улыбался кроткою улыбкою, какъ будто дѣло шло о томъ только, чтобы составить партiю виста или поужинать вмѣстѣ, а вовсе не о томъ, чтобы дѣйствовать и разить противниковъ пудовыми кулаками. Любо было смотрѣть, какъ массы противоположной стороны неудержимымъ потокомъ кидались на него, а онъ, какъ скала, стоялъ неподвижно, и какъ эти массы, поражаемыя имъ, валились кругомъ его кучами.... Нѣтъ сомнѣнiя, что Шарова въ Пензѣ всѣ помнятъ и слѣдовательно мои слова могутъ быть повѣрены. Точно также не можетъ быть малѣйшаго сомнѣнiя и въ томъ, что туземные старички, напрягающiе всѣ силы, чтобы слѣдовать за новыми порядками, или по крайней мѣрѣ только казаться, что они тоже плетутся за ними, съ сочувствiемъ и радостiю, въ тихомолку, наединѣ, или въ задушевной компанiи вздыхаютъ о былыхъ временахъ, вспоминая, какъ знаменитый Шаровъ, подобно древнимъ богатырямъ, косилъ людей, какъ траву, и прокладывалъ между враждебными массами улицы и переулки.

Знаменитостью считался и Цинцинатовъ, управлявшій типографіею губернскаго правленія. Это былъ длиннѣйнѣйшій господинъ, съ длиннѣйшими руками, которыя и создали ему славу, кажется помимо его воли и расчетовъ. Шаровъ былъ артистъ своего дѣла. Цинцинатовъ участвовалъ въ бояхъ главнѣйше потому, что былъ почти всегда пьянъ. Длиннѣйшія его руки наносили страшнѣйшій вредъ противной сторонѣ. Дѣло въ томъ, что онъ съ размаху захватывалъ въ свои объятія не одного бойца, а цѣлую толпу и покамѣстъ она освобождалась, выпутывалась изъ этихъ объятій, другая, ослабленная часть бойцовъ той же стѣны бывала поражаема.

Знаменитостью былъ и головастый дворовый человѣкъ, который подъ командою милаго Андреева, бухгалтера казначейства, по праздничнымъ днямъ неистово кричалъ на клиросѣ Преображенской церкви, а въ боевые дни кидался на враговъ, подобно разъяренному быку, внизъ головой.

Еще славился Петрушка, а можетъ быть Гаврюшка, портной, молодой парень. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, «краше въ гробъ кладутъ». Синій, съ ввалившимися щеками, впалыми глазами, съ вдавленною грудью, онъ своею внѣшностью заставлялъ каждаго невольно остановиться на вопросѣ: какъ можетъ этотъ человѣкъ, или лучше сказать, эта слабая тѣнь человѣка не только биться съ другими, но даже просто тянуть свое жалкое существованіе? Между тѣмъ это былъ боецъ знаменитый, одинъ изъ тѣхъ бойцовъ, у которыхъ поразительная ловкость замѣняетъ, даже превосходитъ всякую силу. Припоминая эту личность, я могу заключить, что его доѣдала злѣйшая чахотка и заживо уподоб-

ляла скелету. Но въ тоже время охота его была такъ сильна, что, покашливая и похаркивая, онъ неустанно бился, а ловкость составила ему заслуженную славу и льстила его самолюбію, ибо гдѣ же нѣтъ самолюбія и въ какихъ формахъ оно не проявляется? Появленіе Петрушки на мѣсто боя всегда обѣщало любопытный и занимательный спектакль. Въ Пензѣ, въ то время былъ какой-то калашникъ, громадный и толстый, геркулесовскихъ формъ и размѣровъ. Онъ былъ тоже боецъ, но жалкій и несчастный, не смотря на громадную силу. Его то, этого громаднаго слона, и избралъ щедушный, чахоточный Петрушка своимъ соперникомъ и ихъ битвы были для другихъ любопытнымъ спектаклемъ. Дѣло обыкновенно выходило такъ, что Петрушка хлесталъ пощечинами громаднаго калашника, какъ въ былыя времена помѣщики хлестали своихъ крѣпостныхъ, и вмѣстѣ съ ударами осыпалъ его разными прибаутками, заставлявшими хохотать всѣхъ окружающихъ. Но крѣпостные, понятно, не имѣли права защиты и разумѣется должны были стоять неподвижно до тѣхъ поръ, пока барину угодно будетъ «натѣшиться». А толстый калашникъ не былъ крѣпостнымъ Петрушки и имѣя полнѣйшее право защиты, защищался, т. е. усиленно махалъ своими ручищами; только никакого толку изъ этого не выходило. Ловкость боевая въ томъ и заключалась, чтобы самому бить противника, а никакъ не давать бить себя противнику. Петрушка, какъ муха, безпрерывно налеталъ на калашника и щелкалъ его; калашникъ же, при глубочайшемъ желаніи щелкнуть Петрушку и при всевозможныхъ усиліяхъ, никакъ не могъ этого достигнуть и только ма-

халъ руками, разсѣкая ими воздухъ и не попадая въ Петрушку. Между тѣмъ, безъ преувеличенія можно сказать, что если бы одинъ изъ ударовъ калашника, ударъ хотя самый слабый и незначительный, попалъ въ Петрушку, Петрушки безъ сомнѣнія не стало бы и отъ него осталось бы нѣсколько костей—такъ несоразмѣрна была ихъ сила и такое могущественное значеніе пріобрѣтала здѣсь исключительно одна ловкость, свойство, всегда высоко цѣнимое нашимъ народомъ.

Знаменитостью наконецъ былъ и Антоновъ. И знаменитость его въ этомъ отношеніи сіяла въ глазахъ его молодыхъ учениковъ и поклонниковъ болѣе лучезарнымъ блескомъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. И это было весьма естественно. Для того, чтобы цѣнить сознательно его таланты въ наукахъ, поэзіи, дѣловитости и т. п. мы были малы, «не созрѣли», такъ сказать. Мы вѣрили имъ на-слово, въ слѣдъ общему говору и общему мнѣнію. Кромѣ того таланты этого рода не имѣли такого публичнаго проявленія, такого торжества, какъ таланты боевые, исходящіе отъ силы, смѣлости, удальства, ловкости, всѣми видимые, цѣнимые и вознаграждаемые рукоплесканіями. Наконецъ умственные таланты всякого рода не увлекали насъ по самой невозможности опредѣлить соотношеніе собственныхъ силъ къ тому или другому роду умственной возвышенной дѣятельности. Напротивъ таланты, исходящіе отъ силы и ловкости, были яснѣе, опредѣленнѣе, уловимѣе и несравненно могущественнѣе обольщали насъ, такъ что въ то время, когда мы не могли не только сочинить какого нибудь стихотворенія, а тѣмъ болѣе какой-либо капитальной дѣловой бумаги, мы были

уже не прочь вступить въ боевую схватку и показать, что въ этомъ отношеніи и мы не совсѣмъ бездарны.

Какъ бы то ни было, Антоновъ сдѣлался нашимъ идоломъ и, можно сказать безъ преувеличенія, мы боготворили его. Вліяніе его на насъ было могущественно въ поразительной степени. Мы повѣряли ему свои тайны; просили его указаній и наставленій; старались подражать ему во всемъ; мнѣнія и воззрѣнія его были для насъ святы. Антоновъ казался намъ умнѣе, честнѣе, добрѣе, сильнѣе всѣхъ. Однимъ словомъ—чудомъ совершенства. Мы постоянно вертѣлись около него и все свободное время, особенно по вечерамъ, наполняли его бѣдныя, грязноватыя комнатки. Но надо признаться, что если мы увлекались преимущественно необычайно симпатичною личностію этого человѣка, то вмѣстѣ съ тѣмъ не мало привлеченія заключалось и въ постепенномъ знакомствѣ нашемъ съ различными видами и отраслями разврата, которое мы пріобрѣтали въ этомъ исключительномъ мірѣ. Едва ли нужно говорить, что чуть не ежедневное пьянство стояло на первомъ планѣ, и именно въ этотъ періодъ послужилъ мнѣ отдѣльный маленькій флигель при нашемъ домѣ, о которомъ я говорилъ выше. Онъ укрывалъ отъ моего суроваго отца грѣхи моего дѣтства.

Чтобъ покончить съ воспоминаніями о моемъ дѣтствѣ, припомню нѣсколько друзей и товарищей, съ которыми я дѣлилъ радости и горе въ эту незабвенную пору.

На первомъ планѣ должно поставить Ваничку Курышева. Это былъ сынъ стараго пріятеля моего отца и членъ довольно обширной семьи. Онъ представлялъ необычайное соединеніе прекрасныхъ задатковъ съ поры-

вами, часто вовсе непрекрасными. Начать съ того, что онъ былъ красавецъ собой, прекрасно пѣлъ и танцовалъ. Онъ учился въ мѣстной гимназіи и отличался дарованіями. Насъ сблизила танцовальная часть. Оба мы были мастерами этого дѣла и ни одинъ балъ, ни одинъ вечеръ въ нашей средѣ не обходился безъ нашего участія. Бойкость и остроуміе его были замѣчательны, но отъ нихъ же происходили и нехорошія черты его характера. Такъ напримѣръ онъ любилъ доказывать, что Бога нѣтъ, а слѣдовательно и будущей жизни нѣтъ, однимъ словомъ разработывалъ тѣ предметы, которыми потомъ стали такъ усердно заниматься наши нигилисты. Кромѣ того, онъ умѣлъ входить въ слишкомъ интимныя отношенія съ барышнями, что при его красотѣ и ловкости было для него чрезвычайно удобно и эти отношенія заходили иногда далѣе, чѣмъ слѣдовало. Ваничку Курышева отправили въ московскій университетъ. Чрезъ нѣкоторое время и меня отправили въ Петербургъ. При проѣздѣ чрезъ Москву, я старался разыскать его и нашелъ въ весьма жалкой обстановкѣ. Изъ университета онъ уже былъ исключенъ, вслѣдствіе какой то любовной шашни въ стѣнахъ самаго заведенія, приволокнувшись, по его словамъ, за дочерью какого то смотрителя или экзекутора, а въ минуту нашего свиданія состоялъ, по его же собственнымъ словамъ, на содержаніи у богатой купчихи. О дальнѣйшей участи его я ничего не знаю. Судя по такому началу карьеры, трудно предполагать, чтобы въ дальнѣйшемъ ея развитіи могло произойти что либо блестящее.

Другимъ моимъ другомъ и пріятелемъ былъ Павелъ Вальховскій. Его можно назвать моимъ боевымъ пріяте-

лемъ. Надо замѣтить, что если большинство пензенскаго общества, люди взрослые и почтенные, съ ума сходили отъ любви къ кулачнымъ боямъ и сами принимали иногда непосредственное участіе въ этой любимой народной забавѣ, то подростки, въ родѣ насъ съ Вальховскимъ, положительно можно сказать, хлестались безпрерывно, «на всякомъ мѣстѣ владычествія его», ибо маленькіе были даже обязаны подражать большимъ. Представить себѣ, что два мальчика идутъ по одной улицѣ, одинъ на встрѣчу другому—и проходятъ мирно и благополучно, рѣшительно невозможно. Это было бы страшнымъ и непростительнымъ искаженіемъ исторіи. Напротивъ, дѣло было обыкновенно такъ. Идетъ одинъ мальчикъ на встрѣчу другому—свалка. Идутъ два мальчика на встрѣчу одному или на оборотъ—свалка. Идутъ два мальчика на встрѣчу двумъ, тремъ или четыремъ мальчикамъ—сугубая свалка! Кому же это и знать фундаментально, какъ не мнѣ, ибо я самъ, лично, былъ постоянно героемъ этихъ свалокъ. Само собою разумѣется, что эти свалки не имѣли мѣста въ такомъ только случаѣ, когда одна изъ сторонъ мгновенно сравнитъ силы, сообразитъ неминуемо печальный для себя исходъ свалки и заранѣе дастъ тягу, т. е. обратится въ постыдное бѣгство. А такое предварительное соображеніе всегда было возможно, ибо всѣ подростки знали другъ друга не только въ лицо, но и со стороны ихъ силы, ловкости и вообще боевыхъ талантовъ. И замѣчательно, что въ подобныхъ свалкахъ званіе, сословіе, положеніе, къ которому вы принадлежали, не принималось рѣшительно ни въ какое вниманіе и не имѣло никакого значенія; принималось во вниманіе

единственно то обстоятельство, кто кого сильнѣе и на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Отъ этого происходило, что хотя вы и «казначейскій сынъ» и папенька вашъ даже кресты носитъ, а какой нибудь Еремка, сынъ вѣчно пьянаго кучера, при встрѣчѣ съ вами, преблагополучно отдуетъ васъ, если вы, забывъ и о вашемъ званіи, и о крестахъ вашего почтеннаго батюшки, не найдете въ вашихъ мышцахъ, вашихъ кулакахъ достаточно силы, чтобъ дать дерзкому Еремкѣ достойный отпоръ. Въ этомъ отношеніи я могъ бы разсказать тысячи случаевъ и анекдотовъ, но удерживаюсь, торопясь кончить мое повѣствованіе. При такомъ общемъ воинственномъ настроеніи юнаго поколѣнія моей родины, естественно должны были образоваться маленькіе союзы между маленькими воителями. Я по опыту знаю, что нападать или отражать нападеніе вдвоемъ вовсе не то, что дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ одному. Одинъ и тотъ же человѣкъ, въ союзѣ съ кѣмъ нибудь, подкрѣпленный чѣмъ нибудь, дѣлается несравненно отважнѣе, сильнѣе, нежели дѣйствуя въ одиночку. Едвали не отсюда явилась наша дружба съ Вальховскимъ. Онъ между подростками былъ тоже, что Шаровъ между большими бойцами, такой же коренастый, сильный и ловкій. Вдвоемъ съ нимъ, мы никого не боялись и всегда нападали на другихъ. Разумѣется и нашъ союзъ и матерьяльная сила его были всѣмъ сверстникамъ извѣстны и желающихъ принимать наши атаки оказывалось мало. Большею частью встрѣчи оканчивались улепетываніемъ одной стороны.

Истинными мучениками на этомъ поприщѣ являлись

туземные семинаристы, обильно наводнявшіе городъ. Мучениками они являлись потому, что вѣчно находились подъ давленіемъ двойного страха, во первыхъ, что ихъ отдуютъ въ схваткѣ, а во вторыхъ, что въ дополненіе выпорютъ еще въ самой семинаріи, если какъ нибудь узнаютъ, что тотъ или другой воспитанникъ занимался такимъ богомерзкимъ дѣломъ. Смѣшно и жалко было видѣть, когда какой нибудь семинарскій верзило, несравненно превосходящій насъ ростомъ и конечно лѣтами, замѣтивъ насъ издали, начиналъ удирать во всю длину своихъ ногъ, только сверкая пятками. Мы съ Вальховскимъ очень любили другъ друга и, при каждомъ случаѣ, дарили одинъ другому перочинные ножички. Почему именно эти ножички были постояннымъ предметомъ нашихъ взаимныхъ подарковъ—не знаю; вѣроятно главною причиною былъ недостатокъ средствъ для другихъ, болѣе цѣнныхъ, подарковъ.

Въ ряду моихъ пріятелей былъ также Бурдаевъ, сынъ мѣстнаго трагика, о которомъ я говорилъ выше. Это былъ красивый молодой человѣкъ, безукоризненный блондинъ съ голубыми глазами. Какъ большею частью всѣ блондины, онъ былъ чрезвычайно кроткаго и тихаго характера, въ слѣдствіе чего мы, его товарищи, смахивавшіе нѣсколько на разбойниковъ, звали его «кислятиной». Слѣдуя принятой мною манерѣ, присвоивать каждому изъ моихъ пріятелей особое названіе, я назвалъ Бурдаева пріятелемъ театральнымъ. Дѣло въ томъ, что подобно своему отцу онъ имѣлъ довольно твердое положеніе въ мѣстномъ театрѣ, участвуя за деньги, изъ любви къ искуству, или просто по волѣ отца, въ различ-

ныхъ дивертисментахъ и исполняя тамъ казацкіе, малороссійскіе, жидовскіе и другіе танцы, а при такомъ положеніи имѣлъ полную возможность предоставлять мнѣ и другимъ товарищамъ даровыя мѣста, разумѣется не иначе, какъ въ райскихъ высотахъ. А для мальчика, да еще провинціальнаго, развѣ могло быть что нибудь выше, драгоцѣннѣе счастья попасть въ театръ?

Замѣчательнымъ моимъ пріятелемъ былъ также Николай Поповъ. Въ Пензѣ безъ Поповыхъ никакъ нельзя было обойтись, куда бы вы ни заглянули. Николай Поповъ былъ молодой человѣкъ, умный и нѣсколько суровый. Онъ вѣчно ходилъ съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица и никогда не смѣялся. Въ раннемъ возрастѣ у него была сломана лѣвая рука. Рука срослась, но приняла форму какого то полуколеса, такъ что была у него вѣчно на отлетѣ, локтемъ наружу, что придавало ему, въ связи съ его серьезною физіономіею, немного комичный и задорный видъ. Поповъ былъ тоже немножко нигилистъ. Впрочемъ тотъ, кто хотѣлъ прослыть умнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ, прежде всего принималъ нигилистическій оттѣнокъ и начиналъ отрицать то, что люди привыкли чтить и уважать. Это считалось атестатомъ на умъ и превосходство. «Ужь если Бога отрицаетъ, значитъ голова»! говорили отрицатели. Въ «Ревизорѣ» Гоголя, когда городничій упрекнулъ судью, что онъ въ Бога не вѣруетъ, тотъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости отвѣчалъ: «самъ своимъ умомъ дошелъ». Точно такъ и среди насъ, мальчишекъ, желающихъ казаться большими и умными, система отрицаній была въ большомъ ходу и Николай Поповъ былъ одинъ изъ самыхъ

ярыхъ отрицателей. Все это однако не мѣшало ему быть отличнымъ малымъ и самымъ ревностнымъ членомъ антоновскаго кружка. Когда въ этотъ кружокъ, почти всегда пьяный и всегда поющій, пробрались нѣкоторые изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, разумѣется старшихъ, Николай Поповъ, считавшій себя басомъ и замѣчательнымъ пѣвцомъ, завязалъ съ однимъ изъ дѣйствительныхъ архіерейскихъ басовъ нескончаемое соперничество по части исполненія одного басового сола. Въ то время, когда облачаютъ архіерея, пѣвчіе поютъ установленныя на этотъ случай вещи. Между ними есть дѣйствительно басовое соло: «Яко жениху возложиши вѣнецъ!» Попову почему то вообразилось, что на земномъ шарѣ нѣтъ другого человѣка и солиста, который бы могъ лучше его исполнить эту вещь; архіерейскій басъ протестовалъ и доказывалъ, что у него она выходитъ много лучше. Отъ этого происходило, что и Николай Поповъ и архіерейскій басъ, вѣчно кричали: «яко жениху возложиши вѣнецъ!» и не будучи въ состояніи сами одолѣть и переувѣрить другъ друга, обращались къ присутствующимъ съ докуками, рѣшить ихъ нескончаемый споръ.

Мое особое сближеніе съ Николаемъ Поповымъ состоялось на другомъ полѣ, на полѣ франтовства. Поповъ, несмотря на то, что далеко не имѣлъ представительнаго вида, къ тому же былъ криворукъ, былъ отчаянный франтъ и необычайный мастеръ отъискивать и открывать непризнанные таланты въ разрядѣ раззорившихся портныхъ или пьяныхъ подмастерьевъ. Какіе уму непостижимые костюмы мы соорудили себѣ при помощи и содѣйствіи этихъ талантовъ! Достаточно сказать, что въ

то время въ большой модѣ были широкіе плащи, «альмавивы», какъ ихъ тогда называли, и главная прелесть, неотразимый шикъ ихъ заключались въ томъ, что полы этихъ плащей подбивались чорнымъ бархатомъ и при извѣстномъ умѣньѣ, располагались такъ, что били всѣмъ въ глаза. Какъ же намъ съ Поповымъ не имѣть модныхъ плащей? Едва ли нужно говорить, что большая часть подобныхъ шикозныхъ затѣй разбивалась о скудный нашъ карманъ и много изобрѣтательности тратилось на то, чтобы съ ничтожными средствами достигнуть эфектныхъ результатовъ и оправдать пословицу: «богатый на деньги, а голь на выдумки». Въ дѣлѣ сооруженія плащей поступлено было такъ: сукно, котораго здѣсь шло ужасно много, куплено въ половину дешевле, а полы подбиты были не бархатомъ, а плисомъ, да еще голубымъ! Когда мы бывало шествовали въ этихъ знаменитыхъ плащахъ, насъ за двадцать верстъ было видно. Мы были счастливы и довольны. Если мы и замѣчали иногда особенно удивленные взгляды, обращенные на насъ, намъ и въ голову не могло придти какого нибудь иного толкованія и разъясненія этому удивленію, кромѣ того, что мы поражаемъ, плѣняемъ публику своими великолѣпными плащами до такой степени, что она въ изумленіи таращитъ на насъ глаза. . . .

Довольно, однако, о моихъ друзьяхъ, дѣлившихъ и украшавшихъ мои юные дни. Всѣхъ не перечислишь; всего не перескажешь . . . Въ заключеніе, бросая послѣдній взглядъ на мое золотое дѣтство, на все пространство времени, когда я жилъ и дѣйствовалъ въ родной Пензѣ, я считаю нелишнимъ привести еще двѣ, самыя уже по-

слѣднія черты: радостное посѣщеніе Пензы императоромъ Александромъ Павловичемъ и затѣмъ отвратительное посѣщеніе моей дорогой родины первой холерой.

Посѣщеніе государя послѣдовало въ 1824 году. Въ то время мнѣ было не болѣе десяти лѣтъ. Несмотря на такой ранній возрастъ, я живо помню и личность государя и всѣ частности, сюда относящіяся. Личность его вѣрно воспроизведена его портретами. Величіе соединялось въ ней съ безпримѣрною кротостію. Если безконечная доброта, озаряющая всю фигуру человѣка, даетъ основаніе назвать его ангеломъ, то покойный государь имѣлъ полное право на это названіе и правы тѣ, которые въ минуту его кончины сказали: «нашъ ангелъ въ небесахъ»! Я помню самый первый моментъ его прибытія въ Пензу. Все мое семейство было въ соборѣ и я также. Помню, какъ оказалось необходимымъ отворить какія то боковыя двери собора, которыя никогда не отворялись; отецъ мой, человѣкъ необычайно сильный, долго и безуспѣшно потрясалъ одною половинкою этихъ дверей, которая, отъ недостатка практики или другихъ причинъ, долго не поддавалась сосредоточеннымъ противу нея усиліямъ, наконецъ она отворилась, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ церковь государь. Началось священнодѣйствіе, а по окончаніи его государь вышелъ изъ собора и уѣхалъ. Въ невообразимой суматохѣ, я потерялъ свою мать и вообразилъ, что она безвозвратно погибла. Потомъ возвращаясь домой, мы любовались илюминаціей, какой никогда не видали.

Прибытіе государя имѣло цѣлію производство маневровъ громадной массѣ войскъ, сосредоточенныхъ около

Пензы. Маневры эти производились очень близко отъ города, такъ что изъ городского сада, расположеннаго на горѣ, можно было прекрасно видѣть и различать всѣ движенія войскъ. Но какъ жители стремились видѣть не маневры, а исключительно обожаемаго государя, то они и примѣняли свои дѣйствія къ этой главной цѣли и, сколько помню, весьма успѣшно достигали ее. Цѣль эта, не говоря о балахъ и праздникахъ, вызванныхъ присутствіемъ государя, о которыхъ я, разумѣется, не могъ имѣть понятія, достигалась слѣдующими двумя, самыми простыми и удобными, средствами. Во первыхъ дорога, которою слѣдовалъ государь къ мѣсту маневровъ, была одна и та же. Въ то же время, часъ отправленія государя туда, равно какъ и часъ возвращенія его, заранѣе были хорошо всѣмъ извѣстны. По этому всѣ пензенскіе граждане заблаговременно наполняли свои тарантасы, долгуши и всѣ разнообразные и оригинальные экипажи, которыми такъ богаты наши провинціи, и, забирая съ собою всѣхъ дѣтей, а также значительную часть съѣстныхъ запасовъ, двигались на дорогу, по которой долженъ ѣхать государь и занимали по ней различные пункты, какъ кому нравилось. Точно такъ и я съ своимъ семействомъ многократно располагался на этой дорогѣ. Въ минуту приближенія государя все вскакивало съ своихъ мѣстъ, обращалось въ зрѣніе и кланялось. Съ улыбкою, ему только одному свойственною, государь симпатично отвѣчалъ на эти поклоны и летѣлъ далѣе, а пензенскіе граждане, счастливые и довольные, размѣщались въ долгушахъ и тарантасахъ, и возвращались по своимъ домамъ.

Другой способъ былъ еще лучше. Маневры производились подлѣ города; мѣсто, которое занималъ обыкновенно государь съ своей необъятной свитой, находилось тотчасъ при выѣздѣ за-городъ и было чрезвычайно доступно для народа; по этому народныя толпы сливались съ свитой. Должно думать, что самъ государь, добрый и великодушный, приказалъ ослабить и умѣрить въ этомъ отношеніи усердіе полицейскихъ властей. Такимъ образомъ, если при проѣздѣ государя на маневры или обратно, надо было ловить моментъ, чтобы взглянуть на него, то здѣсь каждый могъ не только свободно видѣть, но и подробно разсматривать его сколько душѣ угодно.

Воспоминанія о государѣ приводятъ мнѣ на память нашего архіерея. Дѣло въ томъ, что архіерей въ то время въ Пензѣ былъ удивительный. Воспоминанія, оставленныя имъ въ Пензѣ своею личностью и дѣйствіями, не могутъ представлять для него ничего лестнаго. Еще задолго до пріѣзда государя, по городу постоянно ходили разсказы о разныхъ чудодѣйствахъ этого духовнаго сановника. Передавать этихъ разсказовъ въ подробности не хочу. Изъ его безчисленныхъ странностей, всѣми видимыхъ, можно было заключить, что онъ желалъ, еще при жизни, прослыть «святымъ» и какъ святой пріобрѣсти себѣ славу и уваженіе Изъ странностей, для всѣхъ видимыхъ, можно упомянуть, что во время праздниковъ, когда должна была происходить архіерейская служба, благовѣстъ къ обѣднѣ производимой въ соборѣ, отстоящемъ отъ архіерейскаго дома только на нѣсколько шаговъ, продолжался по нѣскольку ча-

совъ, а самая обѣдня тянулась часовъ до четырехъ, когда большая часть пензенскихъ обывателей не только пообѣдала уже, но и предалась сладкому послѣобѣденному сну. Во время обѣдни, онъ постоянно воевалъ съ своими помощниками, на однихъ громко кричалъ, другихъ торжественно становилъ на колѣни, говорилъ странныя и оригинальныя проповѣди и т. д.

Къ сожалѣнію онъ не могъ сдержать ни своей оригинальности, ни своего стремленія попасть въ святые, даже во время пребыванія государя въ Пензѣ. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. Въ извѣстный день государь предположилъ быть у обѣдни въ соборѣ, о чемъ разумѣется поставленъ былъ въ извѣстность и преосвященный. Когда наступилъ этотъ день, начался обычный безконечный благовѣстъ въ соборѣ. Государь помѣщался въ губернаторскомъ домѣ, почти рядомъ съ архіерейскимъ, тоже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора, такъ что этотъ странный, небывалый благовѣстъ могъ сначала его удивить, а потомъ и обезпокоить. Государь послалъ наконецъ одного изъ флигель-адъютантовъ узнать отъ архіерея: когда начнется обѣдня? Отвѣтъ архіерея сдѣлалъ его въ одно и то же время извѣстнымъ и неудобнымъ для того поста, который онъ занималъ. Я не рѣшаюсь привести этотъ отвѣтъ вполнѣ, опасаясь какихъ либо неточностей. Но въ отвѣтѣ этомъ, въ началѣ или концѣ его, была слѣдующая знаменитая фраза: «ты посолъ царя земного, а я посолъ царя небеснаго!» По этой фразѣ можно легко заключить о содержаніи всего отвѣта. Какъ ни былъ добръ и великодушенъ государь, однако тотчасъ по его отбытіи изъ Пензы, пришло при-

глашеніе этому оригинальному послу Царя небеснаго отправиться «на покой», какъ принято выражаться при удаленіи архіереевъ съ ихъ постовъ.

Посѣщеніе моей родины первой холерой послѣдовало въ 1830 году. Первой жертвой ея былъ Потатуевъ, бѣдный чиновникъ изъ подчиненныхъ моего отца, сильно испивавшій. Потатуевъ помѣщался въ какой то маленькой каморкѣ, выходившей на задній дворъ или на огородъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ въ холерѣ, всѣ власти, особенно медицинскія, пришли въ страшное волненіе. Почти вся врачебная управа сосредоточилась въ тѣсномъ жилищѣ Потатуева и оно мгновенно было оцѣплено, съ строгимъ воспрещеніемъ постороннимъ приближаться къ нему. Но мы, толпа мальчиковъ, всегда и всюду любопытныхъ и частію знакомыхъ Потатуеву, открыли чрезъ огородъ задніе ходы и потихоньку, осторожно пробирались почти къ самымъ окнамъ жилища Потатуева и заглядывали въ нихъ. Лишь только кто нибудь изъ высшихъ лицъ замѣчалъ насъ, тотчасъ выходилъ изъ комнаты, яростно кричалъ на насъ и мы, какъ спугнутая стая воробьевъ, мгновенно разлетались въ разныя стороны, для того чтобъ чрезъ нѣсколько минутъ опять потихоньку собраться и заглядывать въ окна. Потатуевъ умеръ въ тотъ же день и съ его кончиною почему то прекратились относительно его трупа всякія предостерегательныя строгости. Всѣ мы не только свободно допускались въ его жилище, но даже несли умершаго на рукахъ до кладбища. Я тоже несъ и очень усердно, ибо въ это время я былъ уже очень крупенъ, и силенъ для моихъ лѣтъ. Послѣ этой жертвы, холера начала косить

множество другихъ. Постоянное движеніе гробовъ по пензенскимъ улицамъ, въ направленіи къ кладбищу, сдѣлалось явленіемъ нормальнымъ.

Но я долженъ откровенно сказать, что этотъ бичъ Божій, на моей родинѣ не оставилъ во мнѣ никакихъ воспоминаній. Этому содѣйствовало, во первыхъ то, что все мое семейство было чрезвычайно храброе и по природѣ чуждое всякого страха. Мнѣ сдѣлалось потомъ извѣстнымъ, что мой смѣлый отецъ, при послѣдующихъ холерахъ, былъ избираемъ официальнымъ дѣятелемъ и удивлялъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ, ничѣмъ не смущаемымъ. Понятно, что въ моей семьѣ даже мало говорили о холерѣ. Говорили, что умеръ такой то, устраняя всѣ чувствительныя и трогательныя подробности и въ особенности убійственное для всѣхъ трусовъ опасеніе: «Какъ бы и мнѣ также не умереть. Сегодня живъ, а завтра на столѣ! Господи, какая страсть!» Смѣлость и трусость, помимо личныхъ нашихъ свойствъ, чрезвычайно заразительны. Старшій смотритъ спокойно и смѣло—и младшіе ни о чемъ не думаютъ. Старшій начнетъ вздыхать и охать, у младшихъ душа тотчасъ уйдетъ въ пятки. Унасъ старшій былъ молодецъ и смѣльчакъ, и мы ни о чемъ не думали. Такимъ образомъ, по отношенію собственно къ нашей семьѣ, холера имѣла самое ничтожное значеніе и именно потому, самыя воспоминанія мои объ этомъ бѣдствіи тоже ничтожны. Въ то время, когда холера собирала свою жатву, нашъ антоновскій кружокъ процвѣталъ во всей своей красѣ, во всѣмъ великолѣпіи, а такой ли это былъ кружокъ, чтобы члены его, находившіеся почти постоянно «въ подпитіи», могли

наблюдать за дѣйствіями холеры, за числомъ ея жертвъ, за трагическими подробностями, съ какими та или другая жертва вырывалась изъ семьи, оставляя ее, бѣдную и голодную, на волю всѣмъ невзгодамъ!....

Помню впрочемъ, что во все это время, т. е. во весь холерный періодъ, ужасно суетился и хлопоталъ бывшій тогда инспекторъ врачебной управы Яворскій, человѣкъ почтенный и хорошій пріятель моего отца. Былъ ли онъ замѣчателенъ своими знаніями, своимъ медицинскимъ искуствомъ и въ какой мѣрѣ успѣшно боролся съ холерой, не знаю; но онъ былъ въ высшей степени замѣчателенъ необычайно громадными размѣрами своей корпуленціи и силою своего громоваго голоса. Это, по виду, былъ просто какой то мастодонтъ допотопныхъ временъ. Когда онъ говорилъ, казалось, громъ гремитъ въ недальнемъ разстояніи. Я никогда не забуду, какъ онъ потрясалъ, можно сказать, весь городъ своими громовыми рыданіями, когда шелъ за гробомъ своей любимой жены, безвременно погибшей. Безъ содраганія не возможно было ни видѣть колосальной его фигуры, буквально подавленной страданіемъ и залитой слезами, ни слышать львиныхъ его стоновъ, вырывавшихся изъ его груди. Тутъ только впервые увидѣлъ и узналъ я, какъ страшно и сильно можетъ страдать и плакать сильный человѣкъ, когда его подавляетъ скорбь невыносимая, горе неисходное...

ГЛАВА XII.

Фон-Фриксіусъ и его семейство. — Наплывъ въ нашу Русь иностранцовъ. — Лебедева и ея семейство. — Моя вторая любовь.

Въ началѣ моего разсказа, представляя галерею портретовъ административныхъ личностей моего родного города, я пропустилъ прокурора фон-Фриксіуса. Пропускъ этотъ сдѣланъ мною преднамѣренно по исключительности моихъ отношеній къ его семейству и по отношенію этого семейства съ катастрофою, къ разсказу о которой я приближаюсь.

Пензенскій губернскій прокуроръ фон - Фриксіусъ! Въ этихъ двухъ словахъ уже много замѣчательнаго. Въ другомъ мѣстѣ, въ разсказѣ о поѣздкѣ моей въ Баку, я имѣлъ уже случай замѣтить, что русская земля имѣетъ какую-то волшебную силу притяженія для иностранцовъ и представляетъ завлекательное поле для чужеземныхъ дѣятелей. Я понимаю, что при недостаткѣ у насъ, по самой молодости нашей, вообще знаній и особенно знаній спеціальныхъ, приливъ и содѣйствіе иностранцовъ для насъ необходимы и полезны. Понимаю, что всѣ спеціалисты, въ какомъ бы родѣ ни было, начиная отъ профессора до сапожника, могутъ быть изъ иностранцовъ, что подтверждается и самой практикой. Вашъ докторъ, учитель музыки, портной и сапожникъ, булочникъ, даже

оптикъ,—все это иностранцы, или по крайней мѣрѣ люди съ иностранными фамиліями. Найти хорошаго спеціалиста изъ русскихъ—дѣло трудное. Если бы и нашелся такой, то мы сами ему не повѣримъ, а если и повѣримъ, то все таки постараемся отъ него уклониться. Кто вамъ дѣлалъ вашъ фракъ? Если бы онъ дѣйствительно сдѣланъ былъ прекрасно, все таки развѣ можно сказать: «мой фракъ шилъ Угрюмовъ или Синебрюховъ!» Развѣ это возможно! Развѣ хватитъ храбрости сознаться въ этомъ. Мы предпочтемъ дурно сдѣланное платье съ извѣстнымъ именемъ знаменитаго иностраннаго мастера, прекрасно сдѣланному платью, но съ именемъ неизвѣстнымъ, а тѣмъ болѣе русскимъ. Такъ и во всемъ; въ отношеніи дамскихъ модъ, ювелировъ, обойщиковъ, каретниковъ и т. д. Впрочемъ, въ послѣднее время и въ спеціальномъ родѣ стали показываться русскія знаменитости и становиться поперегъ дороги иностраннымъ дѣятелямъ. Они стали осязательно доказывать міру, что русскій человѣкъ можетъ быть не только хорошимъ ученикомъ, но и самостоятельнымъ дѣятелемъ, у котораго не худо и другимъ поучиться. Вообще Русь, которую доселѣ считали страшною и могучею, преимущественно вслѣдствіе ея матеріальной силы, начинаетъ по немногу выдвигать на сцену умственную силу, и дебюты ея по этой части весьма удачны.

Впрочемъ, я нисколько не въ претензіи, что спеціальности всякаго рода находятся у насъ въ рукахъ иностранцовъ. Я не буду въ претензіи, если еще сто лѣтъ платье мнѣ будетъ шить французъ, карету дѣлать нѣмецъ, а для моего развлеченія будутъ нанимать итальянцовъ, которые

обязаны пѣть, самымъ лучшимъ маннеромъ, всевозможныя оперы. Придетъ, конечно, время, что, управившись съ болѣе важными дѣлами, мы и специальности отнимемъ у иностранцовъ и заберемъ ихъ въ собственныя руки, но теперь намъ не до частностей, когда мы доселѣ еще пересматриваемъ уставы университетовъ, не перестаемъ спорить о превосходствѣ той или другой системы обученія, не можемъ справиться съ такими предметами, которые у другихъ народовъ давно обсуждены, рѣшены и окончательно установлены. А какими судьбами, какими способами пробираются иностранцы туда, гдѣ нѣтъ никакой специальности, въ міръ служебный, въ міръ административный, гдѣ на мѣстѣ всякой специальности должно стоять основательное знаніе своего отечества, его законовъ, потребностей и всѣхъ условій для его благоденствія, т. е. такое знаніе, которое для иностранца не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ легко доступно и которое между тѣмъ, каждымъ русскимъ вдыхается вмѣстѣ съ воздухомъ?...

Чего только нѣтъ въ нашемъ чиновномъ мірѣ! Не говорю уже о нѣмцахъ. Эта дружественная нація какъ-то особенно облюбовала русскую землю и, нѣтъ сомнѣнія, своими знаніями, своею опытностью принесла ей дѣйствительную пользу, особенно на первыхъ порахъ ея гражданскаго развитія. Кромѣ того, нѣмцовъ на свѣтѣ такъ много, что для насъ, русскихъ, трудно и разобрать, какой нѣмецъ свой, т. е. родившійся въ предѣлахъ нашего отечества и какой чужой, т. е. пришедшій къ намъ изъ-за границы. Потомъ вообще надо замѣтить, что сближеніе нѣмцовъ того и другого сорта съ русскими достигло по-

видимому степени родственной. При вопросѣ: какой это городъ Петербургъ: русскій или нѣмецкій? можно сильно призадуматься, если хотите дать добросовѣстный отвѣтъ. По географіямъ и другимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ онъ, конечно, принадлежитъ къ русскому царству, но въ дѣйствительности онъ какъ будто на половину заселенъ нѣмцами. Безошибочно можно сказать, что каждый нѣмецъ, задумавъ пріѣхать и даже переселиться въ Петербургъ, сохраняетъ глубочайшее убѣжденіе, что онъ переселяется въ родной нѣмецкій городъ. Онъ ожидаетъ найти здѣсь, и дѣйствительно находитъ, рѣшительно все, что потребно его нѣмецкой натурѣ и что онъ оставилъ на своей родинѣ. Все это давно извѣстно и не представляетъ ничего новаго. Говорю это для того, чтобъ привести другую черту, которая кажется весьма замѣчательною. Дѣло въ томъ, что едва ли и русскіе не начинаютъ посматривать на нѣкоторые нѣмецкіе города, съ подобной же точки зрѣнія, съ какой нѣмцы посматриваютъ на Петербургъ. Кому напр. не извѣстно, что значительная часть дрезденскаго населенія состоитъ изъ русскихъ. Дешевизна жизни составляетъ, конечно, главную причину ихъ привлеченія туда. Во время моего послѣдняго путешествія за границу, я не могъ не замѣтить, что русскій элементъ въ Дрезденѣ начинаетъ забирать силу, подобную той, какую нѣмецкій элементъ забралъ въ Петербургѣ. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ открытіе и существованіе на самой главной дрезденской улицѣ магазина, на которомъ огромными буквами написано что-то въ этомъ родѣ: «Вновь открытый магазинъ модъ, изъ Кіева, купца такого-то». Жить и торговать

повсюду можно, слѣдуя мѣстнымъ обычаямъ; но изъ самой этой надписи видно, что нашъ смѣлый русакъ не только чувствуетъ себя въ Дрезденѣ, какъ дома, но повидимому сознаетъ свое превосходство и передъ дрезденцами и передъ всѣми туземными магазинами, ибо, объявляя, что онъ прибылъ изъ Кіева, онъ несомнѣнно полагаетъ, что дѣлаетъ своимъ прибытіемъ великую честь Дрездену.

Во всякомъ случаѣ, будетъ ли идти далѣе такое сближеніе русскихъ съ нѣмцами, будутъ ли и далѣе русскіе города населятся нѣмцами, а нѣмецкіе русскими, я считаю совершенно справедливымъ изъять нѣмцовъ изъ моей рѣчи о наплывѣ иностранцовъ въ нашъ служебный міръ. Но скажите, ради Бога, кто изъ насъ не въ состояніи, въ ряду собственныхъ нашихъ пріятелей, насчитать нѣсколько экземпляровъ французовъ, грековъ, итальянцовъ, носящихъ чины генераловъ, полковниковъ, статскихъ и всякихъ другихъ совѣтниковъ и занимающихъ болѣе или менѣе видныя мѣста въ нашей государственной службѣ. Я тотчасъ насчиталъ бы множество такихъ экземпляровъ, если бы только это было прилично. Единственно для доказательства, что я не искажаю истины, приведу нѣсколько личностей, въ надеждѣ, что они не сочтутъ нужнымъ стрѣляться со мною за это. Петербургскіе дѣятели могутъ быть покойны. Я ихъ оставлю въ сторонѣ, хотя именно въ ихъ средѣ наиболѣе и обильны примѣры всякого рода, и хорошіе и дурные.

Хотите французовъ? Извольте. Когда въ 1857 году я пріѣхалъ въ Тифлисъ, ко мнѣ тотчасъ явился частный приставъ «баронъ де-Монфоръ». Баронъ де-Монфоръ и

частный приставъ! Когда въ томъ же году я отправился въ Баку, на встрѣчу моему семейству, на какой-то станціи мнѣ представился одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, тоже чистѣйшій французъ, фамилію котораго я однако забылъ. Весьма недавно, когда я былъ московскимъ почтдиректоромъ, въ числѣ моихъ сослуживцевъ, или моихъ подчиненныхъ, былъ графъ де-Шамборантъ, который и теперь процвѣтаетъ въ составѣ московскаго почтамта, въ качествѣ экспедитора иностранной экспедиціи и къ которому я сохраняю искреннюю дружбу, какъ къ человѣку достойному и вполнѣ оправдывающему старинное имя своими прекрасными качествами.

Наконецъ что же мнѣ мѣшаетъ привести здѣсь родного моего дѣда Мура. Муръ былъ чистѣйшій англичанинъ. По семейнымъ преданіямъ онъ почти не умѣлъ и говорить по русски, а между тѣмъ былъ городничимъ въ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Многіе Муры, мои двоюродные братья, и теперь благополучно существуютъ въ Пензѣ и Саратовѣ. Мнѣ могутъ возразить, что иностранцы, значительно наполняющіе ряды государственной службы, не настоящіе, чистые иностранцы, а обрусѣлые дѣти тѣхъ дѣйствительныхъ и подлинныхъ иностранцовъ, которые когда-то и почему-то попали въ Россію и признали за благо сами по возможности обрусѣть и остаться здѣсь. Все это я знаю, но спрашивается, для чего первоначальные иностранцы нашли полезнымъ обрусѣть и остаться здѣсь и почему дѣтямъ и потомкамъ ихъ въ голову не приходитъ вернуться во свояси? Дѣдъ или отецъ могъ имѣть свои взгляды, вкусы и расчеты; дѣти и внуки—свои. А для чего они остаются въ русской

землѣ? Для того, что всѣ вкусы, расчеты, виды сливаются у нихъ во едино, что земля больно хороша, богата, благосклонна. Всѣ двери открыты настежъ; входи въ любую, ступай куда хочешь. Всюду войдешь, вездѣ пройдешь. Если у тебя нѣтъ никакой спеціальности, если ты не можешь быть ни оптикомъ, ни машинистомъ, ни сапожникомъ, ступай въ государственную службу. Это тоже можно, и даже очень легко. Отъ того у насъ французъ частный приставъ, англичанинъ городничій, фон - Фриксіусъ губернскій прокуроръ.

Начать съ того, что надо учредить самую ученую коммисію, чтобы опредѣлить, къ какому языку принадлежитъ это слово и затѣмъ, къ какой именно націи принадлежалъ самъ фон-Фриксіусъ. Утверждать, что это былъ англичанинъ, французъ, нѣмецъ, итальянецъ, я не беру на себя, не будучи вовсе, ни ученымъ вообще, ни филологомъ въ особенности. Впрочемъ, имя или фамилія сами по себѣ ничего не значатъ. Подъ самымъ страннымъ и смѣшнымъ именемъ можетъ скрываться великій дѣлецъ, необычайный умница, геній даже. Можетъ быть и фон-Фриксіусъ былъ, если не геній, то дѣлецъ и умница. Вѣдь нельзя же предположить, чтобы онъ такъ, ни съ того ни сего, занялъ должность губернскаго прокурора, по существу своему, едва ли не важнѣйшую изъ всѣхъ должностей.

Что такое губернскій прокуроръ? ни болѣе, ни менѣе, какъ блюститель правосудія, охранитель точнаго и какъ говорятъ чиновники, «неукоснительнаго» исполненія законовъ. Это, какъ говорили старые чиновники, «око» правительства. Въ качествѣ этого ока, прокуроръ дол-

женъ все видѣть и «неукоснительно» слѣдить за всѣмъ. Поэтому значеніе его весьма обширно. Онъ можетъ и даже долженъ во все вмѣшиваться. Еще въ дѣтствѣ я постоянно слышалъ, что прокуроръ, то тутъ, то здѣсь протестуетъ. Напримѣръ, три совѣтника губернскаго правленія, три Поповыхъ, старыхъ, лысыхъ и сѣдыхъ, при содѣйствіи двухъ секретарей, прошедшихъ огнь, воду и мѣдныя трубы, однимъ словомъ цѣлая компанія людей знающихъ, опытныхъ, всю жизнь проведшихъ въ разсматриваніи и рѣшеніи разнородныхъ дѣлъ, составляетъ какое либо рѣшеніе по какому либо дѣлу, рѣшеніе, основанное на знаніи подходящихъ законовъ и на громадной опытности. Рѣшеніе это не можетъ имѣть ни силы, ни значенія, пока прокуроръ не одобритъ его и не поставитъ на присланномъ ему журналѣ съ изложеніемъ этого рѣшенія знаменитаго: «читалъ». Понятно, какихъ знаній, какой опытности, какой справедливости долженъ быть человѣкъ, занимающій должность прокурора для того, чтобы быть хорошимъ прокуроромъ, и вдругъ на такомъ мѣстѣ фон-Фриксіусъ! Формулярнаго его списка я не читалъ и потому не знаю, гдѣ онъ прежде служилъ, чѣмъ служилъ и, главное, какъ попалъ въ прокуроры. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ признакамъ и явленіямъ можно заключить, что онъ, не смотря на поразительную бѣдность своей физической природы, служилъ въ военной службѣ и вѣроятно былъ такимъ же храбрымъ воиномъ, какимъ былъ потомъ знаменитымъ прокуроромъ.

Занятіе имъ этого мѣста невозможно объяснить ни предварительной его подготовкой, которой повидимому вовсе не было, ни юридическими дарованіями, которыхъ

было еще менѣе. Если нужно непремѣнно объяснить этотъ непостижимый скачокъ, то я долженъ обратиться къ подобнымъ примѣрамъ и разнороднымъ наблюденіямъ, въ моей долголѣтней жизни. Въ ряду этихъ примѣровъ и наблюденій особенно замѣчательна закулисная сторона многихъ дѣлъ и преимущественно полученія мѣстъ. Мнѣ не разъ доводилось слышать своими ушами, какъ одинъ сильный человѣкъ говорилъ другому сильному человѣку: «Ахъ, послушай! Я давно хочу тебѣ сказать, да все забываю! Устрой ты мнѣ этого N. N. Мнѣ это непремѣнно нужно. Я никакъ не могу ему отказать. Сдѣлай одолженіе, устрой его какъ нибудь, да поскорѣе. Онъ каждый день ко мнѣ ходитъ»!—Да куда же я его дѣну? «Куда нибудь, все равно, только поскорѣе. Ему жить нечѣмъ. Пожалуйста! Мнѣ это очень нужно»! Мотивы, почему «это мнѣ непремѣнно нужно» бываютъ чрезвычайно разнообразны. Иногда говорится такъ: «мы съ нимъ въ одно время учились». Иногда говорится такъ: «мы служили вмѣстѣ съ нимъ въ такомъ то полку», а иногда и такъ: «жена его была гувернанткой у моей жены . . . . согласись, что я обязанъ его устроить». Другой большой баринъ соглашается и велитъ сказать искателю мѣста, чтобъ пришелъ къ нему въ пріемный день, или къ одному изъ ближайшихъ его сотрудниковъ и помощниковъ. И тому, кто проситъ за искателя, и тому, кто велитъ ему придти куда-то, самъ искатель надоѣдаетъ хуже горькой рѣдьки и оба они желаютъ одного, чтобъ избавиться отъ него, такъ или иначе, поскорѣе, и часто въ этомъ нелестномъ для искателя стремленіи заключается истинный секретъ, или источникъ его счастья.

Когда искатель отъ перваго протектора переходитъ къ другому и начинаетъ почтительно: «Его сіятельство изволили сказать мнѣ, что ваше сіятельство»...—Да, да»! перебиваетъ другой, большой баринъ, зная хорошо содержаніе предстоящей рѣчи, я попрошу васъ явиться къ г-ну N. N. Онъ переговоритъ съ вами ближайшимъ образомъ и доложитъ мнѣ, что можно для васъ сдѣлать. Я буду очень радъ» . . . . Едва ли нужно говорить, что у каждаго большого административнаго барина непремѣнно есть какой нибудь N. N., который стоитъ нетолько на второмъ планѣ, но даже вовсе въ тѣни, а между тѣмъ обо всемъ докладываетъ большому барину, т. е. всѣмъ заправляетъ именемъ его сіятельства или его высокопревосходительства.

Большія и знатныя личности вообще очень добрыя и почтенныя и всегда готовы сдѣлать всякое добро и всякую милость, но для этого необходимо, чтобы о совершеніи этого добра или о дарованіи этой милости имъ доложилъ ихъ сподручный. Безъ этого доклада трудно надѣяться на успѣхъ дѣла. Большіе господа чрезвычайно лѣнивы думать и собственнымъ умомъ доходить до разрѣшенія вопроса: сдѣлать или нѣтъ? Я знаю по опыту много прекрасныхъ людей, всегда готовыхъ на добро, если только для этого нужно величественно кивнуть головой въ знакъ согласія, или поставить на какой нибудь бумагѣ затѣйливый крючокъ, знаменующій ихъ фамилію. Но когда для этого нужно подумать, сообразить, придумать что нибудь, тогда дѣло принимаетъ другой, печальный оборотъ. Всѣ думы ихъ, какъ будто поглощены высшими сферами и все вниманіе, всѣ умственныя силы

сосредоточены въ неустанномъ наблюденіи за теченіями воздуха въ этихъ сферахъ въ ту или другую сторону. Думать о томъ что внизу подъ ними, они не любятъ, не хотятъ и какъ будто не умѣютъ. Здѣсь они въ полной зависимости отъ своихъ подручныхъ, N. N., или Б. Б. и т. д. Люди опытные, знающіе, помятые, такъ сказать, обстоятельствами, знаютъ это все отлично и всѣ свои искательства никогда не направляютъ на принципала. а именно на этихъ сподручныхъ, которые съумѣютъ такъ все приладить и обставить, что принципалу покажется, какъ будто все это онъ самъ приладилъ и обставилъ. Они хорошо знаютъ, что лезть на принципала значитъ, въ случаѣ успѣха, быть отосланнымъ къ сподручному, для того, чтобы онъ: «ближайшимъ образомъ переговорилъ и доложилъ» и неслѣдуетъ задѣвать самолюбіе этого сподручнаго тѣмъ, что вы не съ него начали ваши искательства и поклоны.

Но тутъ бездна тончайшихъ оттѣнковъ. Эти сподручные люди, непремѣнно умные и ловкіе, прекрасно знаютъ и изучаютъ сферу, въ которой вращается принципалъ, съ кѣмъ онъ хорошъ, съ кѣмъ враждебенъ, съ кѣмъ очень друженъ, съ кѣмъ такъ себѣ. Это знаніе преимущественно и служитъ для опредѣленія достоинства и значенія того или другого ходатайства. Если оно идетъ отсюда, его надо непремѣнно уважить и исполнить, а если идетъ оттуда, его можно только «имѣть въ виду», т. е. никогда не исполнить. Личность и достоинства самого искателя тутъ ровно ничего не значатъ. Личность, за которую проситъ пріятель принципала и проситъ потому, что жена искателя была гувернанткой у жены

пріятеля принципала, всегда будетъ имѣть сто шаговъ впереди личности, вооруженной различными атестатами, свидѣтельствами и самыми солидными рекомендаціями, удостовѣряющими, что это личность умнѣйшая, благороднѣйшая и достойнѣйшая, если всѣ эти атестаты и рекомендаціи исходятъ изъ областей, стоящихъ внѣ дружескаго кружка принципала.

Какъ ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что я хочу бросить тѣнъ на нашихъ административныхъ дѣятелей, главныхъ и второстепенныхъ! Я разсказываю только то, что видѣлъ и замѣтилъ въ административныхъ нашихъ сферахъ, гдѣ самъ былъ и сподручнымъ и даже нѣсколько принципаломъ, хотя не очень важнымъ и значительнымъ. Да и кто не знаетъ вопервыхъ, что большіе люди любятъ полагаться на умъ небольшихъ людей, отъ нихъ зависящихъ и во вторыхъ, что искатель съ протекціей непремѣнно опередитъ человѣка безъ протекціи. Конечно, тутъ есть что-то не совсѣмъ безукоризненное, не совсѣмъ возвышенное; но видно такъ уже устроено самое человѣчество, что иначе дѣла идти не могутъ. И мнѣ ли укорять другихъ, набрасывать тѣнь на ихъ дѣятельность, когда я самъ себя перваго признаю совершенно виновнымъ по «вышеозначеннымъ пунктамъ» и даже не требую никакого снисхожденія, полнаго, или не полнаго.

Когда я былъ маленькимъ принципаломъ, я усвоивалъ себѣ всѣ слабости другихъ принципаловъ, всѣ тѣ черты, о которыхъ какъ будто съ недоброжелательствомъ говорилъ выше, однимъ словомъ работалъ больше умомъ моихъ сподручныхъ, чѣмъ собственнымъ, а по части про-

текцій совершалъ такія прегрѣшенія, о которыхъ и вспомнить стыдно. У принципаловъ есть одинъ очаровательный пріемъ, установившійся вѣками. На бумагахъ и дѣлахъ они большею частью пишутъ коротко и ясно: «сообразить и доложить». Величаво и покойно! И желалъ бы я видѣть такого принципала, который бы не ѣздилъ на этомъ конькѣ.... «Сообразить и доложить». Можно пари держать, что если взять въ любомъ департаментѣ, въ любой канцеляріи сто бумагъ, наиболѣе серьезныхъ, на девяносто изъ нихъ непремѣнно стоитъ: сообразить и доложить. А что̀ значитъ эта краткая, но выразительная надпись? Когда я былъ, много лѣтъ, сподручнымъ, я хорошо изучилъ эту практику. Это значитъ: изучить подробно и во всѣхъ отношеніяхъ предметъ, разсмотрѣть и сообразить всѣ подходящіе сюда законы, покопавшись не только въ книгахъ свода законовъ, но иногда и въ громадныхъ книгахъ «Полнаго собранія,» справиться по всевозможнымъ описямъ и реестрамъ, не было ли прежде однородныхъ дѣлъ, а если были, то прочитать ихъ и, въ заключеніе, вопервыхъ быть готовымъ отвѣчать на всевозможные вопросы, которые его превосходительству угодно будетъ предложить, а во вторыхъ составить себѣ ясное и отчетливое понятіе о томъ, какъ наилучшимъ манеромъ разрѣшить предстоящій вопросъ. Не худо будетъ, если вы присоедините сюда талантъ яснаго и послѣдовательнаго изложенія, быстрой сообразительности и т. п, потому что̀ были случаи, которые я тоже практически знаю, когда сподручный или докладывающій, при полнѣйшемъ знаніи дѣла, не имѣлъ пріятнаго дара слова и дѣло выходило дрянь.

Понятно, какъ пріятно для принципала, послѣ прекраснаго и яснаго доклада, ему сдѣланнаго, сказать или написать: «согласенъ»! Тоже и величаво и покойно! Кто же откажетъ себѣ въ этомъ прекрасномъ способѣ дѣятельности, способѣ, устраняющемъ отъ васъ всѣ личные труды, по правдѣ сказать, въ дѣйствительности очень мало пріятные,—и оставляющемъ вамъ одно наслажденіе вашей властью и вашимъ значеніемъ. Говорю откровенно, что когда я былъ небольшимъ принципаломъ, то не отказывалъ себѣ въ этомъ миломъ способѣ и любилъ, когда другіе соображали и мнѣ подробно докладывали, а я, столь же величаво, сколько покойно, говорилъ или писалъ: «согласенъ!» Потомъ представьте себѣ какую нибудь великосвѣтскую даму, громкаго имени, обширныхъ связей, громаднаго богатства, стоящую въ самомъ верху большого свѣта, даму, передъ которой все рѣшительно лебезитъ и преклоняется, не исключая принципаловъ, несравненно болѣе значительныхъ; представьте, что эта дама, окруженная всегда многочисленной толпой, встрѣтивъ васъ гдѣ нибудь на балѣ, въ паркѣ, на скачкахъ и т. п. вдругъ атакуетъ васъ примѣрно такими словами: «Ахъ! какъ я рада васъ видѣть. Вы такой милый человѣкъ. Всѣ мы такъ васъ любимъ. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ. У меня есть дальній родственникъ, милый молодой человѣкъ. Пристройте его какъ нибудь у васъ. Вѣроятно онъ неопытенъ въ вашихъ дѣлахъ, но онъ премилый, увѣряю васъ. Не откажите! Ну, дайте слово. Я надѣюсь вполнѣ, что вы не откажете. Вы такъ любезны»! что можно на это отвѣчать? Неужели «не могу, сударыня, никакъ не могу, прошу извинить. У меня уже есть два

кандидата, дѣльцы; они будутъ полезны. А что я буду дѣлать съ вашимъ родственникомъ, который, повидимому, ничего не знаетъ. Не могу. Прошу извинить. Что онъ милый молодой человѣкъ, вѣрю—но до службы это вовсе не относится... Имѣю честь кланяться»! Развѣ можно такъ отвѣчать? Развѣ пріятно видѣть, что на другой день половина лучшаго общества, по повелѣнію этой царицы, отвернется отъ васъ, а пріятели ваши съ кислой физіономіей начнутъ упрекать васъ: «напрасно, братъ, ты не исполнилъ ея просьбы. У тебя такая пропасть чиновниковъ, что однимъ болваномъ больше или меньше рѣшительно ничего не значитъ. Вѣдь ты знаешь, какая она. Отдѣлываетъ тебя на чемъ свѣтъ стоитъ... Напрасно, право напрасно»! И я не могъ отвѣчать отказомъ. Грѣшный человѣкъ, я не чуждъ слабости желать, чтобы меня тоже считали любезнымъ человѣкомъ . . . Для меня этотъ чинъ имѣетъ не меньшую цѣну, какъ чинъ какого нибудь совѣтника, дающій смертнымъ столь лестное право величаться ваше-ствомъ. Для меня здѣсь особенно заманчива даже та разница, что чинъ превосходительства пріобрѣтается при содѣйствіи извѣстнаго пространства времени, часто людьми, не имѣющими въ дѣйствительности ничего превосходнаго, тогда какъ, если общество признаетъ кого нибудь «любезнымъ человѣкомъ», значитъ этотъ человѣкъ дѣйствительно любезенъ.

Но вернемся къ нашему искателю мѣста. Мы оставили его на переходѣ отъ принципала къ сподручному. Едва искатель началъ почтительно говорить: «Его превосходительство изволилъ милостиво . . .» какъ N N., зная отлично, откуда идетъ ходатайство и еще лучше зная,

что оставить это ходатайство безъ вниманія рѣшительно невозможно, тоже перебиваетъ искателя словами: «знаю, знаю! Его превосходительство говорилъ мнѣ и поручилъ пріискать средства къ вашему устройству, но я долженъ предупредить васъ, что въ сію минуту, къ сожалѣнію, рѣшительно нѣтъ ничего подходящаго. Вотъ недавно открылось мѣсто губернскаго прокурора, но оно кажется вовсе не соотвѣтствуетъ вашей прежней дѣятельности». Обрадованный искатель спѣшитъ ухватиться за какое нибудь мѣсто, зная по опыту, что мѣста даются вовсе не потому, соотвѣтствуютъ они или не соотвѣтствуютъ нашей предъидущей дѣятельности. Сладчайшимъ голосомъ и съ самой почтительной миной онъ говоритъ: «смѣю увѣрить, что я употреблю всѣ мои силы оправдать милостивое вниманіе и довѣріе начальства, на какое бы мѣсто меня ни удостоили назначить».—«Въ такомъ случаѣ я доложу его превосходительству. Потрудитесь пожаловать ко мнѣ черезъ недѣлю»... Конецъ угадать нетрудно. Искатель съ глубочайшимъ волненіемъ является черезъ недѣлю, ожидая жизни или смерти и, къ своему собственному удивленію, узнаетъ, что онъ назначенъ губернскимъ прокуроромъ, съ обязанностями котораго онъ знакомъ ровно настолько же, какъ и съ обязанностями китайскаго мандарина...

Само собою разумѣется, что все, что я здѣсь разсказалъ, взято изъ области фантазіи, у которой однако подкладка самая практическая, но я глубоко убѣжденъ, что назначеніе фонъ-Фриксіуса пензенскимъ губернскимъ прокуроромъ послѣдовало путемъ, ему подобнымъ; по родству съ какимъ нибудь сильнымъ человѣкомъ, родству

его жены съ такимъ же сильнымъ человѣкомъ, или съ женою сильнаго человѣка, однимъ словомъ путь боковой, основанный, исключительно на личныхъ связяхъ и отношеніяхъ, но никакъ не на свойствахъ и способностяхъ и вообще интересахъ государственной службы. Слѣдить за дѣятельностью фон-Фриксіуса въ должности пензенскаго губернскаго прокурора я лично не имѣлъ возможности, по малолѣтству своему, хотя постоянно слышалъ множество разсказовъ о многочисленныхъ и разнородныхъ странностяхъ, выдѣлываемыхъ этимъ оригинальнымъ блюстителемъ правосудія.

Личность фон-Фриксіуса была просто поразительна. Я никогда такой не видалъ, ни прежде, ни послѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что если бы можно было соорудить золотую клѣтку, посадить туда фон-Фриксіуса, сдѣлать надпись, что это бывшій пензенскій губернскій прокуроръ и возить ее теперь по россійскимъ городамъ, предпріятіе вышло бы очень выгодное.

Это былъ самый древній и, главное, самый безобразный старикъ, съ голой, какъ колѣно головой, на которой торчало съ десятокъ уцѣлѣвшихъ сѣдыхъ волосъ. Лицо его было худое, морщинистое, какое-то угловатое, и какъ будто все состояло изъ огромнаго и горбатаго носа. Росту онъ былъ чрезвычайно маленькаго. Спина, какъ вообще у стариковъ, весьма сутуловата, такъ что онъ казался какъ будто горбатымъ. По виду тотчасъ можно было заключить, что онъ такъ старъ, что рѣшительно ни къ какому самомалѣйшему труду не способенъ. Какъ ни странно это, но не смотря на то, что я постоянно болтался въ семействѣ фон-Фриксіуса, я никогда не

слыхалъ, какъ онъ говорилъ, и намъ, мелкотѣ, казалось, что онъ не могъ и не умѣлъ говорить. Конечно, это могло происходить оттого, что въ утреннее, дѣловое время мы его почти не видали, а видѣли всегда въ послѣобѣденное время, и въ это время онъ уже постоянно былъ «въ подпитіи.» Я помню очень живо, что на вечерахъ, которые устраивались въ этомъ семействѣ, онъ постоянно и немного пошатываясь, ходилъ по комнатамъ и что-то покрикивалъ. Онъ не обращался ни къ кому въ частности, вѣроятно потому, что уже никого не узнавалъ, расхаживалъ по своей квартирѣ, какъ по базарной площади и только странно и дико покрикивалъ. Въ этихъ крикахъ было что то воинственное, дававшее поводъ заключать, что онъ служилъ когда то въ военной службѣ и, будучи въ подпитіи, вспоминалъ бранныя времена и различныя воинскія команды. Всѣ, мимо кого онъ проходилъ въ этомъ воинственномъ настроеніи, почтительно сторонились съ многозначительными улыбками. Мы, молодежь, тоже сторонились и если не бѣгали за нимъ, какъ бѣгаютъ мальчишки по улицѣ за какимъ нибудь юродивымъ, то потому только, что и подпитіе его и военные крики были для насъ дѣломъ привычнымъ и какія бы странныя штуки онъ ни выдѣлывалъ, все таки онъ былъ нашъ хозяинъ и отецъ добрыхъ барышень, съ которыми мы неустанно танцовали.

Семейство фон-Фриксіуса было громадно. У него было два сына. Старшій, лѣтъ 18,—совершеннѣйшій идіотъ и, въ тоже время, безобразный въ изумительной степени. Лицо, покрытое прыщами и угрями, огромный, горбатый отцовскій носъ, отвислыя, толстыя губы, вѣчно

раскрытый ротъ, посоловѣлые мутные глаза безъ всякого смысла и выраженія и наконецъ неряшество, грязноватость тѣла и одежды, все это дѣлало эту личность значительно отвратительной. Былъ ли онъ въ какомъ нибудь заведеніи, зналъ ли даже грамотѣ, мнѣ неизвѣстно. Онъ вѣчно шлялся по улицамъ Пензы и по ея окрестностямъ, не обращая на себя никакого вниманія, и если мальчишки не бѣгали за нимъ, то тоже потому, что привыкли къ нему, а частію, вѣроятно и потому, что онъ хотя юродивый и безобразный, былъ всетаки сынъ губернскаго прокурора, мѣстнаго вельможи. . . Другой сынъ, моихъ лѣтъ, былъ тоже некрасивъ и ограниченъ, но въ такой степени, что это нисколько не мѣшало ему быть нашимъ пріятелемъ, тѣмъ болѣе, что онъ, при значительной простотѣ, былъ дѣйствительно добрый мальчикъ, готовый раздѣлять съ товарищами рѣшительно все, что они предпримутъ. По этому, если старшій братъ, идіотъ, не осмѣливался приближаться къ намъ на пистолетный выстрѣлъ, то второй братъ дѣлилъ съ нами рѣшительно все и былъ постояннымъ и неизмѣннымъ членомъ нашего кружка; въ его преимущественно семействѣ происходили всѣ наши удовольствія—танцы, пѣніе, прогулки и т. п. Не ограничиваясь этими невинными удовольствіями, молодой фон-Фриксіусъ тягался съ нами и на поприщѣ другихъ, менѣе невинныхъ удовольствій и даже, подъ вліяніемъ своей простоты, стремился иногда перещеголять другихъ. И именно это неразумное стремленіе было главною причиною той катастрофы, отъ которой я заимствовалъ заглавіе настоящаго моего произведенія.

Дочерей у фон-Фриксіуса было очень много. Старшихъ я хорошо помню разумѣется, въ особенности Анну и Елену. Это были дѣвушки не очень красивыя, но милыя и добрыя. Жены у фон-Фриксіуса, т. е. хозяйки дома, не было. Кто была она и когда онъ ея лишился—не знаю. Можно представить, какой хаосъ долженъ былъ бы водвориться въ этомъ многочисленномъ семействѣ при отсутствіи хозяйки, т. е. матери и при тѣхъ свойствахъ, которыми отличался самъ хозяинъ. Но Богъ послалъ этому семейству счастье, опору, порядокъ, благоустроенную жизнь въ лицѣ добрѣйшаго существа, г-жи Лебедевой. Лебедева была маленькая, умная, симпатичная старушка, вдова. Кто былъ ея мужъ, и какъ она попала въ семейство фон-Фриксіусъ, тоже не знаю. Но она дала этому семейству стройность и порядокъ, сдѣлала жизнь его веселою, привлекла къ нему множество достойныхъ знакомыхъ, образовала изъ него пунктъ, гдѣ всѣ любили собираться, потому что тутъ всѣмъ было весело. Сколько примѣровъ видѣлъ я, что люди, очень бѣдные дѣйствительнымъ счастьемъ, живутъ весело, а люди, осыпанные счастьемъ, живутъ печально, скучно,—все отъ умѣнья или неумѣнья жить. Сколько видѣлъ я людей бѣдныхъ, обремененныхъ нуждами всякого рода и какъ завидовалъ ихъ жизни, всегда пріятной и веселой! И на оборотъ, сколько зналъ я людей богатыхъ, надѣленныхъ дарами счастья, и съ какимъ непріятнымъ, тяжелымъ чувствомъ входилъ въ ихъ разубранныя, но скучныя и непривѣтливыя жилища. И странное дѣло! Самыя комнаты принимаютъ какъ будто свойства, которыя принадлежатъ ихъ обита-

телямъ. Обитатели веселы — и комнаты какъ то веселы. Обитатели скучны и непривѣтливы—и комнаты мрачны. Приведу одинъ примѣръ. Семейство Калашниковыхъ, о которомъ я уже говорилъ, было постоянно подъ гнетомъ недостатковъ. Этотъ гнетъ естественно подавлялъ всякія мечты о дорогихъ, роскошныхъ квартирахъ и это семейство по неволѣ должно было довольствоваться квартирами дешевыми, малоудобными, а иногда и крайне отдаленными. Случалось, что оно цѣлыя зимы проводило гдѣ нибудь въ деревянномъ домѣ на Каменноостровскомъ проспектѣ. Взглянуть на пустыя, мрачныя, сырыя комнаты—страхъ беретъ! Рѣшительно тюрьма. Но какъ только переѣхало туда семейство Калашниковыхъ—тюрьма исчезла и обратилась въ привѣтливое жилище. Всѣ знакомые съ радостью ѣхали туда, не смотря на дальнее разстояніе, зная, что тамъ всегда царствуетъ веселье, и безграничное радушіе. Никому въ голову не приходило остановиться на мысли, что квартира Калашниковыхъ далека и неудобна.

Лебедева была женщина бѣдная, что само собою подразумѣвается, въ противномъ случаѣ она не попала бы въ чужой домъ и не приняла бы на себя тяжкихъ обязанностей домоправительницы, экономки, гувернантки, только силою ея достоинствъ, прекрасными качествами ея симпатичной личности, возвысившихся на степень обязанностей матери и полнѣйшей хозяйки. Она была бѣдна матеріально, но въ тоже время владѣла завиднымъ богатствомъ въ лицѣ четырехъ сыновей и одной прелестной дочери. Всѣ они такъ были замѣчательны, что я не могу не сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Старшій сынъ ея былъ Константинъ. Во время моего дѣтства, онъ воспитывался въ университетѣ, и едва ли не каждый годъ пріѣзжалъ на родину, гдѣ, еще мальчишкой, я съ нимъ сошелся и крѣпко его полюбилъ. Это былъ милѣйшій и добрѣйшій господинъ съ тихимъ голосомъ, изящными, привлекательными манерами и чрезвычайно симпатичною наружностью. Изъ всѣхъ страстей человѣческихъ имъ исключительно владѣла одна—страсть къ женщинамъ. Онъ безпрерывно говорилъ о женщинахъ, постоянно ухаживалъ или волочился за тою или другою. На эту ногу, болѣе или менѣе, хромаютъ всѣ мущины и трудно найти между ними такого господина, который былъ бы чуждъ подобной страсти; но здѣсь рѣчь идетъ исключительно о размѣрѣ и силѣ ея. Всѣ мущины напр. пьютъ вино, но одинъ пьетъ умѣренно, кстати, во время, а другой только и дѣлаетъ, что пьетъ, или только и думаетъ о томъ, какъ бы выпить. Еще до оставленія мною родины и переселенія въ Петербургъ, Константинъ Лебедевъ былъ уже выпущенъ изъ университета и опредѣленъ учителемъ въ саратовскую гимназію. Передъ самымъ окончательнымъ отъѣздомъ моимъ въ Петербургъ, я ѣздилъ въ Саратовъ прощаться съ тамошними родными и въ особенности съ другомъ моимъ Константиномъ Лебедевымъ. Въ это время онъ занималъ уже довольно уютную и приличную казенную квартиру, въ домѣ гимназіи и вообще обставленъ былъ довольно комфортабельно. Едва ли нужно говорить, какіе незабвенные, великолѣпные, радостные дни мы провели съ нимъ передъ тѣмъ, чтобъ броситься въ неизвѣстную пучину дѣйствительной жизни на раз-

ныхъ точкахъ земного шара и на разныхъ поприщахъ. Мое поприще пройдено и для совершеннаго заключенія его остается только проѣхаться тихимъ шагомъ къ Александро-Невской Лаврѣ въ извѣстномъ экипажѣ и въ извѣстномъ положеніи . . . . Но что̀ дѣлаетъ теперь и гдѣ находится Константинъ Лебедевъ? Прочтетъ ли онъ эти строки и тоже на закатѣ дней, въ глубокую жизненную осень, вспомнитъ наши молодые, весенніе дни? Или онъ отправился уже въ ту дорогу, въ которую мы всѣ отправимся, въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ.

Другой сынъ Лебедевой былъ Леонидъ. Этотъ воспитывался въ казанскомъ университетѣ и тоже пріѣзжалъ на родину, только рѣже, чѣмъ Константинъ. Я видѣлъ конечно и Леонида нѣсколько разъ. Но онъ не оставилъ въ моихъ воспоминаніяхъ никакого опредѣленнаго образа.

Третьимъ сыномъ Лебедевой былъ Касторъ. Онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ. Какимъ то, не совсѣмъ понятнымъ образомъ, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ пріобрѣлъ уже извѣстность. Я очень хорошо помню его пріѣзды на родину, производившіе нѣкоторый шумъ не только въ его семьѣ, что очень понятно, но даже въ цѣломъ городѣ. Помню даже его широкій плащъ, «альмавиву», въ который онъ эфектно драпировался, когда показывался на гуляньяхъ и на пензенскихъ улицахъ. Касторъ Лебедевъ, еще студентомъ, уже слылъ чудомъ ума и учености. Домашніе его благоговѣли предъ нимъ. Это благоговѣніе сообщалось и другимъ. Мы, туземные мальчуганы, насквозь пропитанные тѣмъ же благоговѣніемъ, не смѣли даже приближаться къ нему и только

издали завистливо посматривали на него. Отъ этого происходило, что я, другъ и пріятель семьи Лебедевыхъ, не былъ даже знакомъ съ Касторомъ въ дни моего дѣтства. Знакомство наше состоялось, спустя десятки лѣтъ, въ Москвѣ, когда Касторъ былъ уже тамъ сенаторомъ, а я почтдиректоромъ, и состоялось въ радушныхъ комнатахъ нашего незабвеннаго князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго.

Четвертый сынъ былъ Клавдій. Нельзя не замѣтить особаго значенія и особой звучности именъ, которыя родители Лебедевыхъ роздали своимъ четыремъ сынамъ: имена Константина, Леонида можно нерѣдко встрѣтить, но имена Кастора и Клавдія я только и зналъ въ семействѣ Лебедевыхъ. Клавдій Лебедевъ былъ мой ровесникъ и закадычный другъ. Онъ еще не былъ никуда отправленъ, жилъ съ матерью и сестрою въ домѣ фон-Фриксіусовъ и кое какъ подучивался мѣстными средствами, также какъ и я. Изъ всѣхъ товарищей и друзей моей юности Клавдію едва ли не принадлежалъ первый нумеръ. Мы съ нимъ, нѣкоторое время, были рѣшительно неразлучны. Этому не могло не содѣйствовать то обстоятельство, что онъ былъ братъ прелестной дѣвушки и лично необычайно веселъ, остроуменъ, даже талантливъ. Веселость его была заразительна, ничто не могло противиться ей, когда онъ начиналъ передавать свои разсказы или выдѣлывать штуки. Онъ сопровождалъ свое чтеніе комическими гримасами, тѣлодвиженіями, разнообразными интонаціями голоса, на которыя былъ неподражаемый мастеръ. Этою талантливостью онъ потѣшалъ не только свой интимный кружокъ, но иногда

большое общество, уступая настоятельнымъ просьбамъ. Такъ, я помню, онъ чрезвычайно эфектно читалъ поэму Пушкина: «Братья разбойники» и Козлова: «Чернецъ». Приступая къ чтенію пушкинской поэмы, онъ какъ то весь преображался. Взбударажитъ волосы, глаза выворотитъ, начнетъ скрежетать зубами и какимъ то дикимъ, загробнымъ голосомъ провозгласитъ:

«Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью вкругъ огней,
Удалыхъ шайка собиралась.»

Всѣ присутствующіе какъ будто ожидали, что вотъ сейчасъ произойдетъ дѣйствительно нѣчто страшное. Или когда начиналъ читать козловскую поэму:

«За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Межъ дикихъ скалъ кипитъ, шумитъ,
У рощи, на горѣ высокой,
Обитель иноковъ стоитъ.»

Клавдій Лебедевъ показывалъ руками и тѣлодвиженіями, какъ Днѣпръ «кипитъ, шумитъ» или какая высокая гора, гдѣ стоитъ обитель иноковъ.

Что̀ бы вышло изъ этого безспорно талантливаго мальчика не извѣстно, но вопросъ этотъ такъ и долженъ былъ остаться безъ разрѣшенія, вслѣдствіе одного обстоятельства, которое можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе случилось въ дѣйствительности на глазахъ всего города. Чрезъ мою родную Пензу однажды проходили казачьи полки, башкирскіе или киргизскіе. Когда именно они проходили, куда шли, я тогда не зналъ. Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ и шли полки къ польскимъ границамъ. Намъ съ Клавдіемъ Лебедевымъ тогда было лѣтъ пятнадцать. Полковые ко-

мандиры объявили, что полки принимаютъ въ свой составъ всѣхъ желающихъ и чуть ли не всѣхъ возрастовъ, а дворянъ даже офицерами. Мы съ Клавдіемъ Лебедевымъ рѣшительно взбѣленились, какъ и многіе другіе. Изъ простого мальчика или «подростка» превратиться вдругъ въ офицера, да еще въ офицера казацкаго, какимъ мы любили наряжаться на святкахъ, немедленно получить коня и немедленно гарцовать на немъ предъ изумленными глазами родныхъ, знакомыхъ и вообще согражданъ—что̀ же болѣе обольстительнаго, болѣе волшебнаго могло представиться юному воображенію? Мы тотчасъ рѣшили: идти въ казаки, идти на войну! Мы даже поклялись твердо стоять на этомъ рѣшеніи и не уступать никакимъ мѣрамъ противодѣйствія. Да мы и не ожидали сильныхъ мѣръ. Намъ казалось, что если само правительство зоветъ насъ на защиту отечества и слѣдовательно признаетъ насъ къ тому способными, къ тому же даетъ такое званіе, котораго обыкновеннымъ путемъ нескоро дождешься, то нашимъ родителямъ остается только радоваться такому необыкновенному и исключительному случаю и поскорѣе благословлять насъ на брань съ врагомъ.

Когда мы приступили къ дѣйствіямъ, оказалось, что какъ ни основательны, какъ ни дѣльны были наши соображенія, они не были одобрены нашими родителями и не только не возбудили въ нихъ той радости, которую мы считали несомнѣнною, но повели напротивъ къ строжайшему запрещенію даже говорить объ этомъ, яко-бы вздорѣ. Мы однако не хотѣли сдаваться и употребляли въ дѣло всѣ средства, какими только могли располагать.

Главнѣйшими изъ нихъ, конечно, были усиленное пытье, слезы, примѣры другихъ и т. п. Дѣла Клавдія Лебедева пошли успѣшнѣе. Ему нетрудно было убѣдить, упросить свою кроткую, добрую мать и получить ея согласіе. Со мною было не то. Если бы мнѣ надобно было, подобно Лебедеву дѣйствовать на одну мою мать, тоже существо доброе и кроткое, то по всей вѣроятности и результатъ моихъ дѣйствій былъ бы подобенъ достигнутому имъ. Но у меня былъ отецъ, человѣкъ очень добрый и даже чувствительный, готовый поплакать при всякомъ удобномъ случаѣ, но въ то же время чрезвычайно упорный въ своихъ взглядахъ и рѣшеніяхъ. Рѣшеніе, разъ имъ высказанное, можно было смѣло вырѣзывать на металлѣ, потому что оно никогда и ни въ какомъ случаѣ уже имъ не отмѣнялось и не измѣнялось. Свойство пригодное для министровъ и высокихъ дѣятелей, но отецъ мой былъ не министромъ, а маленькимъ чиновникомъ и это, дорогое въ другомъ положеніи, свойство приносило ему, въ его положеніи, однѣ непріятности. Онъ безъ сомнѣнія недостаточно усвоилъ себѣ ту несомнѣнную и всѣми признанную истину, что для маленькихъ чиновниковъ и вообще для маленькихъ людей рѣшительно никакихъ свойствъ самостоятельности не нужно, а твердость во взглядахъ и убѣжденіяхъ просто ни къ чорту не годится, а этимъ маленькимъ людямъ безусловно необходимо единственное свойство—способность извиваться предъ большими людьми. Между тѣмъ отецъ мой не только отличался этою твердостью, но—какакая наивность, какое заблужденіе!—даже тщеславился ею. Понятно, что всѣ мои настоянія, просьбы,

соображенія, убѣжденія должны были разбиться объ его упорство. Онъ сказалъ разъ: «вздоръ» и затѣмъ не хотѣлъ уже ничего слушать. Я долженъ былъ отступить и разстаться съ золотыми мечтами, которыя возбудила во мнѣ мысль о возможности преобразиться изъ мальчишки въ христолюбиваго воина, мысль объ офицерскихъ эполетахъ, мысль о гарцованіи на конѣ, о походѣ, о войнѣ и т. д. Въ то же время, вмѣстѣ съ этою потерею, я долженъ былъ потерять лучшаго моего друга, котораго любилъ безконечно, съ которымъ былъ положительно неразлученъ, безъ котораго, казалось, жить не могъ.

Я живо помню одинъ сумрачный, не то зимній, не то осенній день, въ который я, вмѣстѣ съ другими, общими нашими друзьями, долженъ былъ проводить Клавдія Лебедева и окончательно съ нимъ проститься. На городской почтовой станціи мы забрали нѣсколько саней и, наполнивъ ихъ, всѣ вмѣстѣ ѣхали до первой загородной станціи, почти безпрерывно останавливаясь для совершенія заздравныхъ тостовъ. Полкъ ушелъ впередъ и Лебедеву предоставлено было догонять его на почтовыхъ. Когда мы прибыли на слѣдующую станцію, то вопервыхъ произвели громадный прощальный кутежъ, а во вторыхъ совершили самое прощанье съ нашимъ другомъ, причемъ, конечно, не было недостатка ни въ слезахъ, ни въ дружескихъ объятіяхъ, ни въ клятвахъ, ни въ убѣжденіяхъ, что рано или поздно, такъ или иначе, когда давленіе родительской власти исчезнетъ—всѣ мы опять соединимся. . . . Клавдій Лебедевъ полетѣлъ въ одну сторону, дѣлая намъ всевозможные прощальные знаки до тѣхъ поръ, пока совершенно не исчезъ изъ на-

шихъ глазъ. Мы, оставшіеся, отправились въ обратный путь, полные грустныхъ ощущеній, которыми надѣлила насъ разлука съ другомъ, и зависти къ его участи. Какая участь въ дѣйствительности ожидала его—я рѣшительно не знаю, ибо всѣ мы, столь крѣпко связанные въ извѣстные годы и въ извѣстной мѣстности, скоро вынуждены были жизнью не только забыть клятвы наши о стремленіи къ общему соединенію во что бы то ни стало, но даже потерять и послѣднія нити, связывавшія насъ и дававшія каждому хотя маленькую возможность знать: гдѣ другіе и что́ съ ними. Слышалъ я, впрочемъ, что Клавдій Лебедевъ потомъ въ припадкѣ ревности изрубилъ свою любовницу. . . .

Русскія пословицы и поговорки замѣчательны по вѣрности ихъ. Одна изъ нихъ говоритъ: «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ». И дѣйствительно, кому изъ насъ не случалось видѣть, и не одинъ разъ, писанныхъ красавицъ, не только не привлекающихъ наши сердца, но даже отталкивающихъ насъ. Съ другой стороны, кому не доводилось видѣть существъ, которыя не имѣли вовсе никакой красоты, а между тѣмъ привлекали и плѣняли наши сердца могущественной и непостижимой силой. Сестра Лебедевыхъ, незабвенная Евлампія Никифоровна, принадлежала ко второму разряду. Она не была красавицей въ строгомъ смыслѣ слова, но выше всѣхъ красавицъ, классическихъ и неклассическихъ. Она была умна и остроумна, но умъ и остроуміе ея были проникнуты какою то мягкостью, прелестью. Манеры ея были изящны и граціозны и, въ этомъ отношеніи, ей могли бы позавидовать всевозможныя княжны и графини, про-

шедшія по наставленіямъ и инструкціямъ всевозможныхъ англичанокъ, француженокъ и спеціалистокъ, всѣ степени и подраздѣленія этого, дѣйствительно важнаго и труднаго дѣла. Манеры человѣка стоятъ на первомъ планѣ его воспитанія. Некрасивый человѣкъ съ хорошими, изящными манерами всегда далеко опередитъ человѣка самаго красиваго, но съ дурными манерами. Обращеніе ея было плѣнительное, чарующее, всегда милое, веселое, привѣтливое. Это было истинное совершенство въ образѣ дѣвочки лѣтъ 15. Понятно, что всѣ ее обожали, всѣ ей повиновались, всѣ старались ей угождать.

Если мать руководила общимъ ходомъ дома фонъ-Фриксіусъ, то вся увеселительная часть: вечера, танцы, катанья, прогулки, домашніе театры и пр. находилась въ исключительномъ завѣдованіи прелестной дочери. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ этою частью въ ея команду поступала и вся толпа дѣвочекъ и мальчугановъ, представлявшихъ главныхъ дѣятелей въ этой области. И какъ мы любили нашу милую царицу и повелительницу. Сколько я ни наблюдалъ—всегда такія сокровища большею частью являлись въ бѣдныхъ семействахъ. Представьте старушку Лебедеву, бѣдную до той степени, что она собственно изъ за одного хлѣба должна идти въ другое странное и неустроенное семейство, и у этой бѣдной старушки четыре сына, одинъ другого лучше, даровитѣе и такая дочь! Если хотите видѣть болвановъ обоего пола—ищите ихъ въ богатыхъ семействахъ и непремѣнно найдете. Тамъ имъ и переводу нѣтъ. Если достоинство дома возстановлено и поддерживалось самою

Лебедевой, то созданіе того милаго, отраднаго центра, гдѣ было всѣмъ такъ весело, такъ пріятно, куда всѣмъ хотѣлось придти и откуда никому не хотѣлось уйти, гдѣ всегда можно было, и утромъ, и вечеромъ, и поздно и рано, найти толпу всякого народу, взрослаго и невзрослаго, мальчиковъ и дѣвочекъ, гдѣ постоянно кипѣла, не останавливаясь ни на минуту, самая полная жизнь, гдѣ одно удовольствіе слѣдовало за другимъ, гдѣ повидимому только и думали единственно объ играхъ, забавахъ и всевозможныхъ веселостяхъ—созданіе такого центра—говорю я—несомнѣнно принадлежало дочери. На танцовальныхъ вечерахъ, которые там шли нескончаемой чредой, она господствовала безраздѣльно и господство это считалось необходимымъ для успѣха вечера и для общаго удовольствія. Танцовала она прелестно. Не трудно угадать, что ее не только всѣ обожали, но многіе были влюблены въ нее по уши.

Увы! я долженъ сказать, что тоже былъ влюбленъ въ нее. Это была моя вторая любовь. Разсказывать ея тревоненія значило бы повторять испытанное мною во время первой любви. Справедливость требуетъ однако сказать, что тутъ была и существенная разница. Тамъ было больше страсти и безумія, здѣсь больше разсудка и сознанія. Объ этой второй моей любви зналъ и братъ обожаемаго мною существа, Клавдій, и мы много разъ, вмѣстѣ съ нимъ, погружались въ соображенія и разсужденія о томъ, какъ бы это устроить такъ, чтобы я могъ жениться на его сестрѣ, жениться въ 16 лѣтъ! Впрочемъ, въ то время такіе ранніе браки были дѣломъ естественнымъ и обыкновеннымъ. Но между тѣмъ, какъ мы

погружались въ эти соображенія и разсужденія, какой то злодѣй (гдѣ любовь тамъ всегда и злодѣи) исхитилъ у насъ изъ подъ носа эту прелесть прелестей. Этотъ злодѣй оказался саратовскимъ господиномъ, довольно богатымъ, по имени Горбуновымъ. Недолго думая, онъ плѣнился, тотчасъ, съ безумною храбростью присватался, женился и увезъ жену въ Саратовъ, лишивъ родную Пензу одного изъ драгоцѣннѣйшихъ ея сокровищъ. . . .

ГЛАВА XIII.

Катанье на водѣ.—Подвиги моей маленькой пушки.—Рѣки Кавказа и тамошнія катастрофы.—Половодье.—Наше потопленіе.—Гибель однихъ и спасеніе другихъ.—Заключеніе.

Если богатый и великолѣпный Петербургъ доставляетъ своимъ обитателямъ тысячи разнообразныхъ удовольствій и развлеченій, о которыхъ провинціи наши не имѣютъ и понятія, то съ другой стороны и въ провинціи происходятъ замѣчательныя явленія, о которыхъ столичные жители тоже едвали имѣютъ понятіе. Разница въ томъ, что роскошныя удовольствія Петербурга созидаются соединеніемъ громадныхъ матеріальныхъ средствъ съ искуствомъ во всѣхъ родахъ, доведеннымъ до высшей степени. Удовольствія провинціи не требуютъ

ни того, ни другого, они созидаются почти исключительно самою природою самымъ дешевымъ образомъ и даже почти всегда безденежно. Къ числу удовольствій этого рода безспорно принадлежитъ «половодье».

Это въ тѣсномъ смыслѣ, ничто иное, какъ весеннее вскрытіе мѣстной рѣки. Нева, одна изъ многоводныхъ рѣкъ, тоже ежегодно вскрывается и закрывается, однако ничего особеннаго тутъ не происходитъ, и эта обычная операція никакого общественнаго удовольствія или развлеченія не представляетъ. Проведя болѣе сорока лѣтъ въ Петербургѣ, я никогда не могъ помириться съ тѣмъ скучнымъ спокойствіемъ, съ которымъ красавица Нева закрываетъ и вскрываетъ свои богатыя воды. Самою отличительною чертою вскрытія Невы должно считать громадные пари, которыя любители держатъ относительно времени этого вскрытія. Самое же вскрытіе не представляетъ рѣшительно ничего примѣчательнаго. Въ первое время моего переселенія въ Петербургъ, я считалъ непремѣннымъ долгомъ, въ силу провинціальныхъ привычекъ, передъ наступленіемъ времени вскрытія Невы, бѣгать, употребляя на то все свободное время, сколько его у меня было, по берегамъ Невы и ждать нетерпѣливо и тревожно момента, «когда начнетъ рѣку ломать». Но никакихъ достойныхъ ожиданія зрѣлищъ я не видѣлъ. Ледяной покровъ Невы трескается, части его, начавъ свое медленное, едва замѣтное движеніе, приходятъ въ столкновеніе между собою и затѣмъ весьма скоро льдины уйдутъ куда то, столкновеніе ихъ быстро прекратится, потомъ снова откроется зеркало невскихъ водъ, какъ будто бы оно и закрылось только вчера. Такъ все это совершается мирно,

тихо, спокойно и потому въ высшей степени безъинтересно. Близкое море принимаетъ въ себя миротворно все: и расколотую на миллiоны кусковъ ледяную оболочку Невы и обильныя ея воды и этимъ устраняетъ и борьбу льдинъ между собою, и возвышенiе воды въ Невѣ, въ слѣдствiе различныхъ препятствiй къ свободному теченiю, а тѣмъ болѣе выступленiе ея изъ береговъ и разлитiе по окрестностямъ, однимъ словомъ всѣ тѣ событiя, происшествiя, иногда катастрофы, которыми большею частью сопровождается вскрытiе рѣкъ въ провинцiи. Самымъ лучшимъ моментомъ въ исторiи вскрытiя Невы должно считать торжественный переѣздъ коменданта отъ крѣпости къ Зимнему дворцу и затѣмъ мгновенное появленiе на водахъ Невы безчисленныхъ яликовъ, маленькихъ пароходовъ съ ихъ шумомъ и свистомъ, неумолкающимъ даже по ночамъ, что̀, живя на Гагаринской набережной, можно чувствовать самымъ практическимъ образомъ. Тѣмъ дѣло и кончается, если не считать ожиданiя, а затѣмъ наступленiя скучной процедуры прохожденiя ладожскаго льда, въ связи съ усиленiемъ всевозможныхъ простудныхъ болѣзней.

Въ провинцiи, покрайней мѣрѣ въ моей родной Пензѣ, было не такъ. Я уже говорилъ о тѣхъ радостяхъ и наслажденiяхъ, которыя доставляетъ туземнымъ жителямъ близость ихъ къ природѣ и наблюденiе ихъ за всѣми перемѣнами, въ ней происходящими. Я говорилъ также, какой сильный предметъ оживленныхъ толковъ, вниманiя и наблюденiя составляло наступленiе весенняго времени, таянiе снѣговъ, вздутiе рѣкъ, размѣръ предстоящаго разлитiя воды и т. д. Одни ожидали этого разлитiя,

какъ событія, веселаго и радостнаго, окончательно возстановляющаго дорогой и пріятный всѣмъ лѣтній сезонъ; другіе, особенно приреѣчные жители, ожидали его съ тревогой и опасеніями и вооружались противъ него, какъ противъ непріятеля, стараясь предъугадать и размѣръ водъ и размѣръ той передряги, которую онъ долженъ былъ неизбѣжно натворить. Рѣка продолжала наполняться, вздуваться, синѣть, наконецъ ломала свои ледяные оковы, выступала изъ береговъ, затопляла все, близълежащее и разливалась на все видимое пространство .Въ то же время тоже дѣлали, т. е. также выступали изъ своихъ маленькихъ береговъ, всѣ маленькія рѣчонки и ручейки и также затопляли близълежащее пространство. Все это въ совокупности образовывало какъ бы безграничное море и представляло обывателямъ рѣдкое и прекрасное зрѣлище. Со всѣхъ точекъ города, стоящаго на горѣ, видимо было все пространство, лежащее за рѣкой и вся эта даль покрыта была сплошь водой. Въ этой дали, на различныхъ точкахъ, видимы были затопленныя жилища, лѣса, выступавшіе изъ воды, лодки и т. п.

Съ момента вскрытія главной рѣки берега ея, или вѣрнѣе сказать нагорный ея берегъ дѣлался мѣстомъ самаго многолюднаго и оживленнаго гулянья горожанъ. Всѣ стремились туда смотрѣть на быстрыя волны, которыя только въ этотъ періодъ и катила рѣка, обсыхая на лѣто самымъ постыднымъ образомъ,—смотрѣть на льдины, несущіяся по этимъ волнамъ и называвшіяся почему то, «икрами», смотрѣть на зарѣчное пространство, сплошь, на безконечную даль залитое водою.

Одною изъ точекъ привлеченія обывателей на берегъ

рѣки было желаніе видѣть катающихся по ней. Ихъ было всегда много и они раздѣлялись рѣзко на разряды, сообразно размѣру средствъ каждаго. Большинство спѣшило насладиться катаньемъ въ простыхъ лодкахъ, не обращая вниманія на форму или изящество, сопровождающія это рѣдкое для нихъ наслажденіе. Никакихъ устройствъ по этой части, подобныхъ петербургскимъ, тамъ не было, что весьма понятно, ибо Петербургъ постоянно живетъ на водѣ, а Пенза видѣла обиліе воды только именно въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль и то обиліе, мало соотвѣтствующее установленію какихъ либо правильныхъ рейсовъ. За всѣмъ тѣмъ, однако, у нѣкоторыхъ, конечно болѣе богатыхъ и болѣе стремящихся щегольнуть, созидались и сохранялись на этотъ случай свои собственныя средства и, при наступленіи половодья, выдвигались на всеобщее одобреніе. Были катанья большими обществами на своихъ судахъ, съ своими гребцами, съ музыкой, пушечной пальбой и вообще съ роскошной обстановкой.

Пушечная пальба напоминаетъ мнѣ одинъ комическій случай, бывшій во время моего дѣтства именно въ области катанья по водѣ. Едва ли нужно говорить, что какъ только открывалась возможность этого катанья, я становился тотчасъ самымъ усерднымъ участникомъ и дѣятелемъ по этой части. Мальчикъ, принадлежащій къ небогатому семейству, весьма естественно, я не могъ совершать эти затѣи на свои средства, ибо никакихъ средствъ у меня не было, а какъ говорится, примазывался къ другимъ. Здѣсь, по всей вѣроятности, въ этомъ примазываніи имѣла существенное значеніе моя пушка.

Дѣло въ томъ, что въ одну изъ поѣздокъ нашихъ въ Саратовъ, тамошніе родные подарили мнѣ мѣдную пушку. Пушка была маленькая, но настоящая и, при всякомъ опытѣ, громыхала самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Во время половодья, во время періода катанья по водѣ, моей пушкѣ была работа почти ежедневная. Какъ только являлась гдѣ нибудь затѣя совершить прогулку по водѣ, тотчасъ являлись ко мнѣ депутаты съ просьбою отпустить на этотъ случай мою пушку и принять самому участіе въ этомъ катаньѣ, пожаловавъ въ извѣстный часъ, въ извѣстное время, въ извѣстный пунктъ, но непремѣнно съ пушкой. Случай, который я хочу разсказать, былъ слѣдующій: Однажды я съ товарищами досталъ гдѣ-то лодку и мы съ торжествомъ и весьма довольные разъѣзжали по рѣкѣ и постоянно, на виду у всѣхъ, оглашали берега выстрѣлами изъ моей пушки. Дѣло шло отлично и моя пушка прославилась самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Когда начало темнѣть, мы закончили наше плаваніе, вышли на берегъ и взяли, разумѣется, съ собою пушку. Увлекаемые ли собственнымъ тщеславіемъ или побуждаемые просьбами и настояніями публики, мы вознамѣрились, ради вящей нашей славы, сдѣлать нѣсколько болѣе звучныхъ выстрѣловъ съ берега. Установили пушку, вложили въ нее болѣе полновѣсный зарядъ, насыпали на затравку пороху и посредствомъ самодѣльнаго фитиля старались сдѣлать ожидаемый многими выстрѣлъ. Но отсырѣли ли наши огнестрѣльные запасы, или замокла самая затравка пушки, только выстрѣла, къ величайшему конфузу нашему, не было и на лицахъ окружающихъ

насъ стали показываться насмѣшливыя улыбки, что, конечно для насъ было всего пагубнѣе. Какія мѣры, создаваемыя нашею изобрѣтательностью, мы ни употребляли, какимъ совѣтамъ изъ числа тѣхъ, которые во всѣхъ подобныхъ случаяхъ такъ охотно и обильно подаются публикою, мы ни слѣдовали—ничто не помогало и моя пушка, всегда готовая нашумѣть, на этотъ разъ сохраняла упорнѣйшее молчаніе, покрывавшее насъ нѣкоторымъ позоромъ. Но въ тотъ моментъ, когда мы рѣшились прекратить уже всѣ дальнѣйшія старанія и распоряженія, убѣжденные окончательно въ совершенной безуспѣшности ихъ, на берегу появляется длинный и долгорукій Цинцинатовъ, о которомъ я говорилъ выше и разумѣется, какъ всегда, въ извѣстномъ настроеніи. . . . Замѣтивъ нашу группу и суету, въ ней происходящую, онъ, покачиваясь, приближается къ намъ и вопрошаетъ грозно и, въ тоже время, шутливо: «что вы тутъ, чертенята, дѣлаете?» Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ каждый новый свѣжій человѣкъ кажется всегда способнымъ устранить всѣ затрудненія, преодолѣть всѣ препятствія и направить дѣло на истинный путь. Того же мы ожидали и отъ громаднаго Цинцинатова и на вопросъ его старались, перебивая другъ друга, объяснить ему сущность нашихъ затрудненій. Сущность эта, разумѣется, состояла въ томъ, что пушка не стрѣляетъ, а не стрѣляетъ потому, что порохъ, насыпанный въ затравку, не воспламеняется. Цинцинатовъ, на котораго тотчасъ обратилось общее вниманіе и отъ котораго ожидались дальнѣйшія распоряженія, не могъ, конечно, не восчувствовать своего призванія отличиться этими распоряже-

ніями и удовлетворить ими общимъ ожиданіямъ. Сначала онъ сталъ внимательно и серьезно, на сколько это было доступно въ его настроеніи, осматривать пушку со всѣхъ сторонъ и изслѣдовать ближайшимъ образомъ причины, по которымъ она не исполняетъ своей обязанности, потомъ потребовалъ одинъ изъ нашихъ самодѣльныхъ фитилей и старался попасть имъ въ затравку пушки, что, конечно, при его настроеніи, ему было еще менѣе доступно. Отъ этого происходило, что чѣмъ болѣе онъ старался сохранять серьезное и даже какое то начальническое выраженіе, сдѣлавшись такъ сказать центромъ общаго вниманія и ожиданія, тѣмъ болѣе неудачныя его старанія попасть фитилемъ въ затравку и воспламенить насыпанный туда порохъ, въ соединеніи съ неизбѣжными покачиваніями его въ ту или другую сторону, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, и еще болѣе неизбѣжными и не совсѣмъ удобными для печати восклицаніями, которыми коренной русакъ сопровождаетъ всякую неудачу въ своей работѣ, усиливали насмѣшливыя улыбки на лицахъ окружающихъ. Неизлишне замѣтить, что когда мы сами старались произвести выстрѣлъ, при содѣйствіи нашихъ фитилей и видѣли полнѣйшую въ томъ безуспѣшность, намъ и въ голову не приходила возможность обойтись здѣсь безъ фитилей и воспламенить затравку какимъ либо другимъ образомъ, но мы хорошо знали, что въ моментъ выстрѣла ближайшее сосѣдство съ затравкой не можетъ обѣщать ничего пріятнаго. Цинцинатовъ, повидимому, подъ давленіемъ неудачи своихъ дѣйствій, довольно позорной для него уже потому, что онъ не былъ мальчикомъ, какъ мы, а трехсаженнымъ господиномъ,

извѣстнымъ бойцомъ и вообще человѣкомъ не только смѣлымъ, даже отчаяннымъ въ отношеніи всевозможныхъ опасностей, а также и подъ давленіемъ насмѣшливыхъ улыбокъ, возбуждаемыхъ въ публикѣ его покачиваніями, лишавшими его возможности попасть фитилемъ въ затравку, рѣшился пренебречь всѣми предостерегательными мѣрами, всѣми опасностями и во что бы то ни стало достичь главной цѣли, т. е. произвести выстрѣлъ. Пушка стояла на землѣ. Цинцинатовъ, вынувъ изъ одного фитиля кусокъ зажженнаго трута, растянулся тоже по землѣ возлѣ пушки, положилъ руками зажженный трутъ въ затравку и, припавъ къ ней лицомъ, сталъ раздувать трутъ губами. Операція была не продолжительна. Раздался чрезвычайно звучный выстрѣлъ, и, въ то же время, Цинцинатовъ опрокинулся навзничъ. Когда онъ поднялся на ноги, все лицо его было страшно окровавлено и съ него текли ручьи крови. Долго потомъ Цинцинатовъ ходилъ съ совершенно чернымъ лицомъ и, при встрѣчѣ съ нами, постоянно говорилъ: «Это вы, чертенята, такъ меня украсили».

Половодье обыкновенно въ началѣ постоянно усиливалось, возвышалось, а потомъ постепенно начинало сбывать и уменьшаться. Мѣста, въ обычное лѣтнее время сухія и совершенно безопасныя, во время половодья дѣлались глубокими пропастями. Зарѣчная сторона на это время чрезвычайно оживлялась. Сношенія ея съ нагорной стороной, за неимѣніемъ никакихъ другихъ сообщеній, дѣлались исключительно посредствомъ лодокъ, которыя вѣроятно существовали въ домѣ каждаго изъ зарѣчныхъ обитателей и постоянное шмыганье этихъ лодокъ по рѣ-

кѣ, столь обычное въ многоводномъ Петербургѣ, было пріятнымъ и рѣдкимъ зрѣлищемъ для жителей Пензы, необычайно скудной водами. Сбытіе весеннихъ водъ, исчезновеніе или уничтоженіе половодья происходило постепенно и кажется довольно медленно. Только къ Троицѣ прибылая вода уходила, половодье окончательно исчезало и затѣмъ все приходило въ нормальное положеніе, далеко не блестящее по водной части. Тамъ, гдѣ были пропасти, можно было перебѣгать безъ всякой опасности замочить подошвы; на мѣсто моря, заливавшаго всѣ окрестности города, являлись огороды, пашни, поля безъ малѣйшей примѣси воды; самая рѣка Пенза, не бывшая въ состояніи удержать нахлынувшихъ въ нее водъ въ своихъ высокихъ берегахъ и обильно разливавшая ихъ по окрестностямъ, по прежнему укладывалась на самомъ днѣ своего ложа, во многихъ мѣстахъ совершенно пересыхала и въ своемъ смиреніи не препятствовала успѣшнымъ и совершенно благополучнымъ переходамъ черезъ нее ни курамъ, ни собакамъ.

Какъ повышеніе половодья, такъ потомъ и постепенное спаденіе его постоянно было видимо почти со всѣхъ точекъ города, стоящаго на горѣ, и размѣры, въ которыхъ происходило то и другое, были предметомъ постоянныхъ толковъ и соображеній пензенскихъ жителей. Я не помню впрочемъ, чтобы половодье, во всякомъ случаѣ событіе чрезвычайно серьезное и исключительное, потоплявшее цѣлую, зарѣчную часть города, сопровождалось когда нибудь бѣдствіями и несчастіями. Половодье приходило и уходило, какъ вещь самая простая и обыкновенная для туземныхъ жителей. Зарѣчные обыватели, до кото-

*

рыхъ преимущественно относилось это дѣло, въ слѣдствіе постояннаго опыта, хорошо примѣнились ко всѣмъ видоизмѣненіямъ и частностямъ его и умѣли ладить съ нимъ мирно и дружно. Или самыя воды моей мирной родины были исполнены тоже мирнаго характера. Не то, что на Кавказѣ, напр. Тамъ есть двѣ прелестныя рѣки: Кура и Терекъ, съ которыми я имѣлъ возможность довольно близко познакомиться. Это Богъ знаетъ что такое, даже совсѣмъ не рѣки, тѣ спокойныя, тихія рѣки, которыя прорѣзываютъ зеркальными линіями обширныя пространства русской земли и мирно текутъ въ своихъ ложахъ, какъ будто съ тою исключительною цѣлію, чтобъ веселить взоръ человѣка, и освѣжать его бренное тѣло, если онъ вздумаетъ окунуться въ синія волны ихъ, да развѣ еще со стороны экономическихъ интересовъ, пронести отъ одного пункта до другого тяжелую барку, бѣляну какую нибудь, нагруженную сырымъ матеріаломъ россійскаго происхожденія и управляемую двумя или тремя мужиками, которые при этомъ нестолько управляютъ, сколько пьянствуютъ и спятъ. Это, напротивъ, какіе то бѣшеные водопады. Онѣ не текутъ, но скачутъ, рвутся. На нихъ смотрѣть страшно, голова кружится. Ясно, что все, что попадетъ въ эти рѣки, на что направятся эти бѣшеныя волны, вѣчно ревущія—погибло. О баркахъ, о тихомъ плаваніи смѣшно и подумать, также какъ о возможности окунуться въ эти милыя волны, для освѣженія.

Что̀ было бы, еслибъ одна изъ этихъ истинно ужасныхъ рѣкъ, подобно періодическому обыкновенію родной Пензы, выступила изъ береговъ и затопила окрест-

ности—представить нелегко. Но я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о продѣлкахъ, какія дѣлаетъ въ этой странѣ простой лѣтній дождь, который у насъ, на Руси, большею частью испрашивается и принимается въ видѣ благодати. Сидите вы напримѣръ вечеромъ у кого нибудь изъ тифлискихъ вашихъ знакомыхъ, вдругъ—дождь, южный, сильный и вы не можете тотчасъ не возчувствовать нѣкотораго безпокойства за благополучное возвращеніе ваше домой, даже въ солидномъ экипажѣ, и безпокойство, совершенно основательное, ибо всѣ улицы, расположенныя по гористой мѣстности Тифлиса, мгновенно превращаются въ бурныя рѣки, по которымъ вода стремится съ яростью внизъ по направленію къ Курѣ и въ этомъ стремленіи сбиваетъ все и увлекаетъ съ собой. Иногда потоки эти бываютъ такъ сильны и могущественны, что производятъ различныя несчастія. Одно изъ такихъ несчастій я видѣлъ самъ и ужасался его размѣрамъ и послѣдствіямъ. Однажды ночью шелъ проливной дождь. Шумъ потоковъ, несущихся по улицамъ, врывался въ комнаты. Говорили, что этими потоками снесены были въ Куру буйволы и верблюды, по обыкновенію располагавшіеся по ея берегамъ. На другой день сдѣлалось извѣстнымъ, что такъ называемая «Колючая балка», одна изъ тифлискихъ улицъ, расположенная внизъ по горѣ, застроенная нестолько настоящими домами, сколько лачугами, и заселенная отставными солдатами и бѣдняками разнаго рода, затоплена, снесена и при этомъ много народу погибло. Я бросился туда—и конечно не многимъ довелось видѣть подобное зрѣлище. Никакой улицы уже не существовало. Былъ какой то хаосъ

изъ смѣси земли, глины, деревянныхъ частей разнаго рода. На нѣкоторыхъ пунктахъ сосредоточивались значительныя массы солдатъ съ лопатами и другими орудіями и усиленно раскапывали землю и смѣшанный съ нею мусоръ. Оказалось, что эта земля и этотъ мусоръ составляютъ остатки снесенныхъ жилищъ, что солдаты откапываютъ трупы погребенныхъ подъ ними жителей, что многіе изъ нихъ уже откопаны и мнѣ указали мѣсто, гдѣ сложены откопанные уже трупы мужчинъ, женщинъ, дѣтей. При этомъ слышалось много разсказовъ, какъ во время бѣдствія въ одномъ домѣ праздновался сговоръ, въ другомъ свадьба и какъ во время празднованія нахлынула вода, затопила всѣхъ и снесла самое жилище, какъ женихъ, стараясь спасти невѣсту, самъ погибъ и т. д. Когда я возвратился къ мѣсту работы и сталъ усиленно слѣдить за результатомъ дальнѣйшаго раскапыванія, когда въ одномъ мѣстѣ показывалась подъ лопатою рука, въ другомъ нога и потомъ изъ массы грязной земли и мусора выворачивался цѣлый трупъ, въ которомъ ничего нельзя было различить, ибо онъ представлялся сплошною грязною, черною массою, нервы мои были сильно потрясены.

Припоминаю еще одно обстоятельство, рисующее нѣкоторымъ образомъ кавказскую природу и кавказскій бытъ. Вообще тамъ дѣло совершенно извѣстное и совершенно обыкновенное, что ничтожный, маленькій ручеекъ, простая ложбина даже, подъ вліяніемъ дождя мгновенно дѣлается бурнымъ и опаснымъ потокомъ. Случай, который я хочу разсказать, взятъ мною не изъ личныхъ наблюденій, но изъ письменныхъ свѣдѣній,

относящихся къ кругу офиціальныхъ моихъ обязанностей. Однажды слѣдовала изъ близълежащаго города въ Тифлисъ почта съ значительною денежною кореспонденціею. На пути лежала крошечная рѣченка «Пша», и даже не рѣка въ буквальномъ смыслѣ, съ водою, берегами, а просто ложбина, по которой она протекала когда нибудь, подобно тому, какъ въ степяхъ самарской губерніи есть множество подобныхъ мѣстъ, тоже называемыхъ рѣками, тогда какъ въ дѣйствительности никакихъ рѣкъ тамъ нѣтъ. Прежде нежели почта достигла такъ называемой рѣки Пша, полилъ сильный дождь и безводное это мѣсто мгновенно обратилось въ дѣйствительную и притомъ бурную, опасную рѣку. Когда почта приблизилась къ ней, оказалось, что переправа чрезъ нее на лошадяхъ, обычная и возможная въ обыкновенное время, теперь рѣшительно невозможна. Чрезъ эту ложбину существовалъ одинъ непрочный мостикъ. Рѣшено было перенести почту на рукахъ. Громаднѣйшій чемоданъ понесли черезъ мостъ, но едва достигли средины его, мостъ обрушился; люди, несшіе чемоданъ и самый чемоданъ рухнули въ воду. Люди были спасены, а чемоданъ остался въ водѣ. Сдѣлано было тотчасъ распоряженіе оцѣпить это мѣсто для того, чтобы какой нибудь художникъ не ухитрился въ тихомолку вытащить чемоданъ и воспользоваться значительною суммою, которая въ немъ заключалась. Мѣстнымъ уѣзднымъ начальникомъ, на котораго должна пасть отвѣтственность за это распоряженіе, былъ нѣкто Форостовскій, которымъ и сдѣлано было все, что онъ находилъ нужнымъ и соотвѣтственнымъ въ этомъ случаѣ. Но когда потомъ начали искать чемоданъ, найти его уже

не могли. Возгорѣлось громаднѣйшее дѣло. Обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ явилось множество: казаки, мѣстные жители изъ татаръ и т. д. Форостовскому однако досталось больше всѣхъ. Онъ потерялъ мѣсто и сколько ни старался опровергнуть возведенное на него подозрѣніе въ исчезновеніи чемодана,—никакъ не могъ этого достигнуть. Такой исходъ не могъ не потрясти его нетолько матеріально, но и нравственно... Съ тѣхъ поръ остатокъ своей жизни, всѣ свои умственныя силы онъ посвятилъ исключительно этому несчастному для него дѣлу. Нѣтъ мѣста, инстанціи, нѣтъ сколько нибудь значительной административной личности, куда бы онъ ни обращался съ своими сѣтованіями на приговоръ, съ требованіями справедливости. О сильномъ моральномъ его потрясеніи этимъ дѣломъ нельзя не заключить уже изъ того, что онъ сохранялъ неодолимое убѣжденіе, что упавшій въ Пшу чемоданъ до сихъ поръ спокойно лежитъ тамъ и его только не умѣютъ найти, въ слѣдствіе наносовъ, а что если ему дадутъ соотвѣтственное пособіе, онъ немедленно поѣдетъ на мѣсто и вынетъ чемоданъ, чѣмъ въ одно и то же время соблюдетъ казенный интересъ и въ то же время возстановитъ свою невинность. Справедливость требуетъ сказать, что пособія эти давались, и не разъ, но чемоданъ такъ и остался неотысканнымъ. Замѣчательно, что всѣ свои просьбы, всѣ безчисленныя записки, въ которыхъ онъ излагалъ свои сѣтованія и неутомимо разсылалъ и представлялъ повсюду, начинались всегда одною и тою же фразою: «Въ хлябяхъ рѣки Пша погибло благороднаго металла до 40.000 р. и болѣе». и т. д.

Въ періодъ половодья, повторявшагося ежегодно, въ

моей Пензѣ не случалась никакихъ чрезвычайныхъ происшествій и едва ли то происшествіе, въ которомъ мнѣ было суждено участвовать и о которомъ я поведу разсказъ, не было самымъ рѣдкимъ, самымъ значительнымъ и потому самымъ достопамятнымъ. Тѣмъ страннѣе, что въ обыкновенное время, когда о полой водѣ и помину нѣтъ и, за отсутствіемъ ея, вода въ нашей рѣкѣ была въ самыхъ бѣдныхъ размѣрахъ, случаи потопленія происходили безпрерывно. Это было также странно, какъ и читать потомъ, во время жительства моего въ Москвѣ, полицейскія объявленія въ газетахъ о частыхъ потопленіяхъ въ рѣкѣ Москвѣ или Яузѣ, глубиною и многоводіемъ не далеко превосходящихъ мою Пензу. Какъ ухитрялись люди тонуть въ этихъ мелководныхъ рѣченкахъ и тонуть не во время половодья, а въ обыкновенное время крайняго маловодья—просто уму непостижимо. Конечно, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что дѣйствительною причиною подобныхъ случаевъ бываетъ нестолько вода, прѣсная, безвредная, и рѣшительно не представляющая никакой опасности, сколько другая влага, при содѣйствіи и вліяніи которой становится все опаснымъ и можно утонуть не только въ рѣкѣ, какъ бы мелководна она ни была, но даже въ простой лужѣ. Я живо помню, что случаи исчезновенія человѣка съ поверхности воды, потомъ розыскиванія его на днѣ, вынутія его со дна и наконецъ усилій къ оживленію его были весьма часты и не представляли ничего особеннаго. Случаи эти происходили преимущественно во время купанья. Идешь бывало вдоль берега, вдругъ видишь значительную группу, суетящуюся, оживленную и возбуж-

денную, гдѣ размахиваютъ руками, кричатъ, спорятъ... Что такое? «Человѣкъ сейчасъ утонулъ! Ищутъ!» Вы останавливаетесь и выжидаете: что дальше будетъ? А дальше обыкновенно происходитъ слѣдующее: утонувшій, какъ всѣ утверждали, непремѣнно первое время сидитъ на днѣ, что конечно значительно облегчаетъ задачу его отыскиванія. Искатели, большею частію изъ хорошихъ пловцовъ, найдя утопленника, выталкиваютъ его на поверхность и приближаютъ къ берегу, куда онъ и вытаскивается. Мгновенно добывается бочка и утопленникъ кладется на нее. Бочку начинаютъ усиленно катать, а утопленникъ начинаетъ болтаться на ней такимъ образомъ, что каждый живой, здоровый человѣкъ, подвергнутый подобной качкѣ, непремѣнно отдалъ бы Богу душу; иногда, впрочемъ начинала литься изъ утопленника вода, потомъ показывалась изо рта кровь, потомъ онъ начиналъ вздыхать, стонать, а затѣмъ открывалъ глаза и окончательно оживалъ. Всю эту процедуру я видѣлъ своими глазами не одинъ разъ. И странно, что подобная процедура продѣлывалась не одинъ разъ, съ одними и тѣми же лицами. Точно этимъ лицамъ самимъ было пріятно тонуть, потомъ раскачиваться на бочкѣ и оживать. Одинъ изъ такихъ экземпляровъ и теперь живо представляется моей памяти: это былъ какой-то Татариновскій кучеръ, дѣтина огромнѣйшихъ размѣровъ, много разъ тонувшій и много разъ откачиваемый. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно предположить, что въ его организмѣ были какіе нибудь элементы такого рода, на которые вода враждебно дѣйствовала, а еще съ большею вѣроятностію должно заключить, что онъ, и другіе подобные ему

индивидуумы, лезли въ воду купаться именно въ тѣ моменты, когда огранизмъ ихъ былъ уже наполненъ донельзя другою влагою.

Въ процедурѣ откачиванія или оживленія утопленниковъ я долженъ привести, на основаніи личныхъ моихъ наблюденій, слѣдующіе варіанты. Когда, въ слѣдствіе ли глубины воды или другихъ причинъ, отыскать на днѣ утопленника посредствомъ однихъ ныряній лучшихъ мастеровъ этого дѣла было невозможно, тогда за дѣло принималась полиція и пускала въ ходъ особые, сочиненные для подобныхъ случаевъ, инструменты, называвшіеся «кошками». Полицейскіе разъѣзжали въ лодкахъ и бросали въ разныхъ мѣстахъ рѣки эти «кошки», которыя и должны были зацѣпить трупъ утонувшаго человѣка. Потомъ, при оживленіи его употреблялся иногда, въ замѣнъ раскачиванія на бочкѣ, другой способъ. Разстилалась простыня, коверъ, попона и вообще какая либо твердая ткань. Утопленника располагали на этой ткани; люди брались за ея края и подбрасывали его настолько высоко, насколько было можно. Если видъ человеческаго тѣла, катаемаго на деревянной бочкѣ, безобразно болтающаго всѣми членами, не могъ представлять ничего граціознаго, то и видъ тѣла, летающаго снизу вверхъ, и сверху внизъ и безобразно тоже болтающаго при этихъ перелетахъ руками, ногами, головой, едва-ли былъ лучше. Ученый медицинскій міръ признаетъ оба эти способа оживленія утопленниковъ варварскими, вредными и предлагаетъ для подобныхъ случаевъ другіе способы. Дѣйствія этихъ способовъ я не видалъ, хотя нисколько не сомнѣваюсь въ ихъ дѣйствительности; но во имя

справедливости, долженъ сказать, что и прежніе способы на моихъ глазахъ достигали самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ, т. е. человѣка мертваго, вытащеннаго изъ воды, они оживляли и ставили на ноги, хотя конечно съ весьма чувствительно помятыми боками.

Едва ли нужно говорить, что для меня и моихъ маленькихъ товарищей купанье во время лѣтней жары было однимъ изъ лучшихъ наслажденій. Мы постоянно ныряли въ рѣкѣ. Едва возвратишься домой послѣ купанья съ однимъ изъ товарищей, какъ является другой и тоже тянетъ купаться. «Да я только сейчасъ пришелъ съ купанья!» скажешь ему. «Ну ничего, все равно! пойдемъ со мной!» начнетъ зазывать тотъ съ различными укоризнами и угрозами разорвать дружбу и, во имя товарищества, опять бѣжишь по жарѣ и опять бросаешься въ рѣку. При этомъ постоянномъ и совершенно безконтрольномъ барахтаніи въ водѣ, и я и мои маленькіе товарищи, весьма естественно, подвергались много разъ серьезнымъ опасностямъ, но, въ слѣдствіе счастливыхъ случайностей, избѣгали этихъ опасностей, забывали о нихъ и беззаботно лезли на новыя опасности, съ дѣтскою смѣлостью и дѣтскимъ довѣріемъ къ судьбѣ. Со мною лично было много самыхъ серьезныхъ, опасныхъ случаевъ по этой части, но, столкнувшись съ счастливыми случайностями, они не оставили никакого слѣда и если удерживаются еще въ памяти, то весьма слабо. Случайность счастливая и несчастная!—это такія двѣ могущественныя силы, предъ которыми падаетъ все. Самый безумный рискъ проходитъ безнаказаннымъ, самое невинное дѣйствіе оканчивается несчастіемъ. На эту мысль

наталкиваютъ насъ невольно совершающіяся передъ нашими глазами дѣла и обстоятельства. Не очень давно, проходя по Невскому проспекту, я замѣтилъ, близь Казанскаго собора, по обѣимъ сторонамъ канала громадныя массы народа. Я поспѣшилъ присоединиться къ нимъ.— Что такое? «Дѣвушка утонула!» отвѣчали мнѣ.—Какъ утонула? отчего? «Пришла бѣлье мыть на плотъ, уронила какую-то вещь, потянулась за ней и сама упала въ воду.»—Давно? «Часъ или два будетъ!»—Что же ничего не дѣлаютъ? Чего ждутъ?—«Ждутъ водолаза, за которымъ давно послали!» Я взглянулъ вдоль канала. Ни одной лодки, ни малѣйшаго признака какихъ нибудь спасительныхъ средствъ. Отлично! невольно подумалъ я. Газеты наполняются извѣстіями о томъ, какъ богатый и несомнѣнно добрый и благотворительный Петербургъ разсылаетъ чуть не во всѣ концы міра спасательныя лодки и другія средства для спасенія погибающихъ въ водѣ и какъ, при содѣйствіи этихъ средствъ, дѣйствительно, въ неизвѣстныхъ рѣченкахъ, въ глухихъ озерахъ, спасаются люди отъ потопленія во время бурь и крушенія, а въ то же время, въ самомъ центрѣ Петербурга, на глазахъ множества народа, тонетъ молодая дѣвушка, безъ малѣйшаго признака бури или крушенія, тонетъ, совершенно безпомощно, какъ въ какой нибудь глухой и заброшенной деревушкѣ и два часа лежитъ на днѣ, въ ожиданіи какого-то водолаза, за которымъ кто-то и куда-то послалъ! Не грустно ли это? Не служитъ ли это доказательствомъ, какъ ничтожны человѣческія мудрованія предъ могуществомъ счастливой или несчастной случайности.

Приступая къ разсказу о томъ замѣчательномъ проис-

шествіи, которое совершилось въ Пензѣ, во время одного изъ періодовъ половодья и въ которомъ мнѣ суждено было участвовать, я вполнѣ сознаю обязанность свою сказать, когда же это именно было? Но, къ стыду моему, никакъ не могу исполнить этой обязанности съ тою точностью, какая требуется вообще при обращеніи съ цифрами, при указаніи на время. Я имѣлъ уже случай высказать, что именно этой, числовой памяти у меня вовсе нѣтъ. Я помню удовлетворительно самыя событія, но сказать опредѣлительно, когда происходило то или другое, для меня затруднительно въ высшей степени. Разрѣшенія этихъ вопросовъ я долженъ добиваться посредствомъ различныхъ соображеній и наведеній. Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ, я могу только приблизительно сказать, что это могло произойти или въ самомъ концѣ двадцатыхъ годовъ или въ началѣ тридцатыхъ. Главнымъ основаніемъ такого опредѣленія служитъ то, что во время катастрофы мнѣ могло быть лѣтъ 14. Впрочемъ вопросъ этотъ не представляетъ особенной важности.

Я сказалъ также, что семейство Фриксіусовъ, управляемое Лебедевой, было центромъ соединенія большой толпы мальчиковъ моихъ лѣтъ и, въ то же время, центромъ, гдѣ создавались, придумывались и исполнялись всевозможныя удовольствія. Когда отходила пора зимнихъ удовольствій съ безконечными танцами, наступалъ чередъ другихъ удовольствій, соотвѣтственныхъ новому сезону. Понятно, что когда вскрылись рѣки, разлились обильныя воды, когда все совершало водныя прогулки или толковало объ этихъ веселыхъ прогулкахъ, могъ ли нашъ кругъ оставаться равнодушнымъ къ этой модной и

современной забавѣ? Тамъ тоже безпрерывно толковали о прогулкѣ на лодкахъ, назначали для этого дни, отмѣняли, назначали другіе и вообще погружались въ мельчайшія подробности веселаго предпріятія. Помню однако, что вообще дѣло двигалось чрезвычайно туго. Какъ будто судьба оберегала наше юное общество отъ предстоящей катастрофы, которой конечно никто изъ насъ, участниковъ предпріятія, ни предвидѣть, ни ожидать не могъ. Послѣ продолжительныхъ толковъ и споровъ, наконецъ назначенъ былъ день поѣздки. Это было вербное воскресенье, день ясный, свѣтлый, теплый, однимъ словомъ прекраснѣйшій весенній день. Но, по мѣрѣ приближенія этого дня, задуманное предпріятіе ослабѣвало болѣе и болѣе. Прекрасный полъ, выражавшій сначала самое горячее сочувствіе къ нему и безграничную готовность участвовать въ немъ, съ приближеніемъ назначеннаго дня, совершенно уклонился и этимъ нанесъ ему существенное пораженіе. Въ слѣдъ прекрасному полу стали отлынивать, подъ разными предлогами и лица не прекраснаго пола, справедливо находившія, что предпріятіе, украшенное женскимъ участіемъ и лишонное такого участія,—двѣ вещи совершенно различныя и сколько первое можетъ быть весело, столько же послѣднее скучно. По этому вмѣсто поѣздки, по первоначальному плану, большимъ обществомъ, на многихъ лодкахъ, убранныхъ коврами, съ музыкой, пушечной пальбой, водная прогулка должна была совершиться въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ и въ самомъ скромномъ видѣ, только въ слѣдствіе упорства немногихъ, никакъ не хотѣвшихъ, не смотря ни на какіе доводы, отступить отъ предназначенной затѣи.

Домъ, въ которомъ жило семейство Фриксіусовъ и соединенное съ нимъ семейство Лебедевыхъ, стоялъ на самомъ берегу рѣки Пензы. Видъ огромныхъ массъ народа, почти постоянно разгуливающихъ по берегу и видъ лодокъ, плавающихъ по рѣкѣ съ веселыми обществами, музыкой, пальбой, веселымъ говоромъ, хохотомъ преимущественно былъ основаніемъ для нашего кружка углубиться въ организацію подобнаго же предпріятія. Нельзя было и допустить той мысли, чтобы въ то время, когда другіе веселятся и пользуются удовольствіями, мы, члены нашего кружка, скромно и тихо смотрѣли бы на другихъ и оставались спокойными. Но къ сожалѣнію, на этотъ разъ, широкіе планы и замыслы далеко не имѣли грандіознаго исполненія. Когда наступилъ опредѣленный день, вербное воскресеніе, къ мѣсту дѣйствія, т. е. въ домъ Фриксіусовъ, явилось самое незначительное число участниковъ замышляемой прогулки.

Въ этой поѣздкѣ, бѣдной по числу и обстановкѣ, но шумной и громкой по послѣдствіямъ, участвовали слѣдующія личности: я, неукротимый, въ то время, участникъ въ всемъ, что обѣщало удовольствія и веселье; потомъ фон-Фриксіусъ, второй сынъ прокурора, бывшій главнымъ виновникомъ нашего бѣдствія и заплатившій за то своею жизнью. Третьимъ участникомъ, почти невольнымъ, и потому болѣе достойнымъ сожалѣнія, былъ Зоммеръ, сынъ одного изъ учителей мѣстной гимназіи. Зоммеръ былъ хорошенькій мальчикъ, скроенный на нѣмецкій ладъ, бѣлъ, румянъ, необычайно скроменъ и послушенъ, вслѣдствіе чего постоянно дѣлалъ не то, что хотѣлъ, а то, что заставляли его дѣлать другіе. Въ то же

время, онъ былъ необычайно труслив, что можетъ быть и содѣйствовало его послушливости. Въ то время, не только въ кругу маленькихъ разбойниковъ, какими мы, подростки, были, но и въ кругу большихъ, царствовала физическая сила. Если у тебя нѣтъ большой силы, чтобъ отразить всякое нападеніе—будь послушенъ, иначе нельзя. Если не будешь имѣть силы дать отпоръ, да еще не будешь послушенъ—будешь битъ! Зоммеръ хорошо понималъ это и былъ необычайно послушенъ. Всѣ мы его очень любили и особенно его любилъ прекрасный полъ, наши барыни и барышни, частью за то, что онъ былъ свѣжъ и хорошъ, а большею частью опять таки за его безпримѣрное послушаніе. Онъ рѣшительно не могъ отказать ни въ чемъ, чего бы отъ него ни требовали. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить эта пагубная для него прогулка по водѣ. Трусливый вообще, онъ страшно боялся воды и съ той минуты, когда пошли толки и соображенія, относящіеся до нашей поѣздки, онъ употреблялъ всевозможныя средства, чтобъ уклониться отъ участія въ ней. Онъ какъ будто предчувствовалъ свою гибель. Но въ то время, когда другіе просто объявили, что не поѣдутъ, Зоммеръ скромный и трусливый, не смѣлъ этого сдѣлать. Четвертымъ участникомъ былъ толстогубый Бѣляевъ, чиновникъ казначейства. Какими судьбами онъ попалъ сюда, въ міръ ему совершенно чуждый и незнакомый, объясняется вліяніемъ «казначейскаго сына», а употреблено это вліяніе было въ сознаніи, что Бѣляевъ обладаетъ разнородными талантами и съ равною силою. Я хорошо зналъ, что онъ былъ охотникъ, стрѣлокъ и рыболовъ и знаетъ рѣку и всѣ ея

истоки и притоки, какъ свои пять пальцевъ, что во время половодья онъ постоянно пропадалъ и вѣчно плавалъ по окрестностямъ, въ какой нибудь крошечной лодчонкѣ. Наконецъ я хорошо зналъ, что если онъ считался истиннымъ артистомъ въ дѣлѣ побочныхъ доходовъ казначейства, то былъ артистомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, по части устройства питейной части, безъ которой не могла обойтись никакая поѣздка, никакая прогулка, ни сухопутная, ни водяная. . . Все это объясняетъ, почему Бѣляевъ явился участникомъ поѣздки и нашего бѣдствія. Остается добавить, что конечно помимо своей воли, участниками бѣдствія явились два лодочника, управлявшіе лодкою. Лодка наша была весьма плохая, грубой работы, грязноватая, одна изъ тѣхъ, которыми запасались зарѣчные жители для своего собственнаго обихода, вовсе не похожая на петербургскіе, хотя тоже не очень изящные, но довольно покойные и удобные ялики, тоже вовсе не приспособленные къ затѣйливымъ прогулкамъ.

Заподряженная лодка стояла съ гребцами противъ дома Фриксіусовъ. Въ назначенный часъ путешественники начали усаживаться. Вся семья вышла на берегъ и смотрѣла на приготовленія къ отправленію. По берегу сновали толпы гуляющихъ и тоже съ участіемъ смотрѣли на отъѣздъ нашъ. Дулъ легкій вѣтерокъ и немножко рябилъ поверхность рѣки. Когда всѣ запасы были уложены, а пасажиры разсѣлись по мѣстамъ, лодка тронулась.

По какимъ то причинамъ я не могъ отправиться вмѣстѣ съ моими товарищами и потому условлено было, что они

возьмутъ меня, спустя нѣкоторое время, на другомъ пунктѣ. Чрезъ часъ лодка съ товарищами пристала къ этому пункту и я присоединился къ общей компаніи. Несмотря на краткость нашей разлуки, я не могъ не замѣтить, что большинство компаніи уже попробовало запасовъ, состоявшихъ въ распоряженіи Бѣляева и повидимому весьма капитальнымъ образомъ, потому что всѣ были красны, веселы и говорливы. Одинъ только Зоммеръ былъ скученъ, даже мраченъ и молчаливъ. Фриксіусъ, напротивъ, по всѣмъ признакамъ, переложилъ чрезъ мѣру и какъ всѣ люди слабые, но подвыпившіе, шумѣлъ, юлилъ больше всѣхъ, хотѣлъ казаться молодцомъ и храбрецомъ, безпрерывно вертѣлся въ лодкѣ, подвергая ее чувствительнымъ покачиваніямъ и смѣялся надъ Зоммеромъ, который при этихъ покачиваніяхъ бѣлѣлъ, какъ полотно. Такъ какъ я былъ самый сильный во всей этой компаніи, то при входѣ моемъ въ лодку, за мною тотчасъ обозначилось нѣкоторое превосходство, которое и было употреблено мною прежде всего на то, чтобъ пригласить расходившагося Фриксіуса умѣрить свои восторги и особенно не качать лодки, что мѣшаетъ правильному ея движенію. Зоммеръ посмотрѣлъ на меня глазами, полными благодарности. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ ѣхать въ Суру, въ которую впадала Пенза тотчасъ за городомъ. На Фриксіуса мое приглашеніе успокоиться безспорно возъимѣло свое дѣйствіе, но далеко не полное. Въ продолженіи дальнѣйшаго пути, увлекаемый желаніемъ проявить свое молодечество, постоянный недостатокъ котораго, въ трезвомъ его состояніи, не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію и желая, быть можетъ,

насолить бѣдному Зоммеру, съ которымъ они вообще не ладили, онъ сидѣлъ нѣкоторе время смирно и покойно, а потомъ вдругъ начиналъ неожиданно качать лодку. Когда мы въѣхали въ Суру, вѣтеръ сдѣлалсь крѣпче и волненіе сильнѣе, такъ что наша плохая лодченка начала нырять по волнамъ, постоянно обдававшимъ насъ брызгами. При такомъ волненіи, выходки Фриксіуса дѣлались еще болѣе неумѣстными, такъ что я велѣлъ повернуть назадъ и ѣхать въ Пензу, домой. Возвращеніе наше шло совершенно благополучно. Мы въѣхали въ Пензу и начали раскланиваться и перекидываться фразами съ толпами, гуляющими на берегу. Оставалось уже немного до той пристани, на которую мы дожны были выйти, но тутъ именно произошла несчастная случайность.

Мы находились на той точкѣ, гдѣ въ лѣтнее время, съ нагорнаго берега рѣки, ея дно почти не было видно, куда валились безчисленные возы мусора, свозимаго со всего города и гдѣ, на этотъ разъ, половодье образовало бездонную пропасть, которая знаменовалась безчисленными винтами воды, пробѣгавшей надъ большою глубиною. Оставалось пройти это пространство и выйти на берегъ. Погода была тиха, солнце по прежнему привѣтливо свѣтило, и пестрыя толпы, увеличенныя праздничнымъ днемъ, спокойно расхаживали по берегу. Наше настроеніе было спокойное. Никакой тревожной мысли никому и въ голову не могло придти. Но совершилась просто глупость.

Фриксіусъ и Зоммеръ продолжали перекидываться бранью; но въ виду окончанія нашей поѣздки, немедлен-

наго выхода на берегъ, никто уже не обращалъ на это никакого вниманія. Самъ Зоммеръ, въ виду скораго окончанія плаванія, утратилъ значительную долю своей трусости. Подъ вліяніемъ смѣлости, продолжая перекидываться словами съ Фриксіусомъ, онъ сказалъ ему, между прочимъ: «Если ты теперь посмѣешь опять качнуть лодку, я вотъ этимъ чубукомъ размозжу твою глупую голову». Фриксіусу не хотѣлось уступить въ чемъ бы то ни было и смиренно вынести угрозу. Онъ качнулъ лодку . . . Зоммеръ, вѣроятно подъ вліяніемъ подобныхъ же чувствъ самолюбія и своего достоинства, также не счелъ возможнымъ оставить безнаказанно эту дерзость и конечно больше для виду чѣмъ для существеннаго возмездія, дотронулся чубукомъ до плеча Фриксіуса. Фриксіусъ вскочилъ съ своего мѣста и началъ отнимать у Зоммера чубукъ, лодчонка сильно закачалась; Зоммеръ поблѣднѣлъ, какъ полотно и мгновенно уступилъ Фриксіусу спорный предметъ. Побѣдитель, желая сѣсть на свое мѣсто, промахнулся и упалъ въ бездонную, крутящуюся пучину. Всѣ мы, по какому то невольному чувству, бросились схватить несчастнаго, наклонились на ту сторону, гдѣ онъ барахтался и этимъ движеніемъ накренили лодку до того, что она зачерпнула много воды и начала погружаться вмѣстѣ съ нами. . . Мы становимся на ноги и, продолжая погружаться, чувствуемъ и сознаемъ, что лодка сейчасъ вывернется изъ подъ насъ. Мы стали кричать о помощи. Толпы, двигавшіяся по берегу, остановились и смотрѣли на наше бѣдствіе. Дѣйствительной помощи они не могли намъ дать, потому что правильно организованныхъ перевозовъ и слѣдова-

тельно артелей лодочниковъ, подобныхъ тѣмъ, какія существуютъ въ Петербургѣ, въ то время тамъ не существовало. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ эту минуту смерть смотрѣла намъ въ глаза и это близкое сосѣдство сознавалось нами вполнѣ, потому что мы гибли и понимали отсутствіе и невозможность всякихъ средствъ спасенія.

Лодка продолжала погружаться подъ нами, наконецъ вывернулась изъ подъ насъ и мы всѣ попадали въ пучину. Надо замѣтить, что среди туземныхъ чиновниковъ или приказныхъ было множество охотниковъ всѣхъ родовъ и отраслей, знаменитыхъ стрѣлковъ, знаменитыхъ пловцовъ и вообще большихъ знатоковъ всевозможныхъ явленій и законовъ природы, среди которой они пребывали постоянно. Разсказы подобныхъ личностей по всей вѣроятности нѣсколько прикрашенные ихъ воображеніемъ, были интересны и любопытны въ высшей степени для насъ, подростковъ. Для меня лично никакое удовольствіе не могло сравниться съ удовольствіемъ слушать какого нибудь извѣстнаго охотника и разсказчика о его похожденіяхъ, въ которыхъ всегда и непремѣнно являлась примѣсь чего-то таинственнаго, сверхъестественнаго. Казалось, что̀ можетъ быть проще и безопаснѣе перепелиной охоты; но и тутъ, непремѣнно являлся, по сказаніямъ разсказчиковъ, таинственный перепелъ, который лучше всѣхъ кричалъ и потому представлялся заманчивою добычей, но въ руки никакъ не давался, а постоянно удалялся, заманивая за собою охотника и уводилъ его въ такую даль, которая наводила на него ужасъ. Если бы собрать

всѣ эти разсказы, вышла бы книга, весьма интересная.

Именно изъ этихъ разсказовъ, я пріобрѣлъ и то свѣденіе, что какъ бы велика ни была глубина воды въ томъ или другомъ мѣстѣ, стóитъ только усиленно ринуться въ нее, чтобы человѣкъ достигнулъ дна, оттолкнулся отъ него и еще съ большею быстротою достигнулъ поверхности воды. Въ минуту нашего погруженія съ лодкою въ воду, когда вокругъ насъ не было рѣшительно ни малѣйшей точки, на которой могла бы остановиться мысль о возможности спасенія, не смотря на всю краткость этой ужасной минуты, въ головѣ моей мелькнулъ этотъ способъ очутиться, хотя на мгновеніе, на поверхности воды, ибо плавать я не умѣлъ и другихъ средствъ вынырнуть у меня не было. Я рѣшился воспользоваться способомъ, который въ разсказахъ казался такимъ вѣрнымъ, простымъ и удобнымъ. Когда лодка вывернулась изъ подъ насъ и всѣ мы упали въ воду, эта мысль, хорошо помню, охватила меня, и я старался сдѣлать соотвѣтственное ей движеніе, т. е. съ наибольшею силою опуститься въ глубину, достать дно, оттолкнуться и показаться на поверхности. Ничего изъ этого однако не вышло, какъ и должно было ожидать. Какъ ни старался я углубляться внизъ, но достигнуть дна не могъ, а подняться къ верху у меня не было умѣнья. Такимъ образомъ, не опускаясь книзу и не поднимаясь кверху, я болтался такъ сказать въ срединѣ пучины, вмѣстѣ съ другими товарищами, одновременно въ нее упавшими. Это соображеніе подтверждается вполнѣ слѣдующими, въ одно и то же время

счастливыми для меня и малопріятными обстоятельствами. Въ то время, какъ мы барахтались въ пучинѣ, который-то изъ моихъ злополучныхъ товарищей старался стать мнѣ на плечи и этотъ случай привелъ меня къ цѣли, которой я стремился достигнуть другимъ путемъ. Въ то время, когда бѣдствующій мой товарищъ, ища спасенія, старался найти точку опоры на моихъ плечахъ, я въ немъ самомъ нашелъ, разумѣется инстинктивно и безсознательно, точку опоры для себя, осуществляя извѣстную поговорку, что «утопающій и за соломенку хватается». Я поднялъ руки къ верху и схватилъ полу или рукавъ, вообще какую-то часть платья товарища и разумѣется, тоже совершенно инстинктивно, сильно оперся на нее, въ слѣдствіе чего товарищъ пошолъ книзу, а я кверху и даже вынырнулъ на поверхность воды. Это былъ первый и единственный моментъ появленія моего на этой поверхности, разумѣется необычайно краткій, но вполнѣ сознательный. Я даже успѣлъ на мгновеніе открыть глаза и взглянуть смутно и неопредѣленно на пестрыя толпы, стоявшія по берегу рѣки. Разсмотрѣть и различить что либо ясно и опредѣлительно я не имѣлъ возможности, и все это произошло въ одно мгновеніе, едва достаточное для того, чтобъ взглянуть на свѣтъ Божій, и вздохнуть. Ничѣмъ и никѣмъ не поддержанный, я тотчасъ долженъ былъ опять погрузиться. Очень хорошо и опредѣленно помню, что до этого момента во мнѣ жила какая то надежда на спасеніе; я былъ убѣжденъ, что стóитъ мнѣ вынырнуть, меня тотчасъ подхватятъ и вынесутъ на берегъ и что все дѣло кончится также точно, какъ кончились многія другія

шалости, иногда сопровождавшіяся тоже большими опасностями. Но съ этого момента, когда я былъ на поверхности воды и никто меня не поддержалъ, когда запасъ жизненныхъ силъ изсякъ, я предался полнѣйшей безнадежности, но безнадежности какой-то сознательной. Погружаясь снова въ пучину, я какъ-то успѣлъ разсудить, что вынырнуть еще разъ на поверхность воды уже не имѣю ни силъ, ни возможности, что слѣдовательно опять биться, барахтаться—безполезно и глупо . . . . Я думалъ, какая странная смерть ожидала меня, какую суматоху произведетъ она въ родительскомъ домѣ, какъ мать особенно будетъ плакать, потомъ вспомнилъ о новомъ платьѣ, приготовленномъ для меня къ предстоящей святой и затѣмъ заснулъ, буквально заснулъ самымъ глубокимъ сномъ! Можно подумать, что все это я теперь сочиняю, чтобы сказать что нибудь для удовлетворенія возбужденнаго любопытства. Но, съ талантомъ и въ особенности съ умѣньемъ украшать истину, здѣсь дѣйствительно можно бы насказать много «жалкихъ словъ», только эти слова были бы сочиненныя, а не взятыя изъ дѣйствительности. А я умѣю говорить одну правду, какая бы она ни была. Во имя этой правды я долженъ сказать, что мнѣ самому немножко досадно, что заключеніе моего разсказа не очень соотвѣтствуетъ его началу. Но что дѣлать! Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Если бы можно было за полвѣка назадъ предвидѣть, что я примусь когда нибудь за этотъ разсказъ, тогда можно было бы, подъ вліяніемъ свѣжести самаго событія, уловить и отмѣтить что нибудь, особенно рельефное и замѣчательное въ дѣ-

лѣ потопленія. Но если бы для достиженія той же цѣли я теперь принялся украшать событіе, то неминуемо подвергся бы опасности соврать, исказить истину.

Съ должною достовѣрностью могу сказать, что въ одинъ изъ моментовъ катастрофы, въ какой именно, опредѣлить не могу, но кажется въ одинъ изъ предшествующихъ засыпанію, мнѣ показалось, что вокругъ меня разлился какой-то красный, чуть ли не огненный свѣтъ, который живо и хорошо помню. Былъ ли это приливъ крови къ головѣ, или моментъ задушенія, предоставляю опредѣлить спеціалистамъ. Затѣмъ ничего особеннаго по части ощущеній, которыя испытывалъ я, разставаясь съ жизнью посредствомъ потопленія, сообщить не могу потому, что никакихъ особенныхъ ощущеній и не испытывалъ.

Долго ли, мало ли я спалъ, сказать тоже не могу. Проснулся я уже на берегу. Пробужденіе было совершенно такое же, какъ пробужденіе вообще отъ крѣпкаго и глубокаго сна. Когда я открылъ глаза, картина, мнѣ представившаяся, была довольно поразительна. Меня окружали большія толпы народа, въ которыхъ было нѣсколько лицъ, знакомыхъ моему семейству и хорошо знавшихъ меня. На всѣхъ лицахъ, смотрѣвшихъ на меня, замѣтно было какое-то радостное выраженіе. «Слава Богу»! слышалось кругомъ. Многіе плакали слезами участія. Рѣка была покрыта безчисленными лодками и на нѣкоторыхъ изъ нихъ разъѣжали полицейскіе съ своими «кошками». Между лодокъ плавали наши шапки, наше верхнее платье и всѣ другія вещи, бывшія

въ лодкѣ. Братъ Фриксіуса, совершенный идіотъ, выражалъ положительный восторгъ, что платье брата не потонуло и достанется ему.

Какъ же случилось, что я, заснувъ въ пучинѣ, проснулся на берегу? Само собою разумѣется, что съ той минуты, когда я заснулъ, я уже ничего не могъ ни видѣть, ни слышать, ни даже понимать. Всѣ послѣдующія обстоятельства я знаю и помню уже по разсказамъ другихъ, постоянныхъ свидѣтелей событія и всѣхъ подробностей его отъ начала до конца. Сущность ихъ разсказовъ состоитъ въ слѣдующемъ. Когда лодка перевернулась и мы всѣ попадали въ воду, береговыя гуляющія толпы обомлѣли и пришли въ смятеніе. Многіе стали плакать, отчаянно кричать, другіе высказывать мнѣнія, давать совѣты относительно средствъ спасенія. По этимъ разсказамъ Бѣляевъ, который болтался уже на берегу около меня, синій и дрожалъ отъ холоду, умѣя плавать, успѣлъ, посредствомъ собственнаго барахтанія, приблизиться къ берегу, откуда была ему брошена веревка, посредствомъ которой онъ и былъ вытащенъ. Также выплылъ одинъ изъ лодочниковъ, умѣвшій плавать. Другой лодочникъ, въ минуту, когда лодка перевернулась, успѣлъ очутиться на ней, поплылъ внизъ по теченію и вмѣстѣ съ ней пойманъ и спасенъ. Два несчастные врага—Фриксіусъ и Зоммеръ, главные виновники бѣдствія, послѣ общаго паденія нашего изъ лодки, показались только на мгновеніе на поверхности воды вмѣстѣ, въ объятіяхъ другъ друга, но быстро опять погрузились въ глубину и болѣе уже не показывались. Полицейскіе съ своими кошками исключительно занима-

лись, разъѣжая по рѣкѣ въ различныхъ направленіяхъ, отыскиваніемъ этихъ несчастныхъ.

Моя персона, по разсказамъ достовѣрныхъ свидѣтелей, была особенно предметомъ драматическихъ волненій, происходившихъ въ толпахъ народа, стоявшихъ на берегу. Такъ какъ послѣ моего усыпленія я уже ничего не сознавалъ и не чуствовалъ, то разсказы эти должны служить главнымъ и единственнымъ основаніемъ дальнѣйшему повѣствованію. Дѣло въ томъ, что въ минуту появленія моего на поверхности воды переѣзжалъ черезъ рѣку, близъ этого мѣста, зарѣчный мѣщанинъ, перевозившій въ своей лодкѣ, обратно на городской берегъ, своихъ гостей. Когда я вынырнулъ, толпы, стоявшія на берегу, дружно закричали этому мѣщанину: «лови! спасай!» Но тотъ уклонился отъ этой миссіи и будто бы отвѣчалъ что-то въ этомъ родѣ: «чтобъ спасти одного, я долженъ потопить всѣхъ кого везу»! Само собою разумѣется, что это уклоненіе и этотъ отвѣтъ были причиною, что на мѣщанина посыпались усиленная брань и всевозможные укоры. Тотъ однако, подъ градомъ брани и укоровъ, спокойно и хладнокровно перевезъ своихъ гостей, высадилъ ихъ на берегъ, возвратился опять на мѣсто моего появленія изъ воды и остановился тамъ, пристально смотря въ воду. Казалось, послѣ моего вторичнаго погруженія въ воду ожидать было нечего, но мѣщанинъ, продолжалъ смотрѣть пристально, безъ сомнѣнія видя, что я уже безъ сознанія продолжалъ инстинктивно биться въ водѣ и бороться съ смертью, нелегко поддаваясь ей; послѣ нѣсколькихъ мгновеній этого усиленнаго смотрѣнія въ воду, мѣщанинъ опу-

скаетъ туда руку и хватаетъ меня, или вѣрнѣе сказать расчитываетъ схватить, по существующимъ на этотъ случай законамъ, за волосы. Къ сожалѣнію, отецъ мой былъ врагомъ всякихъ франтовскихъ затѣй и пуще всего длинныхъ волосъ, поэтому приказывалъ стричь насъ такъ коротко, какъ только было можно; на бѣду мою именно въ этотъ день, утромъ, я какъ нарочно былъ остриженъ однимъ изъ мѣстныхъ парикмахеровъ и разумѣется по системѣ, установленной отцомъ, т. е. почти наголо. Понятно, что мѣщанинъ, расчитывая схватить меня за волосы, никакихъ волосъ на моей головѣ не нашелъ и потому я опять пошелъ въ глубину. Ропотъ публики, ея сожалѣнія, что я погибаю, когда могъ быть спасенъ, негодованіе на неловкаго, вялаго, неумѣлаго мѣщанина усилились и выражались вящею бранью, посыпавшеюся на него; но онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ и опять усиленно смотрѣть въ воду, вѣроятно слѣдя за моими конвульсивными движеніями. Онъ снова опускаетъ руку и опять хватаетъ меня на бѣду мою, за ухо и разумѣется опять упускаетъ, да и можно ли было удержать за ухо хотя мальчика, но довольно уже плотнаго и полновѣснаго, особенно при тѣхъ безсознательныхъ, конвульсивныхъ брыканіяхъ, которыя я, по всей вѣроятности, продолжалъ производить, подъ непосредственнымъ вліяніемъ законовъ жизни и безъ всякого умственнаго сознанія съ моей стороны, давно уже меня оставившаго. Негодованіе публики, раздраженіе ея противъ неловкаго спасителя возрасли до крайней степени и нѣтъ сомнѣнія, что если бы дѣло кончилось дурно, ему порядкомъ досталось бы.

Но онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ и опять усиленно смотрѣть въ воду. Чрезъ нѣсколько мгновеній его неподвижнаго стоянія, отъ котораго никто уже не ожидалъ никакихъ добрыхъ результатовъ, мѣщанинъ снова опустилъ руку и на сей разъ схватилъ меня, по русскому выраженію, за шиворотъ т. е. за воротникъ сертука, вытащилъ изъ воды, положилъ какъ бревно поперегъ лодки и притащилъ къ берегу, гдѣ меня подхватили тысячи рукъ, ибо конечно нельзя и представить себѣ существа съ такой черствой душой, которое въ этотъ моментъ не сочло бы личнымъ удовольствіемъ и даже наслажденіемъ поддержать мальчика при переходѣ его отъ смерти къ жизни. Такое движеніе тѣмъ понятнѣе, что въ толпахъ, образующихъ публику, несомнѣнно было множество отцовъ, у которыхъ были такіе же мальчики и которые ясно могли понимать чувствованія моихъ родителей, связанныя съ гибелью или спасеніемъ ихъ мальчика.

Изъ всего этого видно, что если разсказъ мой ничего не прибавляетъ по части разъясненія вопроса собственно объ ощущеніяхъ, какія испытываетъ утопающій, ибо я рѣшительно ничего особеннаго не ощущалъ, о чемъ бы стоило разсказывать, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно разъясняетъ фактъ, нелишенный нѣкотораго интереса по отношенію къ общимъ законамъ нашего организма, нашей жизненности, тотъ фактъ, что человѣкъ, повидимому переставшій уже существовать, по крайней мѣрѣ рѣшительно утратившій моральную половину этого существованія, продолжаетъ физически существовать и даже, уже помимо воли всякого сознанія, дѣйствовать, такъ

сказать, машинально. Въ эти моменты, о которыхъ я разсказалъ, я повидимому походилъ на одного изъ страусовъ, которому снесутъ голову, а онъ все продолжаетъ бѣжать по извѣстному направленію. Нѣтъ сомнѣнія, что для медицинскихъ и вообще ученыхъ знаменитостей этотъ фактъ не представляетъ ничего особеннаго. По всей вѣроятности, съ нѣкоторой улыбкой сожалѣнія они даже скажутъ: что же тутъ удивительнаго? такъ и должно быть и иначе быть не можетъ. Но Господь ихъ знаетъ, что̀ они скажутъ, а мнѣ все таки кажется, что для насъ профановъ, для большинства, фактъ безсознательнаго появленія на поверхности воды три раза послѣ того, какъ человѣкъ, казалось, потерялъ память, волю, сознаніе, весь запасъ физическихъ силъ, уже заснулъ, сдѣлался почти трупомъ, этотъ фактъ не лишенъ интереса и мнѣ самому показался бы маловѣроятнымъ, если бы не былъ удостовѣренъ множествомъ самыхъ благонадежныхъ показаній.

Послѣ моего извлеченія на берегъ, было ли употреблено откачиваніе, всегда употреблявшееся во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, не знаю, ибо я рѣшительно не помню ничего изъ того, что̀ происходило и что дѣлалось отъ момента моего усыпленія до момента пробужденія. Вслѣдъ за этимъ, меня подхватили подъ руки, усадили въ какой то экипажъ и привезли въ квартиру родственниковъ дяди Алексѣя Мура, гдѣ то вблизи живущихъ, уложили въ постель и всевозможными средствами старались отвратить послѣдствія продолжительнаго и холоднаго купанья. Этихъ послѣдствій повидимому сильно боялись и кажется считали ихъ неминуемыми. Никакихъ болѣзненныхъ

ощущеній я однако не чувствовалъ и это ужасное происшествіе не оставило въ моемъ организмѣ никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Помню только, что я спалъ дурно и безпокойно, съ стонами, плачемъ и криками, что конечно не могло не тревожить моихъ домашнихъ. Весь этотъ бредъ имѣлъ связь съ нашимъ потопленіемъ: въ своихъ сновидѣніяхъ я постоянно видѣлъ моихъ товарищей и разговаривалъ съ ними.

Когда совершилось это происшествіе, мой отецъ и мать съ остальной семьей были въ гостяхъ у дружеской семьи Курышевыхъ. Такъ какъ я вѣчно отсутствовалъ и постоянно рыскалъ въ различныхъ частяхъ города, то и на этотъ разъ мое отсутствіе не представляло ничего особеннаго и на него не обращали никакого вниманія. Извѣстна между тѣмъ та непостижимая быстрота, съ которою разсказъ о всякомъ, сколько нибудь замѣчательномъ происшествіи перелетаетъ съ одного конца на другой и непостижимомъ образомъ мгновенно дѣлается извѣстнымъ въ совершенно противуположныхъ мѣстностяхъ. Такъ точно было и здѣсь. Извѣстіе о нашемъ потопленіи быстро достигло той мѣстности, гдѣ проживали Курышевы и гдѣ находилась моя семья. И въ то время, когда всѣ они мирно распивали чай и вели мирную бесѣду, какая то нянька, кормилица, или ключница, пожилая женщина изъ болѣе солидной прислуги, внезапно врывается въ комнаты съ визгомъ и воемъ, бросается на полъ съ отчаянными движеніями, громкими рыданіями, постоянно взывая: «Господи! утонули! ой батюшки мои! ой матушки родныя! утонули! всѣ утонули»! На посыпавшіяся на нее вопросы: кто утонулъ, когда? рыдающая неудер-

жимо женщина продолжала кричать: «ахъ батюшки! ахъ матушки! сейчасъ утонули! и всѣ утонули! и казначейскій сынокъ тоже утонулъ! ой батюшки, ой матушки»! Нетрудно представить впечатлѣніе, произведенное на мою семью отчаянными воплями этой женщины и содержаніемъ ихъ. Этотъ казначейскій сынъ былъ ихъ сынъ, и потому къ рыданіямъ женщины, принесшей это извѣстіе, мгновенно присоединились рыданія моей матери и сестеръ. Отецъ занялся собраніемъ дополнительныхъ и болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній и такъ какъ въ существѣ своемъ они говорили тоже самое, то онъ тотчасъ ринулся на мѣсто происшествія.

Я говорилъ уже, что отецъ мой былъ строгій человѣкъ. Вся семья его боялась, а я, лично, чуть ли не больше всѣхъ. Мысль о томъ, какъ онъ отнесется къ этому случаю, вообще была для меня тревожною. На мѣстѣ происшествія онъ меня не засталъ, ибо я былъ уже перевезенъ въ квартиру родственниковъ; но не подлежитъ однако ни малѣйшему сомнѣнію, что тамъ ему передали всѣ подробности происшествія, передали, какъ я нѣсколько разъ переходилъ отъ жизни къ смерти, отъ смерти къ жизни, словомъ всевозможныя подробности, которыя должны были его убѣдить, что тутъ съ моей стороны не было ни преступленія, ни проступка, ни даже какой либо особенно дерзкой и безсмысленной шалости, что тутъ было какое-то непостижимое предопредѣленіе судьбы и поэтому всякія мысли и предположенія о строгости надо отложить въ сторону, какъ совершенно неудобопримѣнимыя въ настоящемъ случаѣ, а замѣнить ихъ чувствомъ благодарности къ Богу, спасшему отъ не-

избѣжной гибели любимаго сына. Отъ этого произошло, что въ тотъ моментъ, когда покрытый многими одѣялами и все болѣе укутываемый въ комнатахъ добрыхъ родственниковъ, я все таки продолжалъ по немножку вздрагивать не столько отъ дѣйствительнаго холода, сколько отъ одного воспоминанія о такой продолжительной и неожиданной ваннѣ, которую мнѣ довелось принять и тревожно думалъ о предстоящемъ свиданіи съ отцомъ, отецъ вдругъ входитъ въ комнату, гдѣ я лежалъ.

При первомъ взглядѣ на моего отца можно было тотчасъ понять, что при нашемъ свиданіи никакимъ строгостямъ мѣста и быть не можетъ. Лицо его было чрезвычайно блѣдно и подергивалось тѣми мускульными движеніями, которыя предшествуютъ всегда неудержимымъ рыданіямъ. Глаза были полны слезъ и выражали такую любовь ко мнѣ, такую радость по поводу моего спасенія, что я тоже не могъ не заплакать и мы оба, въ слезахъ, кинулись другъ другу въ объятія. Вслѣдъ затѣмъ, отецъ взялъ меня въ свой экипажъ и увезъ въ свой домъ на Троицкой улицѣ. Съ этого момента домъ нашъ сдѣлался центромъ всеобщаго вниманія, какъ будто заключалъ въ себѣ невиданное чудо. На глаза моихъ почтенныхъ сограждапъ я дѣйствительно былъ чѣмъ то въ родѣ чуда, ибо на самомъ дѣлѣ нельзя не считать чудомъ мальчика, который долженъ былъ утонуть двадцать разъ, однако не утонулъ и, какъ говорится, вышелъ сухъ изъ воды. Толпы постоянно стояли передъ нашими окнами, другія наполняли дворъ; въ комнату, гдѣ я находился, одни посѣтители входили и смѣняли другихъ. Каждому повидимому хотѣлось взглянуть на меня, пощупать меня, поговорить со мною, рас-

просить о тѣхъ или другихъ подробностяхъ, недостаточно выясненныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе посматривали на меня, дѣйствительно, какъ на выходца съ того свѣта и какъ будто ожидали, не скажу ли я чего нибудь о томъ, что подѣлывается на томъ свѣтѣ. Распросамъ семейства Фриксіуса о подвигахъ ихъ погибшаго брата, естественно, и конца не было. Спаситель мой, зарѣчный мѣщанинъ, долго былъ моимъ ежедневнымъ и постояннымъ собесѣдникомъ. Весьма понятно, въ какой сильной степени мнѣ интересно было повѣствованіе его о томъ, какъ я барахтался подъ его глазами въ водѣ и какъ онъ уловлялъ моменты, чтобъ схатить меня за волосы, за ухо, и наконецъ за шиворотъ. Воспоминаніе объ этой личности наполняетъ сердце мое какимъ то горькимъ раскаяніемъ: дѣло въ томъ, что, презирая или даже ненавидя людей не благодарныхъ, людей неспособныхъ цѣнить и помнить добро, имъ сдѣланное, я тѣшилъ себя убѣжденіемъ, что я не изъ числа такихъ людей, что во мнѣ особенно сильно развито чувство благодарности и я не могу забыть ни добра, мнѣ сдѣланнаго, ни личностей, которыми оно сдѣлано. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, явились два грустныя и можно сказать позорныя для меня обстоятельства, совершенно противоположныя этому убѣжденію. Во первыхъ я забылъ, и забылъ совершенно моего спасителя, пензенскаго зарѣчнаго мѣщанина. Потомъ тоже забылъ донского унтер-офицера, выведеннаго мною въ напечатанномъ въ Русскомъ Архивѣ разсказѣ: «Походъ 1859 года». Дѣло въ томъ, что на время этого похода, по званію моему директора походной канцеляріи кавказскаго намѣстника и главнокомандующаго, прикомандирована была

ко мнѣ часть донскихъ казаковъ, человѣкъ въ 12, съ унтер-офицеромъ въ главѣ. Этотъ унтер-офицеръ, человѣкъ очень расторопный, сдѣлался самъ, помимо моей воли, безсмѣннымъ моимъ ординарцомъ и положительно не отставалъ отъ меня ни на минуту. Куда бы я ни летѣлъ, какія бы сумасбродства ни дѣлалъ, этотъ человѣкъ вѣчно былъ при мнѣ и слѣдилъ за моимъ охраненіемъ такъ же неутомимо, какъ слѣдитъ благонадежная нянька за ввѣреннымъ ей ребенкомъ. Въ кавказскихъ горахъ водныхъ пропастей не было, но на каждомъ шагу были другія пропасти и безчисленные случаи сломать себѣ шею, какъ говоритъ Горбуновъ, «въ самомъ лучшемъ видѣ.» Никакихъ катастрофъ, подобныхъ пензенской, тамъ со мною не происходило, но несомнѣнно, я чрезвычайно много обязанъ усердію и личной симпатіи ко мнѣ этого прекраснаго человѣка, оберегавшаго меня на каждомъ шагу всевозможными средствами. Когда я оставилъ походъ, мы разстались съ этимъ казакомъ со слезами. А я забылъ и этого человѣка! Это тѣмъ болѣе непростительно, что я имѣлъ тысячу средствъ потомъ розыскать этихъ людей и также тысячу средствъ выразить имъ свою благодарность, ибо, сравнительно съ ними, людьми незначительными и бѣдными, я былъ и достаточно значителенъ и достаточно богатъ. Какія нибудь сотни рублей для мѣщанина и для казака довольно важны, тогда какъ для меня нисколько не цѣнны. Пусть однако это воспоминаніе и эти укоры моей совѣсти будутъ единственною хорошею чертою моихъ нескладныхъ разсказовъ. Я уже далъ себѣ слово разыскать и мѣщанина и казака, или ихъ семейства и сдѣлать для нихъ то, что доселѣ

такъ постыдно задерживалось русскою лѣнью и безпечностью.

Я говорилъ уже, что половодье въ моей родинѣ обыкновенно сбывало къ Троицыну дню, и что именно въ этотъ Троицынъ день просходило всегда народное гулянье въ Очкиной рощѣ, на рѣкѣ Сурѣ. Со сбытіемъ половодья и осушеніемъ пространствъ, лежащихъ подъ водою, обнаружились въ разныхъ мѣстахъ трупы несчастныхъ, которые во время половодья утонули. Когда наступилъ Троицынъ день, Очкина роща по обыкновенію наполнилась народными массами. Все пѣло, пило и веселилось. Мальчики, всегда и всюду, надѣлены какими то ищейными способностями. Они непремѣнно и постоянно рыщутъ изъ конца въ конецъ, все высматриваютъ, все ощупываютъ, все разнюхиваютъ и прежде всѣхъ открываютъ все замѣчательное.

Такъ точно было и въ этотъ Троицынъ день: мальчики прежде всего замѣтили, на какомъ то песчаномъ откосѣ, признаки труповъ, затянутыхъ пескомъ, полусгнившихъ и значительно изъѣденныхъ. Открытіе ихъ тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ и пошла суматоха. Стали откапывать и откопали два трупа, державшихъ другъ друга въ объятіяхъ. Въ этихъ трупахъ тотчасъ всѣ узнали несчастныхъ Фриксіуса и Зоммера . . . .

